

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 3/2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Социальная психология современной семьи»
Тематический редактор номера А.В. Махнач

Theme of the issue
“Modern Family’s Social Psychology”
Issue editor A.V. Makhnach

2024 г. Том 15. № 3

2024. Vol. 15. No. 3

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

Ф. Зимбардо (США),
В.А. Лабунская (Россия), М. Линч (США),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексруется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНИТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 500 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

P.G. Zimbardo (USA),
V.A. Labunskaya (Russia), M.F. Lynch (USA),
I. Markova (Great Britain),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia),
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

500 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed
in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Махнач А.В.* Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Радина Н.К.* Какая гендерная теория нужна российской социальной психологии 21

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Гуриева С.Д., Юмкина Е.А., Васина Е.А., Кузнецова И.В.*
Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ 38
- Сиддайя А., Ашраф М.Б.* Отношение к браку и воспринимаемый стиль родительского воспитания у студентов колледжа (на английском языке) 60
- Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Мусохранова Е.Г., Азарёнок Н.В.*
Эмоциональные коммуникации в детско-родительских отношениях и жизнеспособность будущей взрослой семьи 72
- Тихомирова Т.Н., Малых С.Б.* Восприятие родительского отношения и общая академическая успеваемость старшеклассников: российско-кыргызское исследование 91
- Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Суханов А.А.* Этнокультурные особенности в представлениях о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи 108
- Котовская С.В., Захарова Н.Л., Беленкова Л.Ю.* Роль семейных взаимосвязей в формировании жизнеспособной и благополучной личности студента с инвалидностью и/или ограниченными возможностями здоровья 126
- Винникова А.Ю., Обидин И.Ю.* Индивидуальные факторы атрибуции вины сторонними наблюдателями в ситуации насилия в отношении женщин 143

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Бриль М.С., Бекренёва Ю.С., Осипенко И.С.* Применение медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов 163

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Борисова А.Ю., Нартова-Бочавер С.К.* Краткая версия Шкалы аутентичности в отношениях: психометрическая проверка в российской культуре 181
- Бочавер А.А., Ахмеджанова Д.Р., Байрамян Р.М., Поливанова К.Н.* Шкала родительского стресса: адаптация на русскоязычной выборке матерей школьников 202

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Базаров Т.Ю., Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М.*
Векторы социальной психологии: опережая время (к 100-летию со дня рождения Галины Михайловны Андреевой) 222

CONTENTS

EDITORIAL

- Makhnach A.V.* Research Trends in Family Psychology:
from Disadvantage to Resilience 5

THEORETICAL RESEARCH

- Radina N.K.* What Gender Theory Does Russian Social Psychology Need 21

EMPIRICAL RESEARCH

- Gurieva S.D., Yumkina E.A., Vasina E.A., Kuznetsova I.V.*
Value Orientations in a Family: a Socio-Psychological Analysis 38
- Siddaiah A., Ashraf M.B.* Attitude Towards Marriage and Perceived
Parenting Style among College-Going Students 60
- Odintsova M.A., Radchikova N.P., Musokhranova E.G., Azaryonok N.V.*
Emotional Communications in Parent-Child Relationships
and the Resilience of the Future Adult Family 72
- Tikhomirova T.N., Malykh S.B.* Perception of Parental Attitudes
and General Academic Achievement of High School Students:
a Russian-Kyrgyz Study 91
- Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbayeva S.B., Laktionova A.I., Sukhanov A.A.*
Ethnocultural Features in the Representations of Family as a Resource
of Resilience among Russian and Buryat Youth 108
- Kotovskaya S.V., Zakharova N.L., Belenkova L.Yu.* The Role of Family
Relations in the Formation of a Resilient and Prosperous Personality
of a Student with Disabilities 126
- Vinnikova A.Y., Obidin I.Y.* Individual Factor of Blame Attribution
in Situations of Violence Against Women 143

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Bril M.S., Bekreneva Yu.S., Osipenko I.S.* The Use of Mediation
in Resolving Interpersonal and Intra-family Conflicts 163

METHODOLOGICAL TOOLS

- Borisova A.Y., Nartova-Bochaver S.K.* A Short Version of the Authenticity
in Relationships Scale: Psychometric Verification in Russian Culture 181
- Bochaver A.A., Akhmedjanova D.R., Bayramyan R.M., Polivanova K.N.*
Activity Parental Stress Scale: Adaptation on the Russian-Speaking
Sample of Schoolchildren's Mothers 202

SCIENTIFIC LIFE

- Bazarov T.Y., Tikhomandritskaya O.A., Dubovskaya E.M.*
Vectors of Social Psychology: Ahead of Time
(to 100th anniversary of Galina Mikhailovna Andreyeva) 222

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности

Махнач А.В.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Специальный выпуск журнала на тему «Социальная психология современной семьи» посвящен исследованиям современной семьи в контексте социально-психологического знания. В номере отражены тенденции, общее состояние и частная проблематика психологии семьи, выделен ряд фундаментальных социально-психологических проблем семьи, которые лежат в основе ее динамического развития в современном обществе, определены дальнейшие перспективы исследований в этой области.

Ключевые слова: психология семьи; жизнеспособность семьи; медицинская модель; социальная модель; тенденции исследований психологии семьи; наукометрия.

Для цитаты: Махнач А.В. Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>

Research Trends in Family Psychology: from Disadvantage to Resilience

Alexander V. Makhnach

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

A special issue of the journal “Social Psychology of the Modern Family” is devoted to the research of the modern family in the context of socio-psychological knowledge. The issue reflects trends, the general state and problems of family psychology, highlights a number of fundamental socio-psychological problems of the family that underlie its dynamic development in modern society, and identifies further research prospects in this area.

Keywords: family psychology; family resilience; medical model; social model; trends in family psychology research; scientometrics.

For citation: Makhnach A.V. Research Trends in Family Psychology: from Disadvantage to Resilience. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 5–20. DOI: [https://doi.org/10.17759/sps.2024150301_\(In Russ.\)](https://doi.org/10.17759/sps.2024150301_(In_Russ.)).

Исследования семьи актуальны были, есть и будут по простой причине — мы все родом из семьи. Она как объект анализа интересна ученым из гуманитарных и социальных наук. Семья как важнейший для человека социальный институт традиционно изучается в социальной психологии. Семью относят к малым социальным группам, поэтому каждый ее член опосредованно включен в социальные процессы изменений не только в рамках своей семьи, но и в обществе в целом. Семья вовлечена во все идущие процессы в обществе, консолидируясь с ним в соответствии со своими культурными нормами, национальным многообразием России. В этой динамике признание роли семьи как важнейшего института социализации, прежде всего для молодого поколения, в формировании и развитии ее жизнеспособности помогает создавать оптимальные условия для решения возникающих в поликультурном обществе проблем.

В Российской Федерации, по последним данным Росстата (2018), 11813143 семей [15]. Почти из 12 миллионов семей только 7,2% составляют семьи, в которых воспитываются трое и более детей, а семей с одним ребенком — большинство: 61,1%. При этом монородительских многодетных семей: с матерями — 3,1%, с отцами — 2,3%. Косвенно об изменениях в лучшую сторону в семейной политике государства свидетельствует снижение показателя «Доля детей в возрасте до 16 (18) лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» с 27,4% в 2015 г. до 19,1% в 2020 г.

[16]. Просматривая статистические данные, мы наблюдаем активные попытки государства влиять на социально-экономическое положение российских семей, оказывая им всемерную поддержку, направленную на увеличение рождаемости и многодетности.

Вместе с тем в научной психологии отмечается несколько иная тенденция: интерес к изучению феноменологии семьи минимален. Об этом говорится в прогнозе развития психологии к 2030 г., сделанном 50-ю экспертами. По их мнению, среди приоритетных и перспективных направлений «психология семьи» занимает весьма скромное положение: активное развитие «семейной и гендерной психологии» в ближайшие годы прогнозируют два эксперта (1% ответов), «семейные отношения» как сферу практического применения психологии выделили три эксперта (1,9%) [4, с. 54]. Подобную тенденцию отмечаем также, в частности, обратив внимание на число статей по психологическим наукам с ключевыми словами «многодетная семья», особенно в сопоставлении их с количеством в других науках (чаще всего в демографии, экономике, юриспруденции) — см. табл. 1.

По приведенным выше данным очевидно, что за десятилетие (2013–2023 гг.) в психологических науках не отмечается роста числа исследований многодетной семьи, несмотря на значительно возросший интерес государства, СМИ, общественных организаций к проблемам такой семьи. Отмечаемое катастрофически малое число исследований феноменологии многодетной семьи определяется, по нашему мнению, рядом причин, в част-

Таблица 1

Число статей по проблематике многодетных семей в разных науках с ключевыми словами «многодетная семья» за 2013–2023 гг. (по базе РИНЦ)

Год	В психологии	В социологии	В других науках
2013	1	9	16
2014	2	6	26
2015	3	11	51
2016	4	17	72
2017	4	18	88
2018	4	15	98
2019	10	34	124
2020	3	27	91
2021	6	34	101
2022	9	17	86
2023	4	21	83
Всего	50	209	836

ности: отсутствием социального заказа науке, сложностью предмета исследования, многоплановостью необходимых измерений и обязательной в этом случае междисциплинарностью исследований. И, возвращаясь к теме статьи, зададимся вопросами: осознается ли учеными необходимость более целенаправленной трансляции широкой аудитории преимуществ многодетной семьи? Нужны ли корректировка социальной политики, деятельности СМИ, социальных институтов, систематическое изучение признаков благополучия и жизнеспособности, а не так называемых «проблем» с негативной коннотацией? Попытки ответить на эти вопросы мы находим в ряде статей данного выпуска журнала.

Еще одна категория семей — замещающая (приемная) — является объектом изучения в психологии. Так же как и многодетных, исследования замещающих семей имеют определенную тенденцию. По приведенным в табл. 2 данным, в 2016–2018 гг. отмечается повышение научного интереса к феноменам замеща-

ющей семьи. Далее — заметное снижение количества публикаций, что совпадает со снижением числа сирот в стране. Вместе с тем мы не имеем права сказать, что проблематика сиротства изучена во всем ее многообразии, в необходимой полноте и по всем аспектам. В стране, по данным Минпросвещения России, по-прежнему катастрофически много сирот ($n = 41958$), при этом число россиян, желающих принять в семью на воспитание сироту, заметно меньше ($n = 36795$). Также важно отметить, что сокращается количество семей, которые, пройдя обучение в школах приемных родителей, взяли на воспитание в семью ребенка: с 2010 по 2023 гг. этот показатель снизился почти в два раза — в 2021 только 34% осуществили свой план. Приведенных цифр достаточно, чтобы согласиться с тем, что исследовательский интерес к проблематике сиротства и замещающего родительства неправомерно и необоснованно, к сожалению, снижается.

Отметим еще несколько тенденций в исследованиях психологии семьи. Опре-

**Число статей по проблематике замещающих/приемных семей за 2013–2023 гг.
(по базе РИНЦ)**

Год	Замещающая семья	Приемная семья
2013	20	32
2014	38	35
2015	57	54
2016	90	68
2017	76	124
2018	88	95
2019	73	90
2020	76	83
2021	70	70
2022	74	88
2023	78	85
Всего	740	824

деленно, научный интерес к этой области заметно трансформируется, и эту динамику в конкретный исторический период легко проследить по изменениям в названиях статей, отражающих, как правило, актуальность проблематики. Нами был проведен контент-анализ названий статей по двум временным периодам (1970–1980 и 1990–2000 гг.), по которым были отмечены отличия в основных понятиях, отражающих научный интерес к тематике психологии семьи. Если в статьях 1970–1980 гг. наиболее частотным словом является «семья», то в 1990–2000 гг. — «неблагополучная семья», в 1970–1980 гг. с понятием «семья» (48,51 ipm) [9] близкими по частности являются слова: «дети» (142,31), «брак» (22,59), «семейное воспитание» (0,1), «патриотическое воспитание» (0,1), а в 1990–2000 гг. «неблагополучная семья» (0,01) как ядерное понятие поддерживается такими словами, как: «девиантное поведение» (0,07), «социальная дезадаптация» (0,01) (см. рисунок).

Таким образом, согласно статьям 1990–2000 годов, основными выводами о состоянии института семьи в России являются следующие: низкая воспитательная функция; утрата влияния на ребенка; передача ответственности за семью другим социальным институтам; отсутствие сохранения и передачи культурных традиций от одного поколения к другому; часто самостоятельное, без помощи общества преодоление собственных проблем; вынужденность действий без внешней поддержки; склонность к чрезмерному употреблению алкоголя (наркотиков); воспитание детей часто является несистемным — от случая к случаю их проблемного поведения.

Обратим внимание на важное основание проводимых в этот временной период исследований: большинство из них осуществляются в русле медицинской модели (нарратива). В работах по психологии семьи почти без труда можно установить, в рамках какой из моделей проводится то или иное исследование: медицинской или социальной. Каждая из них является

Рис. Контент-анализ массива слов из названий статей в исследованиях по психологии семьи в 1970—1980 гг. (слева), словарная база $n = 171$; в 1990—2000 гг. (справа), словарная база $n = 122$ (по статьям, индексированным в РИНЦ): наполнение Word-cloud с 3-м пороговым значением по программе Atlas.ti (версия 9.5.6). В облаке с 3-м пороговым значением отображены слова, которые имеют частоту 3 и выше (количество вхождений слова в лексическую базу)

методологической и мировоззренческой основой исследований, и ученые в своей работе не всегда отдает себе отчет о своей приверженности той или иной модели. В феноменологии психологии семьи окружающая ее среда и сама семья изучаются и описываются «синдромами» и «симптомами» неблагополучия. К сожалению, до настоящего времени сборники статей с типичными названиями «Актуальные вопросы/направления...», «Эффективные практики...» по-прежнему наполнены статьями преимущественно о неблагополучной семье.

Р. Лэнг описал применение медицинской модели в книге «Политика семьи и другие эссе» [23], одной из первых написанных в русле движения антипсихиатрии. В ней он представил идею социального конструирования и разработки основ новой психиатрии в приложении к проблемам семьи с психически больным членом. Его работа на многие десятилетия стала методической основой для практиков, определяющей выбор процедур, методик в обучении врачей, а для ученых — психологической установкой или нарративом в проводимых ими исследованиях. «Медицинская модель представляет собой подход к индивиду, семье в целом (к физическому страда-

нию, психическому заболеванию, социальному неблагополучию), описывает процессы в человеке (семье, обществе) как симптомы и синдромы, как необходимое лечение тела индивида (семьи в целом, общества). Посредством исследований, литературы, СМИ, доминирующих в обществе патерналистских установок эта модель усиливает и интернализирует негативное самовосприятие индивида, семьи и не способствует их развитию» [7, с. 67—68]. Очевидно, что во многих исследованиях медицинская модель сосуществует с социальной, и специалисты и ученые работают в междисциплинарном поле их научных и практических интересов. Но постоянная критика медицинской модели в медицинских и социальных науках указывает на сохранение противоречий между двумя моделями, что является результатом фундаментальных и вместе с тем — ценностных разногласий в научной среде [21; 22].

Отметим тенденцию: в полном соответствии с профессиональной установкой семья в медицинской модели исследований анализируется как: асоциальная, виктимогенная, девиантная, деструктивная, дисфункциональная, конфликтная, кризисная, маргинальная, неблагополучная, неполноценная, неуспешная,

нарциссическая, проблемная, социально опасная, социально дезадаптированная, в кризисном состоянии, в социально опасном положении и т.п. Общеизвестно, что при лечении соматических и психических болезней врачи традиционно делают акцент на соматическом лечении, недооценивая важность психологических, семейных и социальных проблем пациента. В исследовании подчеркивается, что внимание к психосоциальным потребностям не только отдельных пациентов, но и их семей имеет решающее значение для эффективности оказываемой помощи [30]. Семейные терапевты все чаще отходят от медицинской модели и ее фокуса на лечении физиологических симптомов пациентов [28].

Благодаря такому ракурсу изучения акцент в исследовании делается на том, как и почему семья воспроизводит так называемый «круг неблагополучия», повторяя из поколения в поколение характерное поведение между членами семьи, нормы и правила неблагополучного социального взаимодействия. И этот ракурс исследований дает много важной информации для понимания механизмов формирования неблагополучия, но не раскрывает те механизмы, навыки, привычки и т.п., которые позволяют семье сохраняться, воспитывать детей, а родителям — выполнять свои обязанности. Уникальность этих феноменов привлекла в психологию семьи ученых, для которых стало важнее не изучение причин неблагополучия, а тех ее характеристик, которые дают возможность семье оставаться семьей. И анализ этой феноменологии стал проводиться в русле социальной модели в изучении психологии семьи.

Фундаментальным понятием социальной модели (модели здоровья), появившейся как ответ на сегрегацию людей с особыми нуждами, является ра-

венство всех: людей с особыми нуждами и обычных людей. В. О'Лири писал: «Психологи недавно пришли к мысли о необходимости отказа от исследований в рамках моделей уязвимости/дефицита человека и сосредоточились на изучении моделей позитивных приобретений человека, вышедшего из сложной жизненной ситуации с важным для его дальнейшего развития опытом» [26, с. 426]. Теоретические предпосылки такого нарратива «связаны с эпохой постмодернизма, с активным проникновением околонучных, эзотерических, метафизических учений и понятий, а также с их использованием учеными при работе с глубинными человеческими проблемами. Об этой тенденции говорят возросшие частоты использования терминов: спиритуальный, духовность, трансцендентный, счастье» [12, с. 103]. В работах, базирующихся на социальной модели, в психологии семьи среди пристатейных ключевых слов появляются понятия: надежда, счастье, потенциал, ресурсы, жизнестойкость, жизнеспособность. Отношения внутри семьи складываются из: широкого круга социальных контактов; понимания ее сильных сторон; умения членом семьи использовать механизмы преодоления; понимания смысла жизни, убеждений и установок, субъект-субъектного взаимодействия. Субъект-субъектные отношения внутри семьи и с окружающей социальной средой усиливают желание жить полноценной жизнью, что можно сравнить с определением жизнеспособности: «хорошо жить, хорошо работать, хорошо любить, ожидать хорошего» [20, с. 73].

В 2003 году мы предложили и обосновали перевод для англоязычного термина «resilience» как «жизнеспособность». За двадцать лет понятие «жизнеспособность человека» стало в российской

психологической науке общепринятым. Хотя еще недавно исследователи изучали только отдельные аспекты жизнеспособности, преимущественно в психологии развития. Переход к признанию жизнеспособности человека как динамической характеристики, развивающейся в социальном контексте индивидуального развития, окончательно произошел в конце 20 столетия [19; 24].

Изучение компонентов и характеристик жизнеспособности человека закономерно привело к появлению нового концепта «жизнеспособность семьи», но рост числа работ в зарубежной психологии с начала 2000-х гг. по изучению этого феномена не спровоцировал в России заметного интереса психологов к исследованию этого понятия в рамках социальной модели. Однако в настоящее время в работах по психологии семьи все же происходит формирование множества понятий, сопровождающееся появлением позитивных определений семьи: дружная, крепкая, благополучная и др. В понятийном поле, описывающем психологические особенности семьи, научный словарь еще не оформился, и он создается. Поэтому эти определения взаимодействуют из бытового языка, что и отражает актуальное состояние науки о психологии семьи. С началом разработки концепта «жизнеспособность человека» особое внимание в исследованиях к «неблагополучию» не исчезло полностью, но интерес ученых сместился на подростка (молодого человека), проявляющего свою жизнеспособность, несмотря на сложный или неблагоприятный семейный контекст.

В психологии семьи также на смену парадигме, основанной на семейной патологии, приходит другая, в которой делается акцент на компетентности и сильных сторонах семьи, ее ресурсах

[29]. Этот переход также связан с социальной моделью, и теперь жизнеспособность семьи — это не семейная система с нарушениями, а система, находящаяся под воздействием стрессов, способных оказать на нее существенное негативное влияние. В таком случае семья не является ни здоровой, ни дисфункциональной, она просто адаптируется к внутренним и внешним стрессорам. Произошел переход от предопределенности структурного развития вследствие какого-то неблагоприятного исхода семьи к процессам успешного совладания с негативными внешними и внутренними влияниями внутри семьи и вокруг нее.

Такая тенденция в исследованиях обозначила отход от структурного взгляда на семью с описанием причинно-следственных связей между семьей и негативными событиями, явлениями, предопределяющими дефицит и/или минимизацию воздействий стрессов. И это стало заметным явлением в психологии, обратившейся к изучению ресурсов семьи. Структуры семьи, которые раньше признавались дефицитарными, стали рассматриваться как способные формировать и поддерживать здоровый паттерн взаимодействия в семье. Такие семьи могут быть нацелены на поддержку здорового развития как самой семьи, так и каждого ее члена.

В изучении жизнеспособности социально-психологические (личность) и социальные (семья) объекты анализа стали рассматриваться как субъекты: самоорганизующиеся и воспроизводящие себя в качестве инварианта в условиях обмена с окружающей средой и информацией; способные к саморазвитию. В связи с такими представлениями о научной парадигме жизнеспособность семьи относим к эпистемологическим терминам, при этом обратим внимание на законо-

мерность появления нового для отечественной психологии понятия. «Сложность и разнообразие терминов привели к поиску новых стратегий исследований, где переплетение различных сфер жизни сопровождается пронизаемостью дисциплинарных границ» [3].

Понятие «жизнеспособность семьи» появилось в работах российских авторов немного позже зарубежных [5; 8; 10]. Введение в научный оборот отечественной психологии этого понятия считаем знаковым явлением. Основываясь на социальной модели в рамках позитивной психологии, исследователи отмечают, что жизнеспособность может стать системообразующим фактором и одновременно процессуальной характеристикой функционирования и адаптации семьи как системы, позволяя ей адаптироваться к трудным жизненным ситуациям с выходом на следующий уровень развития.

Исторические корни изучения жизнеспособности семьи в постоянной эволюции и трансформации методологических исследовательских парадигм и теорий позволили рассматривать этот феномен в самом широком контексте. Прежде всего, важным элементом в большинстве работ по жизнеспособности семьи стало выделение роли культуры в анализе жизни человека в русле антропологического поворота К. Ранера [13] как способа переосмысления, обновления в гуманитарных и социальных науках. Детальный анализ экологических аспектов жизнедеятельности человека и его семьи позволяет исследователям выделить значимость культуры в оценках изучаемого понятия [27]. В работах по анализу феноменов жизнеспособности семьи также должен учитываться тот факт, что различия в культурном контексте могут провоцировать разные факторы стресса, приводящие к неблагоприятию семьи,

но вместе с тем семья может обращаться к специфическим для ее культуры факторам защиты [18]. Поэтому во многих работах семья рассматривается как одновременно и универсальный, и культурно специфичный фактор жизнеспособности. Вклад этнической, национальной культуры является «источником стабильности и поддержки, способом борьбы с проблемами повседневной жизни» [25, с. 32].

Ответим на вопрос: почему именно в настоящее время стали возможными исследования жизнеспособности семьи? Этому способствовало появление в социальных и гуманитарных науках новых категорий, являющихся ключевыми в системных описаниях сложных социальных феноменов — согласно теоретикам науки Л. фон Бергаланфи [1], А.А. Богданову [2], В.С. Стёпину [14] и др. Новые теоретические изыскания и эмпирические данные об адаптации, совладании с трудными жизненными ситуациями раскрывают разнообразие индивидуальных и семейных ресурсов человека в неблагоприятных условиях жизнедеятельности. Из-за появления большего интереса у исследователей разных специальностей к семье анализ взаимосвязей между различными сферами, оказывающими на нее влияние, сопровождается расширением междисциплинарных границ исследований. Это, в свою очередь, расширяет число ученых из смежных отраслей знания и увеличивает массивы эмпирических данных. Появление метааналитических работ также дает более широкое вхождение новых методологий в исследовательское поле психологии семьи, расширяя изучение ее проблематики с разных ракурсов и в различных контекстах.

При всем внимании российских исследователей к жизнеспособности семьи отмечаем невысокий интерес к анализу

феноменов и разработке научных концепций жизнеспособности семьи. В итоге число работ по жизнеспособности семьи в отечественной психологии незначительно (см. табл. 3), в то же время в зарубежной психологии наблюдается заметный рост публикаций: почти в четыре раза с 2017 по 2021 гг.

Среди причин таких различий по числу проведенных исследований российскими и зарубежными психологами отметим следующие:

- большинство методов диагностики семьи созданы в 20 в. при адаптации зарубежных методик, часто не всегда проведена полноценная процедура психометрической работы с методикой;

- сбор эмпирических данных затруднен из-за разнообразия предметов исследования и вероятностного влияния множества внутренних и внешних переменных на семью;

- сложность разработки дизайна эмпирического исследования;

- вероятностная изменчивость переменных вследствие влияния внешних и внутренних факторов;

- редко используются качественные и смешанные методы сбора и анализа эмпирических данных;

- разнообразие и постоянная трансформация форм семей;

- число субъектов в семье может сильно изменяться во времени, что усложняет проведение лонгитюдов.

На наш взгляд, критерием жизнеспособности семьи является социальное благополучие в условиях неопределенности. Таким образом, изучение положительных характеристик, социального окружения, в частности, потенциала семьи, позволяет нам охватить ее разнообразие. При этом операционализация понятия «жизнеспособность семьи» может происходить в периоды устойчивой траектории ее здорового функционирования на протяжении длительного времени.

Интересна динамика количества исследований жизнеспособности в журналах, индексируемых в Web of Science. Цифры отражают «освоение» концепта «жизнеспособность» в психологии и педагогике — упоминание термина «жизнеспособность» в названии статьи/ключевых словах за почти 30 лет возросло в 120 раз: в 1993 г. — 60 статей, в 2013 г. — около 800, в 2020 г. — около 5600, 2022 г. — около 7200.

В России в журнале «Институт психологии Российской академии наук. Ор-

Таблица 3

Количество статей российских и зарубежных исследователей по жизнеспособности семьи в психологии и других науках, индексируемых в Mendeley

Год	Жизнеспособность семьи в статьях по психологии		Жизнеспособность семьи в статьях по другим наукам	
	В мире	В России	В мире	В России
2017	1411	4	16696	198
2018	2202	6	21312	180
2019	2240	6	22068	169
2020	3154	1	28770	199
2021	4274	8	33327	221

ганизационная психология и психология труда» в разделе «Проблемы адаптации, жизнеспособности и развития человека» постоянно публикуются статьи, посвященные изучению этой тематики в контексте социальной, возрастной и психологии труда [6].

В зарубежной психологии ситуация значительно лучше с публикациями результатов исследований в специализирующихся на тематике жизнеспособности журналах, прежде всего в социальных и гуманитарных науках. Их несколько и все они издаются в известных издательствах: «Adversity and Resilience Science», «Anthropocene Science. An International Journal for Addressing Human Impact on the Resilience of the Planet Earth» (Springer); «Resilience: International Policies, Practices and Discourses» (Taylor & Francis); «Climate Resilience and Sustainability» (Wiley); «Journal of Infrastructure Intelligence and Resilience и Resilient Cities and Structures» (Elsevier).

Современные исследования жизнеспособности семьи в России осуществляются в нескольких направлениях: изучаются семьи с детьми с особыми потребностями, старшим поколением семьи; семьи военнослужащих, мигрантов, замещающие семьи. Наиболее важными для расширения предметного поля исследований жизнеспособности семьи являются работы, в которых этот феномен анализируется как системное образование.

Кратко опишем содержание тематического выпуска журнала. В нем направление изучения жизнеспособности семей с детьми с особыми потребностями представлено статьей *С.В. Котовской, Н.Л. Захаровой и Л.Ю. Беленковой*, в которой обсуждена роль семейных взаимосвязей в формировании жизнеспособности и благополучия студента с инвалидностью и/или ограниченными возможностями

здоровья в зависимости от степени поддержки семьи и наличия тесных семейных связей. Результаты проведенного исследования особенно ценны для семей с больным ребенком и отражают современные тенденции в изучении особенностей семьи с ребенком с особыми потребностями в зарубежной психологии [11]. Таким семьям необходимо преодолевать сложившуюся ситуацию с привлечением психологических ресурсов семьи, опираясь на ее жизнеспособность [17].

В статье *С.Д. Гуриевой, Е.А. Юмкиной, Е.А. Васиной, И.В. Кузнецовой* в рамках сложного, но интересного дизайна эмпирического исследования был проведен социально-психологический анализ ценностных ориентаций в трех подсистемах современной семьи (супружеской, родительско-детской, сиблинговой). Авторы показали, что в семейных парах отражаются представления о разделении супружеских ролей: мужчины больше ценят независимость и самоутверждение, а женщины — межличностные отношения. Различия у молодежи и респондентов с сиблингами — актуальные (ответы за себя) и рефлексивные (молодежь отвечала за маму, а респонденты за своего сиблинга) — свидетельствуют об избирательной межпоколенной ответственности ценностных ориентаций в семье. При этом при сравнении данных по трем поколениям обнаружилось, что диады матерей и дочерей ближе друг к другу по ценностным профилям, чем бабушек и внуков; более всего схожи друг с другом диады женщин старшего и среднего поколений.

Статья *А.Ю. Винниковой и И.Ю. Обидина* представляет новый аспект в изучении домашнего насилия: индивидуально-психологические особенности и социально-демографические характеристики сторонних наблюдателей, ко-

торые выбирают различные стратегии обвинения одной из сторон в ситуации насилия. Большая вероятность обвинения жертвы, по мнению авторов, связана с большей верой в справедливость мира, большей уверенностью стороннего наблюдателя в том, что регулятором достижений и успехов является он сам. В работе представлены и обсуждены различия по социально-психологическим характеристикам сторонних наблюдателей, имеющих профессиональный, волонтерский или учебный опыт взаимодействия с жертвой насилия, а также респондентов, проживающих в мегаполисах. Авторами делается вывод о необходимости использования полученных данных при планировании и разработке программ профилактики обвинения жертв насилия.

В четырех статьях этого выпуска представлены результаты изучения кросс-культурного контекста в психологии семьи. В статье *Т.Н. Тихомировой и С.Б. Малых* оценивались восприятие родительского отношения и общая академическая успеваемость старшеклассников в двух выборках — российской и кыргызской. В исследовании отмечено, что в старшем школьном возрасте восприятие родительского отношения имеет культурно-специфичную обусловленность, наиболее ярко выраженную при восприятии эмоционального принятия матерью и гиперопекающего отношения отца. В статье *М.А. Одинцовой, Н.П. Радчиковой, Е.Г. Мусохрановой и Н.В. Азарёнок* описаны культурные отличия во влиянии семейного перфекционизма и элиминирования эмоций на жизнеспособность семей взрослых в контексте белорусской и русской культуры. В исследовании показано, что критичная атмосфера в родительских семьях, высокая интенсивность неблагоприятного события в семьях взрослых белорусов,

сверхвключенность в родительских семьях россиян способствуют снижению жизнеспособности семей. Также в статье *А.В. Махнач, Н.М. Сараевой, С.Б. Дагбаевой, А.И. Лактионовой и А.А. Суханова* приведены данные о восприятии семьи как ресурса жизнеспособности русской и бурятской молодежи. Представления о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи имеют этнокультурные особенности. Они определяются принадлежностью бурят к более коллективистской культуре и более индивидуалистической культуре — русских. Русская молодежь воспринимает семью как ресурс жизнеспособности, направленный на укрепление у них возможности самостоятельно справляться с трудностями и формирование «Я»-идентичности. У бурятской молодежи семья как ресурс жизнеспособности укрепляет у них позицию «мы», способствующую развитию «Мы»-идентичности. Об особенностях отношения к браку студентов в индийской культуре говорится в статье *А. Сиддайя и М.Б. Ашраф*. Авторами представлены результаты исследования гендерных различий в отношении к браку и их связь с воспринимаемыми стилями родительского воспитания у студентов г. Бангалора (Индия). Было отмечено, что, с одной стороны, в семьях с авторитарным стилем воспитания у студентов может формироваться положительное отношение к браку (строгие традиции, религиозные правила и др.), с другой — студенты, негативно относящиеся к браку, часто тоже из семей с авторитарным стилем воспитания. Наиболее интересный вывод состоит в том, что необходимо доносить до родителей информацию о негативном влиянии авторитарного стиля воспитания на отношение к браку и последующую семейную жизнь молодых людей.

Эмпирические исследования опираются на разработанные оригинальные авторские или адаптированные на русском языке методики иностранных авторов. В выпуске две статьи посвящены методикам психологического обследования семьи. *А.А. Бочавер, Д.Р. Ахмеджанова, Р.М. Байрамян и К.Н. Поливанова* представили адаптированную на русскоязычной выборке матерей школьников методику «Шкала родительского стресса». Показано, что шкала демонстрирует хорошие психометрические показатели и может использоваться для исследований родительства. *А.Ю. Борисова, С.К. Нартова-Бочавер* представили краткую версию теста «Шкала аутентичности в отношениях» с результатами психометрической проверки в российской культуре. Шкала оказалась применима только к контексту романтических отношений, для других контекстов модель, лежащая в основе создания шкалы, не подтвердилась.

Среди практико-ориентированных работ представим исследование *М.С. Бриля, Ю.С. Бекренёвой и И.С. Осипенко* о применении социально ориентированной технологии работы с населением — медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов. Авторы приходят к выводу, что необходимы увеличение числа встреч по каждому случаю, профилактика профессионального выгорания медиаторов и информирование населения о данной технологии. Завершить наш обзор публикуемых статей хотелось теоретической работой *Н.К. Радиной*, открывающей

специальный выпуск. В ней автор проблематизирует теоретическое поле гендерных исследований и понятие «гендер» с определением теоретических подходов отечественных психологов к гендерной социальной психологии. В качестве релевантных современным проблемам она называет культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, теорию отношений В.Н. Мясищева.

Редакция журнала и авторы исследований, представленных в выпуске «Социальная психология современной семьи», выражают уверенность в том, что изучение феноменологии семьи в рамках социальной психологии и ряда ее направлений будет продолжено не только авторами выпуска, но и заинтересованными учеными и практиками. Тема психологии семьи настолько обширна и, к сожалению, изучена крайне фрагментарно, поэтому еще так много направлений в социальной психологии, которые ждут своего исследователя. К примеру, тема жизнеспособности семьи уже привлекла многих исследователей, однако позитивному дискурсу психологии семьи еще нелегко прокладывать себе дорогу. Социальная модель в изучении семьи подчеркивает ресурсность семьи, умение каждого члена семьи обратиться к своим сильным сторонам и в своем окружении — с использованием всех существующих ресурсов. Надеемся, что выпуск будет полезным для специалистов — психологов, психотерапевтов, педагогов, социологов и педагогов.

Литература

1. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
2. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. Т. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

3. *Гусельцева М.С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.
4. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
5. *Курфтяк Е.В.* Совладающее поведение супругов в контексте устойчивости семьи // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 1(78). С. 154–164.
6. *Лактионова А.И.* Проблематика жизнеспособности в публикациях журнала «Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда»: профессиональные, социальные и индивидуальные аспекты // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 4. С. 4–29.
7. *Махнач А.В.* Модель позитивной социализации человека через призму его жизнеспособности // У истоков развития. Сборник научных статей / Ред.: Л.Ф. Обухова, И.А. Когляр (Корепанова). М.: МГППУ, 2013. С. 67–81.
8. *Махнач А.В., Постылякова Ю.В.* Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 529–550.
9. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.09.2024).
10. *Нестерова А.А.* Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2. / Под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 265–273.
11. *Одинцова М.А., Гусарова Е.С., Аймонтас Б.Б.* Жизнеспособность семьи в стрессогенных ситуациях инвалидности в зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 29–38. DOI:10.17759/jmfp.2020090109
12. *Потёмкин С.Б., Хасин Л.А., Хасина П.Л., Щедрина Е.В.* Анализ тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты использования психологических терминов // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 95–103.
13. *Ранер К.* Введение в христианское богословие. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2006. 633 с.
14. *Стёпин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
15. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-18.xlsx> (дата обращения: 12.05.2024).
16. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SMD_1.3.xlsx (дата обращения: 12.05.2024).
17. *Щелокова Е.Г.* Сравнительный анализ достижений в речевом развитии детей раннего возраста с типом отношения к родительству у их матерей // Аняневские чтения – 2021. Матлы междунар. науч. конф. / Под ред. А.В. Шаболтас. СПб., 2021. С. 402–403.
18. *Blessin M., Lehmann S., Kunzler A.M., van Dick R., Lieb K.* Resilience interventions conducted in Western and Eastern countries – a systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19(11). Art. 6913. DOI:10.3390/IJERPH19116913
19. *DeHaan L.G., Hawley D.R., Deal J.E.* Operationalizing family resilience: a methodological strategy // The American Journal of Family Therapy. 2002. Vol. 30. P. 275–291. DOI:10.1080/01926180290033439
20. *Garmezy N.* Stressors of childhood // Stress, Coping, and Development in Children / N. Garmezy, M. Rutter (Eds.). New York: McGraw-Hill, 1983. P. 43–84.
21. *Hazell C.M., Fixsen A., Berry C.* Is it time to change the approach of mental health stigma campaigns? An experimental investigation of the effect of campaign wording on stigma and

- help-seeking intentions // PLoS One. 2022. Vol. 17(8). e0273254. DOI:10.1371/journal.pone.0273254
22. Huda A.S. The medical model and its application in mental health // International Review of Psychiatry. 2021. Vol. 33(5). P. 463–470. DOI:10.1080/09540261.2020.1845125
23. Laing R.D. The politics of the family and other essays. L.: Tavistock Publ., 1971. 144 p.
24. Luthar S.S., Cicchetti D. The construct of resilience: Implications for interventions and social policies // Development and Psychopathology. 2000. Vol. 12(4). P. 857–885. DOI:10.1017/s0954579400004156
25. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people // Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. P. 27–44. DOI:10.4135/9781412976312
26. O'Leary V. Strength in the face of adversity: individual and social thriving // Journal of Social Issues. 1998. Vol. 54(2). P. 425–446. DOI:10.1111/j.1540-4560.1998.tb01228.x
27. Panter Brick C. Energizing partnerships in research to policy projects // American Anthropologist. 2022. Vol. 124(4). P. 751–766. DOI:10.1111/AMAN.13776
28. Signs T.L., Woods S.B. Linking family and intimate partner relationships to chronic pain: an application of the biobehavioral family model // Families, Systems, & Health. 2020. Vol. 38. P. 38–50. DOI:10.1037/fsh0000459
29. Walsh F. The concept of family resilience: crisis and challenge // Family Process. 1996. Vol. 35(3). P. 261–281. DOI:10.1111/j.1545-5300.1996.00261.x
30. Wood B.L., Woods S.B., Sengupta S., Nair T. The Biobehavioral Family Model: An evidence-based approach to biopsychosocial research, residency training, and patient care // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. Art. 725045. DOI:10.3389/fpsy.2021.725045

References

1. Bertalanffy L. von. Obschaya teoriya sistem – kriticheskiy obzor [General Systems Theory – a Critical Review]. In V.N. Sadovsky, E.G. Yudin (Eds.). *Issledovaniya po obshchey teorii sistem: Sbornik perevodov [Studies in General Systems Theory: A Collection of Translations]*. Moscow: Progress, 1969, pp. 23–82. (In Russ.).
2. Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshchaya Organizatsionnaya Nauka [Tectology: General Organizational Science]. Vol. 1. Moscow: Ekonomika, 1989. 304 p. (In Russ.).
3. Gusel'tseva M.S. Printsip razvitiya v psikhologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transdistsiplinarnosti [The principle of development in psychology: challenges of polyparadigmality and transdisciplinarity]. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko (Eds.). *Printsip razvitiya v sovremennoy psikhologii [The principle of development in modern psychology]*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2016, pp. 31–51. (In Russ.).
4. Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Yurevich A.V. Prognoz razvitiya psikhologicheskoy nauki i praktiki k 2030 godu [Forecast of the development of psychological science and practice by 2030]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2016. Vol. 37, no. 5, pp. 45–64. (In Russ.).
5. Kuftyak E.V. Sovladayushcheye povedeniye suprugov v kontekste ustoychivosti sem'i [Coping behavior of spouses in the context of family stability]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda = Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*, 2015, no. 1(78), pp. 154–164. (In Russ.).
6. Laktionova A.I. Problematika zhiznesposobnosti v publikatsiyah zhurnala «Institut psikhologii rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda»: professional'nye, social'nye i individual'nye aspekty [The issue of resilience in the publications of the journal Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology: Professional, Social, and Individual Aspects]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian*

- Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work*, 2019. Vol. 4(4), pp. 4–29. (In Russ.).
7. Makhnach A.V. Model' pozitivnoy sotsializatsii cheloveka cherez prizmu yego zhiznesposobnosti [Model of positive socialization of a person through the prism of his resilience]. In L.F. Obukhova, I.A. Kotlyar (Korepanova) (Eds.). *U istokov razvitiya. Sbornik nauchnykh statey* [At the origins of development. Collection of scientific articles]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, 2013, pp. 67–81. (In Russ.).
 8. Makhnach A.V., Postilyakova Yu.V. Zhiznesposobnost' sem'i: psikhologicheskiye resursy kak zashchitnyy faktor sem'i [Family resilience: psychological resources as a protective factor of the family]. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko (Eds.). *Psikhologicheskiye problemy sovremennoy rossiyского obshchestva* [Psychological problems of modern Russian society]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2012, pp. 529–550. (In Russ.).
 9. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] [National Corpus of the Russian Language]. URL: ruscorpora.ru (Accessed 10.09.2024). (In Russ.).
 10. Nesterova A.A. Zhiznesposobnost' roditel'ey, vospityvayushchikh rebenka s autizmom [Resilience of parents raising a child with autism]. In A.V. Makhnach, K.B. Zuev (Eds.). *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoy Rossii. Vyp. 2* [Family, marriage and parenting in modern Russia. Issue 2]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2015, pp. 265–273. (In Russ.).
 11. Odintsova M.A., Gusarova E.S., Aismontas B.B. Zhiznesposobnost' sem'i v stressogennykh situatsiyakh invalidnosti v zarubezhnykh issledovaniyakh [Resilience of the family in stressful situations of disability in foreign studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 29–38. DOI:10.17759/jmfp.2020090109 (In Russ.).
 12. Potemkin S.B., Khasin L.A., Khasina P.L., Shchedrina E.V. Analiz tendentsiy razvitiya psikhologii na osnove vyyavleniya dinamiki chastoty ispol'zovaniya psikhologicheskikh terminov [Analysis of trends in the development of psychology based on identifying the dynamics of the frequency of use of psychological terms]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 2015, no. 6, pp. 95–103. (In Russ.).
 13. Rahner K. Vvedeniye v khristianskoye bogosloviye. [Introduction to Christian Theology]. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy in-t sv. apostola Andrey, 2006. 633 p. (In Russ.).
 14. Stepin V.S. Samorazvivayushchiyesya sistemy i postneklassicheskaya ratsional'nost' [Self-developing systems and post-nonclassical rationality]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2003, no. 8, pp. 5–17. (In Russ.).
 15. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Elektronnyi resurs] [Federal State Statistics Service]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-18.xlsx> (Accessed 12.05.2024). (In Russ.).
 16. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Elektronnyi resurs] [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SMD_1.3.xlsx (Accessed 12.05.2024). (In Russ.).
 17. Shchelokova E.G. Sravnitel'nyy analiz dostizheniy v rechevom razvitii detey rannego vozrasta s tipom otnosheniya k roditel'stvu u ikh mater'ey [Comparative analysis of achievements in the speech development of young children with the type of attitude towards parenting in their mothers]. In A.V. Shaboltas (Eds.). *Anan'yevskiy chteniya – 2021. Mat-ly mezhdunar. nauch. konf.* [Ananievskie readings – 2021. Proc. internal scientific conf.]. Sankt-Petersburg: 2021, pp. 402–403. (In Russ.).
 18. Blessin M., Lehmann S., Kunzler A.M., van Dick R., Lieb K. Resilience interventions conducted in Western and Eastern countries – a systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19(11). Art. 6913. DOI:10.3390/IJERPH19116913
 19. DeHaan L.G., Hawley D.R., Deal J.E. Operationalizing family resilience: a methodological strategy. *The American Journal of Family Therapy*, 2002. Vol. 30, pp. 275–291. DOI:10.1080/01926180290033439
 20. Garmezy N. Stressors of childhood. *Stress, Coping, and Development in Children*. In: N. Garmezy, M. Rutter (Eds.). New York: McGraw-Hill, 1983, pp. 43–84.

21. Hazell C.M., Fixsen A., Berry C. Is it time to change the approach of mental health stigma campaigns? An experimental investigation of the effect of campaign wording on stigma and help-seeking intentions. *PLoS One*, 2022. Vol. 17(8), e0273254. DOI:10.1371/journal.pone.0273254
22. Huda A.S. The medical model and its application in mental health. *International Review of Psychiatry*, 2021. Vol. 33(5), pp. 463–470. DOI:10.1080/09540261.2020.1845125
23. Laing R.D. The politics of the family and other essays. L.: Tavistock Publ., 1971. 144 p.
24. Luthar S.S., Cicchetti D. The construct of resilience: Implications for interventions and social policies. *Development and Psychopathology*, 2000. Vol. 12(4), pp. 857–885. DOI:10.1017/s0954579400004156
25. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people. *Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts*. In: M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage Publications, 2005, pp. 27–44. DOI:10.4135/9781412976312
26. O’Leary V. Strength in the face of adversity: individual and social thriving. *Journal of Social Issues*, 1998. Vol. 54(2), pp. 425–446. DOI:10.1111/j.1540-4560.1998.tb01228.x
27. Panter Brick C. Energizing partnerships in research to policy projects. *American Anthropologist*, 2022. Vol. 124(4), pp. 751–766. DOI:10.1111/AMAN.13776
28. Signs T.L., Woods S.B. Linking family and intimate partner relationships to chronic pain: an application of the biobehavioral family model. *Families, Systems, & Health*, 2020. Vol. 38, pp. 38–50. DOI:10.1037/fsh0000459
29. Walsh F. The concept of family resilience: crisis and challenge. *Family Process*, 1996. Vol. 35(3), pp. 261–281. DOI:10.1111/j.1545-5300.1996.00261.x
30. Wood B.L., Woods S.B., Sengupta S., Nair T. The Biobehavioral Family Model: An evidence-based approach to biopsychosocial research, residency training, and patient care. *Frontiers in Psychiatry*, 2021. Vol. 12. Art. 725045. DOI:10.3389/fpsy.2021.725045

Информация об авторах

Махнач Александр Валентинович, доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Information about the authors

Alexander V. Makhnach, Doctor of Psychology, Deputy Director for Science, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Получена 23.09.2024

Received 23.09.2024

Принята в печать 26.09.2024

Accepted 26.09.2024

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Какая гендерная теория нужна российской социальной психологии

Радина Н.К.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru**

Цель. В статье проблематизируются теоретическое поле гендерных исследований и понятие «гендер», которые в настоящее время оказались уязвимыми в социально-политическом контексте. Цель статьи — определить круг теорий отечественных психологов, способных решать злободневные вопросы в области гендерной социальной психологии вне конфликтного с политической точки зрения дискурса.

Контекст и актуальность. Согласно политической теории, психологическое знание может стать ориентиром для политической практики, эту область политологии называют биополитикой. Конструктивистское теоретическое поле гендерных исследований относится к полю биополитики, в западной гендерной теории допускается деконструкция гендера не только как социального феномена, но также — смена биологического пола. Более того, возможность деконструкции гендера и пола в настоящее время определяет политическая практика, а не психологические или психиатрические показания. Использование западной гендерной теории и понятия «гендер» в политических конфликтах подталкивает российскую социальную психологию к поиску теории, основанной на концепциях российских психологов, ориентированных на анализ социально-психологической реальности гендерных отношений.

Результаты. В статье подчеркивается невозможность обратного движения науки, а выбор полоролевого подхода в исследованиях называется устаревшим, не отвечающим на запросы современности. В качестве продуктивных и адекватных современным проблемам называются три теории: культурно-историческая теория Л.С. Выготского, субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, теория отношений В.Н. Мясищева. Более подробно анализируется концепция гендерных отношений И.С. Клециной, одна из популярных современных концепций о гендере в российской психологии.

Основные выводы. Гендерная психология — новая отрасль социальной психологии, оказавшаяся уязвимой перед политическими инициативами в период социально-политической нестабильности. Поиск новых теоретических конструктов и просветительская активность психологов в биополитическом поле помогут гендерной психологии преодолеть кризисный период.

Ключевые слова: гендер; гендерный подход; биополитика; гендерная социализация; культурно-историческая теория Л.С. Выготского; субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна; теория отношений В.Н. Мясищева.

Для цитаты: Радина Н.К. Какая гендерная теория нужна российской социальной психологии // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150302>

What Gender Theory Does Russian Social Psychology Need

Nadezhda K. Radina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University,
Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Objective. *The article problematizes the theoretical field of gender studies and the concept of “gender”, which are currently vulnerable in the socio-political context. The aim of the article is to determine the range of theories of Russian psychologists capable of solving topical issues in the field of gender social psychology outside of a politically conflicting discourse.*

Background. *According to political theory, psychological knowledge can become a guide for political practice, this area of political science is called biopolitics. The constructivist theoretical field of gender studies belongs to the field of biopolitics; in Western gender theory, the deconstruction of gender is allowed not only as a social phenomenon, but also as a change in biological sex. Moreover, the possibility of deconstructing gender and sex is currently determined by political practice, not by psychological or psychiatric indications. The use of Western gender theory and the concept of “gender” in political conflicts pushes Russian social psychology to search for a theory based on the concepts of Russian psychologists focused on the analysis of the socio-psychological reality of gender relations.*

Results. *The article emphasizes the impossibility of the reverse movement of science and the choice of the gender-role approach as outdated, not responding to the needs of modernity. Three theories are called productive and adequate to modern problems: the cultural-historical theory of L.S. Vygotsky, the subject-activity approach of S.L. Rubinstein, the theory of relations by V.N. Myasishchev. The concept of gender relations by I.S. Kletsina, one of the most popular modern concepts of gender in Russian psychology.*

Conclusions. *Gender psychology is a new branch of social psychology, which turned out to be vulnerable to political initiatives in a period of socio-political instability. The search for new theoretical constructs and the educational activity of psychologists in the biopolitical field will help gender psychology overcome the crisis period.*

Keywords: *gender; gender approach; biopolitics; gender socialization; Cultural-Historical theory L.S. Vygotsky; Subject-Activity Approach of S.L. Rubinstein; V.N. Myasishchev’s Psychological Concept of Relations.*

For citation: Radina N.K. What Gender Theory Does Russian Social Psychology Need. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150302> (In Russ.)

Введение

В конце 80-х годов прошлого века в психологии различия между мужчинами и женщинами изучались в контексте полоролевого подхода, который в прикладных исследованиях формулировался без

привязки к каким-либо конкретным теориям. Разумеется, теории, разъясняющие дифференциацию мужского и женского, в психологии существовали уже с начала XX века (психоаналитическая концепция, теория социального научения и т.д.), одна-

ко лишь теория «новой психологии пола», также сформировавшаяся на Западе и номинально присутствующая в российской психологии, претендовала на социально-психологический анализ различий между мужчинами и женщинами [26].

Гендерный подход, пришедший в российские социальные науки в 90-е годы, принципиально изменил привычный расклад: мужское и женское при осмыслении социальной реальности оказывались элементами всей социальной системы с учетом анализа стратификаций, систем неравенств и субъектности индивидов в поисках собственного места в этой социальной системе. Гендерные исследования, включающие изучение идентичности, стереотипов, отношений и т.д., оказались актуальнее, современнее, фактически вытеснив полоролевой подход из исследовательской практики.

В то же время западная гендерная теория оказалась носителем трансформационного начала, изменяющая не только методологические координаты научных проектов, но и социальную практику [30], что в результате привело к конфликту между гендерной теорией (с особыми практиками деконструкции гендера) и традиционными ценностями российского общества. Этот конфликт отразился на изменении российского законодательства: были внесены поправки в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» и в Семейный кодекс Российской Федерации, запрещающие хирургические операции и гормональную терапию, а также любые другие медицинские вмешательства, направленные на формирование у человека первичных или вторичных половых признаков другого пола [24]. На уровне международных форумов в Российской Федерации были

инициированы дискуссии о приемлемости термина «гендер» в публичном дискурсе, где в качестве иллюстративного материала использовались анекдоты о гендере, «которых уже за 80, а врачей всего два — гинеколог и уролог. (...) Кто же будет остальными (гендерами) заниматься? Традиционно — психиатр» [16].

Таким образом, теоретический конструкт «гендер» (в качестве инструмента осмысления социальной реальности) в российском публичном социогуманитарном (дискуссионном) поле на уровне фольклорного жанра — как бы в шутку — интегрировал психологию и психиатрию в политические технологии управления обществом.

Гендер и биополитика: неразрывная связь

«Психиатрическая власть» (как власть тех, кто определяет «норму психического/психологического здоровья» в обществе) наряду с «Рождением биополитики» — труды Мишеля Фуко, французского философа с мировой известностью, о роли психиатрического и психологического знания в общественном контроле за здоровьем населения [32; 33]. Согласно фуколядианскому пониманию биополитики, психиатры и психологи задают интерпретации «нормы» в обществе, разъясняют, как этой нормы достичь, работая на одном поле с политиками, законодательно регулирующими направления общественного развития.

В своих работах М. Фуко называет сферы, благополучное состояние которых непосредственно зависит от психологической и психиатрической компетентности общества: от организации материнской заботы до регулирования миграционных процессов. В этом контексте гендерные исследования составляют суть биополитического интереса и

потенциального политического вмешательства, поскольку, обращаясь к гендеру, психологи непосредственно изучают особенности воспроизводства (как биологического, так и «социально-нормального») населения, без которого невозможна реальная политика [22].

Благодаря этому «гендер» оказался мишенью особых экспериментов, когда за активностью политиков «подтянулись» научные дискуссии и далее — трансформации прежних стандартов «нормы». Так, в США политические дискуссии о правах сексуальных меньшинств трансформировались в призывы о тотальной деконструкции (гендера и пола), сформировали мнение научного сообщества об избыточности психиатрической и психологической экспертизы при принятии решения о смене пола как взрослыми, так и подростками [37].

Борьба с термином «гендер» и гендерной теорией на российских публичных площадках также инициирована политическими акторами (как фактор противодействия зарубежной политике поддержки смены пола). Этот факт (во избежание беспредметных конфликтов) ставит перед российскими психологами новые задачи в области обновления гендерной теории: необходимо сохранить конструктивный потенциал теории как аналитического инструмента для изучения человека в обществе, в то же время максимально приблизить ее наследию российской социальной психологии, найти те научные психологические традиции, которые позволят успешно развиваться российским гендерным исследованиям, преодолевая конфликты политического толка.

Выбор теоретического подхода: полоролевой или гендерный?

Термин «полоролевой» в последние годы в исследованиях используется для

сравнительного анализа с гендерным подходом в русле психолого-педагогической практики [17]. В исследованиях подчеркивается, что полоролевой подход не только сужает исследовательский фокус до изучения особенностей полодифференцированных социальных ролей, но и стереотипно биологизирует разноплановую и сложную психологическую жизнь мужчин и женщин.

В российских гендерных исследованиях сложилось представление о гендере как о социокультурной интерпретации биологического пола. На первый план исследовательской рефлексии выдвигаются не столько различия между гендерными группами, сколько анализ социальных систем и практик, использующих эти различия, включая социальные стереотипы, социальные иерархии, детерминирующие личностное развитие мужчин и женщин: при этом социальное развитие индивида рассматривается как непосредственно зависящее от экономической и исторической ситуации.

В процессе гендерной социализации ребенок — рожденный биологически мальчиком или девочкой — ориентирован социумом на разные модели успешной социально-психологической адаптации. Архаичное разделение на «мужское» и «женское», интерпретирующее мир через конструкты «добытчик»/«хранительница домашнего очага», «инструментальное»/«эмпатийное» и т.п., типичное для полоролевого подхода, объясняет социальные отношения в доиндустриальных обществах, но не помогает разобраться в сложной системе отношений индустриального и постиндустриального обществ.

Например, одна из актуальных проблем ИТ-сферы — привлечение девушек в сферу STEM (STEM — наука, технологии, инженерия и математика) [18] — оказывается напрямую зависимой

от гендерных стереотипов, которые не просто являются формами обыденного мышления, но способны встроиться в образ Я индивида и далее препятствовать профессиональному развитию. В исследованиях данный феномен объясняется тем, что «математическая Я-концепция» у девочек (даже у девочек с более высокими достижениями в математике) из-за гендерных стереотипов содержит низкие показатели математической самооценки в сравнении с мальчиками [38]. Изменившийся социум, на первый взгляд, нуждается в образованных и «продвинутых» в STEM женщинах, но в целом — женское (и девочки) в обществе, как и при патриархатной гендерной системе, воспринимается в качестве нечто менее ценного, что снижает мотивацию социального успеха у женщин. Так, российские социальные антропологи выявили феномен фаворитизма в отношении внуков мужского пола у бабушек и дедушек с обеих сторон родства: современные российские внучки обделены вниманием не только в «широком социуме», но и в «узком семейном кругу» [28].

Полоролевой подход оказывается непродуктивным и при анализе социально-психологических проблем мальчиков и мужчин. Например, психологами было выяснено, что у сыновей в неполных (материнских) семьях чаще формируется компенсаторный патриархатный тип мужской идентичности (построение мужской идентичности осуществляется на основе доминирования над женщинами), а наиболее высокие показатели психологического благополучия — у юношей, ориентированных на отказ от патриархатной гегемонной идентичности [27]. То есть разрушение привычной (традиционной) полоролевой дихотомии (типа: «мужчина — добытчик, женщина — хранительница очага») как основы

социализации делает молодых мужчин более счастливыми.

Однако если стереотипная схема «мужское»/«женское» изменяется (и «полоролевой подход» больше «не работает»), не является ли это тревожным знаком и не следует ли принудительно возвращать гендерных субъектов к «стандартам прошлого»?

Современная психология обладает достаточным ресурсом социального знания, чтобы с привлечением информации из смежных полей экономики, социальной антропологии, социологии создавать объяснительные и прогностические схемы для успешной социализации мужчин и женщин в современном обществе — не трансформируя биологическое тело (не изменяя пол), а помогая достигать и социально-психологическую адаптированность, и социально-психологическое благополучие, опираясь на биологическую природу. Поэтому не привязка к угасающим нормативам, а сохранение биологической основы человека при учете стремительно изменяющегося содержания социализации может стать основой гендерной теории, которая необходима российской психологии.

Потенциал российской психологической теории для гендерных исследований

За время укоренения гендерных исследований в российском социально-гуманитарном поле были высказаны предположения относительно того, какие классические психологические теории смогут помочь становлению «российского гендера».

Наиболее часто в качестве ключевых называли культурно-историческую теорию Л.С. Выготского и субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна [21]. Это связано с тем, что «гендер» при-

нимается индивидом на основе биологического пола в процессе гендерной социализации, то есть зависит от конкретной гендерной культуры общества, в котором происходит процесс социализации. Гендерная культура выступает в роли содержания социализации, содержит и гендерные стереотипы, и ролевые образцы, и наборы гендерных практик, которыми должны овладеть мальчики и девочки. Субъектность в данном процессе проявляется в том, насколько конкретный индивид соглашается принять (без изменений) предлагаемый культурный багаж — интериоризировать и воспроизводить содержание гендерной социализации (становится типичным мужчиной или типичной женщиной) или изменяет в силу разных причин предлагаемые стандарты (включается в гендерное творчество). В российской гендерной социологии существует ряд ярких содержательных работ, в том числе учебные пособия, которые на основе мировой гендерной теории представляют социологическое понимание гендерной культуры, гендерной системы, гендерного порядка [11]. В то же время открытым остается вопрос относительно психологического понимания (прочтения) феномена «культуры» вообще и «гендерной культуры» в частности.

Так, в российской психологии популярен анализ феномена социальной ситуации развития: изучены различные аспекты инклюзии, цифровизации, другие особенности социализации детей и подростков [10; 29; 36]. Это проблемное поле, укорененное в культурно-историческую психологию и использующее ее методологические и методические ресурсы, способно ответить на самые острые вопросы относительно ситуации социального развития мальчиков и девочек, юношей и девушек современных урбани-

зированных пространств и российской глубинки. Особый интерес в данном случае представляет роль «Значимых» в гендерной социализации, например, для определения границ социального творчества, обусловленного влиянием «Значимых» — взрослых и ровесников — на изменения гендерных схем и стереотипов.

Субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна особо продуктивен при изучении роли субъектной активности в выборе стратегий и тактик гендерной социализации. В настоящее время в исследованиях, которые сталкиваются с феноменом гендерной субъектности, процессы гендерного творчества в научной рефлексии получают факультативный статус (констатируются, но не объясняются). Так, в исследованиях гендерной идентичности спортсменок было выяснено, что девушки «маскулинных» видов спорта используют компенсаторные стратегии в конструировании телесного-Я идентичности («гендерного дисплея» по Гофману): пытаются создать гиперфеминный образ вне спортивной сцены [9; 31]. Также было выяснено, что отступление от стандартов гегемонной мужской социализации сопряжено с психологическим благополучием [23; 27], при этом юноши, пытающиеся интегрировать нормы «классической мужественности» в собственную мужскую идентичность и требования женщин-партнерш в области эмоциональных отношений, испытывают очевидный психологический конфликт [23].

Российские психологические исследования констатируют: традиционные каноны «мужественности» и «женственности» для субъектов гендерной социализации по-прежнему предпочтительны, однако изменяющиеся социальные условия подталкивают к гендерному творчеству, требующему рефлексивности, креативности

и других психологических ресурсов. Психологические исследования, опирающиеся на субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, могли бы прояснить роль субъектности в обеспечении психологического здоровья в процессе гендерной социализации, ответить на вопросы о продуктивных границах психологического «гендерного творчества».

Другая теоретическая матрица для продвижения гендерных исследований, которая способна стать основой для российских гендерных исследований — теория отношений В.Н. Мясищева. В.Н. Мясищев рассматривает отношения как связь субъекта и объекта (отношение к среде), как интегральную позицию субъекта, как предмет психологической науки и одну из базовых категорий психологии, как проблематику или специальный раздел психологии, включающий изучение целей, стремлений, тенденций, интересов, оценок, идеалов, потребностей, убеждений [1]. В.Н. Мясищев считал, что изучение отношения человека к реальности требует подключения и физиологической, и общественно-исторической интерпретации, определяя ряд измерений, который необходимо учитывать, изучая психологию отношений.

Идею психологии отношений В.Н. Мясищева как теоретико-методологической рамки на материале российских гендерных исследований развивает И.С. Клецина [13]. Она конкретизирует ключевые идеи В.Н. Мясищева, демонстрируя, насколько удобной и продуктивной для исследований может быть данная теоретическая матрица. Все гендерные отношения И.С. Клецина представляет на четырех уровнях: макро-социальный, уровень межгруппового взаимодействия, уровень межличностных отношений и внутриличностный уровень, формулируя наличие двух ос-

новных измерений при анализе отношений — объективное и субъективное.

На макросоциальном уровне, с точки зрения И.С. Клециной, необходимо исследовать гендерные представления как разновидность социальных представлений, а также «гендерный контракт», производный от экономического и социального развития общества. На уровне межгруппового взаимодействия — гендерные стереотипы как разновидность социальных стереотипов, проблемы гендерного неравенства (например, феномен «стеклянного потолка» для профессионального развития женщин). На уровне межличностных отношений — гендерные установки. На внутриличностном уровне — самоотношение личности как субъекта определенного пола и особенности развития гендерной идентичности как составляющей социальной идентичности личности, а также внутриличностный гендерный конфликт.

Перечисленные психологические проблемы, представленные исследовательницей для всех четырех уровней, могут быть дополнены, а теоретическая матрица И.С. Клециной может быть конкретизирована какими-либо иными релевантными теоретическими конструктами. Например, согласно теории И. Гофмана [7], анализ сценариев (включая гендерные сценарии поведения) вполне коррелирует с теорией гендерных отношений. Характер функционирования сценариев (ролевой состав, описание действий) на уровне межличностного взаимодействия позволяет понять, как «гендер» (как социальный конструкт) вторгается в межличностную ткань и формирует (и в ряде случаев объективирует — то есть разрушает) доверительные индивидуальные взаимодействия людей. Комплексные исследовательские стратегии обладают высокой

практической значимостью, поскольку проясняют специфику сложных социальных отношений и конфликтов, становятся основой для формулирования стратегий психологической помощи, например, в процессе семейного консультирования.

В тех случаях, когда гендерные исследования строятся, базируясь на теориях, а не следуя бытовому эмпиризму, их результаты существенно обогащают понимание «психологии гендера», разясняя, какую роль играет социальный «гендер» в становлении личности и общества.

Перспективы гендерных исследований в российской социальной психологии

В современной ситуации неопределенности, которая выступает как иллюстрация концепции Маргарет Мид о переходе от конфигуративного (общество, где учатся у ровесников) к префигуративному (общество, где взрослые учатся у детей) типу культуры [20], эмпиризм в качестве основы исследовательской практики не помогает разобраться в сути происходящего. Описательные исследования с устаревшей методологией или вообще без методологии (коллекция эмпирических фактов) не способны выполнять одну из ключевых функций науки — прогностическую. Уместно вспомнить виртуальный диалог Л.С. Выготского с Ф.Е. Василюком, когда на известный афоризм, который в психологии приписывают не только К. Левину, но и Л.С. Выготскому («Нет ничего практичнее хорошей теории»), Ф.Е. Василюк дает свой ответ («Нет ничего теоретичнее хорошей практики») [8].

В случае гендерных исследований это означает безупречную организацию исследовательской программы в контексте адекватной научной парадигмы (в дан-

ном случае — в контексте гендерного подхода) с опорой на релевантные теории. А со стороны практики — должное и нестереотипное внимание к социокультурному материалу при анализе реальности. И.С. Клецина, характеризуя различные направления российских исследований в рамках гендерной методологии, отмечает интерес психологов к гендерным различиям [14; 15], уточняя, что простая констатация различий не проясняет ответ на вопрос: как общество воспроизводит мужчин и женщин — не только биологических, но и социальных акторов.

Существующие междисциплинарные исследования, интегрирующие биологические маркеры и некоторые психологические характеристики разных гендерных групп, дают интересные результаты, но также остаются на уровне констатации корреляций, без выхода на общие социальные интерпретативные схемы. Так, в исследовании о комплексной природе рискованного поведения человека осуществляется поиск связей между некоторыми морфофизиологическими особенностями и выраженностью определенных психологических и поведенческих черт [4]. Были проанализированы гормональные, морфологические и психологические профили склонных к риску мужчин в трех модельных выборках, что позволило сделать выводы об отсутствии морфологических различий между группами и выявить ассоциации между стратегиями рискованного поведения и репродуктивным успехом мужчин.

В другом исследовании были изучены антропометрические показатели лица и тела, предположительно являющиеся маркерами пренатальной андрогенизации и маскулинизации, а также склонность к поиску острых ощущений и к агрессии у мужчин трех групп — альпинистов, автогонщиков и обычных

студентов [5]. Выяснилось, что все три группы значимо различались по форме лица и по индексу fWHR (соотношение скулового диаметра к высоте средней части лица), пальцевые индексы оказались без значимых различий, а психологические профили показали, что альпинисты более склонны к риску и поиску острых ощущений, а у студентов обнаружился максимальный уровень враждебности.

Действительно, интерес к междисциплинарным проблемам с включением в гендерные исследования психофизиологических показателей интегрирует биологическое и социальное в гендере, например, пальцевой индекс является, согласно исследованиям, индикатором полового деморфизма [6]. Однако для ответа на психологические вопросы (например, о том, какие сферы самореализации выбирают индивиды с выраженными признаками полового деморфизма, связан ли половой деморфизм индивидов с той или иной социальной средой их пребывания, как происходит социально-психологическая адаптация индивидов в зависимости от пальцевого индекса и т.д.) необходимы дополнительные исследования с тщательной продуманной социально-психологической составляющей в этой программе.

Другая значимая и острая проблема современной психологии гендера — изучение развития гендерной идентичности. В настоящее время ряд научных работ разъясняет особенности развития мужской или женской идентичности [2; 9; 23; 27 и др.], при этом в исследованиях раскрываются именно злободневные аспекты, которые определяют направления будущих исследований. Например, изучается внутриличностное столкновение женской и спортивной идентичностей у женщин, занимающихся так называемыми «маскулинными» видами

спорта [31]. Как и у девочек/девушек с математическими способностями, у данной группы возникают проблемы с романтическими отношениями (гендерная стандартизация под давлением романтического партнера), сложности из-за «нефеминного», неподчиненного поведения, которые корректируются через коррекцию внешнего образа (акцент на внешней феминности). Как правило, психологи дают характеристику личностным особенностям девушек-спортсменок, перечисляя те ресурсы, которые позволяют решить конфликт идентичностей [9]. В то же время другой аспект — переосмысливание в социокультурном ключе «традиционной феминности» (социокультурное переосмысление стандартов феминности) — остается без должной рефлексии. Фольклорное наследие, например, представляющее славянок как богатырок, способных коромыслом отразить нападающих врагов, существенно расширяет традиционное представление о женщинах с учетом культурных архетипов, хотя и не снимает всех вопросов при решении задач, обусловленных физическими проявлениями гендера в социуме. Необходимо также отметить, что и «архетипическая мужественность» славян, отраженная в фольклоре, имеет специфику: например, Иван-царевич в русских народных сказках соперничает, жалеет, горюет и даже плачет несопоставимо чаще, чем рациональная, когнитивно-сложная, целеустремленная и наделенная особыми силами героиня [23].

Тем не менее сам по себе фольклор без переосмысления и продвижения сохраняется в памяти читателей, но не становится опорой в современной жизни, например, в интерпретациях физической красоты, заданной современными гендерными нормами: игрушка Барби побеждает фольклорную «богатырку» [35]. К сло-

ву, телесные маркеры «гендера» — одна из актуальных и перспективных психологических проблем. Так, психологи признают, что удовлетворенность телом как производная от гендерных стандартов имеет особое значение для самоотношения и самовосприятия личности [2], однако по-прежнему крайне недостаточно исследований, разъясняющих детали связей физического гендерно-нормированного тела индивида и его социально-психологических показателей (благополучия, адаптированности и т.п.).

Анализируя направленность российских гендерных исследований, И.С. Клецина также отмечает значимость научных проектов в сфере межличностных отношений, особенно в области семейных и детско-родительских отношений [14]. Если же учесть, что семьи оказываются на пересечении различных межгрупповых отношений (например, в случае межнациональных браков с выраженным различием в области гендерного уклада в исходных культурах супругов), то необходимость практики гендерных исследований в области психологии семьи очевидна.

Кроме того, необходимость понимания в контексте гендерной теории социально-психологических особенностей индивидов с учетом сексуальной ориентации — важная составляющая гендерного социального знания психологов. В настоящее время единичные работы позволяют сложить общее представление о психологических аспектах в социальном развитии гомо- и гетеросексуальных индивидов [19; 34], что обуславливает парадоксы и «белые пятна» в социальном знании: сексуальность у индивидов есть, а знаний в области ее социально-психологического контекста крайне недостаточно.

Теоретическая конструкция, предложенная И.С. Клециной на основе идей

В.Н. Мясищева, оказывается особо перспективной в тех научных проектах, где пересекаются «этажи» отношений, например, изучаются гендерные представления (макроуровень) у субъектов с разными вариантами развития гендерной идентичности (внутриличностный уровень) или у членов семьи (межличностные отношения) анализируются связи диспозиций внутри семьи с гендерными стереотипами (межгрупповой уровень).

Ставка на наследие отечественных психологов в выборе гендерной методологии не означает отказ от теоретических схем западных исследователей: как правило, между этими теоретическими конструктами нет непреодолимых противоречий. Так, драматургический интеракционизм Ирвина Гофмана [7] может быть продуктивным дополнением для изучения межличностных гендерных отношений в контексте теории отношений В.Н. Мясищева в изложении И.С. Клециной (психология гендерных отношений), а концепция «гендерных линц» С. Бем [3] раскроет детали при изучении гендерной социализации в контексте культурно-исторической концепции Л.С. Выготского.

Согласованность психологических идей и противоречия политической практики, раскрывающиеся в политических манифестах и изменениях законодательства, свидетельствуют в пользу иного прочтения «психиатрической власти» М. Фуко. Власть психиатрии и психологии в обществе о нормах психической жизни сродни власти билетного контролера, имеющего право выписать штраф безбилетному пассажиру: и психолог, и контролер выглядят как наделенные властью в конкретный момент, но не они обладают заветной властью устанавливать общественные нормы. Признание роли политической власти в биополитической сфере

общественной жизни открывает для психологов просветительские возможности: чтобы биополитика была просвещенной, необходимо просвещать ее акторов.

В то же время российские психологи игнорируют рефлексию и дискуссии о зависимости сферы своей исследовательской и практической деятельности от политического влияния. Подобное дистанцирование возможно связать с культурной травмой российской (советской) психологии, обусловленной рядом факторов, например, трагическим вмешательством советской власти в процесс становления психологической науки в первой половине XX века [25], а также использованием психиатрического знания в СССР для подавления инакомыслия (создание «советской карательной психиатрии» [12]). Однако отказ от осознания сложных отношений (существующих, по Фуко, во всех странах) между психологией как наукой о психическом здоровье населения и политической властью препятствует просвещению власти и возможному более конструктивному взаимодействию с ней, делает психологию уязвимой, открытой для оправдания ненаучных практик и экспериментов.

Заключение

Развитие гендерных отношений в российских социальных науках — условие адекватного анализа социально-психологической реальности, возможность осмысления природы (биологическо-

го) человека как отправной точки для дальнейшего социального становления. То, что у гендерных исследований может быть разная теоретическая основа (могут использоваться разные теории), определяет методологический вызов для современных российских психологов: необходимо продолжать теоретическое строительство в области социального понимания гендера на основе наследия отечественной психологии.

В багаже российской психологии существует ряд теоретических конструкций, которые могли бы быть использованы для гендерных исследований без изначальных радикальных установок (например, смены пола вне медицинских показаний). Одной из продуктивных теоретических схем выступает психология гендерных отношений И.С. Клециной, которая отсылает к классической теории отношений В.Н. Мясищева.

Сложное положение гендерных исследований в психологии (критика, провокации, использование для политических целей) объясняется тем, что психология входит в сферу интересов биополитики — науки (и практики), разъясняющей потребности власти по управлению и контролю за населением, без которого власть теряет смысл. Рефлексия и обсуждение границ влияния со стороны политического поля могут стать для психологии инструментами поддержания экологичного развития в общем поле социальных и гуманитарных наук.

Литература

1. *Базиков М.В., Задорожнюк И.Е., Шингаров Г.Х.* Психология отношений. Ретроспективный анализ и возможные приложения // *Человек*. 2013. № 4. С. 18–30.
2. *Барышева Н.А., Ожигова Л.Н.* Личностные детерминанты удовлетворенности телом у девушек // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 2. С. 143–158. DOI:10.31429/26190567-22-2-143-158
3. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 336 с.

4. *Бутовская М.Л., Адам Ю.И., Мезенцева А.А., Ростовцева В.В.* Мужчины, практикующие рискованные хобби, отличаются большей физической маскулинностью // Этнографическое обозрение. 2023. № 2. С. 199–221. DOI:10.31857/S0869541523020100
5. *Бутовская М.Л., Адам Ю.И.* Рискованное поведение как адаптивная стратегия мужчин, их морфофизиологические профили и связь с репродуктивным успехом в современном обществе // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 209–227. DOI:10.31857/S086954152204011X
6. *Бутовская М.Л., Буркова В.Н.* Пальцевой индекс как маркер пренатальной андрогенизации и его прогностическая ценность для антропологов и эволюционных психологов: «за» и «против» // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 2. С. 26–40. DOI:10.32521/2074-8132.2020.2.026-040
7. *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Прогресс, 2009. 300 с.
8. *Гринштун И.Б.* Дж.Л. Морено и важнейшие представители психодинамической традиции: пространства пересечения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2010. № 1(11). 2010. С. 113–126.
9. *Доценко Е.Л., Усольцева А.А.* Спортсменки на распутье гендерной идентификации // Спортивный психолог. 2017. № 1(44). С. 37–42.
10. *Дубровина И.В.* Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2020. Том 17. № 3. С. 9–21. DOI:10.17759/vjpp.2020170301
11. *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
12. *Кальченко Н.В.* Карательная психиатрия как инструмент борьбы с диссидентством в СССР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР). Материалы XIX международной научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года). СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 1489–1497.
13. *Клецина И.С.* Психология гендерных отношений: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 2004. 40 с.
14. *Клецина И.С.* Развитие гендерных исследований в отечественной психологии: итоги и перспективы // Вестник Северовосточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3(07). С. 63–74.
15. *Клецина И.С.* Гендерная проблематика в социальной психологии: направления исследований // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 5–12. DOI:10.17759/sps.2022130401
16. *Коньков С.* Эксперт ПМЮФ выступил против запрета слова «гендер» [Электронный ресурс] // РАПСИ (Российское агентство правовой и судебной информации). 12.05.2023. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20230512/308897794.html (дата обращения: 25.08.2023).
17. *Кучукова А.В.* Полоролевой подход к воспитанию девочек и мальчиков в современной дошкольной педагогике // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 56–62.
18. *Малошенок Н.Г., Щеглова И.А., Вилкова В.А., Абрамова М.О.* Как привлечь девушек в STEM и помочь им добиться успеха: обзор практик преодоления гендерных стереотипов // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 11. С. 63–89. DOI:10.31992/0869-3617-2022-31-11-63-89
19. *Мальшева Н.Г., Шаехов З.Д.* Об исследованиях психологического благополучия гомо- и бисексуалов в современной психологии: обзор литературы // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 2. С. 145–163. DOI:10.11621/vsp.2019.02.145

20. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Директ-Медиа, 2007. 878 с.
21. *Радина Н.К.* Гендерная методология в социальной психологии // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 36–47.
22. *Радина Н.К.* Психология и биополитика: о перспективах междисциплинарных исследований // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 98–109. DOI:10.7868/S0205959217060095
23. *Радина Н.К., Никитина А.А.* Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход. М., 2011. 168 с.
24. *Разумный Е.* Зачем Госдума приняла закон о запрете смены пола [Электронный ресурс] // Ведомости. 14 июля 2023 года. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/07/14/985428-gosduma-prinyala-zakon> (дата обращения: 25.08.2023).
25. *Рафикова В.А.* Социально-политические факторы развития психологической науки в СССР и США перед Второй мировой войной: сравнительный анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2(22). С. 244–270. DOI:10.38098/irpan.sep_2021_22_2_10
26. *Ретина Т.А.* Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 158–165.
27. *Семенова Л.Э., Семенов В.Э., Серебрякова Т.А., Конева И.А.* Психологическое благополучие юношей-старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 4(29). С. 7. DOI:10.26795/2307-1281-2019-7-4-7
28. *Семенова О.В., Бутовская М.Л.* Матрилатеральный родственный вклад во внуков в современной российской семье. Дискриминация потомков женского пола со стороны бабушек и дедушек // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 138–155. DOI:10.17223/2312461X/35/8
29. *Смирнова С.Ю., Клопотова Е.Е., Рубцова О.В., Сорокова М.Г.* Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 177–193. DOI:10.17759/sps.2022130212
30. *Сысоев И.* В Калифорнии разрешили детям менять пол без согласия родителей [Электронный ресурс] // Российская газета. 04.10.2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/04/vtajne-ot-mamu-i-payu.html> (дата обращения: 25.08.2023).
31. *Усольцева А.А.* Особенности становления гендерной идентичности спортсменов условно мужских видов спорта: дисс. ... канд. психол. наук. Тюмень, 2015. 209 с.
32. *Фуко М.* Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
33. *Фуко М.* Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
34. *Шаехов З.Д., Мальшева Н.Г.* Влияние веры в конкурентный мир и интернализированной гомофобии на психологическое благополучие у гомосексуальных мужчин // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2021. № 1. С. 265–288. DOI:10.11621/vsp.2021.01.11
35. *Эльконинова Л.И., Антонова М.В.* Специфика игры с куклой Барби у детей дошкольного возраста // Психологическая наука и образование. 2002. № 4. С. 38–52.
36. *Юдина Т.А., Алехина С.В.* Возрастная динамика социальной ситуации развития младших школьников в условиях инклюзивного образования // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 3. С. 135–142. DOI:10.17759/chp.2021170317
37. *Ghorayshi A.* Doctors Debate Whether Trans Teens Need Therapy Before Hormones [Электронный ресурс] // The New York Times. 13.01.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/13/health/transgender-teens-hormones.html> (дата обращения: 25.08.2023).

38. Lee Ch.-Y., Kung H.-Y. Math Self-Concept and Mathematics Achievement: Examining Gender Variation and Reciprocal Relations among Junior High School Students in Taiwan // EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2018. № 14(4). P. 1239–1252. DOI:10.29333/ejmste/82535

References

1. Bazikov M.V., Zadorozhnyuk I.E., Shingarov G.Kh. Psikhologiya otnoshenii. Retrospektivnyi analiz i vozmozhnye prilozheniya [Psychology of relations. Retrospective analysis and possible applications]. *Chelovek = Human*, 2013, no. 4, pp. 18–30. (In Russ.).
2. Barysheva N.A., Ozhigova L.N. Lichnostnye determinanty udovletvorennosti telom u devushek [Personal determinants of body satisfaction in girls]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk = South-Russian Journal of Social Sciences*, 2021. Vol. 22, no. 2, pp. 143–158. DOI:10.31429/26190567-22-2-143-158 (In Russ.).
3. Bem S. Linzy gendera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov [Lenses of Gender: Transforming Perspectives on Gender Inequality]. Moscow: ROSSPEN or Political Encyclopedia Publishers, 2004. 336 p. (In Russ.).
4. Butovskaya M.L., Adam Yu.I. Riskovannoe povedenie kak adaptivnaya strategiya muzhchin, ikh morfofiziologicheskie profili i svyaz' s reproduktivnym uspekhom v sovremenном obshchestve [Risky behavior as an adaptive strategy for men, their morphophysiological profiles and connection with reproductive success in modern society]. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, 2022, no. 4, pp. 209–227. DOI:10.31857/S086954152204011X (In Russ.).
5. Butovskaya M.L., Adam Yu.I., Mezentseva A.A., Rostovtseva V.V. Muzhchiny, praktikuyushchie riskovannye khobbi, otlichayutsya bol'shei fizicheskoi maskulinnost'yu [Men who practice risky hobbies are more physically masculine]. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, 2023, no. 2, pp. 199–221. DOI:10.31857/S0869541523020100 (In Russ.).
6. Butovskaya M.L., Burkova V.N. Pal'tsevoi indeks kak marker prenatal'noi androgenizatsii i ego prognosticheskaya tsennost' dlya antropologov i evolyutsionnykh psikhologov: "za" i "protiv" [Finger index as a marker of prenatal androgenization and its predictive value for anthropologists and evolutionary psychologists: pros and cons]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya = Moscow University Anthropology Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 26–40. DOI:10.32521/2074-8132.2020.2.026-040 (In Russ.).
7. Gofman I. Ritual vzaimodejstvija: Ocherki povedenija licom k licu [Interaction Ritual – Essays on Face-to-Face Behavior]. Moscow: Progress, 2009. 300 p. (In Russ.).
8. Grinshpun I.B. Dzh.L. Moreno i vazhneishie predstaviteli psikhodinamicheskoi traditsii: prostranstva peresecheniya [J.L. Moreno and the most important representatives of the psychodynamic tradition: spaces of intersection]. *Vestnik MGPU. Seriya "Pedagogika i psikhologiya" = MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 2010, no. 1(11), pp. 113–126. (In Russ.).
9. Dotsenko E.L., Usoltseva A.A. Sportsmenki na rasput'e gendernoi identifikatsii [Athletes at the crossroads of gender identity]. *Sportivnyi psikholog = Sports psychologist*, 2017, no. 1(44), pp. 37–42. (In Russ.).
10. Dubrovina I.V. Fenomen "psikhologicheskoe blagopoluchie" v kontekste sotsial'noi situatsii razvitiya [The Phenomena of "Psychological Well-Being" in the Context of the Social Situation of Development]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2020. Vol. 17, no. 3, pp. 9–21. DOI:10.17759/bppe.2020170301 (In Russ.).
11. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. 12 lektsii po gendernoi sotsiologii [12 lectures on gender sociology]. Saint Petersburg: European University Press at St. Petersburg, 2015. 768 p. (In Russ.).
12. Kalchenko N.V. Karatel'naya psikhiiatriya kak instrument bor'by s dissidentstvom v SSSR [Punitive psychiatry as a tool to combat dissidence in the USSR]. In Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR). Materialy XIX mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii [State and law: evolution,

- current state, development prospects (to the 100th anniversary of the formation of the USSR). Materials of the XIX International Scientific and Theoretical Conference] (St. Petersburg, April 28–29, 2022). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2022, pp. 1489–1497. (In Russ.).
13. Kletsina I.S. Psikhologiya gendernykh otnoshenii. Avtopef. diss. dokt. psikhol. nauk [Psychology of gender relations. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Saint Petersburg, 2004. 40 p. (In Russ.).
 14. Kletsina I.S. Razvitiye gendernykh issledovaniy v otechestvennoi psikhologii: itogi i perspektivy [Development of Gender Studies in Russian Psychology: Results and Prospects]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. "Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya = Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy" Series*, 2017, no. 3(07), pp. 63–74. (In Russ.).
 15. Kletsina I.S. Gendernaya problematika v sotsial'noi psikhologii: napravleniya issledovaniy [Gender Issues in Social Psychology: Areas of Research]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 5–12. DOI:10.17759/sps.2022130401 (In Russ.).
 16. Kon'kov S. Ekspert PMYuF vystupil protiv zapreta slova "gender" [SPBILF expert spoke out against the ban on the word "gender"] [Elektronnyi resurs]. RAPSI (Rossiiskoe agentstvo pravovoi i sudebnoi informatsii) [RALJI – Russian Agency of Legal and Judicial Information]. 12.05.2023. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20230512/308897794.html (Accessed 25.08.2023). (In Russ.).
 17. Kuchukova A.V. Polorolevoi podkhod k vospitaniyu devochek i mal'chikov v sovremennoi doshkol'noi pedagogike [Sex-role approach to the upbringing of girls and boys in modern preschool pedagogy]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 2016, no. 3, pp. 56–62. (In Russ.).
 18. Maloshonok N.G., Shcheglova I.A., Vilkova K.A., Abramova M.O. Kak privlech' devushek v STEM i pomoch' im dobit'sya uspekha: obzor praktik preodoleniya gendernykh stereotipov [How to Attract Women in STEM and Help Them Become Successful: The Review of Practices of Overcoming Gender Stereotypes]. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2022. Vol. 31, no. 11, pp. 63–89. DOI:10.31992/0869-3617-2022-31-11-63-89 (In Russ.).
 19. Malysheva N.G., Shaekhov Z.D. Ob issledovaniyakh psikhologicheskogo blagopoluchiya gomo- i biseksualov v sovremennoi psikhologii: obzor literatury [On the study of the psychological well-being of homo- and bisexuals in modern psychology: a literature review]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2019, no. 2, pp. 145–163. DOI:10.11621/vsp.2019.02.145 (In Russ.).
 20. Mead M. Kul'tura i mir detstva [Culture and world of childhood]. Moscow: Direkt-Media, 2007. 878 p. (In Russ.).
 21. Radina N.K. Gendernaya metodologiya v sotsial'noi psikhologii [Gender methodology in social psychology]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2012, no. 3, pp. 36–47. (In Russ.).
 22. Radina N.K. Psikhologiya i biopolitika: o perspektivakh mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Psychology and biopolitics: on the prospects for interdisciplinary research]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2017. Vol. 38, no. 6, pp. 98–109. DOI:10.7868/S0205959217060095 (In Russ.).
 23. Radina N.K., Nikitina A.A. Sotsial'naya psikhologiya muzhestvennosti: sotsial'no-konstruktivistskii podkhod [The Social Psychology of Masculinity: A Social Constructivist Approach]. Moscow: Borges, 2011. 168 p. (In Russ.).
 24. Razumnyi E. Zachem Gosduma prinyala zakon o zaprete smeny pola [Why did the State Duma pass a law banning gender reassignment?] [Elektronnyi resurs]. Vedomosti [Statements]. 14.07.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/07/14/985428-gosduma-prinyala-zakon> (Accessed 25.08.2023). (In Russ.).

25. Rafikova V.A. Sotsial'no-politicheskie faktory razvitiya psikhologicheskoi nauki v SSSR i SShA pered Vtoroi mirovoi voinoi: sravnitel'nyi analiz [Socio-political factors in the development of psychological science in the USSR and the USA before the Second World War: a comparative analysis]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2021. Vol. 6, no. 2(22), pp. 244–270. DOI:10.38098/ipran.sep_2021_22_2_10 (In Russ.).
26. Repina T.A. Analiz teorii polorolevoi sotsializatsii v sovremennoi zapadnoi psikhologii [Analysis of theories of sex-role socialization in modern Western psychology]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 1987, no. 2, pp. 158–165. (In Russ.).
27. Semenova L.E., Semenova V.E., Serebryakova T.A., Koneva I.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie yunoshei-starshklassnikov s raznymi variantami razvitiya muzhskoi identichnosti [Psychological well-being of high school students with different options for the development of male identity]. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*, 2019. Vol. 7, no. 4(29), p. 7. DOI:10.26795/2307-1281-2019-7-4-7 (In Russ.).
28. Semenova O.V., Butovskaya M.L. Matrilateral'nyi rodstvennyi vklad vo vnukov v sovremennoi rossiiskoi sem'e. Diskriminatsiya potomkov zhenskogo pola so storony babushek i dedushek [Matrilateral kinship contribution to grandchildren in the modern Russian family. Discrimination of female descendants by grandparents]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian Historical Research*, 2022, no. 1, pp. 138–155. DOI:10.17223/2312461X/35/8 (In Russ.).
29. Smirnova S.Yu., Klopotova E.E., Rubtsova O.V., Sorokova M.G. Osobennosti ispol'zovaniya tsifrovyykh ustroystv det'mi doshkol'nogo vozrasta: novyi sotsiokul'turnyi kontekst [Features of Preschoolers' Use of Digital Media: New Socio-Cultural Context]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 177–193. DOI:10.17759/sps.2022130212 (In Russ.).
30. Sysoev I. V Kalifornii razreshili detyam menyat' pol bez soglasiya roditelei [California allows children to change gender without parental consent] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper*. 04.10.2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/04/vtajne-ot-mamy-i-papy.html> (Accessed 25.08.2023). (In Russ.).
31. Usoltseva A.A. Osobennosti stanovleniya gendernoi identichnosti sportsmenok uslovno muzhskikh vidov sporta. Diss. kand. psikhol. nauk [Features of the formation of the gender identity of female athletes of conditionally male sports. PhD (Psychology)]. Tyumen, 2015. 209 p. (In Russ.).
32. Foucault M. Psikhiatricheskaya vlast'. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu [Psychiatric power. Course of lectures given at the College de France in the academic year 1973–1974]. Saint Petersburg: Nauka, 2007. 450 p.
33. Foucault M. Rozhdenie biopolitiki: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [The Birth of Biopolitics: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the Academic Year 1978–1979]. Saint Petersburg: Nauka, 2010. 448 p. (In Russ.).
34. Shaekhov Z.D., Malysheva N.G. Vliyanie very v konkurentnyi mir i internalizovannoi gomofobii na psikhologicheskoe blagopoluchie u gomoseksual'nykh muzhchin [Effects of belief in a competitive world and internalized homophobia on psychological well-being in homosexual men]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2021, no. 1, pp. 265–288. DOI:10.11621/vsp.2021.01.11 (In Russ.).
35. Elkoninova L.L., Antonova M.V. Spetsifika igry s kukloi Barbi u detei doshkol'nogo vozrasta [The specifics of playing with a Barbie doll in preschool children]. *Psikhologicheskaya nauka I obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2002, no. 4, pp. 38–52. (In Russ.).
36. Yudina T.A., Alekhina S.V. Vozrastnaya dinamika sotsial'noi situatsii razvitiya mladshikh shkol'nikov v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya [Age Dynamics of the Social Situation of the Development of Primary School Students in Conditions of Inclusive Education]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 3, pp. 135–142. DOI:10.17759/chp.2021170317 (In Russ.).

37. Ghorayshi A. Doctors Debate Whether Trans Teens Need Therapy Before Hormones [Elektronnyi resurs]. The New York Times. 13.01.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/13/health/transgender-teens-hormones.html> (Accessed 25.08.2023).
38. Lee Ch.-Y., Kung H.-Y. Math Self-Concept and Mathematics Achievement: Examining Gender Variation and Reciprocal Relations among Junior High School Students in Taiwan. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 2018, no. 14(4), pp. 1239–1252. DOI:10.29333/ejmste/82535

Информация об авторах

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО ННГУ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda K. Radina, Doctor of Political Science, PhD in Psychology, Professor of the Department of General and Social Psychology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Получена 01.09.2023

Received 01.09.2023

Принята в печать 26.09.2024

Accepted 26.09.2024

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ

Гуриева С.Д.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievasv@gmail.com**

Южнина Е.А.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru**

Васина Е.А.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1338-9215>, e-mail: e2009v@yandex.ru**

Кузнецова И.В.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznecova@mail.ru**

Цель. Социально-психологический анализ ценностных ориентаций в основных подсистемах современной семьи (супружеской, родительско-детской, сиблинговой).

Контекст и актуальность. В научной литературе отмечается методологическая неоднородность в изучении внутрисемейных ценностей при актуальном запросе практики на определение согласованности ценностных ориентаций в различных подсистемах семьи. Особую актуальность это приобретает в современной исторической ситуации для более глубокого понимания процессов ценностно-смысловой интеграции и дифференциации внутри семьи.

Дизайн исследования. Исследованы различия в актуальных и рефлексивных ценностях в диадах семейных пар, родителей и детей, сиблингов. Достоверность отличий проверялась с помощью статистических критериев сравнения средних (Стьюдента, Уилкоксона, Манна-Уитни). Для анализа попарного сходства рассчитывались корреляции ценностных профилей (ро-Спирмена, r-Пирсона), индексы ценностно-ориентационного единства в актуальных (ЦОЕ-А) и рефлексивных (ЦОЕ-Р) оценках.

Участники. Исследование включало 4 выборки: семейные пары ($n = 58$ пар), студенческая молодежь ($n = 193$; 44,6% юноши; 55,4% девушки), 3 поколения женщин из одной семьи ($n = 20$ триад), респонденты с сиблингом ($n = 63$; 38% мужчин; 62% женщины).

Методы (инструменты). Методика «Ценностные ориентации-36» (модификация методики Ш. Шварца) (В.Н. Куницына, 2005). В выборке пар и трех поколений женщин измерялись

актуальные ценности. В выборке молодежи и респондентов с сиблингами — актуальные (ответы за себя) и рефлексивные (молодежь отвечала за маму, а респонденты — за своего сиблинга). Адаптированный опросник «ПЭА» (Н.В. Волкова, 2006) для оценки качества отношений в семейных парах и у сиблингов.

Результаты. Выявлена специфика ценностных ориентаций в семейных подсистемах (супружеской, родительско-детской, сиблинговой). Так, различия в семейных парах отражают сохраняющееся в обществе представление о разделении супружеских ролей: мужчины больше ценят независимость и самоутверждение, а женщины — межличностные отношения. Различия в актуальных и рефлексивных оценках детей свидетельствуют об избирательной межпоколенной преемственности ценностных ориентаций в семье. При этом в выборке трех поколений обнаружилось, что диады матерей и дочерей ближе друг к другу по ценностным профилям, чем бабушек и внучек; более всего схожи друг с другом диады женщин старшего и среднего поколений. При более высокой удовлетворенности ребенка воспитанием значения ценностно-ориентационного единства в диаде выше. Различия в ценностях сиблингов связаны с ценностями достижений и этико-эстетической направленности. Корреляции профилей показывают сходство общей структуры ценностей во всех подсистемах. Индексы ЦОЕ-А и ЦОЕ-Р выражают степень ценностной интеграции в семейных диадах и по содержанию аналогичны интеркорреляциям индивидуальных ценностных иерархий.

Основные выводы. В вертикальных (родительско-детских) и горизонтальных (супружеских и сиблинговых) диадах сходство ценностных ориентаций достаточно высокое. Сопоставление профилей семейных диад из несвязанных между собой выборок позволяет говорить об общей согласованности и избирательной преемственности ценностных ориентаций в современной российской семье. Общая направленность ценностных ориентаций супругов, родителей и детей, сиблингов характеризуется, с одной стороны, высокой значимостью семейных ценностей (по таким аспектам, как безопасность родных людей и доверительность межличностных отношений), а с другой — выраженной направленностью на независимость и достижения. Эта конфигурация может быть источником противоречий и разобщенности членов семьи. В то же время межпоколенная и внутривоколенная сплоченность поддерживается преемственностью ценностей нравственной направленности и нормативного поведения, не имеющих различий во всех диадах.

Ключевые слова: ценностные ориентации; семья; ценностно-ориентационное единство; внутрисемейные диады; семейные ценности.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта: 124032600013-2.

Благодарности. Выражаем благодарность А.А. Медведевой, М.В. Соловьевой, В.В. Никандровой за помощь в сборе данных.

Для цитаты: Гуриева С.Д., Юмкина Е.А., Васина Е.А., Кузнецова И.В. Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 38—59. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>

Value Orientations in a Family: a Socio-Psychological Analysis

Svetlana D. Gurieva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievasv@gmail.com

Ekaterina A. Yumkina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Elena A. Vasina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1338-9215>, e-mail: e2009v@yandex.ru

Irina V. Kuznetsova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznecova@mail.ru

Objective. Socio-psychological analysis of value orientations in the main subsystems of the modern family (marital, parent-child, sibling).

Background. The scientific literature notes methodological heterogeneity in the study of intra-family values with the actual request of practice to determine the consistency of value orientations in various subsystems of the family. This becomes especially relevant in the modern historical situation for a deeper understanding of the processes of value-semantic integration and differentiation within the family.

Study design. The differences in actual and reflexive values in the dyads of married couples, parents and children, and siblings were investigated. The validity of differences was tested using statistical criteria for comparing mean (Student, Wilcoxon, Mann-Whitney). To analyze pairwise similarity, correlations of value profiles (po-Spearman, r-Pearson), indices of value-orientation congruence in actual (VOC-A) and reflective (VOC-R) assessments were calculated.

Participants. The study included 4 samples: married couples ($n = 58$ couples), college youth ($n = 193$; 44,6% males; 55,4% females), 3 generations of women from the same family ($n = 20$ triads), and respondents with a sibling ($n = 63$; 38% males; 62% females).

Measurements. The method "Value orientations-36" (modification of Sh. Schwartz's method) (Kunitsyna, 2005). In the sample of couples and three generations of women actual values were measured. In the sample of young people and respondents with siblings actual (answers for themselves) and reflexive (young people answered for their mothers, and respondents for their siblings). Adapted PEA questionnaire (Volkova, 2006) to assess the quality of relationships in couples and siblings.

Results. The specificity of value orientations in family subsystems (marital, parent-child, sibling) was revealed. Thus, the differences in family couples reflect the persisting social perception of the division of marital roles: men value independence and self-assertion more, and women value interpersonal relations. Differences in children's actual and reflexive evaluations testify to the selective intergenerational continuity of value orientations in the family. In the three-generation sample, it was found that the dyads of mothers and daughters are closer to each other in terms of value profiles than grandmothers and granddaughters; the dyads of older and middle-generation women are most similar to each other. The values of value-orientation unity in the dyad are higher with higher satisfaction with the child's upbringing. Differences in the values of siblings are related to the values of achievement and ethical and aesthetic orientation. Profile correlations show the similarity of the general structure of values in all subsystems. The indices VOC-A and VOC-R express the degree of value integration in family dyads and are similar in content to the intercorrelations of individual value hierarchies.

Conclusions. In vertical (parent-child) and horizontal (marital and sibling) dyads, the similarity of value orientations is quite high. Comparison of the profiles of family dyads from unrelated samples allows us to speak about the general consistency and selective continuity of value orientations in the modern Rus-

sian family. The general orientation of value orientations of spouses, parents and children, and siblings is characterized, on the one hand, by a high importance of family values (in such aspects as the safety of relatives and trustworthiness of interpersonal relations), and, on the other hand, by a pronounced focus on independence and achievement. This configuration can be a source of contradictions and disunity of family members. At the same time, intergenerational and intragenerational cohesion is supported by the continuity of values of moral orientation and normative behavior, with no differences in all dyads.

Keywords: *value orientations; family; value-orientation congruence; intra-family dyads; family values.*

Funding. This work was supported by St. Petersburg State University, project code 124032600013-2.

Acknowledgements. We express our gratitude to A.A. Medvedeva, M.V. Solovieva, and V.V. Nikandrova for their help in data collection.

For citation: Gurieva S.D., Yumkina E.A., Vasina E.A., Kuznetsova I.V. Value Orientations in a Family: a Socio-Psychological Analysis. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 38–59. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303> (In Russ.).

Введение

Семья является первичной средой развития человека и традиционной формой общности людей, через которую осуществляется демографическое и ценностное воспроизводство социума. Акцент на важности внутрисемейной интеграции и преемственности духовно-нравственных ценностей сделан в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 807 [23], что актуализирует задачу многоаспектного исследования ценностных ориентаций и их согласованности в семье и ее основных подсистемах.

Ценности на индивидуальном и социальном уровнях рассматриваются как устойчивые смысловые доминанты, определяющие жизненные приоритеты людей и отражающие идеи, идеалы и цели, к которым стремятся человек и общество. Ценностные отношения выражают субъектную позицию личности, систему ее связей с различными явлениями жизни, их значимость для нее. Ценностные ориентации являются частью системы отношений личности и определяют содержательную сторону ее направленности. Сложившаяся система ценностных ориентаций личности

выступает как когнитивно-конативный комплекс, обеспечивающий регуляцию деятельности, устойчивость жизненной стратегии, последовательность линии поведения [5]. Категории ценностей и ценностного отношения являются базовыми по отношению к категории ценностных ориентаций. Важно отметить, что в некоторых исследованиях понятия личностных ценностей и ценностных ориентаций рассматриваются как тождественные [4]; мы (авторы) придерживаемся данного мнения. При разработанности категории ценностей и ценностных ориентаций в психологической литературе существует дефицит работ, которые бы описывали ценностно-ориентационное единство семьи [8]. В современной российской ситуации эта задача представляется особенно актуальной в связи с процессами ценностной трансформации общества и дестабилизацией социализационной функции семьи [9; 12; 14; 16; 23].

Анализ ценностных ориентаций в семье целесообразно проводить, следуя логике структурных уровней семейной группы. В нуклеарной семье можно выделить три подсистемы: супружескую,

родительско-детскую и сиблинговую (семья с двумя и более детьми). В расширенной семье присоединяются дополнительные подсистемы (прародительская и др.). В каждой из подсистем ценностные ориентации имеют особенности в своем выражении и функционировании. Рассмотрим основные подходы и наиболее проблемные области в их изучении.

Исходная точка развития семьи как малой группы — образование супружеской пары. В научной литературе сложилось два подхода к ценностной природе стабильности пары: теория сходства (стабильные пары имеют схожие ценностные профили) и теория комплементарности (стабильные пары имеют дополняющие друг друга ценностные профили) [37]. Эмпирические данные не позволяют опровергнуть какую-либо из этих теорий и располагают к их объединению (стабильные пары схожи в одних ценностях и дополнительны в других) [27]. Существуют также два полярных взгляда, объясняющих функционирование ценностей в паре. Первый утверждает, что в ходе жизненного цикла супруги становятся все более похожими друг на друга в ценностях, а второй — что уровень ценностного сходства на момент выбора остается без изменений [26].

С рождением ребенка спектр семейной деятельности супругов дополняется практикой воспитания. Возникает вопрос: в какой мере ценностные ориентации детей воспроизводят ценностные ориентации родителей. В этой области накоплено больше всего разнообразных эмпирических данных, рассматриваемых с позиций теории трансмиссии ценностей [2; 3; 6; 10] и теории ценностного самоопределения [19; 31]. Данные теории объединяются в связи с изучением формирования социальной идентичности личности в семье [7]. Установлено,

что на разных стадиях идентификации (по Дж. Марсиа [34]) начиная с подросткового возраста сходство в ценностных профилях детей и родителей колеблется от минимального (в период диффузной идентичности) к максимальному (в период преждевременной идентичности) и к умеренному (достигнутая идентичность) [35]. В проблемном поле остаются сложные вопросы о сохранении, стабилизации ценностных ориентаций детей и понимании механизма тех факторов, которые приводят к усилению различий в ценностях поколений [21].

С появлением второго ребенка в семье формируется полноценная детская подсистема, в которой между сиблингами устанавливается асимметрия в отношениях (по возрасту и полу) [31]. При этом картина согласованности внутрисемейных ценностей становится еще более сложной. Понимание единства в концептуализации ценностных ориентаций сиблингов пока не достигнуто [29]. Можно отметить ряд исследований в русле теории самодетерминации, изучающих качество отношений сиблингов (конкуренция или сотрудничество) и меру сходства их ценностей в зависимости от него [31; 32]. Отмечается, что мера сходства сиблингов в ценностях с подросткового возраста является величиной постоянной (по аналогии с постоянством в ценностях супружеских пар во времени). Тем не менее вопрос о том, как это сходство опосредуется влиянием родителей, остается открытым [32].

Таким образом, общим проблемным моментом является вопрос о том, согласованность в каких ценностях наиболее существенна для стабильности семьи в каждой из ее подсистем. Углубление в эмпирические данные показывает, что вопрос о методах измерения согласованности ценностных ориентаций в семье также относится к дискуссионным.

Так, для диагностики ценностей в семейных диадах или группах чаще всего используются два инструментария (в модификациях и вариациях), разработанных на основе соответствующих теорий: М. Рокича и Ш. Шварца. Согласно М. Рокичу, ценности разделяются на два типа: терминальные и инструментальные [22], что задает однозначное соподчинение в мотивационных структурах. Иной принцип заложен в теории Ш. Шварца, рассматривающей ценности как единый мотивационный континуум. Различия между ценностями относительно, и их смысловое структурирование может проводиться по различным основаниям [25], что дает больше возможностей для интерпретации и учета социального контекста [11].

В аналитическом обзоре А. Руст с соавт. было отмечено, что разные способы измерения дают различное представление о сходстве в ценностях [35]. Так, корреляции среднегрупповых значений ценностей в совокупных выборках родителей и детей или сиблингов имеют меньше общего, чем корреляции абсолютных разниц или профилей в диадах. Для оценки качества отношений в супружеской паре более достоверными показателями являются корреляции актуальных ценностей [26], тогда как для вывода о трансмиссии ценностей в родительско-детской подсистеме более содержательны корреляции профилей актуальных ценностей ребенка и рефлекслируемых им ценностей родителей [37].

В целом, анализ научной литературы показывает большую методологическую неоднородность в изучении внутрисемейных ценностей. *Цель* данной статьи состоит в социально-психологическом анализе ценностных ориентаций в основных подсистемах современной семьи (супружеской, родительско-детской, сиблинговой), основанном на результатах многолетних исследований, проводившихся под руко-

водством профессора В.Н. Куницыной [13; 14; 15]. Уникальность и новизна работы состоят в том, что подобного рода исследования не встречались нам ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе.

Метод

Выборка. Мониторинг ценностных ориентаций в семейном контексте осуществлялся авторским коллективом с 2006 по 2024 г. Для целей данной статьи из совокупной выборки в более чем 1100 респондентов были выбраны 4 подвыборки ($n = 432$), которые позволяют проиллюстрировать специфику ценностных ориентаций в трех рассмотренных выше семейных подсистемах: супружеской, родительско-детской и сиблинговой. Охарактеризуем каждую выборку в отдельности.

Выборка 1. Семейные пары ($n = 58$), стаж совместного проживания от 1 года до 5 лет, что соответствует этапу становления молодой семьи. Средний возраст мужчин — 27 лет, женщин — 26 лет. Большая часть пар проживает в Санкт-Петербурге, Москве.

Выборка 2. Молодежь ($n = 193$): 44,6% — юноши, 55,4% — девушки. Средний возраст — 19 лет, студенты вузов Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Ярославля. 84% воспитывались в полной семье.

Выборка 3. 20 женских триад: пра-родитель — родитель — ребенок. Средний возраст бабушек — 72,6 лет. 85% замужем, 15% вдовы. Средний возраст мам — 46,4 лет: 45% — замужем, 40% — не замужем, 15% — незарегистрированный брак. Средний возраст внушек — 22,5 лет: 15% — замужем, 10% — незарегистрированный брак, 75% — не замужем. Респонденты проживали в небольшом (около 200 тыс.) городе Ярославской области. В основном все женщины воспитывались в полных семьях.

Выборка 4. Респонденты ($n = 63$), имеющие сиблинга (38% мужчин, 62% женщин), из Санкт-Петербурга и Москвы. Возраст от 17 до 30 лет (средний возраст — 23 года). 16% респондентов — мужчины, у которых есть братья. 22% — мужчины, у которых есть сестра, 36% — женщины, у которых есть брат, 26% — женщины, у которых есть сестра. 92% респондентов воспитывались в полных семьях. Разница в возрасте в диапазоне от 1 до 7 лет. 38% респондентов — старшие сиблинги, 62% — младшие.

Процедура и инструментарий

Выборка 1. Психологическое обследование семейных пар проводилось в ходе очных встреч, а также через рассылку пакета методик по электронной почте.

Выборка 2. Обследование молодежи проводилось очно в формате массового опроса.

Выборка 3. Респонденты из семейных групп (триады) обследовались при личной встрече.

Выборка 4. Респонденты с сиблингами выполняли методики с использованием онлайн-форм в социальных сетях.

Все выборки собирались методом «снежного кома».

Для диагностики ценностей в каждой выборке использовалась методика «Ценностные ориентации-36» (ЦО-36), представляющая собой модификацию ценностного опросника Ш. Шварца, которая была осуществлена В.Н. Куницыной в 2005 г. Она включает в себя 36 ценностей, сгруппированных в 12 мотивационно-ценностных блоков, и предназначена для исследования ценностей разных поколений; при этом перечень семейных ценностей был расширен. Подробное описание и обоснование модификации методики приводятся в статье [13].

В выборке 1 каждый партнер оценивал значимость 36 ценностей, актуальных

для себя. Для оценки удовлетворенности отношениями в паре использовалась методика ПЭА («Понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность») Н.В. Волковой [20].

В выборке 2 каждый респондент заполнял ЦО-36 дважды — за себя и за маму. Из совокупной выборки в 193 человека за маму заполнили 178. Такой прием был выбран потому, что в исследованиях отмечается большее сходство воспринятых оценок с позиции родителя с актуальным ценностным профилем ребенка [35]. Дополнительно респонденты заполняли биографическую анкету, в которой был вопрос об удовлетворенности семейным воспитанием.

На основе методики ЦО-36 рассчитывался индекс ценностно-ориентационного единства (ЦОЕ). Он представляет собой диадический индекс, вычисляемый как инвертированная разница между ценностными ориентациями двух членов семьи (X_{i1} и X_{i2}), где N — это количество сопоставляемых ценностных ориентаций (в нашем случае их 36).

$$ЦОЕ = \frac{1}{1 + \sum_{i=1}^N |X_{i1} - X_{i2}|}$$

Содержательная интерпретация этого индекса может варьироваться в зависимости от того, какие ценности сравниваются. Если сопоставляются актуальные ценности (например, каждого супруга в паре), то этот индекс (ЦОЕ-А, где А = актуальное) тождествен изначальному смыслу (согласно теории групповой сплоченности А.В. Петровского), то есть отражает меру общности ценностных ориентаций малой группы в совместной деятельности. Чем ближе ЦОЕ-А к единице, тем более схожи ценностные ориентации. Если же сопоставляются актуальные ценности и ожидаемые (например, ребенок отвечает за себя и за ро-

дителя), то тогда эта формула приобретает смысл рефлексивного ЦОЕ (ЦОЕ-Р) [12] и отражает меру воспринимаемого сходства и идентификации одного субъекта с другим по ценностям. Данный индекс позволяет предполагать, в какой степени один субъект выбирает второго как эталон. Чем ближе ЦОЕ-Р к единице, тем в большей степени респондент ориентируется на другого члена семьи и тем больше он схож с ним в ценностных ориентациях. Учитывая данные других авторов о том, что корреляции абсолютных разниц в ценностях членов диад часто довольно низкие [33], были рассчитаны и корреляции ценностных профилей в диадах.

В выборке 3 каждый респондент заполнял ЦО-36 только за себя.

В выборке 4 респонденты заполняли ЦО-36 дважды – за себя и за сиблинга (по аналогии с выборкой 2). Здесь данный прием служил тем же целям – оценке степени ценностной идентификации с сиблингом. Для диагностики качества отношений в паре сиблингов также использовалась методика ПЭА в модификации авторов [17]. Суть модификации состояла в изменении инструкции (оценка не романтического партнера, а брата

или сестры) и в изменении формулировок двух вопросов с тем, чтобы убрать в них романтический подтекст.

Обработка данных. Анализ данных проводился с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 20.0. Использовались критерии сравнения средних значений. В зависимости от результатов проверки данных на нормальность распределения применялись различные критерии: в выборках 1 и 2 – Т-критерий Стьюдента для зависимых выборок, в выборках 3 и 4 – Т-критерий Уилкоксона для зависимых выборок, в выборке 4 – критерий *U* Манна-Уитни для зависимых выборок. Помимо этого, рассчитывались корреляции (*r*-Пирсона и *rho*-Спирмена).

Результаты

Сравнительный анализ ценностных ориентаций в семейных парах

При сравнении ценностных ориентаций в семейных парах по 26 ценностям из 36 различий между партнерами не обнаружено. Значимые отличия представлены в табл. 1 и на рис. 1.

Таблица 1
Сравнительные данные по значениям ценностных ориентаций ($M \pm SD$) в выборке 1 (семейные пары, $n = 58$)

Ценности	Мужья		Жены		<i>p</i>
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	
Защита семьи	11,03	1,45	10,48	1,98	0,012
Полезность	7,12	2,60	6,06	2,45	0,012
Понимание и доверие в семье	9,46	1,93	10,17	1,36	0,006
Независимость	7,36	2,73	6,20	2,51	0,013
Зрелая любовь	7,55	2,76	8,70	2,12	0,001
Внутренняя гармония	7,44	2,38	8,34	2,63	0,030
Отвага	5,29	2,77	3,93	2,70	0,009
Честность	7,65	2,57	6,75	3,09	0,045
Авторитетность	6,50	2,65	4,53	2,81	0,000

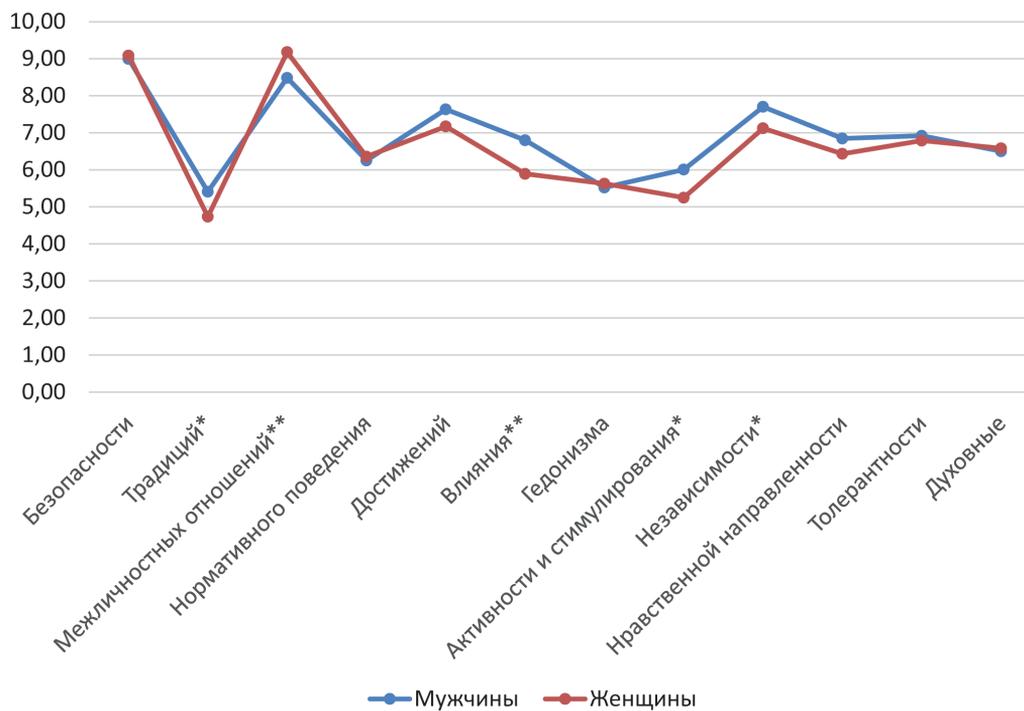

Рис. 1. Профили актуальных ценностей семейных пар по средним значениям показателей мотивационно-ценностных блоков: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

Для мужчин в большей степени важны авторитетность, отвага, защита семьи, полезность, независимость, честность. Женщины больше ценят зрелую любовь (как глубокую эмоциональную близость), понимание и доверие в семье, внутреннюю гармонию. Сходство между партнерами отмечается по большинству базовых ценностей, помимо этого выявлена комплементарность – по тем ценностям, которые хорошо укладываются в гипотезу разделения ролей [27].

Индекс ЦОЕ составил $0,30 \pm 0,65$ (для 58 пар), что говорит об умеренном единстве молодых супругов в значимых ценностях. Минимум ЦОЕ-А равен 0,18, а максимум = 0,55. Уровня значимости корреляции ЦОЕ с аспектами качества отношений в паре не достигли. Вместе с

тем корреляция ценностных профилей в парах составила 0,90, $p < 0,01$.

Ценностные ориентации взрослых детей и их матерей (в представлениях детей)

Структуры ценностных ориентаций взрослых детей и их матерей (по оценкам детей) имеют много общего, корреляция профилей составляет 0,87 при $p < 0,01$, что свидетельствует о сходстве и преемственности не только ценностных доминант, но и ценностей нейтрального и не предпочитаемого диапазонов. Абсолютными приоритетами в иерархиях двух поколений являются семейные ценности (защита семьи, понимание и доверие в семье), имеющие наиболее высокие ранги, что согласуется с данными международного ис-

следования ценностей [28] и российских авторов [18; 21; 24]. Одинаково высоко оцениваются ценности безопасности, низкий статус имеют гедонизм и традиции. Для детей выше значимость межличностных отношений, активности и стимулирования, а для матерей — традиций и толерантности. Достоверно значимые различия выявлены по 15 ценностным позициям (см. табл. 2) и по 4 мотивационно-ценностным блокам (см. рис. 2).

Индекс ЦОЕ-Р = $0,39 \pm 0,15$, выражает среднюю степень межпоколенной солидарности в семье. По дополнительным, анализируемым нами данным из демографической анкеты, ЦОЕ-Р выше в полных, расширенных семьях (0,43) по сравнению с нуклеарными (0,39) и неполными (0,35), а также в семьях эгалитарных (0,42) в сравнении с семьями, где

доминирует один из родителей — отец (0,37) или мать (0,38).

По данным корреляционного анализа индекс ЦОЕ-Р поддерживается семейными ценностями (защита семьи, понимание и доверие в семье, уважение к родителям), а также ответственностью, вежливостью, заботой о здоровье, смыслозначимой определенностью. Эти ценности объединяют семью, являются общими для молодежи и старших, не имеют существенных расхождений в оценках значимости. Кроме этого, внутрисемейной интеграции способствуют более высокая оценка детьми честности, терпимости и уважения традиций и поддержка родителями внесемейных ценностей (см. Приложение).

ЦОЕ-Р положительно коррелирует с удовлетворенностью детей семейным воспитанием ($r = 0,29; p < 0,01$).

Таблица 2

**Значения показателей ценностных ориентаций (M ± SD) в выборке 2
(молодые люди и их оценка матерей)**

Ценности	Ценности молодых людей (n = 178), актуальные для себя		Восприятие ценностей матерей (в оценке молодых людей) (n = 178)		p
	M	SD	M	SD	
Уважение традиций	4,82	2,62	6,13	2,60	0,000
Религиозность	3,90	2,82	5,18	3,08	0,000
Терпимость	6,40	2,41	7,44	2,19	0,000
Мудрость	6,94	2,28	7,84	2,14	0,000
Защита семьи	10,41	2,12	11,21	1,47	0,000
Полезность	6,73	2,44	7,52	2,14	0,001
Мир прекрасного	5,41	2,62	5,98	2,49	0,035
Независимость	7,62	2,35	7,12	2,08	0,034
Смысл жизни	8,33	2,18	7,68	2,35	0,006
Отвага	5,12	2,70	4,25	2,54	0,002
Удовольствия	6,72	2,16	5,83	2,23	0,000
Достижение успеха	8,93	1,83	8,02	2,51	0,000
Разнообразии жизни	6,37	2,47	5,35	2,48	0,000
Интересная жизнь	6,56	2,43	5,28	2,31	0,000
Настоящая дружба	8,87	2,02	7,15	2,41	0,000

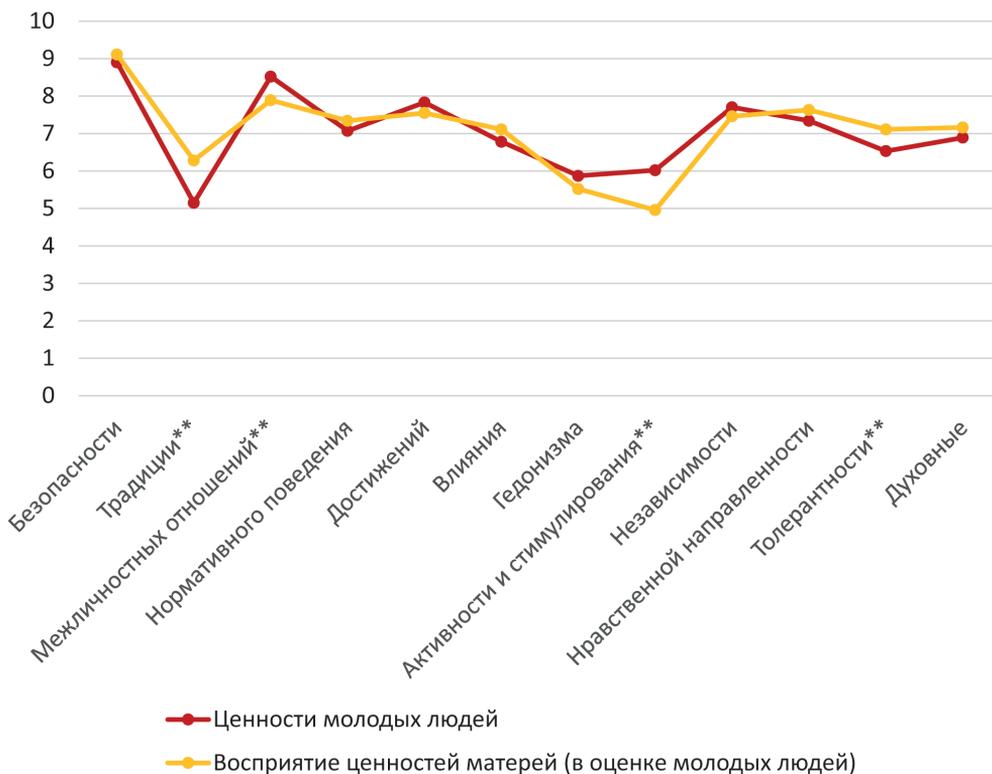

Рис. 2. Профили ценностей молодежи и их рефлексивного восприятия ценностей своих матерей: ** – $p < 0,01$

Анализ ценностных ориентаций в трех поколениях женщин одной семьи

Сравнительный анализ актуальных ценностей в трех поколениях женщин

(20 триад) обнаружил сходство между ними по 25 из 36 ценностей. Значимые отличия выявлены по 11 ценностям (см. табл. 3) и по 6 мотивационно-ценностным блокам (см. рис. 3).

Таблица 3

Значения показателей ценностных ориентаций ($M \pm SD$) в трех поколениях женщин одной семьи (значимые отличия)

Ценности	Женщины старшего поколения (бабушки) (n = 20)		Женщины среднего поколения (мамы) (n = 20)		Женщины младшего поколения (внучки) (n = 20)		p
	M	SD	M	SD	M	SD	
Защита семьи	10,75	2,22	11,45	0,75	10,35	1,72	$m > v; 0,017$
Уважение традиций	7,90	1,99	6,20	2,54	5,65	2,58	$b > v; 0,002$

Настоящая дружба	7,40	1,53	7,40	1,98	8,50	1,53	в > м; 0,05 в > б; 0,024
Религиозность	5,30	3,37	3,15	2,58	3,05	3,26	б > м; 0,010 б > в; 0,014
Мудрость	7,80	2,33	6,70	1,92	6,55	1,46	б > м; 0,007 б > в; 0,050
Потакание себе	1,80	1,10	2,45	1,93	2,90	1,99	в > б; 0,034
Разнообразие жизни	4,55	1,39	4,55	1,87	6,60	2,18	в > б; 0,010 в > м; 0,000
Смысл жизни	5,45	1,84	6,20	1,93	7,75	2,07	в > б; 0,010 в > м; 0,013
Наслаждение жизнью	5,50	2,48	5,65	1,89	7,45	2,16	в > б; 0,010 в > м; 0,001
Удовольствие	4,95	2,01	5,00	1,52	6,35	2,13	в > б; 0,030 в > м; 0,011
Интересная жизнь	4,40	2,21	4,30	2,17	6,80	2,41	в > б; 0,004 в > м; 0,001

Примечание: в скобках отмечено, между кем различия значимы («б» — бабушки, «м» — матери, «в» — внушки).

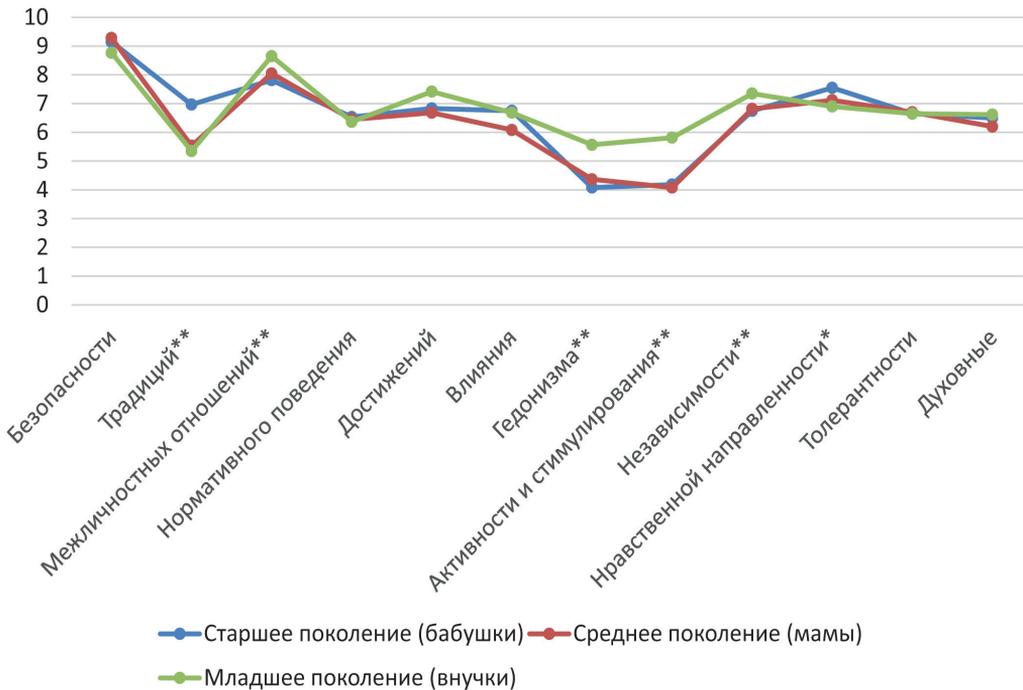

Рис. 3. Профили ценностей трех поколений женщин одной семьи (бабушки — мамы — внушки): * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Для женщин старшего поколения (бабушки), в отличие от женщин среднего и младшего, более важны уважение традиций, мудрость, религиозность. Женщины среднего поколения (мамы) выше оценивают защиту семьи. Женщинам младшего поколения (внучки) важнее настоящая дружба, смысл жизни, разнообразная, интересная жизнь, удовольствия, что согласуется с данными других авторов [6; 36].

Расчет индексов ЦОЕ показал следующие значения в семейных диадах: у женщин старшего поколения с женщинами младшего (бабушки-внучки) $ЦОЕ = 0,31 \pm 0,07$; у женщин старшего поколения со своими дочерьми $ЦОЕ = 0,34 \pm 0,06$; у женщин среднего поколения со своими дочерьми $ЦОЕ = 0,32 \pm 0,06$. Эти значения соответствуют корреляциям профилей, согласно которым бабушки в ценностях больше схожи со своими дочерьми ($r = 0,86$; $p < 0,01$), чем со своими внучками ($r = 0,59$; $p < 0,01$), а внучки, в свою очередь, ближе к своим мамам ($r = 0,77$; $p < 0,01$).

Анализ ценностных ориентаций в представлениях сиблингов

Анализ сравнения актуальных ценностей респондентов с воспринимаемыми ценностями их сиблингов обнаружил сходство по 27 из 36 ценностей. Значимые отличия выявлены по 9 ценностям (см. табл. 4) и по 5 мотивационно-ценностным блокам (см. рис. 4).

Респонденты считают, что их сиблинги в большей степени ориентированы на достижение успеха и потакание себе. При этом для себя респонденты отмечают более высокую значимость мира прекрасного, здоровья, внутренней гармонии, мудрости, широты взглядов, вежливости, понимания и доверия в семье.

ЦОЕ-Р сиблингов составляет $0,34 \pm 0,12$. Выше всего значение ЦОЕ-Р у респондентов мужчин, имеющих братьев ($0,38 \pm 0,17$), ниже всего у женщин, имеющих сестер ($0,30 \pm 0,08$). Корреляции профилей $r = 0,87$, $p < 0,01$.

Корреляционный анализ ЦОЕ-Р с компонентами качества отношений с си-

Таблица 4

Значения показателей ценностных ориентаций ($M \pm SD$) респондентов и восприятие ценностей их сиблингов

Ценности	Собственные оценки респондента ($n = 63$)		Восприятие ценностей сиблинга (в оценке респондента) ($n = 63$)		p
	M	SD	M	SD	
Достижение успеха	8,69	2,14	9,58	2,31	0,015
Мир прекрасного	7,27	2,08	6,17	2,85	0,005
Понимание и доверие в семье	8,96	2,11	8,03	2,71	0,020
Здоровье	8,79	2,08	7,66	2,62	0,002
Мудрость	7,34	2,68	6,38	2,87	0,017
Потакание себе	4,20	2,90	5,19	3,11	0,008
Внутренняя гармония	9,01	2,33	7,82	2,14	0,003
Широта взглядов	7,98	2,29	7,14	2,54	0,020
Вежливость	7,15	2,52	6,22	2,41	0,019

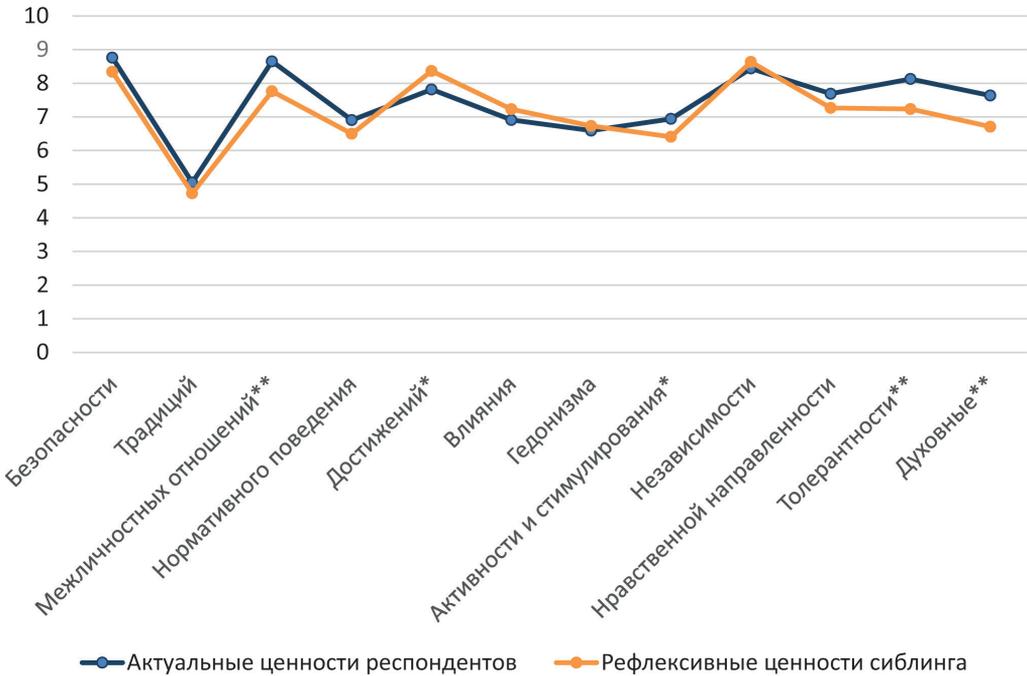

Рис. 4. Профили ценностей респондентов и их рефлексивного восприятия ценностей своих сиблингов: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

блингом выявил значимые корреляции с эмоциональным притяжением ($r = 0,56$; $p < 0,01$) и авторитетностью ($r = 0,37$; $p < 0,01$). Чем выше ценностное сходство с сиблингом, тем более позитивные эмоции он вызывает и тем большим авторитетом обладает.

Обсуждение результатов

Конфигурации ценностных профилей в вертикальных (родительско-детских) и горизонтальных (супружеских и сиблинговых) диадах характеризуются достаточно высокой степенью сходства ценностей доминирующих, нейтральных и не предпочитаемых, о чем свидетельствуют корреляции профилей, а также сравнение средних значений мотивационно-ценностных блоков.

Индексы ЦОЕ, представленные в 2 вариантах (ЦОЕ-А и ЦОЕ-Р), выражают степень ценностной интеграции в диадах [12; 37] и по содержанию аналогичны корреляциям ценностных профилей. Они строятся на количественной оценке различий по всем позициям и маркируют обобщенный эффект расхождения в диаде. ЦОЕ-А – объективный показатель, ЦОЕ-Р – характеризует еще и степень идентификации субъекта со вторым участником диады.

Согласованность внутрисемейных ценностей, наблюдаемая во всех подсистемах семьи, обеспечивается балансом ценностей традиционных, способствующих сохранению определенной стабильности, и инновационных, связанных с открытостью новому опыту [30; 32], что

не противоречит данным для России в целом [16].

Общее во всех ценностных профилях — приоритетность семейных ценностей, представленных в мотивационно-ценностных блоках безопасности и межличностных отношений, а также высокая значимость независимости и достижений, что может быть источником противоречий в семье. В родительско-детских (вертикальных) диадах обнаружены различия в блоках традиций, активности и стимулирования (по субъективным оценкам детей), а в триадах — еще и гедонизма (объективно). В горизонтальных диадах — у сиблингов (субъективно) — различия в блоках толерантности, духовности и межличностных отношений; в супружеских парах (объективно) — в ценностях влияния и межличностных отношений. Преемственность наблюдается в ценностях нравственной направленности и нормативного поведения, не имеющих различий во всех диадах.

Средние значения индексов ЦОЕ характеризуют диапазон эмпирической средней нормы. Для родительско-детских диад расхождение может быть связано с процессами сепарации и самоопределения [33]. Самый низкий индекс ЦОЕ-А отмечен у супругов, что, возможно, обусловлено составом выборки (пары, находящиеся на этапе становления и развития отношений). Наличие брата или сестры в семье задает особые векторы в ценностных ориентациях личности: самоопределение в категориях альтруизма и эгоизма, достижений, ценностей этической и эстетической направленности. Сходство с сиблингом во взгляде на ценности связано с безусловным ценностным отношением к нему. Конкурентные отношения между сиблингами приводят к снижению ценностного единства [32].

Способ измерения ценностного единства между членами семьи дает различную картину. ЦОЕ на основе абсолютных разностей (как по актуальным, так и по рефлекслируемым ценностям) показывает, что различия в конкретных ценностях могут быть довольно существенными, какую бы подсистему семьи мы не рассматривали. В то же время корреляции профилей свидетельствуют о близости (конгруэнтности) ценностных иерархий членов семейной группы, что согласуется с данными А. Кнафо и Ш. Шварца [33]. ЦОЕ-А в супружеской подсистеме подходит при оценке совместимости [27], хотя опираться только на него было бы недостаточно, так как, по данным Е.Н. Аверинной, имеет значение наличие детей [1]. ЦОЕ-А в родительско-детской подсистеме отражает имплицитный компонент в межпоколенной трансмиссии ценностей, тогда как ЦОЕ-Р — осознаваемое сходство. Эти данные уточняют соотношения теорий межпоколенной трансмиссии [10] и самодетерминации [31] с учетом этапов в развитии нравственного самосознания ребенка. В сиблинговой подсистеме ЦОЕ-Р также позволяет сделать вывод о степени осознаваемого сходства человека со своим братом или сестрой.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о сложных процессах ценностно-смысловой интеграции и дифференциации в семье, происходящих во всех ее подсистемах под влиянием социокультурной среды. Для анализа согласованности внутрисемейных ценностей необходима опора на четкий концептуальный аппарат и сочетание различных методов изучения ценностного единства. В теоретическом плане наиболее весомыми объяснительными схемами являются системный подход, теория межпоколенной

трансмиссии, теория самоопределения и теория идентичности. Их понятийное наполнение позволяет учесть социально-психологические факторы динамики ценностей в связи со структурными перестройками в семье в контексте исторического развития общества.

Полученные в результате исследования данные могут быть использованы в семейном консультировании, направленном на сохранение, развитие семьи и укрепление ее социализационного потенциала.

Ограничения. Основным ограничением данного исследования является то, что, стремясь охватить ценностные ориентации в семье в целом, не для каждой из ее подсистем мы представили сопоставимые данные. Так, для супружеской под-

системы не измерялся ЦОЕ-Р, который мог бы стать критерием оценки взаимопонимания в паре, а для сиблинговой — не измерялся ЦОЕ-А, который позволил бы учесть имплицитные эффекты сродства братьев и сестер. Кроме того, перспективно включить в диагностику семейных ценностей детей и родителей методики на оценку социальной идентичности, чтобы дифференцировать временные эффекты ценностных различий. Дальнейшие исследования могут быть направлены на восполнение этих пробелов, разработку единообразной системы диагностики семейных ценностей, качества внутрисемейных отношений, социальной идентичности и субъективного благополучия личности с учетом социальной желательности в ответах респондентов.

Приложение

Корреляционные связи ЦОЕ-Р с ценностными ориентациями детей и их матерей (*r*-Пирсона)

Ценности	Дети (<i>n</i> = 178)	Матери (<i>n</i> = 178)
Защита семьи	0,308**	0,171*
Достижение успеха		0,182*
Уважение традиций	0,172*	
Настоящая дружба		0,189*
Забота о себе		0,162*
Интеллект		0,226**
Выбор собственных целей		0,184*
Понимание и доверие в семье	0,159*	0,169*
Здоровье	0,198**	0,170*
Независимость		0,262**
Религиозность		-0,177*
Зрелая любовь		0,160*
Уважение родителей	0,213**	0,177*
Смысл жизни	0,159*	0,285**
Честность	0,154*	

Ценности	Дети (n = 178)	Матери (n = 178)
Вежливость	0,178*	0,164*
Интересная жизнь		0,165*
Ответственность	0,217**	0,159*
Терпимость	0,224**	

Примечания: ** – $p < 0,01$; * – $p < 0,05$.

Литература

1. Аверина Е.Н. Особенности семейных ценностей у супружеских пар, имеющих и не имеющих детей // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8(100). С. 113–118. DOI:10.24158/spp.2022.8.16
2. Басина Н.И. Трансляция ценностей фамилизма в контексте социодинамики семейных систем // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. 2023. С. 247–252.
3. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 94–106. DOI:10.31857/S013216250016970-0
4. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Аспект-Пресс, 2001. 301 с.
5. Васина Е.А. Ценностные ориентации: феноменология, структура, динамика. Архангельск: Типография А4, 2013. 84 с.
6. Гришина Н.В., Лавренчук С.Ю. Ценностные ориентации личности: семья и поколение // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2008. Сер. 12. Вып. 3. С. 113–123.
7. Гуриева С.Д. Семейные ценности и этническая идентичность в разных поколениях // Панорама Евразии. 2012. № 2(10). С. 33–38.
8. Зуев К.Б. Основные направления изучения семьи, брака и родительства в современной психологии // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 9–15.
9. Ильиных С.А. Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5. № 2(16). С. 52–59. DOI:10.18522/2658-5820.2022.2.4
10. Картова В.М. Межпоколенная трансляция ценностных ориентаций в нуклеарных семьях // Семейно-детный образ жизни в социологическом измерении / Под общ. ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 74–78.
11. Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностно-ориентированного поведения человека // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 20–33. DOI:10.17759/sps.2021120402
12. Комарова Т.К. Ценностно-ориентационное единство семьи как фактор ее эффективности в межпоколенном наследовании // Материалы V международной научно-практической конференции «Мир для женщины – женщины для мира» (г. Гродно, 25 мая, 2016 г.). Гродно: ЮрСаПринт, 2016. С. 194–198.
13. Куницына В.Н. Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (СО-36, ПиН) // Семья в современном мире / Сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 42–54.
14. Куницына В.Н., Васина Е.А., Казанцева Т.В., Кузнецова И.В. Трансляция ценностей в современной семье: концепции, методы исследования, некоторые результаты и перспективы изучения // Семья в современном мире / Сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 7–16.

15. *Куницына В.Н., Юмкина Е.А.* Семейные отношения и дом. СПб.: Лема, 2015. 84 с.
16. *Магун В.С.* Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. Т. 49. № 12. С. 44–58. DOI:10.31857/S013216250029336-2
17. *Медведева А.А., Гуриева С.Д.* Взаимоотношения сиблингов как фактор формирования ценностной сферы личности // Материалы международной научной конференции молодых ученых «Психология XXI века. Психологические исследования: от теории к практике» (г. Санкт-Петербург, 21-23 апреля 2021 г.). СПб., 2021. С. 145–146.
18. *Мухаметдинова А.Р., Полищук М.А.* Место семьи в системе ценностей современной городской молодежи // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. Вып. 1. С. 42–52. DOI:10.35634/2587-9030-2022-6-1-42-52
19. *Новикова М.А., Реан А.А.* Особенности материнского отношения в связи с формированием ценностных ориентаций современных подростков // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 2. С. 148–165. DOI:10.17759/sps.2021120209
20. *Олифиревич Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф.* Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006. 160 с.
21. *Рожкова Л.В., Дубина А.Ш.* Семейные ценности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 138–142. DOI:10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142
22. *Рокич М.* Методика «Ценностные ориентации» // Большая энциклопедия психологических тестов / Авт.-сост. А.А. Карелин. М.: Эксмо, 2009. С. 26–28.
23. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». М., 2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 25.05.2024).
24. *Харитонова Е.В., Холондович Е.Н.* Трансляция семейных ценностей как основы российского менталитета // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 5(128). С. 120–131. DOI:10.20323/1813-145X-2022-5-128-120-131
25. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
26. *Caspi A., Herbener E.S., Ozer D.J.* Shared experiences and the similarity of personalities: a longitudinal study of married couples // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62. № 2. P. 281–291. DOI:10.1037//0022-3514.62.2.281
27. *Dell'Isola R.S.* Value congruence, goal congruence, and conflict as predictors of early marital disruption. 2021. URL: <https://krex.k-state.edu/items/dd64e0de-6f77-435e-975f-be73a21c0f29> (дата обращения: 25.07.2024).
28. *Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J.* World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0. 2022. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. DOI:10.14281/18241.24
29. *Jensen A.C., Killoren S.E., Campione-Barr N., Padilla J., Chen B.B.* Sibling relationships in adolescence and young adulthood in multiple contexts: A critical review // Journal of Social and Personal Relationships. 2023. Vol. 40. № 2. P. 384–419. DOI:10.1177/02654075221104188
30. *Kara D., Bauer P.J., Şahin-Acar B.* Transitions and transformations in sibling relationships: Characteristics of Turkish and US young adults' sibling-related turning-point memories // Journal of Social and Personal Relationships. 2023. Vol. 40. № 2. P. 459–482. DOI:10.1177/02654075221116793
31. *Kasser T.* Sketches for a self-determination theory of values // Handbook of self-determination research / E.L. Deci, R.M. Ryan (Eds.). Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002. P. 123–140.

32. Killoren S.E., Wheeler L.A., Updegraff K.A., Rodriguez de Jesús S.A., McHale S.M. Longitudinal associations among parental acceptance, familism values, and sibling intimacy in Mexican-Origin families // *Family Process*. 2015. Vol. 54. № 2. P. 217–231. DOI:10.1111/famp.12126
33. Knafo A., Schwartz S.H. Identity formation and parent-child value congruence in adolescence // *British Journal of Developmental Psychology*. 2004. Vol. 22. № 3. P. 439–458. DOI:10.1348/0261510041552765
34. Marcia J.E. The ego identity status approach to ego identity // *Ego identity. A handbook for Psychosocial Research* / J.E. Marcia, A.S. Waterman, D.R. Matteson, S.L. Archer, J.L. Orlofsky (Eds.). Springer, NY, 1993. P. 3–21.
35. Roest A.M.C., Dubas J.S., Gerris J.R.M., Engels R.C.M.E. Value similarities among fathers, mothers, and adolescents and the role of a cultural stereotype: Different measurement strategies reconsidered // *Journal of Research on Adolescence*. 2009. Vol. 19. № 4. P. 812–833. DOI:10.1111/j.1532-7795.2009.00621.x
36. Sabatier C., Lannegrand-Willems L. Transmission of family values and attachment: a French three-generation study // *Applied Psychology*. 2005. Vol. 54. № 3. P. 378–395. DOI:10.1111/j.1464-0597.2005.00216.x
37. Whitbeck L.B., Gecas V. Value Attributions and Value Transmission between Parents and Children // *Journal of Marriage and the Family*. 1988. Vol. 50. № 3. P. 829–840. DOI:10.2307/352651

References

1. Averina E.N. Osobennosti semeinykh tsennostei u supruzheskikh par, imeyushchikh i ne imeyushchikh detei [Peculiarities of Family Values in Married Couples with and without Children]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, no. 8(100), pp. 113–118. DOI:10.24158/spp.2022.8.16 (In Russ.).
2. Basina N.I. Translyatsiya tsennostei familizma v kontekste sotsiodinamiki semeinykh sistem [Translation of familism values in the context sociodynamics of family systems]. *Aktual'nye problemy obshchestva, ekonomiki i prava v kontekste global'nykh vyzovov = Actual problems of society, economy and law in the context of global challenges*, 2023, pp. 247–252. (In Russ.).
3. Bezrukova O.N., Samoilova V.A. Ottsovstvo v sovremennoi Rossii: smysly, tsennosti, praktiki i mezhpokolencheskaya translyatsiya [Fatherhood in modern Russia: meanings, values, practices and intergenerational translation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2022, no. 2, pp. 94–106. DOI:10.31857/S013216250016970-0 (In Russ.).
4. Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A. Sotsial'naya psikhologiya lichnosti [Social psychology of personality]. Moscow: AspektPress, 2001. 28 p. (In Russ.).
5. Vasina E.A. Tsennostnye orientatsii: fenomenologiya, struktura, dinamika [Value orientations: phenomenology, structure, dynamics]. Arkhangel'sk: Tipografiya A4, 2013. 84 p. (In Russ.).
6. Grishina N.V., Lavrenchuk S.Yu. Tsennostnye orientatsii lichnosti: sem'ya I pokolenie [Personal value orientations: family and generation]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2008, no. 3, pp. 113–123. (In Russ.).
7. Gurieva S.D. Semeinye tsennosti I etnicheskaya identichnost' v raznykh pokoleniyakh [Family values and ethnic identity in different generations]. *Panorama Evrazii = Panorama of Eurasia*, 2012. Vol. 2, no. 10, pp. 33–38. (In Russ.).
8. Zuev K.B. Osnovnye napravleniya izucheniya sem'i, braka I roditel'stva v sovremennoi psikhologii [The main directions of the study of family, marriage and parenthood in modern psychology]. In Mahnach A.V., Zuev K.B. (eds.). *Sem'ya, brak I roditel'stvo v sovremennoi Rossii. Vyp. 2. [Family, marriage and parenthood in modern Russia]*, 2015, pp. 9–15. (In Russ.).
9. Il'inykh S.A. Tsennosti supruzhestva, roditel'stva, rodstva: smysly i traktovka [Values of matrimony, parenthood, kinship: meanings and interpretation]. *Caucasian Science Bridge*, 2022. Vol. 5, no. 2(16), pp. 52–59. DOI:10.18522/2658-5820.2022.2.4 (In Russ.).

10. Karpova V.M. Mezhpokolennaya translyatsiya tsennostnykh orientatsii v nuklearnykh sem'yakh [Intergenerational translation of value orientations in nuclear families]. In Antonov A.I. (ed.). *Semeino-detniy obraz zhizni v sotsiologicheskom izmerenii* [Family and child lifestyle in the sociological dimension]. Moscow: MAKS Press, 2018, pp. 74–78. (In Russ.).
11. Kisel'nikova N.V. Metodologicheskie problemy izmereniya tsennosti i tsennostno-orientirovannogo povedeniya cheloveka [Methodological problems of measuring values and value-oriented human behavior]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 20–33. DOI:10.17759/sps.2021120402 (In Russ.).
12. Komarova T.K. Tsennostno-orientatsionnoe edinstvo sem'i kak factor ee effektivnosti v mezhpokolenom nasledovanii [The value-oriented unity of the family as a factor of its effectiveness in intergenerational inheritance]. *Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Mir dlja zhenshhiny – zhenshhiny dlja mira»* (g. Grodno, 25 maja, 2016 g.) [Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference “Peace for Women – Women for Peace”]. Grodno: YurSaPrint, 2016, pp. 194–198. (In Russ.).
13. Kunitsyna V.N. Metody izuchenija semeinykh cennostej I vzaimodejstviya vnutri sem'i (CO-36, PiN) [Methods of studying family values and interactions within the family (VO-36, PiN)]. In Kunitsyna V.N. (ed.). *Sem'ya v sovremennom mire [Family in the modern world]*. Saint-Petersburg: Publ. S.-Peterb. un-ta, 2010, pp. 42–54. (In Russ.).
14. Kunitsyna V.N., Vasina E.A., Kazantseva T.V., Kuznetsova I.V. Translyatsiya tsennosti v sovremennoi sem'e: kontseptsii, metody issledovaniya, nekotorye rezultaty perspektivy izucheniya [Translation of values in the modern family: concepts, research methods, some results and prospects of study]. In Kunitsyna V.N. (ed.). *Sem'ya v sovremennom mire [Family in the modern world]*. Saint-Petersburg: Publ. S.-Peterb. un-ta, 2010, pp. 7–16. (In Russ.).
15. Kunitsyna V.N., Yumkina E.A. Semeinye otnosheniya i dom [Family relations and home]. Saint-Petersburg: Lema, 2015. 84 p. (In Russ.).
16. Magun V.S. Evolyutsiya bazovykh tsennostei rossiiskogo naseleniya, 2006–2021 gody [The evolution of basic human values of the russians, 2006–2021]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2023. Vol. 49, no. 12, pp. 44–58. DOI:10.31857/S013216250029336-2 (In Russ.).
17. Medvedeva A.A., Gurieva S.D. Vzaimootnosheniya siblingov kak faktor formirovaniya tsennostnoi sfery lichnosti [Sibling relationships as a factor in the formation of the value sphere of personality]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii molodykh uchennykh «Psikhologija XXI veka. Psikhologicheskie issledovaniya: ot teorii k praktike»* (g. Sankt-Peterburg, 21–23 aprelya 2021 g.). [Materials of the international scientific conference of young scientists “Psychology of the XXI century. Psychological research: from theory to practice”]. Saint Petersburg, 2021, pp. 145–146. (In Russ.).
18. Mukhametdinova A.R., Polishchuk M.A. Mesto sem'i v sisteme tsennosti sovremennoi gorodskoi molodezhi [The place of the family in the value system of modern urban youth]. *Vestn. Udm. un-ta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2022. Vol. 6, no. 1, pp. 42–52. DOI:10.35634/2587-9030-2022-6-1-42-52 (In Russ.).
19. Novikova M.A., Rean A.A. Osobennosti materinskogo otnosheniya v svyazi s formirovaniem tsennostnykh orientatsii sovremennykh podrostkov [Characteristics of maternal attitude linked to values-based orientations of modern adolescents]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 148–165. DOI:10.17759/sps.2021120209 (In Russ.).
20. Olifirovich N.I., Zinkevich-Kuzemkina T.A., Velenta T.F. Psikhologiya semeinykh krizisov [Psychology of family crises]. Saint Petersburg: Rech', 2006. 160 p. (In Russ.).
21. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Semeinye tsennosti sovremennoi molodezhi [Contemporary youth family values]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya*.

- Politologiya = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023. Vol. 23, no. 2, pp. 138–142. DOI:10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142 (In Russ.).
22. Rokich M. Metodika «Tsenostnye orientatsii» [Values Orientations Inventory]. In Karelin A.A. (ed.). *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov* [The Great Encyclopedia of Psychological Tests]. Moscow: Eksmo, 2009, pp. 26–28. (In Russ.).
23. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniu i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» [Elektronnyi resurs] [Decree of the President of the Russian Federation. Federation of 09.11.2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy on Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values”]. Moscow, 2022. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Accessed 25.05.2024). (In Russ.).
24. Kharitonova E.V., Kholondovich E.N. Translyatsiya semeinykh tsennostei kak osnovy rossijskogo mentaliteta [Translation of family values as the basis of the russian mentality]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2022, no. 5(128), pp. 120–131. DOI:10.20323/1813-145X-2022-5-128-120-131 (In Russ.).
25. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [The refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70. (In Russ.).
26. Caspi A., Herbener E.S., Ozer D.J. Shared experiences and the similarity of personalities: a longitudinal study of married couples. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1992. Vol. 62, no. 2, pp. 281–291. DOI:10.1037//0022-3514.62.2.281
27. Dell'Isola R.S. Value congruence, goal congruence, and conflict as predictors of early marital disruption, 2021. Available at: <https://krex.k-state.edu/items/dd64e0de-6f77-435e-975f-be73a21c0f29> (Accessed 25.07.2024).
28. Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J. World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022. DOI:10.14281/18241.24
29. Jensen A.C., Killoren S.E., Campione-Barr N., Padilla J., Chen B.B. Sibling relationships in adolescence and young adulthood in multiple contexts. *A critical review. Journal of Social and Personal Relationships*, 2023. Vol. 40, no. 2, pp. 384–419. DOI:10.1177/02654075221104188
30. Kara D., Bauer P.J., Şahin-Acar B. Transitions and transformations in sibling relationships: Characteristics of Turkish and US young adults' sibling-related turning-point memories. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2023. Vol. 40, no. 2, pp. 459–482. DOI:10.1177/0265407522116793
31. Kasser T. Sketches for a self-determination theory of values. In Deci E.L., Ryan R.M. (eds.). *Handbook of self-determination research*. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002, pp. 123–140.
32. Killoren S.E., Wheeler L.A., Updegraff K.A., Rodríguez de Jesús S.A., McHale S.M. Longitudinal associations among parental acceptance, familism values, and sibling intimacy in Mexican-Origin families. *Family Process*, 2015. Vol. 54, no. 2, pp. 217–231. DOI:10.1111/famp.12126
33. Knafo A., Schwartz S.H. Identity formation and parent-child value congruence in adolescence. *British Journal of Developmental Psychology*, 2004. Vol. 22, no. 3, pp. 439–458. DOI:10.1348/0261510041552765
34. Marcia J.E. The ego identity status approach to ego identity. Ego identity. Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R., Archer S.L., Orlofsky J.L. (eds.). *A handbook for Psychosocial Research*. NY: Springer, 1993, pp. 3–21.
35. Roest A.M.C., Dubas J.S., Gerris J.R.M., Engels R.C.M.E. Value similarities among fathers, mothers, and adolescents and the role of a cultural stereotype: Different measurement strategies reconsidered. *Journal of Research on Adolescence*, 2009. Vol. 19, no. 4, pp. 812–833. DOI:10.1111/j.1532-7795.2009.00621.x

36. Sabatier C., Lannegrand-Willems L. Transmission of family values and attachment: a French three-generation study. *Applied Psychology*, 2005. Vol. 54, no. 3, pp. 378–395. DOI:10.1111/j.1464-0597.2005.00216.x
37. Whitbeck L.B., Gecas V. Value Attributions and Value Transmission between Parents and Children. *Journal of Marriage and the Family*, 1988. Vol. 50, no. 3, pp. 829–840. DOI:10.2307/352651

Информация об авторах

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievsv@gmail.com

Юмкина Екатерина Анатольевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Васина Елена Алексеевна, кандидат психологических наук, соискатель кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1338-9215>, e-mail: e2009v@yandex.ru

Кузнецова Ирина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznecova@mail.ru

Information about the authors

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievsv@gmail.com

Ekaterina A. Yumkina, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Elena A. Vasina, PhD in Psychology, Postdoc, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1338-9215>, e-mail: e2009v@yandex.ru

Irina V. Kuznetsova, PhD in Psychology, Associated Professor, Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznecova@mail.ru

Получена 30.06.2024

Принята в печать 26.09.2024

Received 30.06.2024

Accepted 26.09.2024

Attitude Towards Marriage and Perceived Parenting Style among College-Going Students

Anand Siddaiah

REVA University, Bangalore, Karnataka, South India, India

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6707-5635>, e-mail: anand0619@yahoo.co.in

Mutahhara Bahjath Ashraf

REVA University, Bangalore, Karnataka, South India, India

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4562-5631>, e-mail: Mutahhara.bahjath@gmail.com

Objective. *The present study examined the prevalence, gender differences in attitudes towards marriage and their relationship with perceived parenting styles among college-going students.*

Background. *Today's culture has a wide range of marriage attitudes, depending on the person and their upbringing. The trend of opting to avoid partnerships altogether or to explore other kinds of relationships is growing. A parent's parenting style may greatly influence instilling these views in children and actively passing along values, ideas, and attitudes to them.*

Study design. *The present study is cross-sectional descriptive research and employed a survey method to collect data using a convenient sampling method from a metropolitan city, Bangalore, Karnataka, South India.*

Participants. *Indian sample: people (46,8% of male, 53,2% of female) from 17 to 28 years old, Mage = 20 years, a total of 267 college-going students participated in the study.*

Measurements. *English version of Perceived Parenting Style and Marriage Attitude Scale along with socio-demographic sheet was administered.*

Results. *A total of 14,2% of the students had a negative attitude towards marriage. The percentage of female students was higher than that of male students. Furthermore, gender differences were noticed in perceived parenting styles and attitudes towards marriage. A positive and significant relationship between parenting style and attitude towards marriage was observed ($p < 0,001$). For different parenting styles, only authoritarian parenting styles had a positive and significant relationship. Authoritative and permissive parenting styles did not show a significant relationship.*

Conclusions. *Since the prevalence rate of negative attitudes towards marriage was quite high among college-going students, universities can help develop communication and relationship-building skills through various activities. The solution also lies in assimilating the information to the parent community regarding the negative impact of authoritarian parenting style on children and their perspectives of the family system and society.*

Keywords: *attitudes toward marriage; perceived parenting style; students.*

Acknowledgements. *The authors extend their gratitude to REVA University, where the research was conducted. Additionally, the authors are also thankful to the respondents for their participation and cooperation in the study.*

For citation: Siddaiah A., Ashraf M.B. Attitude Towards Marriage and Perceived Parenting Style among College-Going Students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 60–71. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150304>

Отношение к браку и воспринимаемый стиль родительского воспитания у студентов колледжа

Сиддай А.

Университет REVA, Бангалор, Карнатака, Южная Индия, Индия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6707-5635>, e-mail: anand0619@yahoo.co.in

Аираф М.Б.

Университет REVA, Бангалор, Карнатака, Южная Индия, Индия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4562-5631>, e-mail: Mutahhara.bahjath@gmail.com

Цель. Изучение отношения к браку и его взаимосвязи с воспринимаемым стилем воспитания и гендерными различиями студентов колледжа.

Контекст и актуальность. В современной культуре существует широкий спектр взглядов на брак, зависящих от человека и его воспитания. Усиливается тенденция избегания людьми партнерства или выбора других видов отношений. Стиль воспитания родителей может в значительной степени повлиять на формирование таких взглядов у детей путем передачи им ценностей, идей и установок.

Дизайн исследования. В работе изучались три различных аспекта: отношение студентов колледжа к браку, отношение к браку в зависимости от пола и взаимосвязь между отношением к браку и воспринимаемым стилем воспитания; использовался метод опроса. Исследование проводилось в мегаполисе Бангалор, штат Карнатака, Южная Индия.

Участники. 267 студентов колледжей (46,8% мужчин, 53,2% женщин) в возрасте от 17 до 28 лет, средний возраст — 20 лет.

Методы (инструменты). Опросники на английском языке «Воспринимаемый стиль воспитания» и «Шкала отношения к браку»; социально-демографическая анкета.

Результаты. В общей сложности 14,2% опрошенных студентов негативно относятся к браку. Среди студенток этот показатель был выше, чем среди студентов-юношей, что свидетельствует о гендерных различиях в восприятии стилей родительского воспитания и отношении к браку. Положительная и значимая связь между стилем воспитания родителей и отношением студентов к браку ($p < 0,001$) выявлена только для авторитарного стиля воспитания; авторитетный и попустительский стили воспитания не показали значимой взаимосвязи.

Выводы. Поскольку уровень распространенности негативного отношения к браку среди студентов колледжа довольно высок, университеты могут помочь развить навыки общения и построения отношений с помощью различных мероприятий. Решение проблемы также заключается в том, чтобы донести до родительского сообщества информацию о негативном влиянии авторитарного стиля воспитания на детей и их взгляды на общество.

Ключевые слова: отношение к браку; воспринимаемый стиль родительского воспитания; студенты.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Университету REVA, где проводилось исследование. Кроме того, авторы выражают благодарность респондентам за их участие и сотрудничество в исследовании.

Для цитаты: Сиддай А., Аираф М.Б. Отношение к браку и воспринимаемый стиль родительского воспитания у студентов колледжа // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 60–71. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150304>

Introduction

Marriage is a deeply ingrained sociological tradition that unites two young adults, forging a family unit. In Indian culture, this union carries profound significance, earning them cultural, societal, and religious acceptance. When examining the phase of young adulthood, it becomes evident that it is a pivotal period for understanding their thoughts and emotions regarding marriage. This stage marks the beginning of individuals defining their concepts of relationships, matrimony, and family planning. It is a time characterised by substantial transformations in both their social and vocational lives, profoundly influencing their perspectives on love relationships and the institution of marriage [21].

As young adults, we experience both physical and emotional changes that shape our attitudes towards different aspects of life, including parental authority. During this time, we start to evaluate how suitable it is for our parents to assert their authority [4]. This evaluation is based on our perception of our parents' behaviour and attitudes towards us, which is referred to as perceived parenting style [5]. A person's parenting style is how they interact with their children, and it can have a significant impact on their children's social, emotional, and cognitive development [25]. A parent's parenting style is a crucial factor that influences their children's outlook on various areas of life, such as marriage. Understanding the impact of parenting styles can help parents and young adults build stronger and healthier relationships that foster personal growth and development [1; 8; 24]. The available evidence suggests that challenges faced by children often originate within the family unit. Given that children interact with their parents from birth, the influence of parents on their thoughts and emotions is pervasive [1]. Previous research has dem-

onstrated a correlation between adverse parenting methods and the manifestation of internalising and externalising difficulties in children [11].

According to a recent survey conducted in India, there is a noteworthy shift among young people towards a reduced interest in getting married. Specifically, in Jammu and Kashmir, a higher percentage of young men and women remained unmarried in 2019 compared to previous years, with the male population increasing by 25.1% [4]. While there may be various reasons for this shift, one critical factor that society cannot overlook is the influence of family dynamics and parental role models in shaping young people's perceptions of marriage [7; 18; 27]. Some survey findings assert that college students possess a predominantly negative attitude towards marriage, with the negative attitude significantly outweighing the positive attitude [7; 9; 18; 29]. Additionally, according to previous research conducted in Flanders, Belgium college-going students state that students hold a negative attitude towards marriage [9]. Previous research findings report that students from an authoritarian parenting style have a negative attitude towards marriage, which supports the theory explaining that students whose guardians mistreated them and who experienced greater parental persuasion express having less trust in their ability to sustain a long-term marriage and having a less favourable mindset towards marriage [10; 11].

Parenting has been significantly influenced by the typological method, which groups it into four types based on attentiveness and exigency [3]. Authoritative parents offer love, support, and clearly defined rules with consistent punishment. Authoritarian parenting lacks responsiveness but has strong exigency and often results in the use of aggressive control or harsh punishment to achieve conformity. Indulgent

parenting has a low level of exigency but an elevated amount of attentiveness, resulting in receptive parents who neglect to implement suitable sanctions. Neglectful parenting is characterised by a lack of attentiveness and exigency, resulting in self-centred parents who seldom engage in parenting activities [3; 12]. Darling and Baumrind define the four parenting styles as reflecting distinct patterns of parental practices, behaviours, and beliefs, with varying degrees of rigidity and receptivity. According to this viewpoint, various parenting styles can be classified into two parenting parameters: exigency and receptivity [3; 13].

In sociocultural theory, children learn and develop through social interactions with those who have more knowledge and experience. Parents' perceived style of parenting is critical in shaping a child's social interactions, which in turn significantly affects their attitude towards marriage. For instance, children growing up with authoritative parents who provide guidance and set appropriate boundaries while being responsive to their needs learn healthy communication, problem-solving, and conflict-resolution skills, leading them to develop positive attitudes towards marriage. Conversely, children who grow up with authoritarian, neglectful, or permissive parenting styles may not develop these skills, resulting in negative attitudes towards marriage [14; 18].

Family system theory underscores the critical role of attachment levels within families in shaping their members' thoughts, emotions, and actions. It argues that individuals who are denied the opportunity to voice their opinions, emotions, and beliefs or acquire the skills to foster close relationships beyond the family may develop negative attitudes towards significant life events such as marriage. This, in turn, can lead to adverse attitudes and emotions towards future relationships [14; 22; 26].

Hence, as parents, the couple should envision themselves as exemplary role models, a couple that emulates the best character traits inside the family relationship and uses the best parenting style, between them and the children's relationship environment, which is essential for them as a family that is the smallest unit of society. This contribution will go a long way toward improving the community and our nation. With the above background, the primary objective of this research is to explore and analyse the status of attitudes towards marriage among college-going students in Bangalore, Karnataka, South India, and its correlation with their perceived parenting style. The study will consider potential gender-related differences in the analysis. By conducting this investigation, we hope to gain a deeper understanding of the factors that influence attitudes towards marriage and parenting styles among college students in this region. The results of this study can provide valuable insights to educators, counsellors, and parents and help them to better support and guide young adults in their personal and family life decisions.

Methods

Objectives. The present study examined the status of attitude towards marriage and its relationship with perceived parenting style among college-going students.

Study Design and Study Population. The present study is cross-sectional descriptive research and employed a survey method to collect data using a convenient sampling method from a metropolitan city, Bangalore, Karnataka, South India. A total of 267 college-going students enrolled in regular graduate and postgraduate studies in different colleges within Bangalore city were invited to take part in the study. The ages of the participants ranged from 17 to 28 years old, with a mean age of 20 years.

Only those who agreed to give consent after learning the objective of the study were ultimately taken into consideration.

Measures and Procedures. All the participants who agreed to take part in the study responded to the Personal Information Sheet, Perceived Parenting Style Scale [10] and Attitude Towards Marriage Scale [15].

Participants' age, sex, and information about their living arrangements, education, and families were gathered using the Personal Information Sheet (PIS).

Perceived Parenting Style Scale (PPST): The PPSS was used to assess the degree to which an individual perceives their parents as having either an authoritarian or an authoritative or permissive parenting style. It consists of 30 items in which responses were elicited on a five-point Likert scale such as Strongly Agree (5), Agree (4), Neutral (3), Disagree (2) and Strongly Disagree (1). The overall score on this scale ranges from 30 to 150. All three perceived parenting styles are scored separately, and scores range from 10 to 50 on each subscale. The reliability of the scale has been reported to be 0,79 for the authoritative style, 0,81 for the authoritarian style and 0,86 for the permissive style.

Marriage Attitude Scale (MAS): The MAS was used to measure an individual's attitudes and beliefs about marriage. The MAS consists of 38 highly sensitive items with Yes, Doubtful (?) and No type of responses. Each response is given an arbitrary weight of 3, 2, and 1. Split half and test-retest reliability were reported to be 0,79 and 0,84, respectively.

The study's objectives, participants' roles, consent declarations and directions along with every item from PIS, PPS and MAS were placed into the Google form. The form link was generated and shared with college students, who were further requested to share it with their friends who had enrolled

in either graduate or postgraduate courses. Only those who agreed to take part in the study could move to respond to all the items. A total of 286 college-going students responded to the questionnaires, out of which 19 participants' data were removed since they were incomplete. Furthermore, only 267 participants' data were taken into consideration for the final analysis.

Data Analysis. Data collected were analysed using IBM Statistical Package for Social Sciences (SPSS) Version 21. First, the level of attitude towards marriage was calculated using frequencies and proportions and means and standard deviations for continuous variables. Second, gender differences in perceived parenting style and attitude towards marriage were analysed using an independent sample t-test. Finally, the relationship between attitude towards marriage and perceived parenting style types was examined using product moment correlation.

Results

This study analysed the prevalence of attitudes towards marriage, gender differences and their relationship with perceived parenting style (Authoritarian, Permissive and Authoritative). Data from 267 college-going students from Bangalore City, Karnataka, South India, were gathered to examine the attitude towards marriage and its relationship with perceived parenting style.

Table 1 shows the distribution of the participants according to their socio-demographic characteristics. A total of 53,2% ($N = 142$) of the participants in the study were female, while 46,8% ($N = 125$) were male. The majority of them had enrolled in graduation courses (95,1%), and 73% were day scholars. The majority of them (95,1%) had enrolled in degree courses, and 73% were day scholar students. According to family demographics, 69,7% lived in a mo-

Table 1

Demographic characteristics of the study participants (N = 267)

Demographic Characteristics	F	P (%)
Gender		
Male	125	46,8
Female	142	53,1
Education		
Graduation	254	95,1
Post-Graduation	13	4,9
Type of Scholar		
Day Scholar	195	73
Hostelite	72	27
Domicile		
Rural	69	25,8
Urban	198	74,2
Type of Family		
Joint Family	54	20,2
Nuclear Family	213	79,8
Parenting		
Singular	33	12,4
Plural	234	87,6
Parenting		
Single Parent Working	191	71,5
Both Parent Working	76	28,5
Multicultural Family		
No	186	69,7
Yes	81	30,3

no-cultural family, 71,5% of single parents were employed, and 79,8% of them were raised in nuclear families with plural parenting (87,6%).

Table 2
College-going student's attitude towards marriage (N = 267)

Interpretation	Frequency	%
Negative	38	14,2
Average/Moderate positive	210	78,7
Positive	19	7,1

In regard to the prevalence of attitudes towards marriage, we found that 14,2% (N = 38) had a negative attitude towards marriage, 78,7% had an average attitude and 7,1% (N = 19) had a positive attitude (see Table 2).

With respect to gender, 10,11% (N = 27) of the female students were found to have a negative attitude towards marriage compared to 4,11% (N = 11) of male students. This indicated that female students have a negative attitude towards marriage compared to male students (see Table 3).

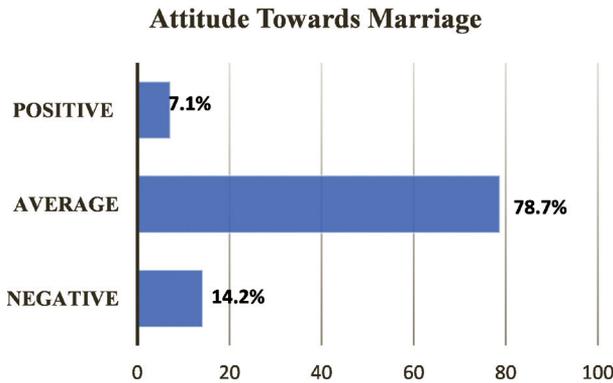

Fig. College-going students' attitude towards marriage ($N = 267$)

Table 3
Gender Attitude towards marriage among college-going students ($N = 267$)

Interpretation	Male (N)	%	Female (N)	%
Negative	11	4,11	27	10,11
Average/Moderate Positive	98	36,7	111	41,57
Positive	17	6,36	3	1,12

Table 4
Gender differences in perceived parenting style and attitude towards marriage among college-going students ($N = 267$)

Measures	Gender	N	M	SD	df	t	sig
Attitude Towards Marriage	male	125	81,33	14,85	265	5,73	0,00*
	female	141	71,44	13,27			
Perceived Parenting Style	male	125	93,59	15,41	265	3,37	0,00*
	female	141	87,89	12,14			
Authoritarian	male	125	28,39	8,03	265	1,49	0,14
	female	141	26,91	8,61			
Permissive	male	125	26,07	8,81	265	3,05	0,00*
	female	141	22,86	8,35			
Authoritative	male	125	39,13	5,73	265	1,28	0,20
	female	141	38,12	6,95			

Note. * $p < 0,01$.

Furthermore, gender differences for both perceived parenting style and attitude towards marriage were examined (see Table 4). The results revealed significant differences in college-going students' overall perceived parenting style

scores between males ($M = 93,59, SD = 15,41$) and females ($M = 87,89, SD = 12,14$); $t(264) = 3,37, p = 0,001$. Regarding parenting styles, a significant difference between male and female students was seen only in authoritarian

and permissive parenting styles ($p < 0,05$). Male ($M = 81,32$, $SD = 14,85$) and female ($M = 71,43$, $SD = 13,26$); $t(264) = 5,73$, $p = 0,001$ college students also differed significantly in attitude towards marriage.

The relationship between perceived parenting style and attitude towards marriage was analysed using product moment correlation (see Table 5). There was a positive and significant relationship between overall parenting styles and marriage attitude ($r = 195$; $p < 0,001$). When examining parenting styles, authoritarian parenting style had a positive and significant relationship with college-going students' marriage towards attitude ($r = 18$; $p < 0,005$). Authoritative and permissive parenting styles did not show any significant relationship ($p > 0,005$).

Discussion

This study's primary goal was to investigate college-bound students' attitudes towards marriage and its relationship with perceived parenting style. This explanation of the analysis's results is in conjunction with the questions that set out to investigate whether our findings correspond/contradict the previous studies. Our research is concentrated on three distinct facets: college-going students' attitudes towards marriage, attitudes towards marriage on gender, and the relationship between attitude towards marriage and perceived parenting style.

College-going students' attitude towards marriage

While exploring the attitude towards marriage in college-going students, the findings of our survey indicated that 78,7% of college-going students had an average attitude/moderate optimism towards marriage, 7,1% had a positive attitude, and 14,2% had a negative attitude towards marriage. These findings indicate that approximately 210 college-going students, representing one-half and a quarter of our sample, have a very moderate positive attitude towards marriage, so according to these findings, students' attitudes towards marriage inclinations were low. These findings correspond with some empirical studies that state that students have a moderately positive attitude towards marriage [4; 21]. For example, previous research by Bhavana & Roopa (2019) states that many students had a moderate and favourable attitude towards marriage. In another study by Nijatian et al., 2022, they also state that their results were found to have a moderate attitude towards marriage. According to the findings of our survey, 14,2% of college-going students have a negative attitude towards marriage, with the negative attitude being significantly higher than the positive attitude of 7,1%. Our findings correspond with numerous studies [9; 29]. Additionally, according to previous

Table 5

Product Moment Correlation matrix between predictive variables (Parenting style and Attitude Towards Marriage (N = 267))

Variables	1	2	3	4	5
Total Parenting Style	—	-0,113*	0,863**	0,854**	0,195**
Authoritative		—	-0,459**	-0,492**	0,086
Authoritarian			—	0,765**	0,180*
Permissive				—	0,073
Attitude Towards Marriage					—

Note. ** – Correlation is significant at the 0,05 level (2-tailed). * – Correlation is significant at the 0,01 level (2-tailed).

research conducted in Flanders, Belgium college-going students hold a negative attitude towards marriage; these findings correspond with our study [9]. Some previous findings also prove that students have a highly positive attitude towards marriage, and these findings contradict our study [4]. Triggers for a moderate or negative attitude toward marriage might stem from an individual's private and societal circumstances. They had an equal perspective of marriage's benefits and drawbacks, such as companionship, stability, commitment, responsibility, compromise, and sacrifice. They had realistic expectations of marriage rather than romanticising it as a narrative or source of ultimate bliss and being impacted by societal changes in marital patterns and conventions, such as cohabitation, divorce, remarriage, and alternative family kinds. Being open to all types of relationships and not viewing marriage as the only option or aim. The impact of parental relationships on one's perspective of marriage, and finally, the most crucial cause, might be the impact of perceived parenting style on a student's life, which can eventually change their attitudes towards marriage.

Attitude towards marriage and gender among college-going students

Gender is discovered to be the most influential element in developing views about marriage. In our survey, comparing males and females, 10,11% of female students had a negative attitude towards marriage, whereas males had only a 4,11% negative attitude towards marriage. These findings in our study correspond with a Taiwanese study that states that males have a more positive attitude towards marriage than females [33]. However, there are only a few previous studies that have proven that females have a more negative attitude towards marriage than males. However, there are many previous studies stating that females

have more positive attitudes towards marriage than males; these research results contradict our study [2]. Some previous studies have also stated that there is no significant difference between genders, and this result also contradicts our study [19; 26; 29]. The possible reason for the negative attitude among female students might be, on the one hand, this implies that the recognised subjugation of women in our culture may be a cause, as it may undoubtedly have an effect. On the other hand, the "Enjoy Free Life" concept results from young adults viewing marriage as diabolic due to their parents' constant mismanagement of circumstances and strict parenting style. As a result, women are increasingly leaving traditional marital arrangements where marriage is compulsory. Additionally, females may have a negative attitude towards marriage for a variety of reasons, depending on their personal and societal situations. One cause might be that they have experienced or witnessed abusive or unpleasant marriages, which may have reduced their trust and confidence in their attitude towards marriage [16; 23]. They may be unwilling to compromise or surrender their objectives and aspirations for a spouse if they value their work and independence more than marriage [3; 10]. Having greater marital expectations and standards may lead to dissatisfaction or disappointment with possible spouses [3]. They may feel oppressed by marital expectations and obligations if they face gender disparity and conventional gender roles [3; 11]. These may be some of the reasons why females have negative attitudes towards marriage.

Relationship between attitude towards marriage and perceived parenting style

The results show a significant relationship between a positive attitude towards marriage and an authoritarian parenting style. Few research papers have proven that an authoritarian parenting style can bring about a positive

attitude regarding marriage in students. However, some previous research findings report that students from an authoritarian parenting style have a negative attitude towards marriage, which supports the theory explaining that students whose guardians mistreated them and who experienced greater parental persuasion express having less trust in their ability to sustain a long-term marriage and having a less favourable mindset towards marriage. These results contradict our study [6]. It is feasible that some students who grew up with authoritarian parents may acquire a good attitude towards marriage, even if authoritarian parenting is typically not related to beneficial results in multiple domains, including attitudes towards marriage. Some people may see marriage as a method to build order and stability in their lives, which could coincide with authoritarian parenting's controlling tendency. Others may have had influential figures outside of their immediate entourage who modelled healthy marital behaviours and affected their views on marriage. This may be the reason for students' positive attitude towards marriage despite the strict authoritarian parenting style. Another reason might be because of the strict traditions and religious rules that need to be followed. In this case, students will eventually build up a strong attitude towards marriage despite the authoritarian parenting style. Much previous research is in favour of an authoritative parenting style showing a positive impact on the student's attitude towards marriage; these findings are inconsistent with our study [12; 22].

Conclusions

The results revealed that 14,2% of the college-going students in the present study had negative attitudes towards marriage. Among these, the majority of the female students had a negative attitude towards marriage compared to male students. Additionally, the overall parenting style score and, in particu-

lar, the authoritarian parenting style showed a positive and significant relationship with attitude towards marriage. This indicates that parenting style may have an impact on their children's attitude towards marriage. Hence, it is critical to offer students who may have grown up with an authoritarian parental style a secure and encouraging atmosphere. Universities may also assist students in learning how to form relationships and communicate through a variety of activities. The issue may be resolved by educating the parent community about the detrimental effects of authoritarian parenting on children's perceptions of society and the family.

Future Research

Conducting longitudinal studies to trace the evolution of college students' attitudes towards marriage over time is crucial for gaining insights into how these perspectives change with academic progression and life experiences. Assessing the effectiveness of relationship education programs in universities is essential, determining whether interventions influence healthy relationships and communication skills, thereby impacting attitudes towards marriage. Complementing quantitative data with in-depth qualitative research, such as interviews or focus groups, can provide a richer understanding of the personal narratives influencing marriage attitudes. Investigating the role of parental involvement and education, along with delving deeper into gender dynamics and societal expectations, can contribute to understanding variations in attitudes between male and female students. Extending research across educational levels, examining media and social influences, considering global perspectives, and analysing the impact of socioeconomic factors will collectively provide a comprehensive understanding of the multifaceted influences on college students' attitudes towards marriage.

References

1. Ahmadi N., Yassini Ardekani S.M., Mirzaei M., Rismanian Yazdi F., Khorshidi R., Araghi S.M., Mehrparvar A.H. The Role of Personality Disorder and Parental Lifestyle on Mood Disorders in Children and Adolescents. *International Journal of Behavioral Sciences*, 2022. Vol. 1, no. 16, pp. 49–54.
2. Alqashan H., Alkandari H. Attitudes of Kuwaiti Young Adults toward Marriage and Divorce. *Advances in Social Work*, 2010. Vol. 11, no. 1, pp. 33–47.
3. Adhikari P. Attitudes of Present Generation towards Marriage: A Survey of Marriageable College Students. *Tribhuvan University Journal*, 2017. Vol. 31, pp. 167–184.
4. Bhavana N., Roopa K.S. Youth Attitude towards Marriage and Changing. *International Journal of Science and Research (IJSR)*, 2019. Vol. 2, no. 10, pp. 677–682.
5. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. *The Journal of Early Adolescence*, 1991. Vol. 11, no. 1, pp. 56–95.
6. Baumrind D. Patterns of parental authority and adolescent autonomy. *Changing Boundaries of Parental Authority During Adolescence*, 2005. Vol. 2005, no. 108, pp. 61–69.
7. Bartolac A. Students attitudes toward cohabitation and marriage. *Socijalna Ekologija*, 2013. Vol. 22, pp. 107–131.
8. Christensen E.J. Young adults' marital attitudes and intentions: parental conflicts, divorce and gender. *Colorado State University, Fort Collins, Co.* 2014, pp. 1–78.
9. Coninck D.D., Doren V.S., Koenraad M. Attitudes of Young Adults Toward Marriage and Divorce, 2002–2018. *Journal of Divorce and Remarriage*, 2021. Vol. 62, no. 1, pp. 66–82.
10. Divya T.V., Manikandan K. Perceived Parenting Style Scale. Department of Psychology, University of Calicut, Kerala, India, 2013.
11. Ercegovac I.R., Bubić A. Basic psychological needs predict participants' attitudes and expectations towards marriage. *Nordic Psychology*, 2015. Vol. 68, no. 2, pp. 1–14.
12. Geiger A.W., Livingston G. 8 facts about love and marriage in America [Elektronnyi resurs]. Pew Research, 2019. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/02/13/8> (Accessed 20.08.2033).
13. Hosseinzadeh-Oskouei A., Zamani-Zarchi M.-S., Habibi-Asgharabad M., Khoshkonesh A. "Parenting Stress Mediates the Relationship between Mothers' Perfectionism and Behavioral Problems in Iranian Pre-School Children". *International Journal of Behavioral Sciences*, 2021. Vol. 15, no. 1, pp. 8–13.
14. Kerr M.E. Bowen Theory and Therapy. *The Handbook of Marriage and Marital Therapy*, 1981, pp. 143–172.
15. Kumar P. Manual for Marriage Attitude Scale. National Psychological Corporation, 1991, pp. 1–8.
16. Larson J.H., Anderson S.M., Homan T.B., Niemann B.K. A longitudinal study of the effects of premarital communication, relationship stability, and self-esteem on sexual satisfaction in the first year of marriage. *Journal of Sex and Marital Therapy*, 2008. Vol. 24, no. 3, pp. 14.
17. Morin A. "Vygotsky's Theory". In J.B. Benson (ed.). *Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development (Second Edition)*. Elsevier, 2020.
18. Mishra B. Wedding Woes: Are Indian Youngsters Giving Up On Marriage? [Elektronnyi resurs]. Outlook, 19 October 2023. Available at: <https://www.outlookindia.com/national/are-indian-youngsters-giving-up-on-marriage--news-209792> (Accessed 20.08.2033).
19. Memani P. A comparative study of the marital attitudes of students from divorced, intact and single-parent families. *UWC Electronic Theses and Dissertations Repository*, 2003, pp. 16–24.
20. Mehra R.K., Mohammadi A., Four Z.A. Married Students' Attitude to Marriage: A Qualitative Study. *Iranian Journal Of Psychiatric Nursing*, 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 19–28.
21. Nejatian M., Alami A., Tehrani H. Attitude, Intent and Different Aspects of Marriage in University Students: A Path Analysis. *Journal of divorce and remarriage*, 2022, pp. 184–199.
22. Pu D.F., Rodriguez C.M. Bidirectional spillover in the family across the transition to parenthood. *Family Process*, 2021. Vol. 60, no. 1, pp. 235–250.

23. Rathee N., Shergill N. Attitudes toward Marriage and Cohabitation Among Adolescents As a function of Parental Relationship. *Paarachi Journal of psycho-cultural dimensions*, 2008. Vol. 22, pp. 75–81.
24. Smetana J.G. Parenting styles and conceptions of parental authority during adolescence. *Child Development*, 1995. Vol. 66, no. 2, pp. 299–316. DOI:10.2307/1131579
25. Silva J., Margado J., Maroco J. The Relationship between Portuguese Adolescent Perception of Parental Styles, Social Support, and School Behaviour. *Psychology*, 2012. Vol. 3, pp. 513–517.
26. Stavroulaki E., Li M., Gupta J. Perceived parenting styles, academic achievement, and life satisfaction of college students: The mediating role of motivation orientation. *European Journal of Psychology of Education*, 2021. Vol. 36, no. 3, pp. 693–717.
27. Sahithya B.R., Manohari S.M. Parenting styles and its impact on children – a cross-cultural review with a focus on India. *Mental Health Religion and Culture*, 2019. Vol. 22, no. 4, pp. 1–27.
28. Stritof S. What Is the Definition of Marriage? [Elektronnyi resurs] Brides, 2022. Available at: <https://www.brides.com/definition-of-marriage-2303011> (Accessed 20.08.2033).
29. Servaty L., Weber K. The relationship between gender and attitudes toward marriage. *UW-Stout Journal of Student Research*, 2011. 17 p.
30. Szkody E., McKinney C. Family communication patterns and relationship quality between emerging adults and their parents. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2021, no. 38(11), pp. 3177–3197.
31. Willoughby B.J., Medaris M. Changes in Marital Beliefs Among Emerging Adults: Examining Marital Paradigms Over Time. *Emerging adults*, 2014. Vol. 3, no. 4, pp. 219–228.
32. Wang Z., Chen W.W. Is the Way I Was Raised Linked to How I Love? Perceived Parenting and Implicit Theories of Relationships. *Emerging Adulthood*, 2023. Vol. 11, no. 1, pp. 74–87.
33. Yun-Chen H., Shu-Hui L. Attitudes of Taiwanese college students toward marriage: A comparative study of different family types and gender. *Journal of Comparative Family Studies*, 2014. Vol. 45, no. 3, pp. 425–438.
34. Yadav K., Rakhee. Exploring the Attitudes of Young Adults towards Marriage in India. *IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS)*, 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 25–44.

Information about the authors

Anand Siddaiah, PhD in Psychology, Associate Professor, School of Arts, Humanities and Social Sciences, REVA University, Bangalore, Karnataka, South India, India, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6707-5635>, e-mail: anand0619@yahoo.co.in

Mutahhara Bahjath Ashraf, Graduate student in Psychology, REVA University, Bangalore, Karnataka, South India, India, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4562-5631>, e-mail: Mutahhara.bahjath@gmail.com

Информация об авторах

Сиддайя Ананд, кандидат психологических наук, доцент, Школа искусств, гуманитарных и социальных наук, Университет REVA, Бангалор, Карнатака, Южная Индия, Индия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6707-5635>, e-mail: anand0619@yahoo.co.in

Ашраф Мутаххара Бахджат, аспирант факультета психологии, Университет REVA, Бангалор, Карнатака, Южная Индия, Индия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4562-5631>, e-mail: Mutahhara.bahjath@gmail.com

Получена 28.10.2023

Принята в печать 26.09.2024

Received 28.10.2023

Accepted 26.09.2024

Эмоциональные коммуникации в детско-родительских отношениях и жизнеспособность будущей взрослой семьи

Одинцова М.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Радчикова Н.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация; Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН (ИТЭБ РАН), г. Пуццо, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Мусохранова Е.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7546-1510>, e-mail: o353xx@mail.ru

Азарёнок Н.В.

ФГБОУ ВО «Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, Республика Беларусь» (Филиал РГСУ), г. Минск, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0882-9552>, e-mail: azarionoknv@mail.ru

Цель. Проанализировать вклад наиболее ближайших контекстуальных влияний (детско-родительских эмоциональных коммуникаций) в жизнеспособность семьи взрослых (на примере выборок из Беларуси и России).

Контекст и актуальность. Понимание роли эмоциональных дисфункций в детско-родительских отношениях с учетом контекста российской и белорусской культур способствует выделению условий жизнеспособности будущей взрослой семьи, что может стать основой социальной семейной политики на уровне государств и совершенствования практик психологической помощи семьям.

Дизайн исследования. Исследование проводилось онлайн методом «снежного кома». Для определения влияния дисфункций в родительских семьях, интенсивности негативных событий, возраста респондентов и числа детей на жизнеспособность семьи проводился множественный регрессионный анализ. Детский опыт взрослых проиллюстрирован результатами проекции.

Участники. В исследовании приняли участие 853 респондента (595 человек из Российской Федерации, 258 — из Республики Беларусь) в возрасте от 18 до 77 лет (средний возраст — 36 ± 12 лет, медиана = 36 лет).

Методы (инструменты). Жизнеспособность семьи оценивалась по методике Е.С. Гусаровой и др. «Шкала оценки жизнеспособности семьи». Дисфункции в родительских семьях определялись по методике А.Б. Холмогоровой и др. «Семейные эмоциональные коммуникации» и проективной методике М.А. Одинцовой и др. «Пространство дерева и света». Интенсивность негативных событий в семьях оценивалась по шкале от 1 до 10.

Результаты. Дисфункции в родительских семьях вносят существенный вклад в жизнеспособность будущей взрослой семьи (до 20% объясненной дисперсии). Семейный перфекционизм оказы-

вает положительное, элиминирование эмоций — отрицательное влияние на жизнеспособность семей взрослых в контексте двух культур. В российских родительских семьях — сверхвключенность, а в белорусских — критика отрицательно влияют на жизнеспособность семей взрослых.

Основные выводы. Критичная атмосфера в родительских семьях, высокая интенсивность неблагоприятного события в семьях взрослых белорусов, сверхвключенность в родительских семьях россиян способствуют снижению жизнеспособности семей. Наличие и количество детей в семье в культурах двух стран содействуют жизнеспособности семей. Культура и традиции являются прочной основой для большинства россиян и белорусов.

Ключевые слова: семейные эмоциональные коммуникации; элиминирование эмоций; семейный перфекционизм; сверхвключенность; критика; дисфункции в родительских семьях; жизнеспособность семьи; культура; традиции; белорусы; россияне.

Для цитаты: Одинова М.А., Радчикова Н.П., Мусохранова Е.Г., Азарёнок Н.В. Эмоциональные коммуникации в детско-родительских отношениях и жизнеспособность будущей взрослой семьи // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 72–90. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150305>

Emotional Communications in Parent-Child Relationships and the Resilience of the Future Adult Family

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Nataly P. Radchikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia; Institute

of Theoretical and Experimental Biophysics, Russian Academy of Sciences, Pushchino, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Evgenia G. Musokhranova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7546-1510>, e-mail: o353xx@mail.ru

Natalia V. Azaryonok

Russian State Social University in Minsk, Minsk, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0882-9552>, e-mail: azarionoknv@mail.ru

Objective. *To analyze the contribution of the most immediate contextual influences (child-parent emotional communications) to the resilience of the adult family (using the samples from Belarus and Russia).*

Background. *Understanding the role of emotional dysfunctions in parent-child relationships in the context of Russian and Belarusian cultures helps to identify the conditions for the resilience of a future adult family, which can become the basis for social family policy at the state level and improvement of the practice of psychological assistance to families.*

Study design. *The study was conducted online using the snowball method. Multiple regression analysis was conducted to determine the impact of dysfunction in parental families, intensity of the negative events, age of respondents and number of children on family resilience. Children's experiences of adults are illustrated by the results of projective technique.*

Participants. *The study involved 853 respondents (595 people from the Russian Federation, 258 from the Republic of Belarus) aged from 18 to 77 years (average age 36 ± 12 years, median = 36 years), 90,5% female.*

Measurements. Family resilience was assessed using Gusarova's et al. "Family Resilience Assessment Scale" (FRAS-RII). Dysfunctions in parental families were determined according to Kholmogorova's et al. "Family Emotional Communications" and the projective technique of Odintsova et al. "Space of Trees and Light." The intensity of negative events in families was assessed on a scale from 1 to 10.

Results. Dysfunctions in parental families make a significant contribution to the resilience of the future adult family (up to 20% of explained variance). Family perfectionism has a positive effect, and the elimination of emotions has a negative impact on the resilience of adult families in the context of two cultures. In Russian families of origin there is over-involvement, and in Belarusian families criticism negatively affects the resilience of respondent's families.

Conclusions. The critical atmosphere in parental families, the high intensity of adverse events in Belarusian families, and overprotection in the parental families of Russians contribute to a decrease in families' resilience. The presence and number of children in a family contributes to the family resilience in both countries. Culture and traditions are a solid basis for the majority of Russians and Belarusians.

Keywords: family emotional communications; emotions elimination; family perfectionism; overprotection; criticism; dysfunctions in parental families; family resilience; culture; traditions; Belarusians; Russians.

For citation: Odintsova M.A., Radchikova N.P., Musokhranova E.G., Azaryonok N.V. Emotional Communications in Parent-Child Relationships and the Resilience of the Future Adult Family. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 72–90. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150305> (In Russ.).

Введение

Детство является важнейшим формирующим периодом жизни, в котором выстраивается базовая структура социального мира, используемая для сравнений со всеми последующими событиями жизни [28]. Считается, что невзгоды детства могут быть пагубнее для адаптации, чем жизненные события, происходящие на более поздних стадиях развития. Поддерживающая атмосфера родительской семьи способствует таким же отношениям в семьях взрослых, дисфункции в родительских семьях могут затруднять выстраивание отношений во взрослой жизни и препятствовать жизнеспособности семьи. Концепция жизнеспособности семьи как способности противостоять невзгодам и хорошо восстанавливаться после них приобрела широкую популярность как за рубежом [32], так и в России [2; 5]. Описаны три области жизнеспособности семьи: система семейных убеждений (переос-

мысление негатива), организационные модели (гибкость и безопасность), коммуникативные процессы (стили семейного общения, выражение эмоций) [32]. Особое внимание уделено коммуникативным процессам в семьях: показано, что здоровые семейные коммуникации повышают жизнеспособность семьи [38]; высокая сплоченность родительской семьи положительно влияет на благополучие взрослых, на их способность выстраивать прочные отношения [17]; открытая коммуникация в семьях становится ключевым ресурсом в преодолении негативных событий и повышает жизнеспособность семьи [2].

Большое значение в жизнеспособности семьи взрослых приобретает и контекст культуры [21; 26]. Так, жизнеспособности семьи содействует использование культурно значимой защиты, в результате чего семьи способны устранять нарушения оптимальными способами, что снижает воздействие не-

благоприятного детского опыта [25]. В индивидуалистических культурах акцент сделан на развитии у детей уверенности, независимости, в коллективистских — на воспитании сензитивного отношения к другим, что реализуется через семейные эмоциональные коммуникации [4].

В целом исследования показывают, что отношения в родительских семьях могут выступать как факторами защиты, так и факторами риска и отражаться на жизнеспособности семьи. Большинство исследований, проведенных в разных странах, сосредоточено на факторах риска, среди которых выделяют невзгоды детства и дисфункциональные эмоциональные коммуникации в родительских семьях. Неблагоприятный детский опыт препятствует эмоциональной зрелости и передается от родителей к детям [16; 31]; влияет на дисфункции в собственных романтических отношениях [37]; эмоциональное отчуждение в родительских семьях способствует высокому уровню разводов у взрослых [24]; конфликты в родительских семьях влияют на уровень депрессии в старости [19].

Довольно точная характеристика эмоционального климата семьи дается в работах А.Б. Холмогоровой и коллег, которые выделили семь типов эмоциональных коммуникаций в родительских семьях: «критика»; «индустрирование тревоги»; «элиминирование эмоций»; «фиксация на негативных переживаниях»; «внешнее благополучие»; «сверхвключенность»; «семейный перфекционизм» [11]. Установлено, что дисфункциональные убеждения родителей способствуют эмоциональным расстройствам взрослых детей [11]; родительская критика, элиминирование эмоций, стремление к внешнему благополучию и контролю содействуют развитию виктимности в юношеском возрасте [12]; семейная критика,

элиминирование эмоций и демонстрация внешнего благополучия оказывают деструктивное влияние на психологическую близость между родителями и детьми [10]; критичность родителей по отношению к ребенку, длительные переживания его неудач, воспитание в духе высоких стандартов являются отражением межпоколенных эффектов [9]. В контексте разных культур показано, что родительская критика в большей степени свойственна российским семьям, внешнее благополучие и семейный перфекционизм — тувинским [1].

В целом проведенные в разных странах мира исследования свидетельствуют о том, что проблему невзгод детства можно рассматривать в разных контекстах: 1) ближайший межличностный контекст (эмоциональные коммуникации в детско-родительских отношениях); 2) контекст культуры, что отражается на жизнеспособности семей взрослых. Однако исследования воздействия родительских эмоциональных коммуникаций на жизнеспособность будущей взрослой семьи в контексте родственных культур двух стран — России и Беларуси — недостаточно. Поэтому целью данной работы стал анализ наиболее ближайших контекстуальных влияний (детско-родительских эмоциональных коммуникаций), которые определяют жизнеспособность семей взрослых Беларуси и России.

Предполагается, что исследование, проведенное в двух родственных культурах, даст схожие результаты. В то же время важно проследить возможные различия, так как национальный характер двух народов все же отличается: россиянам присущи готовность к переменам, активность, мобильность и расчет на собственные силы; белорусы отличаются большей сдержанностью, осторожностью, скромностью, бескорыстием [8].

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось онлайн методом «снежного кома». Респонденты заполняли методики для измерения жизнеспособности семьи («Шкала оценки жизнеспособности семьи») [2] и выявления дисфункций в родительских семьях («Семейные эмоциональные коммуникации») [11]. Заполнялась анкета, содержащая вопросы о социо-демографических характеристиках (пол, возраст, семейный статус, наличие и число детей). Респондентам также предлагалось написать, с каким актуальным негативным событием сталкивались их семьи, и оценить интенсивность события по шкале от 1 до 10. Завершала исследование проективная методика «Пространство дерева и света» [7], в которой предлагалось выбрать иллюстрацию (одну из четырех), наиболее точно отражающую период детства, связь с культурой, ответить на вопросы о переживаниях ребенка, изображенного на иллюстрации, и написать историю о жизни этого ребенка. Данные представлены в репозитории психологических исследований и инструментов Московского государственного психолого-педагогического университета RusPsyDATA [6].

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 853 респондента (595 человек из Российской Федерации (РФ) и 258 — из Республики Беларусь (РБ)) в возрасте от 18 до 77 лет (средний возраст — 36 ± 12 лет, $Me = 36$ лет), 90,5% женского пола. Состоят в браке 57,1%, в отношениях 19,2%, в разводе 13,0%, в незарегистрированном браке 5,0%, живут одни, но имели отношения 3,8%, вдовы/вдовцы 1,9%; у 64,4% есть дети.

Методы исследования. Жизнеспособность семьи (зависимая переменная) оценивалась по методике «Шкала

оценки жизнеспособности семьи» [2]. Дисфункции в родительских семьях (первая независимая переменная) определялись по опроснику «Семейные эмоциональные коммуникации» [11] и проективной методике «Пространство дерева и света» [7]. Интенсивность негативных событий в семьях (вторая независимая переменная) оценивалась по шкале от 1 (наименьший балл) до 10 (наивысший балл).

Статистический анализ. Сравнение выборок России и Беларуси по шкалам методик проводилось с помощью непарного t -критерия Стьюдента; вычислялся коэффициент d Коэна, позволяющий оценить величину эффекта. Все эффекты менее средней величины считались несущественными. Различия между качественными переменными определялись с помощью критерия хи-квадрат Пирсона. Для определения влияния различных показателей (дисфункции в родительских семьях, интенсивность негативного события, возраст респондента, число детей, выбор иллюстрации методики «Пространство дерева и света») на жизнеспособность семьи был проведен множественный регрессионный анализ, в котором в качестве зависимой переменной выступала жизнеспособность семьи (общий балл), а в качестве предикторов — все независимые переменные. Для отбора наиболее важных предикторов использовался пошаговый алгоритм с включением, выделялись статистически значимые предикторы, затем модель пересчитывалась стандартным методом для получения регрессионных коэффициентов и коэффициента детерминации. Вычисления проводились в программе STATISTICA 12.0. Результаты проективной методики использовались для иллюстрации количественных данных.

Результаты

Сравнение российской и белорусской выборок показало, что различия между ними минимальны (см. Приложение): статистически значимых различий по шкале жизнеспособности семьи не обнаружено, а величины эффектов для различий по семейным эмоциональным коммуникациям минимальны (d Коэна $\leq 0,2$). Исключением является шкала элиминирования эмоций, по которой россияне набрали на 1,6 балла больше. Тем не менее величина эффекта ниже средней (d Коэна $< 0,5$), а различий по общему баллу семейных дисфункций нет. Описательная статистика для количественных переменных и показатели внутренней согласованности шкал мето-

дик для объединенной выборки приведены в табл. 1.

Регрессионный анализ, проведенный для прогнозирования жизнеспособности семьи взрослых по шкалам методики «Семейные эмоциональные коммуникации» для объединенной выборки, показал, что дисфункции в родительских семьях позволяют объяснить около 20% вариативности этого показателя (табл. 2). Наиболее значимыми для жизнеспособности семьи являются: элиминирование эмоций, семейный перфекционизм, сверхвключенность и критика. Существенный вклад вносит элиминирование эмоций, наименьший — критика. Семейный перфекционизм вносит положительный вклад в жизнеспособ-

Таблица 1

Описательная статистика для количественных переменных и показатели внутренней согласованности шкал методик (альфа Кронбаха), $N = 853$

Шкалы	$M \pm s$	Мин	Макс	$Me [LQ; UQ]$	α
Шкала жизнеспособности семьи					
Семейная коммуникация и связность	59,1 \pm 11,4	15	75	61 [53; 67]	0,95
Позитивный прогноз и решение проблем	31,7 \pm 5,5	8	40	32 [29; 36]	0,90
Принятие и гибкость	19,6 \pm 3,3	5	25	20 [18; 22]	0,75
Социальные ресурсы	22,6 \pm 4,4	6	30	23 [20; 26]	0,87
Духовность	22,3 \pm 4,6	6	30	25 [21; 28]	0,85
Жизнеспособность семьи (общий балл)	155,3 \pm 25,4	40	200	159 [141; 173]	0,97
Семейные эмоциональные коммуникации					
Критика	10,0 \pm 4,8	0	21	10 [7; 13]	0,87
Индукция тревоги	8,8 \pm 3,3	0	15	9 [6; 11]	0,84
Элиминирование эмоций	8,9 \pm 3,9	0	18	9 [6; 12]	0,81
Фиксация на негативных переживаниях	4,0 \pm 1,8	0	9	4 [3; 5]	0,66
Внешнее благополучие	5,5 \pm 2,0	0	9	5 [4; 7]	0,69
Сверхвключенность	3,7 \pm 2,2	0	9	4 [2; 5]	0,73
Семейный перфекционизм	5,5 \pm 1,8	0	9	6 [4; 7]	0,51
Семейные дисфункции (общий балл)	46,3 \pm 11,9	9	85	46 [39; 53]	0,86

Примечание: M — среднее значение; s — стандартное отклонение; Мин — минимум; Макс — максимум; Me — медиана; LQ — нижний квартиль; UQ — верхний квартиль; α — альфа Кронбаха.

способность семьи. Регрессионный анализ с дополнительными переменными (возраст, интенсивность негативного события, число детей, иллюстрация методики «Пространство дерева и света») показал, что из всех дополнительных переменных только число детей оказывает некоторое влияние на жизнеспособность семьи (коэффициент детерминации увеличился с 0,18 до 0,19, а стандартизированный регрессионный коэффициент бета — один из наименьших) (табл. 2).

Регрессионный анализ, проведенный отдельно на выборках Беларуси и России (табл. 3 и 4), показал, что основными предпосылками жизнеспособности белорусской семьи выступают элиминирование эмоций, семейный перфекционизм и критика, а российской семьи — элими-

нирование эмоций, семейный перфекционизм и сверхвключенность. Количество детей в семье вносит небольшой вклад в жизнеспособность семьи в обеих выборках, а в случае белорусской выборки проявляется влияние оценок интенсивности негативного события.

В регрессионный анализ была включена иллюстрация методики «Пространство дерева и света», отражающая уровень переживаний, ассоциируемых с изображениями: 1) «Живое пространство», символизирующее прочную основу и защиту, которые дают традиции и культура; 2) «Мерцающее пространство», отражающее стремление ребенка к пониманию своей культуры при поддержке взрослого; 3) «Непрозрачное пространство», символизирующее разрывы и противоречия в

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования жизнеспособности семьи (общий балл) по дисфункциям в родительских семьях и социо-демографическим показателям (объединенная выборка, N = 853)

Показатель	Стандартизированный регрессионный коэффициент β	Регрессионный коэффициент b	Уровень статистической значимости p
Прогноз только по дисфункциям в родительских семьях			
Свободный член		167,64	< 0,001
Элиминирование эмоций	-0,29	-1,92	< 0,001
Семейный перфекционизм	0,22	3,13	< 0,001
Сверхвключенность	-0,16	-1,78	< 0,001
Критика	-0,11	-0,57	0,011
Скорректированный $r^2 = 0,18$; $F(4, 848) = 49,03$; $p < 0,001$; d Дарбина-Ватсона = 1,95			
Прогноз по дисфункциям в родительских семьях и социо-демографическим показателям			
Свободный член		164,80	< 0,001
Элиминирование эмоций	-0,30	-1,96	< 0,001
Семейный перфекционизм	0,21	2,97	< 0,001
Сверхвключенность	-0,13	-1,45	< 0,001
Критика	-0,11	-0,61	0,007
Число детей	0,12	2,88	< 0,001
Скорректированный $r^2 = 0,19$; $F(5, 844) = 42,17$; $p < 0,001$; d Дарбина-Ватсона = 1,96			

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования жизнеспособности семьи (общий балл) по дисфункциям в родительских семьях и социо-демографическим показателям (выборка Республики Беларусь, $N = 258$)

Показатель	Стандартизированный регрессионный коэффициент β	Регрессионный коэффициент b	Уровень статистической значимости p
Прогноз только по дисфункциям в родительских семьях			
Свободный член		169,68	< 0,001
Элиминирование эмоций	-0,29	-1,97	< 0,001
Критика	-0,24	-1,31	0,001
Семейный перфекционизм	0,18	2,40	0,002
Скорректированный $r^2 = 0,23$; $F(3, 252) = 26,39$; $p < 0,001$; d Дарбина-Ватсона = 1,92			
Прогноз по дисфункциям в родительских семьях и социо-демографическим показателям			
Свободный член		177,80	< 0,001
Элиминирование эмоций	-0,32	-2,16	< 0,001
Семейный перфекционизм	0,17	2,34	0,002
Критика	-0,23	-1,25	0,002
Число детей	0,12	3,73	0,027
Интенсивность события	-0,12	-1,15	0,032
Скорректированный $r^2 = 0,25$; $F(5, 250) = 18,00$; $p < 0,001$; d Дарбина-Ватсона = 1,99			

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования жизнеспособности семьи (общий балл) по дисфункциям в родительских семьях и социо-демографическим показателям (выборка Российской Федерации, $N = 595$)

Показатель	Стандартизированный регрессионный коэффициент β	Регрессионный коэффициент b	Уровень статистической значимости p
Прогноз только по дисфункциям в родительских семьях			
Свободный член		165,82	< 0,001
Элиминирование эмоций	-0,33	-2,21	< 0,001
Семейный перфекционизм	0,23	3,23	< 0,001
Сверхвключенность	-0,20	-2,10	< 0,001
Скорректированный $r^2 = 0,17$; $F(3, 591) = 40,84$; $p < 0,001$; d Дарбина-Ватсона = 2,05			
Прогноз по дисфункциям в родительских семьях и социо-демографическим показателям			
Свободный член		162,29	< 0,001
Элиминирование эмоций	-0,33	-2,21	< 0,001
Семейный перфекционизм	0,21	3,06	< 0,001
Сверхвключенность	-0,17	-1,81	< 0,001

Показатель	Стандартизированный регрессионный коэффициент β	Регрессионный коэффициент b	Уровень статистической значимости p
Число детей	0,10	2,55	0,009
Скорректированный $r^2 = 0,17$; $F(4, 588) = 32,11$; $p < 0,001$; d Дарбина-Ватсона = 2,04			

традициях; 4) «Невидимое пространство», символизирующее отдаленность от культуры, сомнения, непринятие других. Этот показатель не вошел ни в одну из моделей, что может объясняться использованием порядковой шкалы с небольшим диапазоном данных. Поэтому результаты методики «Пространство дерева и света» будут использоваться для пояснения полученных данных.

В выборе иллюстраций россияне и белорусы не различались ($\chi^2 = 6,91$, $p = 0,08$). Примерно половина респондентов (46,4% россиян и 55,8% белорусов) выбирали «Живое пространство», четвертая часть (28,2% россиян и 24,8% белорусов) — «Непрозрачное пространство», около 15% — «Мерцающее пространство» и 9% — «Невидимое пространство». Как видим, традиции и культура для большинства россиян и белорусов являются прочной основой, сопровождаются положительными переживаниями, что воспроизводится в написанных ими историях. Например: «Ребенок растет с любящими родителями. Он полностью может доверять все свои мысли и идеи родным, которые всегда поддержат его. В семье царит любовь и гармония, которая отображена на картине в виде приятной погоды и яркого солнца. Это счастливое детство, которое он будет с трепетом и теплом вспоминать во взрослой жизни» (24 года, женщина, в браке, детей нет, РФ).

В историях более четверти респондентов (выбор иллюстрации «Непрозрачное пространство») прослеживаются разрывы, замешательство и противоречия в традициях, сопровождающиеся нега-

тивными переживаниями, но делают попытку переосмыслить, понять эти противоречия. Например: «Мир вокруг него сложен и враждебен. Но он надеется изменить свою жизнь к лучшему, когда вырастет» (50 лет, женщина, в браке, двое детей, РБ). «Все заняты, родителям некогда. Когда ребенок начинает общаться с ними, чаще всего его либо критикуют, либо смеются над ним. Постепенно он привык занимать себя сам и находить интересное в жизни дело» (47 лет, женщина, в браке, двое детей, РФ).

Выбор «Мерцающего пространства» характеризуется стремлением к пониманию своей культуры на фоне заботливого отношения ближайшего окружения. Например: «Маленький мальчик, в груди у которого есть звездочка, и на небе есть тоже такая же, но большая звезда. Они связаны друг с другом неразрывно. И это тот вектор, который будет помогать двигаться “Домой” к большой звезде, жить свою жизнь от себя, идти через невзгоды» (48 лет, женщина, в браке, двое детей, РФ).

Отдаленность от культуры, сомнения (выбор «Невидимого пространства») характерны только для 9% россиян и белорусов. Однако и эти переживания сопровождаются уверенностью в будущем. Например: «Девочка родилась от женщины, которая ее не любит и винит во всех своих неудачах и проблемах, считает ее источником всех бед, глупой, ленивой, тушеядкой, неудачницей. Но девочка выросла и построила свою счастливую карьеру, нашла верных друзей» (31 год, женщина, в браке, один ребенок, РБ).

Обсуждение результатов

Прогнозирование в белорусской выборке более точное, чем в российской ($r^2 = 0,25$ vs $r^2 = 0,17$), но такие различия могут объясняться разницей в размерах выборок. Так, более высокие значения коэффициента детерминации получаются при меньших выборках, при этом точность их оценки падает [18]. Следовательно, к прогностической точности для выборки РБ следует относиться осторожно. Можно оценить вклад дисфункциональных семейных коммуникаций родительских семей в жизнеспособность семей взрослых не выше, чем 20%. Схожесть результатов исследования, полученных на двух независимых выборках (РБ и РФ), свидетельствует о внешней валидности.

Анализ показывает как общее, так и различия в дисфункциональных семейных коммуникациях, выступающих предпосылками жизнеспособности семей россиян и белорусов. Общими предикторами являются элиминирование эмоций и семейный перфекционизм в родительских семьях. Для российских и белорусских семей запрет на открытое выражение эмоций и завышенные требования со стороны родителей к своим детям оказывают влияние на жизнеспособность семей взрослых. Известно, что эмоциональная сдержанность по большей части свойственна коллективистским культурам, способствует поддержанию гармонии в межличностных отношениях, но может быть неадекватной при управлении стрессом. Внешнее эмоциональное выражение представляет собой механизм, с помощью которого люди сигнализируют другим о том, что им нужна поддержка. Подавление же эмоций приводит к минимуму внешней поддержки в преодолении стресса, например, в китайской коллективистской культуре [33]; к усугублению негативных переживаний, что с возрастом ограничивает способности

управлять своими эмоциями, ориентироваться в более сложных социальных контекстах в индивидуалистической культуре США [27]. В индийской коллективистской культуре замечено, что в семейной среде, где выражение эмоций запрещено, ребенок чувствует себя «задохнувшимся» в негативных эмоциях [30]. Показано, что подавление даже положительных эмоций отрицательно сказывается на благополучии людей вне зависимости от пола, возраста, культуры [36]. Запрет на выражение эмоций в родительских семьях отражается на взрослой жизни россиян и белорусов. Это прослеживается в написанных ими историях. Например: *«Ребенок сильный, но пустой внутри, он хотел понимания и любви, по итогу ему пришлось искать ее самому. Он вырос самостоятельным, но отстраненным и грубым, с кучей проблем в голове, которые исходят с детства»* (20 лет, женщина, в браке, детей нет, РБ). *«Жил-был мальчик. Ему было так одиноко, ведь никто не понимал его внутренние страдания. Одиночество было его спасением. Мысли вдалеке от всех придавали сил и превращались в мечты. Шло время, и мечты начали исполняться. Но одиночество так и осталось в его сердце, несмотря на то, что вокруг появилось много добрых и хороших людей»* (39 лет, женщина, в гражданском браке, 1 ребенок, РФ).

Семейный перфекционизм вносит положительный вклад в жизнеспособность семьи взрослых россиян и белорусов, однако в некоторых написанных историях прослеживаются негативные переживания, связанные с родительскими требованиями совершенства. Например: *«Жил-был мальчик. Он не хотел идти туда, куда вела его мама, потому что ему было страшно. Вместо того, чтобы поддержать ребенка, мама говорила «успокойся» и «есть такое слово — надо».* Из-за этого ребенок чувствовал себя не в без-

опасности, а мама ощущалась как враг» (24 года, женщина, в браке, детей нет, РБ). «Жил-был малыш с мамой и папой. Папа считал, что малыш недостаточно старается в любом деле: учеба, спорт. Папа говорил об этом, ставил цели и контролировал выполнение. А если малыши не справлялись, то папа обижал его. Малыш просил маму помочь и сказать папе, что без наказаний он будет справляться лучше. Но мама лишь отвечала: “Малыш, папа такой”. И тут малыш потерял веру в то, что хоть кто-то может ему помочь. Прошло много лет. Малыш вырос и больше не сердится на папу и маму. Он вырос сильным и точно знает, как любить своих малышек. Но иногда, когда его просят вспомнить о детстве, у малыша болит в груди и хочется плакать от несправедливости и беззащитности» (35 лет, женщина, в браке, двое детей, РФ). В других исследованиях также получены противоречивые результаты. С одной стороны, семейный перфекционизм китайских родителей оказывает положительное влияние на их удовлетворенность жизнью [35], вносит положительный вклад в психологическое благополучие молодежи России [9]; с другой — материнский перфекционизм передается детям и влияет на подростковую депрессию у китайцев [34]. Возможно, воспитание мужественного поведения в ситуациях неудач, стремление к совершенству во всех начинаниях наряду с поддерживающей атмосферой в родительской семье могут способствовать жизнеспособности семьи взрослых россиян и белорусов. Так, в систематическом обзоре вклада родительского отношения в развитие детей [15] подчеркивается сочетание высоких семейных ожиданий и заботливого отношения родителей, что способствует устойчивости подростков. С другой стороны, семейный перфекционизм, залож-

женный в детстве, может отражаться в желании дать более высокую (социально желательную) оценку своей собственной семье при проведении тестирования.

Критика в белорусских, сверхвключенность в российских родительских семьях оказывают отрицательное влияние на жизнеспособность будущих взрослых семей. Полученные результаты согласуются с результатами других исследований. Так, критичная атмосфера семьи связана с менее адаптивной регуляцией эмоций у молодежи [13]; с депрессивными симптомами подростков [22]; повышает враждебность семейного окружения [20]; снижает самооценку детей [14]; отражается на психологическом благополучии молодежи, передается от родителей к детям [9]. Родительская критика наряду с элиминированием эмоций, стремлением к внешнему благополучию и контролю являются риском развития виктимности в юношеском возрасте у белорусов [12]. Влияние критики отразилось и в текстах респондентов. *«Этот ребенок жил в обычной семье и почему-то искал в себе недостатки. Ему казалось, что он отличается от других детей, что он не умеет общаться и что он из себя ничего не представляет. Он ни с кем не мог обсудить свои проблемы, не доверял родителям. Но однажды он нашел поддержку в единственном человеке, который верил в него. Ребенок обрел покой, нашел силы в себе. Он понял, что может добиться в этой жизни всего, чего только захочет. Так и случилось. Он стал самым счастливым человеком на этой планете» (18 лет, женщина, в браке, детей нет, РБ).*

Сверхвключенность как чрезмерная защита своих детей приводит к тому, что ребенок не может справиться с проблемами самостоятельно, что в дальнейшем сказывается на жизнеспособности семей взрослых. В исследовании С.А. Капустина обнаружено, что на 80% случаев су-

пружеских проблем оказывают влияние сверхвключенность и сверхтребовательность, сформированные в детстве [3]. Также доказано, что гиперопека детей замедляет рост их жизнестойкости [24], сказывается на психическом здоровье взрослых [29]. Переживания сверхвключенности родителей отражены в написанных историях. *«Жил-был прекрасный ребенок на свете. И родители у него тоже были прекрасные. Они любили его и считали, что забота — это всегда знать о ребенке все и предостерегать его от опасностей этого мира. А ребенку это все было неважно, он хотел просто делать то, что ему интересно. Но, с точки зрения родителей, это могло быть опасно. И ребенок тоже стал так думать. В нем поселилась тревога. Он шел в лес читать интересную книгу под любимым деревом, но в голове копошились мысли: а вдруг мама меня потеряет, а вдруг мне встретятся ядовитые жуки, а вдруг... И ребенок решил делать только то, что говорит ему мама и что безопасно. А потом он стал взрослым...»* (51 год, женщина, в браке, двое детей, РФ).

С исследовательской точки зрения написанные истории помогают глубже понять атмосферу родительских семей взрослых россиян и белорусов, с практической — метафоры пространства дерева и света оказались полезными для самих участников исследования, помогли переосмыслить детский опыт и найти в нем точки опоры. Терапевтически подтверждено, что негативные переживания теряют свои характеристики, если они вербализованы.

Количество детей в семье вносит положительный вклад в жизнеспособность семьи в обеих выборках, что подтверждается ранее проведенным исследованием [2]. В белорусской выборке интенсивность негативного события способствует снижению жизнеспособности семьи. Возможно, это связано с сочетанием эмо-

циональных дисфункций в родительских семьях белорусов, среди которых элиминирование эмоций, критика, семейный перфекционизм, что может повышать тревожность, снижать уверенность в успешном преодолении трудностей.

Выводы

Изучен вклад эмоциональных дисфункций в родительских семьях в жизнеспособность семей взрослых в контексте белорусской и российской культур.

1. Сверхвключенность российских родителей в жизнь ребенка, критичные отношения белорусских родителей к своим детям снижают жизнеспособность будущей взрослой семьи.

2. Среди родительских эмоциональных коммуникаций наибольшее значение для жизнеспособности взрослых семей россиян и белорусов приобретают элиминирование эмоций и семейный перфекционизм. При этом стремление родителей к высоким стандартам оказывает положительное, а запрет на выражение эмоций — отрицательное влияние на жизнеспособность семей взрослых в контексте двух культур. Наличие и количество детей в семье в культурах двух стран повышают жизнеспособность семей.

3. Использование проективной методики показало, что традиции и культура для большинства россиян и белорусов являются прочной основой и сопровождаются положительными переживаниями. Наряду с этим более четверти респондентов чувствуют противоречия в традициях, сопровождаемые негативными переживаниями с одновременным стремлением понять эти противоречия. Отдаленность от культуры, сомнения, неприятие других характерны лишь для небольшой части россиян и белорусов, однако и эти переживания сочетаются с уверенностью в будущем.

Ограничением исследования является то, что опрос был проведен с участием только одного представителя семей, чаще женщин, что мешало проанализировать межпоколенные эффекты. Не учитывались стаж семейной жизни, структура семей родителей, а также типы неблагоприятных событий в родительских семьях. Данные ограничения становятся перспективами дальнейших исследований. Также, несмотря на эмоциональные дисфункции в детско-родительских отношениях, взрослые могут создавать вполне жизнеспособные семьи, поэтому

дальнейшим направлением исследований может стать поиск тех внутренних факторов (личностных ресурсов), которые позволяют преодолеть неблагополучие в родительских семьях.

Полученные данные важны в плане определения социальной семейной политики на уровне государств и совершенствования практик психологической помощи семьям россиян и белорусов с учетом выявленных фактов. Использование проективной методики может стать хорошей основой психологической помощи семьям.

Приложение

Описательная статистика и результаты сравнения (t -критерий Стьюдента) респондентов Республики Беларусь (РБ) и Российской Федерации (РФ) по показателям жизнеспособности семьи и семейных дисфункций

Шкалы методик	Среднее \pm стандартное отклонение		t	d Коэна
	РБ ($N = 258$)	РФ ($N = 595$)		
Жизнеспособность семьи				
Семейная коммуникация и связность	59,2 \pm 11,6	59,0 \pm 11,4	0,25	0,02
Позитивный прогноз и решение проблем	31,9 \pm 5,7	31,7 \pm 5,5	0,57	0,04
Принятие и гибкость	19,4 \pm 3,2	19,6 \pm 3,3	-0,87	0,06
Социальные ресурсы	23,1 \pm 4,2	22,4 \pm 4,6	1,90	0,14
Духовность	21,8 \pm 4,8	22,5 \pm 4,5	-2,05*	0,15
Жизнеспособность семьи (общий балл)	155,4 \pm 25,5	155,3 \pm 25,3	0,09	0,01
Семейные эмоциональные коммуникации				
Критика	9,2 \pm 4,6	10,3 \pm 4,8	-3,12*	0,23
Индукция тревоги	9,2 \pm 3,2	8,6 \pm 3,4	2,43*	0,18
Элиминирование эмоций	7,8 \pm 3,8	9,4 \pm 3,8	-5,52*	0,41
Фиксация на негативных переживаниях	4,2 \pm 1,8	3,9 \pm 1,8	2,03*	0,15
Внешнее благополучие	5,1 \pm 1,9	5,6 \pm 2,1	-3,47*	0,26
Сверхвключенность	4,1 \pm 1,8	3,6 \pm 2,3	3,43*	0,26
Семейный перфекционизм	5,5 \pm 1,9	5,5 \pm 1,8	0,15	0,01
Семейные дисфункции (общий балл)	45,1 \pm 11,5	46,8 \pm 12,1	-1,95	0,15

Примечание: t — эмпирическое значение непарного t -критерия Стьюдента; * — обозначает статистически значимые различия от $p < 0,05$.

Литература

1. *Алексеевко Т.В.* Сравнительное исследование интернальности личности взрослых тувинцев и русских (в контексте семейной эмоциональной коммуникации) // Проблемы современного образования. 2020. № 1. С. 212–222.
2. *Гусарова Е.С., Одинова М.А., Козырева Н.В., Кузьмина Е.И.* «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RIP): новая версия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 21. № 1. С. 8–31. DOI:10.17323/1813-8918-2024-1-8-31
3. *Капустин С.А.* Влияние гиперопеки (сверхтребовательности) на возникновение супружеских проблем // Национальный психологический журнал. 2016. № 1(21). С. 62–69. DOI:10.11621/npj.2016.0108
4. *Карабанова О.А.* Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 15–26. DOI:10.17759/jmfp.2017060202
5. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 41–55. DOI:10.17759/sps.2021120203
6. *Мусохранова Е.Г., Азарёнок Н.В.* Жизнеспособность семьи (выборки РФ и РБ): Набор данных. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. 2024. Москва. DOI:10.48612/MSUPE/f9n3-dzvh-ddum
7. *Одинова М.А., Лубовский Д.В., Гусарова Е.С., Иванова П.А.* Проективная методика «Пространство дерева и света» как навигатор по детскому опыту отношений в родительской семье у взрослых // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 3. С. 68–91. DOI:10.17759/cpr.2022300305
8. *Одинова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В., Кузьмина Е.И.* Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 47–66. DOI:10.17759/sps.2019100205
9. *Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Харитонова Т.С.* Роль семейных эмоциональных коммуникаций в психологическом благополучии: межпоколенные эффекты // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28. № 1. С. 69–75. DOI:10.34216/2073-1426-2022-28-1-69-75
10. *Роцупка А.С.* Эмоционально-психологическая близость взрослых детей с родительской фигурой и ее связь с уровнем семейных дисфункций // Северо-Кавказский психологический вестник. 2023. Т. 21. № 4. С. 5–25. DOI:10.21702/ncpb.2023.4.1
11. *Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г.* Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 4. С. 97–125. DOI:10.17759/cpr.2016240405
12. *Шматкова И.В., Громова Т.М.* Опыт семейных эмоциональных коммуникаций как фактор виктимности у лиц юношеского возраста // Вестник Брестского университета. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2020. № 1. С. 222–231.
13. *Berla N., Peisch V., Thacher A.* All in the Family: How Parental Criticism Impacts Depressive Symptoms in Youth // Research on child and adolescent psychopathology. 2022. Vol. 50. P. 27–35. DOI:10.1007/s10802-021-00809-w
14. *Brueckmann M., Teuber Z., Hollmann J.* What if parental love is conditional...? Children's self-esteem profiles and their relationship with parental conditional regard and self-kindness // BMC Psychology. 2023. Vol. 11. P. 322. DOI:10.1186/s40359-023-01380-3
15. *Çakmak T.Ö., Bolluk U.G.* The relation between psychological resilience and parental attitudes in adolescents: a systematic review // Current Psychology. 2024. Vol. 43. P. 8048–8074. DOI:10.1007/s12144-023-04966-7

16. *Ciydem E., Bilgin H., Ozturk E.* Investigation of the Effect of Childhood Traumas on Mental Health and Family Functionality in Context of Intergeneration Line // *Child and Adolescent Social Work Journal*. 2023. DOI:10.1007/s10560-023-00936-x
17. *Cohrdes C., Meyrose A.K., Ravens-Sieberer U.* Adolescent Family Characteristics Partially Explain Differences in Emerging Adulthood Subjective Well-Being After the Experience of Major Life Events: Results from the German KiGGS Cohort Study // *Journal of Adult Development*. 2023. Vol. 30. P. 237–255. DOI:10.1007/s10804-022-09424-5
18. *Cramer J.S.* Mean and variance of R2 in small and moderate samples // *Journal of Econometrics*. 1978. Vol. 35. No. 2–3. P. 253–266. DOI:10.1016/0304-4076(87)90027-3
19. *Deng Y., Li X.* Early Interparental Conflict, Couple Relationships, and Depression Among Rural Older Adults in China: A Latent Growth Model // *Journal of Adult Development*. 2024. DOI:10.1007/s10804-024-09473-y
20. *Frazer A.L., Fite P.J., Stone K.J.* Parental criticism moderates sibling influence on proactive and reactive aggression // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. Vol. 27. P. 4025–4032. DOI:10.1007/s10826-018-1210-5
21. *Germani A., Delvecchio E., Li J.B., Lis A., Nartova-Bochaver S.K., Vazsonyi A.T., Mazzeschi C.* The link between individualism-collectivism and life satisfaction among emerging adults from four countries // *Applied psychology. Health and well-being*. 2021. Vol. 13(2). P. 437–453. DOI:10.1111/aphw.12259
22. *Lawrence T.I.* Parental Criticism and Depressive Symptoms: The Contribution of Active Coping Among African American Adolescents // *Community Mental Health*. 2023. Vol. 59. P. 85–94. DOI:10.1007/s10597-022-00992-0
23. *Low X.Q., Chong S.* Helicopter Parenting and Resilience Among Malaysian Chinese University Students: The Mediating Role of Fear of Negative Evaluation // *Journal of Adult Development*. 2023. DOI:10.1007/s10804-023-09467-2
24. *Miralles P., Godoy C., Hidalgo M.D.* Long-term emotional consequences of parental alienation exposure in children of divorced parents: A systematic review // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 12055–12069. DOI:10.1007/s12144-021-02537-2
25. *Okwori G.* Role of Individual, Family, and Community Resilience in Moderating Effects of Adverse Childhood Experiences on Mental Health Among Children // *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*. 2022. Vol. 43(7). P. 452–462. DOI:10.1097/DBP.0000000000001076
26. *Pasteuning J.M., Gathier A.W., Vinkers C.H., Sep M.S.C.* Resilience following Childhood Adversity: the need for a heuristic multilevel dynamic framework // *Neuroscience Applied*. 2024. DOI:10.1016/j.nsa.2024.104069
27. *Perry N.B., Dollan J.M., Calkins S.D., Keane S.P., Shanahan L.* Maternal socialization of child emotion and adolescent adjustment: Indirect effects through emotion regulation // *Developmental Psychology*. 2020. Vol. 56(3). P. 541–552. DOI:10.1037/dev0000815
28. *Ruitenbergh J.* Resilience of the Childhood Origins of Dutch Mothers' Gender Role Attitudes // *Journal of Adult Development*. 2016. Vol. 23. P. 11–26. DOI:10.1007/s10804-015-9217-2
29. *Segrin C., Jiao J., Wang J.* Indirect Effects of Overparenting and Family Communication Patterns on Mental Health of Emerging Adults in China and the United States // *Journal of Adult Development*. 2022. Vol. 29. P. 205–217. DOI:10.1007/s10804-022-09397-5
30. *Shashwati S., Konantambigi R.M.* Beyond the «Self» in Self-regulation of Emotions in Children: Role of Parental Expressiveness // *Psychological Studies*. 2023. Vol. 68. P. 165–176. DOI:10.1007/s12646-022-00678-3
31. *Skolnick V.G., Lynch B.A., Smith L.* The Association Between Parent and Child ACEs is Buffered by Forgiveness of Others and Self-Forgiveness // *Journal of Child & Adolescent Trauma*. 2023. Vol. 16. P. 995–1003. DOI:10.1007/s40653-023-00552-y
32. *Walsh F.* Family resilience: a developmental systems framework // *European Journal of Developmental Psychology*. 2016. Vol. 13(3). P. 313–324. DOI:10.1080/17405629.2016.1154035

33. Wang H., Zhang Y., Hale M.E. Peer Stress Spills Over to Family Stress in the Context of Emotion Regulation Difficulties: A Daily Diary Study with Chinese Adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 2024. Vol. 53. P. 1415–1427. DOI:10.1007/s10964-024-01962-3
34. Wu P.C. Effects of perceived maternal and adolescent perfectionism on adolescent depression // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 24682–24695. DOI:10.1007/s12144-022-03615-9
35. Yee Leung J. Conceptualization of self-oriented parenting perfectionism and its Associations with parents' wellbeing among Chinese parents // *Applied Research Quality Life*. 2022. Vol. 17. P. 3517–3540. DOI:10.1007/s11482-022-10077-5
36. Yu C.W.F., Haase C.M., Chang J.H. Habitual Expressive Suppression of Positive, but not Negative, Emotions Consistently Predicts Lower Well-being across Two Culturally Distinct Regions // *Affective Science*. 2023. Vol. 4. P. 684–701. DOI:10.1007/s42761-023-00221-1
37. Zagefka H., Clarke Z., Kabela G. Lay Beliefs About Romantic Relationships: A Mediator of the Effect of Family Dysfunction on Romantic Relationship Satisfaction // *Journal of Adult Development*. 2021. Vol. 28. P. 299–308. DOI:10.1007/s10804-021-09374-4
38. Zhang Y., Hu Y., Yang M. The relationship between family communication and family resilience in Chinese parents of depressed adolescents: a serial multiple mediation of social support and psychological resilience // *BMC Psychology*. 2024. Vol. 12(1). P. 33. DOI:10.1186/s40359-023-01514-7

References

1. Alekseenko T.V. Sravnitel'noe issledovanie internal'nosti lichnosti vzroslykh tuvintsev i russkikh (v kontekste semeinoi emotsional'noi kommunikatsii) [A Comparative Study of the Internality of the Personality of Adult Tuvans and Russians (in the Context of Family Emotional Communication)]. *Problemy sovremenogo obrazovaniya = Problems of modern education*, 2020, no. 1, pp. 212–222. (In Russ.).
2. Gusarova E.S., Odintsova M.A., Kozyreva N.V., Kuz'mina E.I. «Shkala otsenki zhiznesposobnosti sem'i» (FRAS-RII): novaya versiya ["Family Resilience Assessment Scale" (FRAS-RII): New Version]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2024. Vol. 21, no. 1, pp. 8–31. DOI:10.17323/1813-8918-2024-1-8-31 (In Russ.).
3. Kapustin S.A. Vliyanie giperopeki (sverkhtrebovatel'nosti) na vozniknovenie supruzheskikh problem [Influence of hyperprotection (overexactness) on marital problems]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2016, no. 1(21), pp. 62–69. DOI:10.11621/npj.2016.0108 (In Russ.).
4. Karabanova O.A. Detsko-roditel'skie otnosheniya i praktika vospitaniya v sem'e: krosskul'turnyi aspekt [Elektronnyi resurs] [Child-parent relationship and the practice of education in the family: cross-cultural aspect]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 15–26. DOI:10.17759/jmfp.2017060202 (In Russ.).
5. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' sem'i s pozitsii organizatsionnoi teorii A.A. Bogdanova [Family Resilience from the Perspective of A.A. Bogdanov' Organizational Theory]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 41–55. DOI:10.17759/sps.2021120203 (In Russ.).
6. Musokhranova E.G., Azarenok N.V. Zhiznesposobnost' sem'i (vyborki RF i RB) [Family Resilience (Russian and Belarusian samples)]: Dataset. RusPsyData: Psychological Research and Tools Repository. 2024. Moscow. DOI:10.48612/MSUPE/f9n3-dzvh-ddum (In Russ.).
7. Odintsova M.A., Lubovskii D.V., Gusarova E.S., Ivanova P.A. Proektivnaya metodika «Prostranstvo dereva i sveta» kak navigator po detskomu opytu otnoshenii v roditel'skoi sem'e u vzroslykh [The Projective Technique "Space of Trees and Light" as a Navigator of Childhood Experience of Family Relationships in Adults]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 3, pp. 68–91. DOI:10.17759/cpp.2022300305 (In Russ.).

8. Odintsova M.A., Radchikova N.P., Kozyreva N.V., Kuzmina E.I. Sravnitel'nyi analiz lichnostnykh resursov perekhodnogo i novogo pokolenii belorusov i rossiyan v novykh kul'turno-istoricheskikh usloviyakh [Comparative analysis of personal resources of Belarusian and Russian Transitional and New Generations in New Cultural and Historical Conditions]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 47–66. DOI:10.17759/sps.2019100205 (In Russ.).
9. Petrash M.D., Strizhitskaya O.Yu., Kharitonova T.S. Rol' semeinykh emotsional'nykh kommunikatsii v psikhologicheskom blagopoluchii: mezhpokolennyye efekty [The role of Family Emotional Communication in Psychological Well-Being: Intergenerational effects]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2022. Vol. 28, no. 1, pp. 69–75. DOI:10.34216/2073-1426-2022-28-1-69-75 (In Russ.).
10. Roshchupka A.S. Emotsional'no-psikhologicheskaya blizost' vzroslykh detei s roditel'skoi figuroi i ee svyaz' s urovnem semeinykh disfunktsii [Emotional and Psychological Closeness of Adult Children with the Parental Figure and its Connection with the Level of Family Dysfunctions]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North Caucasian Psychological Bulletin*, 2023. Vol. 21, no. 4, pp. 5–25. DOI:10.21702/ncpb.2023.4.1 (In Russ.).
11. Kholmogorova A.B., Volikova S.V., Sorokova M.G. Standartizatsiya oprosnika «Semeinye emotsional'nye kommunikatsii» [Standardization of the Test “Family Emotional Communication”]. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2016. Vol. 24, no. 4, pp. 97–125. DOI:10.17759/cpp.2016240405
12. Shmatkova I.V., Gromova T.M. Opyt semeinykh emotsional'nykh kommunikatsii kak faktor viktimnosti u lits yunosheskogo vozrasta [Experience Family Emotional Communication how Factor Victimhood in Age of Adolescence]. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 3. Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya = Bulletin of Brest University. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 2020, no. 1, pp. 222–231. (In Russ.).
13. Berla N., Peisch V., Thacher A. All in the Family: How Parental Criticism Impacts Depressive Symptoms in Youth. *Research on child and adolescent psychopathology*, 2022. Vol. 50, pp. 27–35. DOI:10.1007/s10802-021-00809-w
14. Brueckmann M., Teuber Z., Hollmann J. What if parental love is conditional...? Children's self-esteem profiles and their relationship with parental conditional regard and self-kindness. *BMC Psychology*, 2023. Vol. 11, p. 322. DOI:10.1186/s40359-023-01380-3
15. Çakmak Tolan Ö., Bolluk Uğur G. The relation between psychological resilience and parental attitudes in adolescents: a systematic review. *Current Psychology*, 2024. Vol. 43, pp. 8048–8074. DOI:10.1007/s12144-023-04966-7
16. Ciydem E., Bilgin H., Ozturk E. Investigation of the Effect of Childhood Traumas on Mental Health and Family Functionality in Context of Intergeneration Line. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 2023. DOI:10.1007/s10560-023-00936-x
17. Cohrdes C., Meyrose A.K., Ravens-Sieberer U. Adolescent Family Characteristics Partially Explain Differences in Emerging Adulthood Subjective Well-Being After the Experience of Major Life Events: Results from the German KiGGS Cohort Study. *Journal of Adult Development*, 2023. Vol. 30, pp. 237–255. DOI:10.1007/s10804-022-09424-5
18. Cramer J.S. Mean and variance of R² in small and moderate samples. *Journal of Econometrics*, 1978. Vol. 35, no. 2–3, pp. 253–266. DOI:10.1016/0304-4076(87)90027-3
19. Deng Y., Li X. Early Interparental Conflict, Couple Relationships, and Depression Among Rural Older Adults in China: A Latent Growth Model. *Journal of Adult Development*, 2024. DOI:10.1007/s10804-024-09473-y
20. Frazer A.L., Fite P.J., Stone K.J. Parental criticism moderates sibling influence on proactive and reactive aggression. *Journal of Child and Family Studies*, 2018. Vol. 27, pp. 4025–4032. DOI:10.1007/s10826-018-1210-5

21. Germani A., Delvecchio E., Li J.B., Lis A., Nartova-Bochaver S.K., Vazsonyi A.T., Mazzeschi C. The link between individualism-collectivism and life satisfaction among emerging adults from four countries. *Applied psychology. Health and well-being*, 2021. Vol. 13(2), pp. 437–453. DOI:10.1111/aphw.12259
22. Lawrence T.I. Parental Criticism and Depressive Symptoms: The Contribution of Active Coping Among African American Adolescents. *Community Mental Health*, 2023. Vol. 59, pp. 85–94. DOI:10.1007/s10597-022-00992-0
23. Low X.Q., Chong S. Helicopter Parenting and Resilience Among Malaysian Chinese University Students: The Mediating Role of Fear of Negative Evaluation. *Journal of Adult Development*, 2023. DOI:10.1007/s10804-023-09467-2
24. Miralles P., Godoy C., Hidalgo M.D. Long-term emotional consequences of parental alienation exposure in children of divorced parents: A systematic review. *Current Psychology*, 2023. Vol. 42, pp. 12055–12069. DOI:10.1007/s12144-021-02537-2
25. Okwori G. Role of Individual, Family, and Community Resilience in Moderating Effects of Adverse Childhood Experiences on Mental Health Among Children. *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*, 2022. Vol. 43(7), pp. 452–462. DOI:10.1097/DBP.0000000000001076
26. Pasteuning J.M., Gathier A.W., Vinkers C.H., Sep M.S.C. Resilience following Childhood Adversity: the need for a heuristic multilevel dynamic framework. *Neuroscience Applied*, 2024. DOI:10.1016/j.nsa.2024.104069
27. Perry N.B., Dollar J.M., Calkins S.D., Keane S.P., Shanahan L. Maternal socialization of child emotion and adolescent adjustment: Indirect effects through emotion regulation. *Developmental Psychology*, 2020. Vol. 56(3), pp. 541–552. DOI:10.1037/dev0000815
28. Ruitenbergh J. Resilience of the Childhood Origins of Dutch Mothers' Gender Role Attitudes. *Journal of Adult Development*, 2016. Vol. 23, pp. 11–26. DOI:10.1007/s10804-015-9217-2
29. Segrin C., Jiao J., Wang J. Indirect Effects of Overparenting and Family Communication Patterns on Mental Health of Emerging Adults in China and the United States. *Journal of Adult Development*, 2022. Vol. 29, pp. 205–217. DOI:10.1007/s10804-022-09397-5
30. Shashwati S., Konantambigi R.M. Beyond the «Self» in Self-regulation of Emotions in Children: Role of Parental Expressiveness. *Psychological Studies*, 2023. Vol. 68, pp. 165–176. DOI:10.1007/s12646-022-00678-3
31. Skolnick V.G., Lynch B.A., Smith L. The Association Between Parent and Child ACEs is Buffered by Forgiveness of Others and Self-Forgiveness. *Journal of Child & Adolescent Trauma*, 2023. Vol. 16, pp. 995–1003. DOI:10.1007/s40653-023-00552-y
32. Walsh F. Family resilience: a developmental systems framework. *European Journal of Developmental Psychology*, 2016. Vol. 13(3), pp. 313–324. DOI:10.1080/17405629.2016.1154035
33. Wang H., Zhang Y., Hale M.E. Peer Stress Spills Over to Family Stress in the Context of Emotion Regulation Difficulties: A Daily Diary Study with Chinese Adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 2024. Vol. 53, pp. 1415–1427. DOI:10.1007/s10964-024-01962-3
34. Wu P.C. Effects of perceived maternal and adolescent perfectionism on adolescent depression. *Current Psychology*, 2023. Vol. 42, pp. 24682–24695. DOI:10.1007/s12144-022-03615-9
35. Yee Leung J. Conceptualization of self-oriented parenting perfectionism and its Associations with parents' wellbeing among Chinese parents. *Applied Research Quality Life*, 2022. Vol. 17, pp. 3517–3540. DOI:10.1007/s11482-022-10077-5
36. Yu C.W.F., Haase C.M., Chang J.H. Habitual Expressive Suppression of Positive, but not Negative, Emotions Consistently Predicts Lower Well-being across Two Culturally Distinct Regions. *Affective Science*, 2023. Vol. 4, pp. 684–701. DOI:10.1007/s42761-023-00221-1
37. Zagefka H., Clarke Z., Kabeli G. Lay Beliefs About Romantic Relationships: A Mediator of the Effect of Family Dysfunction on Romantic Relationship Satisfaction. *Journal of Adult Development*, 2021. Vol. 28, pp. 299–308. DOI:10.1007/s10804-021-09374-4

38. Zhang Y., Hu Y., Yang M. The relationship between family communication and family resilience in Chinese parents of depressed adolescents: a serial multiple mediation of social support and psychological resilience. *BMC Psychology*, 2024. Vol. 12(1), p. 33. DOI:10.1186/s40359-023-01514-7

Информация об авторах

Одицова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Радчикова Наталия Павловна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация; главный специалист подразделения «Лаборатория биофизики возбудимых сред», Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН (ИТЭБ РАН), г. Пущино, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Мусохранова Евгения Григорьевна, студентка магистратуры, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7546-1510>, e-mail: o353xx@mail.ru

Азарёнок Наталья Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и конфликтологии, ФГБОУ ВО «Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, Республика Беларусь» (Филиал РГСУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0882-9552>, e-mail: azarionoknv@mail.ru

Information about the authors

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Nataly P. Radchikova, PhD in Psychology, Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia; Chief Specialist of the Laboratory of Biophysics of Excitable Media, Institute of Theoretical and Experimental Biophysics, Russian Academy of Sciences, Pushchino, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Evgenia G. Musokhranova, Master’s Degree Student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7546-1510>, e-mail: o353xx@mail.ru

Natalia V. Azaryonok, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Conflictology, Branch of the Russian State Social University in Minsk (Branch of the RSSU in Minsk), Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0882-9552>, e-mail: azarionoknv@mail.ru

Получена 22.05.2024

Принята в печать 26.09.2024

Received 22.05.2024

Accepted 26.09.2024

Восприятие родительского отношения и общая академическая успеваемость старшеклассников: российско-кыргызское исследование

Тихомирова Т.Н.

ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6748-763X>, e-mail: tikho@mail.ru

Малых С.Б.

ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3786-7447>, e-mail: malykhsb@mail.ru

Цель. Кросс-культурный анализ восприятия родительского отношения и его влияния на общую академическую успеваемость старших школьников из России и Кыргызстана.

Контекст и актуальность. Особенности родительского отношения тесно связаны не только с учебными успехами ребенка в процессе жизни в семье, но и с образовательными достижениями в дальнейшем. Вместе с тем социокультурная специфика детско-родительских взаимоотношений через восприятие взрослеющим ребенком может изменять направление и величину таких связей.

Дизайн исследования. Анализируются особенности восприятия отношения матерей и отцов — эмоционального принятия и гиперопеки — старшеклассниками из двух государств, различающихся социально-экономическим статусом. Проводится кросс-культурный анализ структуры связей между особенностями восприятия родительского отношения и успеваемостью.

Участники. В исследовании анализировались данные 528 обучающихся 10–11 классов из России и Кыргызстана. Российская выборка: 230 человек ($M = 17,31$; $SD = 0,7$), 58,1% девушек. Кыргызская выборка: 298 человек ($M = 17,21$; $SD = 0,7$), 67,6% девушек.

Методы. Русскоязычная версия опросника «Юношеский отчет о родительском отношении» (Т.Н. Тихомирова, Д.А. Гайсина, С.Б. Малых, 2021).

Результаты. В старшем школьном возрасте восприятие родительского отношения имеет культуроспецифичную обусловленность, наиболее ярко выраженную при восприятии эмоционального принятия матерью и гиперопекающего отношения отца.

Основные выводы. При существовании универсальной модели влияния родительского отношения на общую академическую успеваемость старшеклассников наблюдается кросс-культурная специфика функциональных связей внутри модели, характерная в большей мере для восприятия отношения отцов, а не матерей.

Ключевые слова: кросс-культурный анализ; восприятие родительского отношения; отношение матери и отца; общая академическая успеваемость; старший школьный возраст.

Для цитаты: Тихомирова Т.Н., Малых С.Б. Восприятие родительского отношения и общая академическая успеваемость старшеклассников: российско-кыргызское исследование // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 91–107. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150306>

Perception of Parental Attitudes and General Academic Achievement of High School Students: a Russian-Kyrgyz Study

Tatiana N. Tikhomirova

The Federal State Budget Scientific Institution “Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6748-763X>, e-mail: tikho@mail.ru

Sergey B. Malykh

The Federal State Budget Scientific Institution “Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3786-7447>, e-mail: malykhsb@mail.ru

Objective. Cross-cultural analysis of the perception of parental attitudes and its influence on the general academic performance of high school students from Russia and Kyrgyzstan.

Background. The characteristics of parental attitudes are closely related not only to the child's educational success during life in the family, but also to educational achievements in the future. At the same time, the sociocultural specifics of parent-child relationships, through the perception of a growing child, can change the direction and magnitude of such associations.

Study design. The characteristics of the relationship between mothers and fathers — emotional acceptance and overprotection — by high school students from two countries differing in socio-economic status are analyzed. A cross-cultural analysis of the structure of associations between the characteristics of the perception of parental attitudes and academic performance is carried out.

Participants. The study analyzed data from 528 students in grades 10–11 from Russia and Kyrgyzstan. Russian sample: 230 people ($M = 17,31$; $SD = 0,7$), 58,1% girls. Kyrgyz sample: 298 people ($M = 17,21$; $SD = 0,7$), 67,6% girls.

Measurements. Russian-language version of the questionnaire “Parental Bonding Instrument” (T.N. Tikhomirova, D.A. Gaysina, S.B. Malykh, 2021).

Results. At high school age, the perception of parental attitude has a culture-specific conditioning, most clearly expressed in the perception of emotional acceptance by the mother and the overprotective attitude of the father.

Conclusions. Given the existence of a universal model of the influence of parental attitudes on the general academic performance of high school students, cross-cultural specificity of functional associations within the model is observed, which is more characteristic of the perception of the attitudes of fathers rather than mothers.

Keywords: cross-cultural analysis; perception of parental attitude; relationship with mother and father; general academic performance; high school age.

For citation: Tikhomirova T.N., Malykh S.B. Perception of Parental Attitudes and General Academic Achievement of High School Students: a Russian-Kyrgyz Study. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 91–107. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150306> (In Russ.).

Введение

Взаимоотношения с родителями не только влияют на образовательные результаты ребенка в период начала обучения, когда возрастает социальная нагрузка на семью, но и часто определяют его даль-

нейшую образовательную траекторию, учебные успехи или неудачи, профессиональное становление [5; 6]. В этом контексте центральным конструктом семейной микросреды выступают особенности родительского отношения, связанные, в первую

очередь, с эмоциональным принятием и контролем [5; 7; 15]. Под эмоциональным принятием, как правило, понимаются безусловная поддержка ребенка, вера в его возможности, предоставление выбора и самостоятельности при принятии решений. Контроль часто ассоциируется с гиперопекающим поведением родителей, чрезмерной заботой, неоправданной критикой действий ребенка и постоянным желанием «все сделать за него» [4].

В социологических работах сообщается о двух типах средового воздействия: непосредственное воздействие средового события («Альфа-давление») и, что особенно актуально при анализе взаимоотношений в семье, восприятие этого средового события конкретным человеком на основе его личного опыта («Бета-давление») [14]. Действительно, одно и то же действие родителя, например, проверка школьного домашнего задания, одним ребенком в семье может восприниматься как заботливое внимание, а его братом или сестрой — как недоверие и даже вмешательство в личное пространство. Показано, что наиболее информативным в контексте образовательной проблематики является анализ восприятия родительского отношения через призму собственного опыта и с учетом индивидуальных и возрастных особенностей ребенка [4; 6; 15; 20].

Феномен восприятия дает возможность увидеть весь спектр индивидуальных различий между обучающимися при оценке родительского отношения — от безусловного эмоционального принятия до агрессивной отчужденности [5]. При этом в исследованиях восприятия ребенком родительского отношения сообщается о различиях в диапазоне вариативности относительно матери и отца [3; 5; 15]. Действительно, в большинстве социокультурных сообществ мать, как правило, является более вовлеченным в решение

жизненных вопросов ребенка родителем, а роль отца реализуется в зависимости от личных убеждений и/или социокультурных представлений, что и приводит к наблюдаемым различиям в восприятии.

В исследованиях с участием семей из разных социокультурных сообществ показано, что особенности отношения матерей и отцов оказываются связанными с академической успешностью детей [5; 6; 10; 15]. Так, в большинстве исследований показано, что степень эмоционального принятия матерью и отцом в целом позитивно влияет на академическую успеваемость обучающихся на всем протяжении обязательного школьного обучения [5; 12; 15]. Напротив, данные о значении контроля во всех его проявлениях — от адекватной заботы до чрезмерно опекающего поведения — для повышения учебных успехов ребенка не являются идентичными. Так, показано и положительное влияние контролирующего поведения каждого родителя [16], и негативное воздействие [11], и отсутствие статистически достоверных взаимосвязей между восприятием родительской гиперопеки и школьной успеваемостью ребенка [5].

Вместе с тем обнаружены кросс-культурные различия силы и даже направления связи восприятия родительского отношения и академической успеваемости вследствие нескольких обстоятельств.

Так, существует кросс-культурная специфика родительского отношения к детям, связанная в том числе с социально-экономическим статусом семей и государств. Сообщается, что стратегии детско-родительских отношений — минимум родительского воздействия или активное содействие всестороннему развитию — являются связующим звеном влияния социокультурных условий на образовательные достижения ребенка [3; 5; 18]. А существование родительских эт-

нотеорий объясняет специфику взаимодействия ребенка с каждым родителем — матерью и отцом — в семьях европейского и азиатского типа с их различиями по целому ряду социально-демографических характеристик [9; 19]. Согласно исследованиям, гиперопекающее поведение родителей, основанное на чрезмерном контроле, в большей мере подвержено воздействию социально-демографического статуса семьи по сравнению с эмоциональным принятием матерью или отцом [2]. Например, большее количество детей в семьях и более консервативные взгляды родителей на воспитание часто приводят к доминированию чрезмерной опеки со стороны отца или матери [2; 7].

Кроме того, существует зависимость родительского отношения и академической успеваемости ребенка от социальных установок, принятых в том или ином сообществе, относительно ценности образования, гендерных стереотипов («мужские» или «женские» учебные занятия), возраста взросления сына и дочери [8; 13]. Например, сообщается о более высокой ценности образования, с одной стороны, в азиатских семьях по сравнению с семьями европейского типа, а с другой — в семьях с более высоким социально-экономическим статусом, что может приводить к увеличению образовательных событий в жизни ребенка [3; 17].

В исследовании уровня обязательного общего образования (с участием школьников 2—9 классов) показано, что взаимосвязь восприятия родительского отношения и успеваемости ребенка может быть описана моделью, согласно которой аспекты отношения матери и отца, связанные с эмоциональным принятием и агрессивной отчужденностью, влияют на уровень общей академической успешности [5]. При этом подчеркивается своеобразие наиболее значимых аспектов отно-

шения матери и отца на разных уровнях школьного обучения — начальном (2—4 классы) или основном (5—9 классы). Вместе с тем семья по мере взросления ребенка подвержена изменениям — рождаются братья и сестры, случается переезд на новое место жительства, увеличивается социальное давление на семью при подготовке к поступлению в вуз и т.п., что приводит к изменениям в восприятии родительского отношения [3; 15]. Такие социально-демографические изменения семьи наряду с переходом взрослеющего ребенка на новый уровень образования диктуют необходимость понимания возрастной специфики связи восприятия родительского отношения и успеваемости старшеклассников из России и Кыргызстана, стран с преимущественно европейским и азиатским укладом жизни семьи.

Цель исследования — кросс-культурный анализ восприятия родительского отношения и его влияния на общую академическую успеваемость на выборах старших школьников из России и Кыргызстана. Задачи направлены на: 1) понимание универсальных и/или культурораспечифичных особенностей восприятия отношения матери и отца старшеклассниками из разных социокультурных сообществ, 2) кросс-культурный анализ структуры взаимосвязей между показателями родительского отношения и успеваемости старшеклассников по основным школьным дисциплинам, 3) определение модели влияния восприятия отношения каждого из родителей на общую академическую успеваемость старшеклассника, наилучшим образом соответствующей данным школьников из России и Кыргызстана.

Метод

Выборка. В исследовании анализировались данные 528 обучающихся из России и Кыргызстана — двух стран,

имеющих сходную организацию системы государственного образования как бывших союзных республик одной страны, но различающихся качеством обучения и социально-экономическим статусом, что подтверждается Международным рейтингом развития стран в области здравоохранения, образования и социального обеспечения граждан [1]. В частности, по данным Программы развития Организации Объединенных Наций, Российская Федерация занимает 57 место в группе стран с очень высоким уровнем развития, а Кыргызская Республика — лишь 117 место из 193 возможных позиций, различаясь в том числе по индексу гендерного неравенства [1].

Каждая социокультурная выборка формировалась на базе одной общеобразовательной организации, которая соответствовала определенным критериям относительно государственного статуса (язык обучения, ведомственная принадлежность, лицензионная мощность, реальная наполняемость, количество педагогов на одного обучающегося), квалификации и структуры педагогического коллектива (соотношение педагогов с высшим образованием к общему количеству педагогов, соотношение педагогов с высшей категорией к общему количеству педагогов, возрастная категория с наибольшим количеством педагогов, педагогический стаж), образовательных программ по математике и русскому языку, а также качества обучения в школе (соотношение среднего по школе балла выпускного государственного экзамена по русскому языку и математике и среднего балла по региону). Такой подход позволил снизить эффекты социокультурной микросреды, связанные с условиями обучения и образовательными возможностями конкретной школы [3].

Таким образом, в исследовании участвовали все присутствовавшие в день тестирования обучающиеся 10–11 классов

двух школ — подмосковной гимназии и гимназии города Бишкека с обучением на русском языке, практически полностью совпадающих по вышеперечисленным критериям (см. подробнее [3]). В статистический анализ вводились обезличенные данные школьников из полных семей.

Российская выборка включала 230 старшеклассников в возрасте от 15,3 до 18,9 года (среднее значение = 17,31; стандартное отклонение = 0,7), из них 58,1% девушек. Среди участников 97% школьников — русские, 3% — из других этнических групп (татары, украинцы и др.). Согласно данным о трудовой занятости родителей, 80,6% матерей российских школьников работают.

Кыргызская выборка составила 298 старшеклассников в возрасте от 15,3 до 18,8 года (среднее значение = 17,21; стандартное отклонение = 0,7), из них 67,6% девушек. Среди участников 81% — кыргызы, 5% — русские, 14% — представители других этнических групп (узбеки, дунгане, уйгуры и др.). Все кыргызские участники с первого класса обучались на русском языке и не испытывали сложностей с выполнением заданий исследователя. 65,3% матерей кыргызских школьников работают.

Схема проведения исследования.

Все участники исследования заполняли русскоязычную версию опросника о родительском отношении под присвоенным идентификационным номером. Заполнение опросника проводилось в конце учебного года под наблюдением исследователя в процессе внеурочной деятельности на территории общеобразовательной организации. Родители школьников предоставили информированные согласия на участие в исследовании в письменном виде. С согласия участников и их родителей зафиксированы показатели школьной успеваемости по русскому языку, математике и биологии.

Методики. Для измерения особенностей восприятия родителей — матери и отца — в исследовании использовалась русскоязычная версия самоотчетного опросника для старшеклассников «Юношеский отчет о родительском отношении» [4]. Опросник состоит из 25 утверждений об отношении матери и 25 аналогичных утверждений об отношении отца, которые требуется вдумчиво прочитать и выбрать на каждое утверждение один вариант ответа из следующих предложенных вариантов: «очень похоже», «скорее похоже», «скорее не похоже» или «совсем не похоже». На основе ответов рассчитываются количественные показатели шкал «Принятие» и «Гиперопека» в контексте отношения матери и отца. Шкала «Принятие» включает в себя 12 утверждений, в частности, «Кажется эмоционально холодной со мной», «Получает удовольствие, обсуждая со мной разные темы», «Мало разговаривает со мной» и т.п. Шкала «Гиперопека» — 13 утверждений, в том числе: «Думает, что я не могу заботиться о себе сам(а), когда ее/его нет рядом», «Позволяет мне самостоятельно принимать решения», «Позволяет мне одеваться так, как мне нравится» и т.п.

Для измерения общей академической успешности фиксировались полугодовые оценки по русскому языку, математике (алгебра и геометрия) и биологии. В ходе структурного моделирования на основе этих оценок рассчитывался показатель общей академической успеваемости и анализировалось значение каждой дисциплины для этого интегрированного показателя.

Алгоритм статистического анализа. Анализ данных проводился в несколько этапов.

Вычислялись описательные статистики по показателям эмоционального принятия и гиперопеки в контексте отношения к матерям и отцам на выборках

школьников из России и Кыргызстана. Выполнялась проверка равенства дисперсий всех распределений анализируемых переменных для сравниваемых выборок по критерию Ливиня.

Методом дисперсионного анализа анализировались различия в восприятии родительского отношения между российскими и кыргызскими старшеклассниками (статистический пакет IBM SPSS Statistics 20). Вычислялся размер эффекта принадлежности к стране на показатели восприятия родительского отношения.

Методом корреляционного анализа рассчитывались коэффициенты взаимосвязи показателей восприятия материнского и отцовского отношения со средним арифметическим двух полугодовых оценок по русскому языку, математике и биологии. Рассчитывались коэффициенты корреляции Спирмена (статистический пакет IBM SPSS Statistics 20).

Методом моделирования структурными уравнениями тестировались теоретические модели влияния особенностей восприятия родительского отношения на образовательные результаты старшеклассников (статистический пакет OpenMX). Соответствие моделей эмпирическим данным проверялось отдельно в контексте восприятия отношения матерей и отцов на выборках российских и кыргызских старшеклассников.

Модель 1 предполагала, что показатели родительского отношения — «Принятие» и «Гиперопека» — вносят вклад в фактор общей академической успеваемости, выделенный на основе школьных оценок по русскому языку, математике и биологии. Анализ был проведен при контроле пола старшеклассников.

Модель 2 основывалась на предположении, что показатели родительского отношения — «Принятие» и «Гиперопека» — влияют на школьные оценки по

русскому языку, математике и биологии через латентную переменную общего родительского отношения.

В ходе структурного моделирования выбор наиболее соответствующей эмпирическим данным теоретической модели основывался на значениях следующих тестов качества соответствия: показатель логарифмического правдоподобия (-2 LL), число степеней свободы (df), Хи-квадрат модели (χ^2), информационный критерий Акаике (AIC), Байесовский информационный критерий (BIC), среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA), сравнительный показатель соответствия (CFI) и показатель Такера-Льюиса (TLI) [3].

Результаты

В ходе исследования анализировались два показателя восприятия отношения матери и отца — «Принятие», связанное с безусловной эмоциональной поддержкой своего ребенка на всех этапах взросления, и «Гиперопека», которая ассоциируется с постоянным контролем и выражением недовольства поступками взрослеющего ребенка, а также учительские оценки по русскому языку, математике и биологии за текущий учебный год.

В табл. 1 представлены средние значения и стандартные отклонения анализируемых показателей восприятия отно-

шения матерей (верхняя строка) и отцов (нижняя строка) на выборках российских и кыргызских старшекласников. Максимально возможное значение по шкале «Принятие» составляет 35 баллов, а по шкале «Гиперопека» — 39 баллов.

Согласно табл. 1, российские старшекласники оценивают принимающее отношение матерей и отцов в среднем выше, чем их кыргызские сверстники. Так, среднее значение по шкале «Принятие» в отношении матерей у школьников из России составляет 30,79, а у кыргызских — 27,98. Напротив, в части гиперопекающего отношения со стороны отцов и матерей (шкала «Гиперопека») на кыргызской выборке старшекласников получены более высокие средние значения по сравнению с российской выборкой. Так, российские школьники оценивают отношение отцов как менее опекающее (среднее значение — 8,62), чем их кыргызские сверстники (среднее значение — 13,64). В целом и российские, и кыргызские старшекласники отношение матерей, связанное как с эмоциональным принятием, так и с чрезмерной опекой, воспринимают выше, чем отношение отцов.

Обращают на себя внимание изменения диапазона вариативности при восприятии старшекласниками родительского отношения в зависимости от матери или отца. Так, для школьников из обеих социокультурных выборок при восприятии отцов-

Таблица 1

Описательные статистики показателей восприятия родительского отношения у российских и кыргызских старшекласников

Показатели родительского отношения		Школьники из России	Школьники из Кыргызстана
«Принятие»	мать	30,79 (4,88)	27,98 (5,91)
	отец	26,91 (7,79)	24,09 (7,62)
«Гиперопека»	мать	12,71 (6,03)	14,62 (6,21)
	отец	8,62 (6,89)	13,64 (6,93)

Примечание: указаны средние значения и стандартные отклонения (в скобках).

ского отношения разброс оценок увеличивается, что свидетельствует о наибольших индивидуальных различиях в восприятии отцовского отношения, прежде всего в части эмоционального принятия — от максимально принимающего отношения до эмоциональной отстраненности.

Кросс-культурные различия в восприятии отношения матерей и отцов

Для изучения достоверности различий при восприятии родительского отношения старшеклассниками из России и Кыргызстана применялся однофакторный дисперсионный анализ с возможностью оценки величины кросс-культурных различий. В сводной табл. 2 представлены результаты дисперсионного анализа по показателям восприятия старшеклассниками родительского отношения. В качестве категориального фактора рассматривалась принадлежность школьника к одной из двух социокультурных выборок, в качестве зависимых переменных — количественные показатели шкал «Принятие» и «Гиперопека» в контексте отношения матерей (верхняя строка) и отцов (нижняя строка). Проверка равенства дисперсий всех распределений анализируемых показателей для сравниваемых выборок с применением критерия Ливиня подтвердила равенство дисперсий ($p > 0,05$).

Согласно табл. 2, выявлены небольшие, но статистически значимые различия в восприятии родительского отношения у российских и кыргызских школьников ($0,02 < \eta^2 < 0,07$ при $p < 0,01$). Согласно описательным статистикам (см. табл. 1), российские старшеклассники воспринимают отношение матерей как более эмоционально принимающее и менее гиперопекающее по сравнению со своими кыргызскими сверстниками. Сходная тенденция в кросс-культурных различиях наблюдается при восприятии отношения отцов. При этом наибольшие кросс-культурные различия получены для таких показателей родительского отношения, как «Принятие» матерями ($\eta^2 = 0,06$; $p = 0,000$) и «Гиперопека» отцов ($\eta^2 = 0,07$; $p = 0,000$).

Структура взаимосвязей восприятия родительского отношения и школьной успеваемости

В табл. 3 представлены результаты корреляционного анализа взаимосвязи показателей родительского отношения, связанных с принятием и гиперопекой, со средним арифметическим значением полугодовых школьных оценок по русскому языку, математике и биологии. Коэффициенты корреляции Спирмена восприятия отношения матери и школьной успеваемости указаны в верхней строке, а показатели относительно отцов — в нижней строке.

Таблица 2

Оценка эффекта принадлежности к социокультурной выборке на показатели восприятия родительского отношения

Показатели родительского отношения		Сумма квадратов (SS)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)	Размер эффекта (η^2)
«Принятие»	мать	1110,1	33,7	0,000	0,06
	отец	434,2	7,6	0,01	0,03
«Гиперопека»	мать	370,9	10,2	0,01	0,02
	отец	1454,7	30,9	0,000	0,07

Согласно табл. 3, на российской выборке старшекласников наблюдается большее количество взаимосвязей между показателями восприятия родительского отношения и школьной успеваемостью, чем на кыргызской выборке. При этом в большей мере различия касаются связей между показателями восприятия отцовского отношения и успеваемостью старшекласников. В частности, на выборке кыргызских старшекласников не обнаружено ни одной связи отцовского отношения с успеваемостью, в то время как на российской выборке принятие и гиперопека отцов статистически достоверно взаимосвязаны с успеваемостью по русскому языку и математике.

Кросс-культурное сходство в анализируемых взаимосвязях характерно для восприятия российскими и кыргызскими старшекласниками материнского отношения. Так, степень эмоционального принятия матерью положительно связана с успеваемостью по русскому языку, а гиперопекающее поведение матерей оказывается не связанным ни с одним из показателей школьной успеваемости.

На обеих социокультурных выборках взаимосвязи показателей успеваемости старшекласников по школьным дисциплинам с эмоциональным принятием родителей являются прямо пропорциональными (чем выше принятие, тем выше успеваемость), а с гиперопекающим по-

ведением наблюдается обратно пропорциональная взаимосвязь (чем выше гиперопека, тем ниже школьные оценки). Следует отметить возможность иной интерпретации направления корреляционной взаимосвязи: чем выше оценки, тем выше принятие родителями и меньше гиперопекающего поведения с их стороны.

Модель влияния особенностей восприятия родительского отношения на общую академическую успеваемость

Направление и сила связи показателей восприятия родительского отношения и школьной успеваемости старшекласников при контроле пола анализировались в ходе структурного моделирования. На соответствие эмпирическим данным российских и кыргызских респондентов тестировались две альтернативные теоретические модели. Согласно модели 1 эмоциональное принятие и гиперопекающее поведение каждого из родителей вносят вклад в индивидуальные различия в общей академической успеваемости, выделенной на основе школьных оценок по русскому языку, математике и биологии. Альтернативная модель 2 предполагала влияние принятия и гиперопеки каждого родителя через общий показатель родительского отношения на школьные оценки по русскому языку, математике

Таблица 3

Взаимосвязи показателей восприятия родительского отношения и школьной успеваемости российских и кыргызских старшекласников

Показатели родительского отношения		Школьники из России			Школьники из Кыргызстана		
		Русский язык	Математика	Биология	Русский язык	Математика	Биология
Принятие	мать	0,29**	0,08	0,12*	0,19*	0,07	0,12*
	отец	0,25**	0,09	0,07	0,01	0,04	0,02
Гиперопека	мать	-0,05	-0,06	-0,03	-0,03	-0,05	-0,01
	отец	-0,12*	-0,19*	-0,09	-0,08	-0,06	-0,04

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

и биологии. По результатам анализа на основании значений тестов качества соответствия (см. раздел «Метод») был сделан выбор в пользу модели 1 как наиболее соответствующей эмпирическим данным обеих социокультурных выборок.

В сводной табл. 4 приведены показатели соответствия модели 1 эмпирическим данным на выборках российских и кыргызских старшекласников. Указаны следующие индексы соответствия модели 1 для восприятия отношения матери (верхняя строка) и отца (нижняя строка): AIC — информационный критерий Акаике; BIC — Байесовский информационный критерий; CFI — сравнительный показатель соответствия; TLI — показатель Такера-Льюиса; RMSEA — среднеквадратическая ошибка аппроксимации; RMSEA low — нижняя граница 95% доверительного интервала среднеквадратической ошибки аппроксимации; RMSEA high — верхняя граница 95% доверительного интервала среднеквадратической ошибки аппроксимации.

Как видно из табл. 4, на российской выборке старшекласников модель связи показателей материнского и отцовского отношения с общей академической успешностью имеет хорошие индексы со-

ответствия: $RMSEA \leq 0,06$; 95% доверительные интервалы — $RMSEA\ low = 0,00$ и $RMSEA\ high < 0,08$; $CFI > 0,95$; $TLI > 0,90$. Величина χ^2 не значима ($p > 0,05$), что отражает хорошее соответствие модели. На кыргызской выборке данная модель обладает несколько более низкими индексами соответствия, но показывающими, как и на российской выборке, большую степень соответствия эмпирическим данным по сравнению с моделью 2.

Следовательно, структура связи воспринимаемого отношения родителей и академической успеваемости может быть описана моделью, согласно которой степень эмоционального принятия и гиперпекающего поведения родителя вносит вклад в общую академическую успеваемость старшекласника. Теоретическая модель соответствует эмпирическим данным на обеих социокультурных выборках старшекласников — России и Кыргызстана. При этом в рамках данной модели с помощью показателей материнского отношения объяснено по 4% дисперсии общей академической успешности российских и кыргызских старшекласников, с помощью отцовского отношения — 2% общей академической успеваемости.

Таблица 4

Показатели соответствия модели связи восприятия родительского отношения и общей академической успеваемости российских и кыргызских старшекласников

Выборка		AIC	BIC	CFI	TLI	RMSEA	RMSEA low	RMSEA high
Школьники из России	мать	199,42	-5518,60	1,002	1,005	0,000	0,000	0,000
	отец	95,74	-5390,20	1,003	1,007	0,000	0,000	0,000
Школьники из Кыргызстана	мать	3191,97	-4601,85	0,989	0,972	0,036	0,000	0,071
	отец	27,14	-4405,86	0,973	0,934	0,044	0,000	0,075

Примечание: AIC — информационный критерий Акаике; BIC — Байесовский информационный критерий; CFI — сравнительный показатель соответствия; TLI — показатель Такера-Льюиса; RMSEA — среднеквадратическая ошибка аппроксимации; RMSEA low — нижняя граница 95% доверительного интервала среднеквадратической ошибки аппроксимации; RMSEA high — верхняя граница 95% доверительного интервала среднеквадратической ошибки аппроксимации.

При социокультурной универсальности модели наблюдаются различия в функциональных связях внутри этой модели, которые в большей мере касаются восприятия отношения отцов, а не матерей, и его влияния на общую академическую успешность старшеклассников. Так, на российской выборке среди показателей отцовского отношения наибольший регрессионный вклад в показатель общей успеваемости вносит эмоциональное принятие ($\beta = 0,15$; $p < 0,05$). На кыргызской выборке не выявлено статистически значимых вкладов отцовского отношения в академическую успеваемость школьников ($p > 0,05$). Эти результаты проиллюстрированы на рис. 1 и 2.

На рис. 1 представлена модель влияния восприятия отцовского отношения на общую академическую успеваемость старшеклассника на российской выборке. Указаны стандартизированные структурные коэффициенты ($p < 0,05$). Пунктирными линиями обозначены статистически незначимые связи ($p > 0,05$).

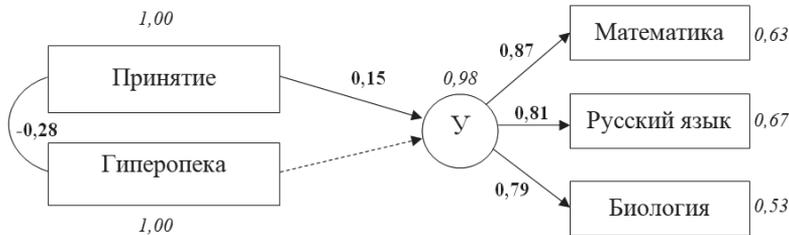

Рис. 1. Модель влияния особенностей восприятия российскими старшеклассниками отношения отца на общую академическую успеваемость

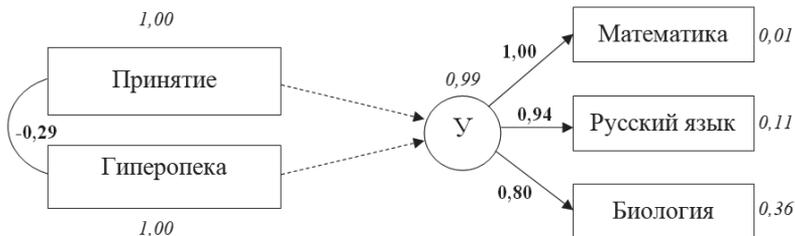

Рис. 2. Модель влияния особенностей восприятия кыргызскими старшеклассниками отношения отца на общую академическую успеваемость

Обсуждение результатов

Согласно результатам исследования, вне зависимости от социокультурных условий старшеклассники воспринимают отношение своих родителей в большей мере как эмоционально принимающее, основанное на безусловной поддержке и адекватной заботе, и в меньшей мере как гиперопекающее, связанное с чрезмерным контролем, отсутствием веры в возможности сына или дочери и постоянным недовольством. Эти данные, полученные на семнадцатилетних юношах и девушках, соответствуют результатам исследования воспринимаемого родительского отношения детьми, подростками и молодыми людьми, где сообщается о более низких значениях при восприятии негативных аспектов взаимодействия, в частности, эмоционального отвержения, контроля и агрессивной отчужденности [5; 20]. Следует отметить, что при восприятии отцовского отношения, а не материнского, индивидуальные различия у старшеклассников из обеих социокультурных выборок проявляются наиболее ярко — от максимально принимающего отношения до эмоциональной отстраненности. Такое разнообразие оценок по отношению к отцам свидетельствует о различиях в степени вовлеченности отца и матери в жизнь взрослого ребенка [3; 16; 17; 19].

Вместе с тем результаты дисперсионного анализа подтверждают кросс-культурные различия в восприятии старшеклассниками родительского отношения по всем показателям отношения матерей и отцов. Показано, в частности, что российские молодые люди воспринимают обоих родителей более эмоционально отзывчивыми, способными открыто обсуждать проблемные ситуации и позитивно настроить в случае неудачи, чем их кыргызские сверстники. Напротив, кыргызские юноши и девушки чаще сообщают о невозможности принимать собственные решения в

семье, более высокой степени контроля и чрезмерной заботы со стороны родителей, которые воспринимаются как вторжение в личную жизнь молодого человека.

Такая кросс-культурная специфика восприятия может быть связана с консервативными установками воспитательного поведения в семьях азиатского типа, когда транслируется беспрекословное подчинение старшим в доме, отсутствие выбора, в том числе строгое следование традиционному стилю одежды, которое понимается молодыми людьми как чрезмерный контроль [3; 7; 9; 19]. Интересно, что феномен повышения степени гиперопекающего поведения родителей описан в исследованиях в контексте социально-демографических условий проживания семей (например, [2]). Так, сообщается, что среди аспектов родительского отношения именно гиперопека оказывается наиболее чувствительной к социально-демографическим условиям: чем больше детей в семье и более консервативные взгляды родителей на воспитание, тем выше показатель восприятия отношения отца как чрезмерно опекающего, связанного с чрезмерным контролем [2]. Действительно, результаты данного исследования показали, что именно при оценке гиперопекающего поведения отцов наиболее ярко проявляются различия между российскими и кыргызскими старшеклассниками (7% дисперсии). Эти данные могут также свидетельствовать о признаках девальвации традиционного уклада жизни кыргызской семьи, когда обостряется противоречие между этнокультурными традициями родительского воспитания и их восприятием современными молодыми людьми, максимально открытыми к практикам поведения в других культурах.

Кроме того, выраженные кросс-культурные различия получены и при оценке эмоционального принятия матерями (6% дисперсии): российские

старшеклассники в большей мере, чем их кыргызские сверстники, сообщают о более эмоционально принимающем отношении матерей. Между тем противоположная тенденция была зафиксирована при анализе кросс-культурных различий в детско-родительских отношениях у российских и кыргызских тринадцатилетних подростков [5]. Так, сообщается об отсутствии различий в восприятии материнского отношения и очень слабых, но статистически значимых различиях в восприятии отцовского отношения. Полученная в данном исследовании культурораспецифичность восприятия родительского отношения может иметь возрастной характер и проявляться только у молодых людей, живущих в родительских семьях.

Результаты корреляционного анализа показали, что структура взаимосвязей родительского отношения со школьной успеваемостью различается на выборках российских и кыргызских старшеклассников. При этом наибольшие кросс-культурные различия получены в отношении отцов, а не матерей. Так, на российской выборке эмоциональное принятие отцом положительно взаимосвязано с успешностью в обучении русскому языку, а гиперопекающее отношение отца отрицательно коррелирует с успешностью обучения русскому языку и математике. В то же время у кыргызских старшеклассников ни один из аспектов отцовского отношения не связан с академической успешностью. Эти результаты могут отражать социально-экономические условия жизни семей кыргызских старшеклассников, когда, с одной стороны, более низкие финансовые доходы в Кыргызстане предопределяют более интенсивную трудовую занятость отца (часто за пределами своей страны). С другой стороны, культурная специфика семейного уклада в Кыргызстане с азиатской моделью семьи предполагает, что именно мужчина занимается

финансовым обеспечением семьи, а женщина берет на себя домашнюю работу и занятия с детьми. Действительно, согласно данным этого исследования, 34,7% матерей кыргызских старшеклассников не работают, в то время как аналогичный показатель на российской выборке составляет лишь 19,4%. Похожие данные получены в исследованиях с участием семей азиатского и европейского типа на выборках США и Западной Европы [3; 7; 8; 17].

Результаты структурного моделирования позволили описать структуру связи восприятия родительского отношения и школьной успеваемости с помощью модели, согласно которой эмоциональное принятие и степень гиперопеки со стороны родителей вносят вклад в формирование индивидуальных различий по общей академической успешности. Данная модель с расчетом общей академической успеваемости, выделенной на основе школьных оценок по русскому языку, математике и биологии, является универсальной для анализируемых социокультурных выборок. Следует отметить, что в рамках этой модели с помощью показателей восприятия отношения матерей объяснено 4% дисперсии общей академической успеваемости российских и кыргызских старшеклассников, а с помощью отношения отцов — 2%. Относительно низкий процент объясненной дисперсии академической успеваемости может быть связан в том числе с существованием не только прямого, но и опосредованного влияния родительского отношения на учебные достижения школьников через мотивацию, академический оптимизм, ценность образования [5; 8; 17].

Наряду с социокультурной универсальностью модели в исследовании выявлена кросс-культурная специфика функциональных связей. Так, у российских старшеклассников значимым для общей академической успешности становится

эмоциональное принятие и матерей, и отцов. Для кыргызских старшекласников определяющим является эмоциональное принятие только матерей. Определяющее значение материнского отношения для академической успеваемости старшекласников из разных социокультурных сообществ подтверждается в ряде исследований [6; 16; 20]. А положительное влияние эмоционального принятия на успешность в школьном обучении стабильно воспроизводится в исследованиях с участием различных возрастных групп [5; 10; 12; 15].

Заключение

В исследовании изучались кросс-культурные особенности восприятия родительского отношения и его влияния на общую академическую успеваемость на выборах старшекласников из России и Кыргызстана — стран с различным социокультурным статусом, но сходной системой государственного образования. В фокусе исследовательского внимания оказались эмоциональное принятие и гиперопекающее поведение каждого из родителей — матери и отца. Выборки российских и кыргызских школьников были сбалансированы относительно социальных условий и возможностей конкретной образовательной организации, что позволило объяснить различия спецификой социокультурной макросреды.

В ходе исследования сделаны следующие выводы:

1. В старшем школьном возрасте родительское отношение воспринимается в большей мере эмоционально принимающим и в меньшей мере — связанным с чрезмерной опекой и контролем независимо от социокультурных условий макросреды. Индивидуальные различия в восприятии старшекласников наиболее заметны при оценке отношения отцов, а не матерей.

2. Восприятие старшекласниками родительского отношения имеет культуророспецифичную обусловленность, наиболее ярко выраженную при восприятии эмоционального принятия матерью и гиперопекающего отношения отца. Особенности социокультурных условий макросреды прямо пропорционально связаны с восприятием отношения родителей как более эмоционально принимающего и обратно пропорционально — с восприятием родительского отношения как более контролирующего и чрезмерно опекающего.

3. Влияние восприятия родительского отношения на академическую успеваемость старшекласников задается универсальной моделью, согласно которой эмоциональное принятие и степень гиперопеки со стороны родителей вносят вклад в формирование индивидуальных различий в общей академической успеваемости, выделенной на основании школьных оценок по русскому языку, математике и биологии. При сохранении универсальности модели выявлена кросс-культурная специфика функциональных связей между отдельными показателями родительского отношения и общей академической успеваемостью.

Результаты исследования могут быть применены в ходе психологического сопровождения образования при организации просветительской работы с родителями. Педагогам-психологам необходимо регулярно разъяснять значение позитивного отношения матерей и отцов к их взрослеющим детям в контексте повышения академической успеваемости обучающихся.

Дальнейшим направлением данной исследовательской проблематики могут стать лонгитюдные исследования долгосрочных эффектов влияния родительского отношения на академическую успеваемость детей на всем протяжении обучения в контексте определенных социокультурных сообществ.

Литература

1. Обзор доклада о человеческом развитии за 2023–2024 гг. Выход из тупика. Переосмысление сотрудничества в поляризованном мире / Программа развития Организации Объединенных Наций, 2024. 33 с. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Реан А.А., Коновалов И.А. Индикаторы детско-родительских отношений в контексте различных социально-демографических показателей // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 3(100). С. 433–452. DOI:10.15507/1991-9468.100.024.202003.433-452
3. Тихомирова Т.Н. Когнитивные основы индивидуальных различий в академической успешности: структурно-функциональная модель: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2016. 463 с.
4. Тихомирова Т.Н., Гайсина Д.А., Малых С.Б. Адаптация русскоязычной версии опросника «Юношеский отчет о родительском отношении» // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 125–141. DOI:10.17223/17267081/81/6
5. Тихомирова Т.Н., Малых С.Б. Влияние особенностей родительского отношения на общую академическую успешность школьников // Вопросы психологии. 2021. № 2. С. 14–27.
6. Castro M., Exp sito-Casas E., Lopez-Mart n E., Lizasoain L., Navarro E., Gaviria J.L. Parental involvement on student academic achievement: a meta-analysis // Educational research review. 2015. Vol. 14. P. 33–46. DOI:10.1016/j.edurev.2015.01.002
7. Checa P., Abundis-Gutierrez A. Parenting styles, academic achievement and the influence of culture // Psychology and Psychotherapy: Research Study. 2018. Vol. 1. № 4. P. 1–3. DOI:10.31031/PPRS.2018.01.000518
8. Cheung C.S.S., Pomerantz E.M. Value development underlies the benefits of parents' involvement in children's learning: A longitudinal investigation in the United States and China // Journal of educational psychology. 2015. Vol. 107. № 1. P. 309–320. DOI:10.1037/a0037458
9. Harkness S., Zylicz P.O., Super C.M., Welles-Nystr m B., Berm dez M.R., Bonichini S., ... Mavridis C.J. Children's activities and their meanings for parents: A mixed-methods study in six Western cultures // Journal of Family Psychology. 2011. Vol. 25. № 6. P. 799–813. DOI:10.1037/a0026204
10. Harold G.T., Aitken J.J., Shelton K.H. Inter-parental conflict and children's academic attainment: a longitudinal analysis // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2007. Vol. 48. № 12. P. 1223–1232. DOI:10.1111/j.1469-7610.2007.01793.x
11. Hart B., Risley T.R. Meaningful differences in the everyday experience of young American children. Baltimore, MD: Paul H Brookes Publishing, 1995. 268 p.
12. Kordi A., Bahamdin R. Parenting Attitude and Style and Its Effect on Children's School Achievements // International Journal of Psychological Studies. 2010. Vol. 1. № 2. P. 217–222.
13. Martin C.L., Kornienko O., Schaefer D.R., Hanish L.D., Fabes R.A., Goble P. The role of Sex of Peers and Gender-Typed Activities in Young Children's Peer Affiliative Networks: A Longitudinal Analysis of Selection and Influence // Child Development. 2014. Vol. 84. P. 921–937. DOI:10.1111/cdev.12032
14. Moos R.H. The human context: Environmental determinants of behavior. New York, NY: Wiley, 1976. 444 p.
15. Piquart M. Associations of parenting styles and dimensions with academic achievement in children and adolescents: A meta-analysis // Educational Psychology Review. 2016. Vol. 28. № 3. P. 475–493. DOI:10.1007/s10648-015-9338-y
16. Pougnet E., Serbin L.A., Stack D.M., Schwartzman A.E. Fathers' influence on children's cognitive and behavioural functioning: A longitudinal study of Canadian families // Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement. 2011. Vol. 43. № 3. P. 173–182. DOI:10.1037/a0023948
17. Rodic M., Zhou X., Tikhomirova T., Wei W., Malykh S., Ismatulina V., Sabirova E., Davidova Y., Tosto M., Lemelin J.-P., Kovas Y. Cross-Cultural Investigation into Cognitive Underpinnings of Individual Differences in Early Arithmetics // Developmental Science. 2015. Vol. 18. № 1. P. 165–174. DOI:10.1111/desc.12204

18. *Roksa J., Potter D.* Parenting and academic achievement: Intergenerational transmission of educational advantage // *Sociology of education*. 2011. Vol. 84. № 4. P. 299–321. DOI:10.1177/0038040711417013
19. *Rubin K.H., Chung O.B.* Parenting beliefs, behaviors, and parent-child relations: A cross-cultural perspective. New York, NY: Psychology Press, 2013. 240 p.
20. *Tsaousis I., Mascha K., Giovazolias T.* Can parental bonding be assessed in children? Factor structure and factorial invariance of the Parental Bonding Instrument (PBI) between adults and children // *Child Psychiatry & Human Development*. 2012. Vol. 43. № 2. P. 238–253. DOI:10.1007/s10578-011-0260-3

References

1. Obzor doklada o chelovecheskom razvitii za 2023–2024 gg. Vykhod iz tupika. Pereosmyslenie sotrudnichestva v polyarizovannom mire [Overview of the 2023–2024 Human Development Report. Breaking the gridlock. Rethinking cooperation in a polarized world]. Programma razvitiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii, 2024. 33 p. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf> (Accessed 10.07.2024). (In Russ.).
2. Rean A.A., Kononov I.A. Indikatory detsko-roditel'skikh otnoshenii v kontekste razlichnykh sotsial'no-demograficheskikh pokazatelei [Indicators of Parent-Child Relationships in the Context of Various Socio-Demographic Parameters]. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of education*, 2020, no. 3, pp. 433–452. DOI:10.15507/1991-9468.100.024.202003.433-452 (In Russ.).
3. Tikhomirova T.N. Kognitivnye osnovy individual'nykh razlichii v akademicheskoi uspešnosti: strukturno-funktsional'naya model'. Diss. dokt. psikhol. nauk [Cognitive bases of individual differences in academic achievement: a structural-functional model. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2016. 463 p. (In Russ.).
4. Tikhomirova T.N., Gaisina D.A., Malykh S.B. Adaptatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika «Yunosheskii otchet o roditel'skom otnoshenii» [Adaptation of the Russian-language version of the questionnaire “Parental Bonding Instrument”]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2021, no. 81, pp. 125–141. DOI:10.17223/17267081/81/6 (In Russ.).
5. Tikhomirova T.N., Malykh S.B. Vliyaniye osobennosti roditel'skogo otnosheniya na obshchuyu akademicheskuyu uspešnost' shkol'nikov [The influence of the characteristics of parental attitudes on the general academic success of schoolchildren]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2021, no. 2, pp. 14–27. (In Russ.).
6. Castro M., Expósito-Casas E., López-Martín E., Lizasoain L., Navarro E., Gaviria J.L. Parental involvement on student academic achievement: a meta-analysis. *Educational research review*, 2015. Vol. 14, pp. 33–46. DOI:10.1016/j.edurev.2015.01.002
7. Checa P., Abundis-Gutierrez A. Parenting styles, academic achievement and the influence of culture. *Psychology and Psychotherapy: Research Study*, 2018. Vol. 1, no. 4, pp. 1–3. DOI:10.31031/PPRS.2018.01.000518
8. Cheung C.S.S., Pomerantz E.M. Value development underlies the benefits of parents' involvement in children's learning: A longitudinal investigation in the United States and China. *Journal of educational psychology*, 2015. Vol. 107, no. 1, pp. 309–320. DOI:10.1037/a0037458
9. Harkness S., Zylicz P.O., Super C.M., Welles-Nyström B., Bermdez M.R., Bonichini S., ... Mavridis C.J. Children's activities and their meanings for parents: A mixed-methods study in six Western countries. *Journal of Family Psychology*, 2011. Vol. 25, no. 6, pp. 799–813. DOI:10.1037/a0026204
10. Harold G.T., Aitken J.J., Shelton K.H. Inter-parental conflict and children's academic attainment: a longitudinal analysis. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2007. Vol. 48, no. 12, pp. 1223–1232. DOI:10.1111/j.1469-7610.2007.01793.x
11. Hart B., Risley T.R. Meaningful differences in the everyday experience of young American children. Baltimore, MD: Paul H Brookes Publishing, 1995. 268 p.
12. Kordi A., Bahamdin R. Parenting Attitude and Style and Its Effect on Children's School Achievements. *International Journal of Psychological Studies*, 2010. Vol. 1, no. 2, pp. 217–222.

13. Martin C.L., Kornienko O., Schaefer D.R., Hanish L.D., Fabes R.A., Goble P. The role of Sex of Peers and Gender-Typed Activities in Young Children's Peer Affiliative Networks: A Longitudinal Analysis of Selection and Influence. *Child Development*, 2014. Vol. 84, pp. 921–937. DOI:10.1111/cdev.12032
14. Moos R.H. The human context: Environmental determinants of behavior. New York, NY: Wiley, 1976. 444 p.
15. Pinquart M. Associations of parenting styles and dimensions with academic achievement in children and adolescents: A meta-analysis. *Educational Psychology Review*, 2016. Vol. 28, no. 3, pp. 475–493. DOI:10.1007/s10648-015-9338-y
16. Pougnet E., Serbin L.A., Stack D.M., Schwartzman A.E. Fathers' influence on children's cognitive and behavioural functioning: A longitudinal study of Canadian families. *Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement*, 2011. Vol. 43, no. 3, pp. 173–182. DOI:10.1037/a0023948
17. Rodic M., Zhou X., Tikhomirova T., Wei W., Malykh S., Ismatulina V., Sabirova E., Davidova Y., Tosto M., Lemelin J.-P., Kovas Y. Cross-Cultural Investigation into Cognitive Underpinnings of Individual Differences in Early Arithmetics. *Developmental Science*, 2015. Vol. 18, no. 1, pp. 165–174. DOI:10.1111/desc.12204
18. Roksa J., Potter D. Parenting and academic achievement: Intergenerational transmission of educational advantage. *Sociology of education*, 2011. Vol. 84, no. 4, pp. 299–321. DOI:10.1177/0038040711417013
19. Rubin K.H., Chung O.B. Parenting beliefs, behaviors, and parent-child relations: A cross-cultural perspective. New York, NY: Psychology Press, 2013. 240 p.
20. Tsaousis I., Mascha K., Giovazolias T. Can parental bonding be assessed in children? Factor structure and factorial invariance of the Parental Bonding Instrument (PBI) between adults and children. *Child Psychiatry & Human Development*, 2012. Vol. 43, no. 2, pp. 238–253. DOI:10.1007/s10578-011-0260-3

Информация об авторах

Тихомирова Татьяна Николаевна, академик РАО, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6748-763X>, e-mail: tikho@mail.ru

Малых Сергей Борисович, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3786-7447>, e-mail: malykhsb@mail.ru

Information about the authors

Tatiana N. Tikhomirova, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Leading Researcher, Federal State Budget Scientific Institution “Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6748-763X>, e-mail: tikho@mail.ru

Sergey B. Malykh, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Head of Laboratory, Federal State Budget Scientific Institution “Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3786-7447>, e-mail: malykhsb@mail.ru

Получена 12.07.2024

Принята в печать 26.09.2024

Received 12.07.2024

Accepted 26.09.2024

Этнокультурные особенности в представлениях о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи

Махнач А.В.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru**

Сараева Н.М.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ),
г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru**

Дагбаева С.Б.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ),
г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru**

Лактионова А.И.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru**

Суханов А.А.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ),
г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru**

Цель. Сравнительный анализ представлений русской и бурятской молодежи (от 15 до 24 лет) о семье как ресурсе жизнеспособности молодых людей.

Контекст и актуальность. Влияние семьи на жизнеспособность человека опосредствовано культурным, этническим контекстами. Сравнительный анализ представлений о семье как ресурсе жизнеспособности молодежи, обусловленных принадлежностью семей к разным культурам — более коллективистской (буряты) и более индивидуалистической (русские), позволит уточнить этнокультурные особенности жизнеспособности человека.

Дизайн исследования. Проведено сравнение представлений русских и бурятских респондентов о семье как ресурсе их жизнеспособности.

Участники. 109 русских и 98 бурятских студентов вузов и колледжа. Всего 207 человек.

Методы (инструменты). Использовались: фокус-группы, социально-демографическая анкета, Тест двадцати утверждений М. Куна, Т. Макпартленда, авторский вариант методики «Незаконченные предложения». На основе качественных данных фокус-групп о сущности жизнеспособности человека и ее компонентах сформулированы 9 незаконченных предложений, объединенных в 4 категории: «Жизнеспособность», «Семья», «Ценности», «Культура». Для количественной формализации качественных данных респондентов лексическая база ($n = 3921$ у бурят, $n = 4124$ у русских) обработана с помощью программы Atlas.ti (версия 9.5.6) и подвергнута сравнительному лексикографическому контент-анализу с оценкой частотности слов. Результаты визуализированы в виде облаков слов.

Результаты. Семантическое ядро в категории «Жизнеспособность» различно: слова *сам, способность* — у русских; *человек, способность* — у бурят. В ядре категории «Семья»: слова *человек, ребенок* — у русских; *хороший, любимый* — у бурят. Респонденты обеих групп говорят о высокой значимости семьи. У русских члены семьи равноправны, есть негативные характеристики семьи, у бурят отношения в семье нередко иерархичны, негативные характеристики отсутствуют. В ядре категории «Ценности» у русских слова: *семья, жизнь; семья, друзья* — у бурят. В ядре категории «Культура» слова: *много, традиция* — у русских; *важный, традиция* — у бурят. Выявлен интерес к народным традициям в обеих выборках. У русских традиции связаны с семьей, у бурят — с традициями народа. В высказываниях прослеживается оппозиция «я» (у русских) и «мы» (у бурят).

Основные выводы. Представления о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи имеют этнокультурные особенности. Они определяются принадлежностью бурят к более коллективистской культуре и более индивидуалистической культуре — русских. Русская молодежь воспринимает семью как ресурс жизнеспособности, направленный на укрепление у них возможности самостоятельно справляться с трудностями и формирование «Я-идентичности». У бурятской молодежи семья как ресурс жизнеспособности укрепляет у них позицию «мы», способствующую развитию «Мы-идентичности». Представления об этнокультурном контексте семьи как ресурсе жизнеспособности молодежи позволяют понять, как варьируется поддержка семьи молодому поколению.

Ключевые слова: молодежь; русские и буряты; жизнеспособность; семья; социальные представления; семья как ресурс; коллективистская и индивидуалистическая культура; ценности; традиции.

Для цитаты: Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Суханов А.А. Этнокультурные особенности в представлениях о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи // Социальная психология и общество. 2024. Том. 15. № 3. С. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150307>

Ethnocultural Features in the Representations of Family as a Resource of Resilience among Russian and Buryat Youth

Alexander V. Makhnach

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Nadezhda M. Sarayeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraieva@mail.ru

Soyelma B. Dagbayeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Anna I. Laktionova

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Aleksey A. Sukhanov

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanov-71@mail.ru

Objective. Comparative analysis of representations about family as a resilience resource among Russian and Buryat youth (15 to 24 years old).

Background. *The influence of family on human resilience is mediated by cultural and ethnic contexts. A comparative analysis of the concepts of family as a resource of youth resilience, due to the families belonging to different cultures — more collectivist (Buryats) and more individualistic (Russians), will help to clarify the ethnocultural features of human resilience.*

Study design. *A comparison was made of the concepts of family as a resource of resilience among Russian and Buryat respondents who support their resilience.*

Participants. *109 Russian and 98 Buryat university and college students. A total of 207 people.*

Measurements. *The following were used: focus groups, a socio-demographic questionnaire, the Twenty Statements Test by M. Kuhn and T. McPartland, and the author's version of the "Unfinished Sentences" method. Based on the qualitative data from focus groups on the essence of human resilience and its components, 9 unfinished sentences were formulated and combined into 4 categories: "Resilience", "Family", "Values", and "Culture". For quantitative formalization of the qualitative data of respondents, the lexical base ($n = 3921$ for Buryats, $n = 4124$ for Russians) was processed using the Atlas.ti program (version 9.5.6) and subjected to comparative lexicographic content analysis with an assessment of word frequency. The results are visualized as word clouds.*

Results. *The semantic core in the "Resilience" category is different: himself, ability for Russians; person, ability for Buryats. In the core of the "Family" category — person, child — for Russians; good, beloved — for Buryats. Respondents of both groups report the high importance of family. For Russians, family members are equal, there are negative characteristics of family, while for Buryats, family relationships are usually hierarchical, there are no negative characteristics. In the core of the "Values" category for Russians: family, life; family, friends — for Buryats. In the core of the "Culture" category: the word many, tradition for Russians; important, tradition for Buryats. Interest in folk traditions was revealed in both samples. For Russians, traditions are associated with family, for Buryats with the traditions of the nation. The statements show the opposition of "I" (for Russians) and "we" (for Buryats).*

Conclusion. *The ideas about family as a resource of resilience among Russian and Buryat youth have ethnocultural features. They are determined by the fact that the Buryats belong to a more collectivist culture and the Russians to a more individualistic culture. Russian youth perceive family as a resource of resilience, which is aimed at: strengthening their ability to cope with difficulties independently and forming an "I" identity. For Buryat youth, family as a resource of resilience strengthens their "we" identity, which contributes to the development of "We" identity. The idea of the ethnocultural context of the family as a resource of youth resilience allow us to understand how the family support for the younger generation varies.*

Keywords: *youth; Russians and Buryats; resilience; family; social ideas; family as a resource; collectivist and individualistic culture; values; traditions.*

For citation: Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbayeva S.B., Laktionova A.I., Sukhanov A.A. Ethnocultural Features in the Representations of Family as a Resource of Resilience among Russian and Buryat Youth. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150307> (In Russ.).

Введение

Актуальность изучения проблемы жизнеспособности человека в современных социальных реалиях не требует долгого обоснования. В социальных, гуманитарных и медицинских науках жизнеспособность концептуализируется

как поддержание или быстрое восстановление социального, психологического и/или психического здоровья во время или после переживания невзгод.

В российской психологической науке за последние годы значительно увеличилось число исследований жизнеспособ-

ности человека. В них раскрыто содержание понятия, сформированы основные подходы к его изучению, рассмотрена структура жизнеспособности, проведена для целей исследований операционализация понятия и разработан отечественный диагностический инструментарий, представлена соответствующая эмпирика [12; 16; 17; 20 и др.]. Наши исследования базируются на социокультурном экологическом (А.В. Махнач, А.И. Лактионова) подходе к изучению человека, экопсихологическом подходе к развитию психики (Н.М. Сараева, А.А. Суханов) [12].

Культура, являясь элементом макросистемы (по Ю. Бронфенбреннеру) экологии человека, рассматривается как фактор жизнеспособности, содействующий адаптации в ответ на стрессы посредством обращения к культурным истокам, традициям [23]. Акцент на культуре в экологическом подходе к изучению жизнеспособности человека подчеркивает важность интерпретации этого феномена через призму антропологии, которая помещает людей в более широкий контекст и подчеркивает способность человека и его окружения защищаться от последствий невзгод [28]. В исследованиях жизнеспособности человека «следует также учитывать, что различающиеся культурные контексты могут обуславливать разные факторы стресса, требовать соответствующих факторов жизнеспособности, которые необходимо развивать другими, более подходящими способами» [24, с. 2]. В поликультурном многонациональном российском обществе внимание к этнокультурному вкладу каждого народа в жизнеспособность социума в целом и отдельной личности имеет особое значение, поскольку сегодня «на передний план выходят вопросы трансформации субъективности в связи с глобальными изменениями современной культуры, тран-

зитивностью общества и усложнением социокультурной реальности» [4, с. 5].

Несмотря на постоянные трансформации в обществе, культурные и этнические особенности остаются достаточно инертными сферами жизни и изменяются медленно. В настоящее время все чаще обращается внимание на силу и живучесть этнического самосознания, выдерживающего натиск глобализма с его игнорированием интересов национальных государств и культур. Глобализация вынужденно сворачивает свое вмешательство в дела национально ориентированного, и часто в этом самодостаточного общества, которое демонстрирует возрастание интереса к собственной культурной и национальной уникальности.

В этнопсихологии достаточно часто проводятся сравнительные исследования нескольких национальных выборок [3; 10; 19; 22]. Так, в работе Н.М. Лебедевой отмечается преобладание ценности индивидуализма и личностной активности в русской выборке по сравнению с выборкой северокавказских студентов [10]. В.П. Войтенко и соавт. говорят о национальной специфике и российском типе индивидуализма [3]. Согласно общепринятой дихотомии, индивидуалистическая — коллективистская культуры, индивидуалистической может быть названа та, в которой индивидуальные цели ее членов не менее или более важны, чем групповые. В коллективистской культуре групповые цели преобладают над индивидуальными. Также считается, что высокие показатели коллективистских тенденций связаны, прежде всего, с сохранением семейно-клановых связей, которые организуют социальную структуру наряду с корпоративно-групповой, социально-экономической стратификацией.

Наше исследование направлено на поиск особенностей в представлениях

о семье как ресурсе жизнеспособности человека в более традиционной, коллективистской бурятской культуре и более индивидуалистической — русской. Отмечается, что «в этническом самосознании большей части бурят по-прежнему актуальным продолжает оставаться доминирование коллективистской, субэтнической психологии и общинности» [6, с. 18]. Бурятская семья характеризуется развитыми кровнородственными отношениями, патриархальностью. У детей целенаправленно формируется уважение к старшим, преданность родовым интересам, почитание родной земли и духов предков. «Традиции взаимной помощи крепко связывают человека с общностью, не позволяя во многом пасть как в нравственном плане, так и в социальном» [18, с. 492]. Опираясь на типологию культур М. Мид, «бурятскую традиционную патриархальную семью можно отнести к постфигуративной культуре, тысячелетиями сохраняющей свои нормы и обычаи» [21, с. 249]. Русская семья — меньшая по составу, часто нуклеарная; но в силу своей большей открытости, ориентированности на современные тенденции в укладе жизни, она более динамична и адаптивна к быстро меняющимся социальным условиям.

Относя русскую культуру к более индивидуалистической, а бурятскую — к более коллективистской и оценивая ее феномены с этой позиции, авторы не абсолютизируют эти понятия. На любую культуру влияет множество факторов, которые не учтены в данном исследовании, например, влияние на представления молодежи о семье как ресурсе жизнеспособности проживания в городе или селе.

В условиях трансформации национального уклада и традиций народов важно зафиксировать актуальное состояние представлений молодежи о се-

мье как ресурсе жизнеспособности, так как молодые люди продолжают транслировать полученный от родителей опыт далее. Социальные представления о семье и передача их из поколения в поколение позволяют индивиду сохранять свою идентичность, в широком смысле слова — социальную, а в узком — этническую. «Именно социальные представления (как форма коллективной памяти) сохраняют культурно-исторические модели и образцы семейных отношений (ядро представлений) и в то же время отражают изменения, происходящие в современном обществе» [7, с. 130]. Социальные представления (в концепции С. Московичи) трактуются как «особая форма коллективного обыденного сознания, основанного не только на научном знании, логическом, отрефлексированном познании мира, но и включающего отношение к окружающей действительности» [14, с. 6]. Социальные представления «позволяют, с одной стороны, сохранять традиции этого общества, а с другой — активно реагируют на все изменения, происходящие в нем» [9, с. 44]. В связи с этим социальные представления являются важным элементом жизни социальной группы, оказывают существенное влияние на человека.

Семья является медиатором между человеком и социумом. Она одновременно и универсальный, и культурно специфичный фактор жизнеспособности [28]. Принадлежность семьи к определенной культуре является «источником стабильности и поддержки, способом борьбы с проблемами повседневной жизни» [26, с. 32]. Именно в семье осуществляется первоначальная этническая социализация личности — усвоение ценностей, норм, традиций, исторического опыта народа, в том числе и его опыта жизнеспособности. В результате характеристики

жизнеспособности человека приобретают конкретные этнические особенности. Этнокультурный контекст позволяет связать жизнеспособность человека с его этнической идентичностью, социальными связями, семейными отношениями [27; 30]. Этническая идентичность отмечена как фактор, повышающий жизнеспособность молодежи [29].

В 2023 г. на первом этапе исследования нами был проведен сравнительный количественный анализ уровня жизнеспособности русской и бурятской молодежи, результаты которого показали, что большая часть респондентов обеих групп имеет высокий уровень жизнеспособности. При этом этнокультурные особенности определяют некоторые отличия в характеристиках их жизнеспособности [13].

Цель данной работы — проанализировать особенности представлений о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи (15–24 лет).

Сформулирована следующая **гипотеза исследования**: существуют этнокультурные особенности в представлениях о семье как ресурсе жизнеспособности бурятской и русской молодежи, обусловленные принадлежностью к разным культурам — более коллективистской (буряты) и более индивидуалистической (русские).

Выборку исследования составили студенты вузов и колледжей Забайкальского края. Русских респондентов — 109 человек (средний возраст — $20,09 \pm 1,56$), выборка бурят составила 98 человек (средний возраст — $19,0 \pm 2,07$). Респонденты проживают в г. Чите, пос. Агинское. Этническая идентичность респондентов определялась по указанию ими своей национальности в бланках методик: социально-демографической анкете, тесте двадцати утверждений

М. Куна, Т. Макпартленда. Самоопределение национальности респондентов на основе самоидентификации соответствует принятым стандартам кросс-культурных исследований [5; 10].

Метод

В исследовании использованы: Тест двадцати утверждений М. Куна, Т. Макпартленда [25]: самоопределение респондентами своей национальности позволило распределить респондентов в две группы, русских и бурят. Далее респонденты заполнили социально-демографическую анкету, указав пол, возраст, место проживания, национальность и др.

Анализируя содержание социальных представлений, мы опирались на традиционные для изучения этого феномена методы: контент-анализ, проективный метод (методика незаконченных предложений) [1]. «Так как интерпретативный смысл социальных представлений актуализируется через речевые практики, тем самым исследование представлений возможно, прежде всего, посредством анализа устного или письменного дискурса, который и составляет основной источник получения данных о содержании, структуре и динамике социальных представлений» [8, с. 415].

Фокус-группы позволили собрать качественные данные о представлениях респондентов о жизнеспособности, семье как ресурсе их жизнеспособности, ценностях, традициях и культуре своего народа. Материалы фокус-групп анализировались с использованием концептуального контент-анализа посредством выделения категорий. Индикаторами (единицами анализа) служили слова, словосочетания, в которых прямо или косвенно указывалось на принадлежность к той или иной из категорий анализа (подробнее см.: [12, с. 91]).

Первичные данные фокус-групп позволили сформулировать 20 предложений (в анализ для этой статьи взяты 9 из них — по представленным ниже категориям), например: «Жизнеспособность для меня — это...», «Моя семья относится ко мне ...» и др. Респондентам предлагалось развернуто закончить эти 9 предложений.

Для количественной формализации качественных данных этой методики был проведен сравнительный лексикографический контент-анализ лексической базы ответов ($n = 3921$ в бурятской группе, $n = 4124$ в русской группе) с оценкой частотности слов, используемых для анализа социальных представлений.

Слова респондентов были унифицированы по лексической форме и визуализированы в виде облака слов (Wordcloud) программы Atlas.ti (версия 9.5.6). Прием создания облака слов позволил произвести их сортировку, определить наиболее частотные слова в каждой из анализируемых категорий. Чем выше частота слова, тем крупнее шрифт его написания в облаке, что помогло выделить и интерпретировать ядерные

слова в тексте, объяснять особенности представлений о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи. Метод кодировки качественных данных в программе Atlas.ti уточнил количественные результаты, описанные ранее [13].

Респонденты обеих выборок говорят/пишут на одном языке — русском, но этническая идентичность служит своеобразным информационным фильтром для их лексикона. Содержание высказываний, частота употребляемых слов, относящихся к каждой категории анализа, помогают определить их значимость, а также различия в отношении к категории изучения.

Результаты

Представим результаты анализа материалов методики «Незаконченные предложения» в двух этнических группах респондентов (по категориям, выделенным для анализа в соответствии с целью статьи).

Представления о том, что такое жизнеспособность человека, у респондентов двух групп (категория «Жизнеспособность») во многом совпадают (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Полное облако слов по лексической базе из 607 слов (слева) и облако 7-го порогового значения¹ (справа) по категории «Жизнеспособность» у русских

¹ В облаке с 7-м пороговым значением отображены слова, которые имеют частоту 7 и выше (количество вхождений слова в лексическую базу).

Рис. 2. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Жизнеспособность» у бурят: лексическая база — 629 слов

Наиболее частотные слова в полных облаках обеих выборок: *способность*² (33,44 ipm) [15], *жизнь* (222,49), *здоровье* (53,3). В пороговых облаках общее слово ядра — *способность* (33,44). Отличающиеся слова ядра — *сам* (242,17; русские), *человек* (307,25; буряты). В составе облака из 2 ядерных слов отмечаем, что семантическое ядро, формирующее нарратив респондентов двух выборок, образуют разные слова: *сам* — 26 (4,3%)³, *способность* — 23 (3,8%) — в русской выборке; *человек* —

38 (6,2%), *способность* — 35 (5,7%) — в бурятской.

По категории «Семья» (рис. 3 и 4) много общего в лексике представителей обеих выборок.

Общие слова в полных облаках: *ребенок*, *хороший*, *поддержка*⁴, *любимый*, *дружный*, *уважение*, *заботиться*, *родной*. Отличающиеся слова в полных облаках: *самый*, *понимание*, *группа* (русские); *сын*, *добрый*, *дочь*, *брат*, *опора*, *крепкий*, *помогать*, *большой*, *многодетный*, *сильный*, *сестра* (буряты).

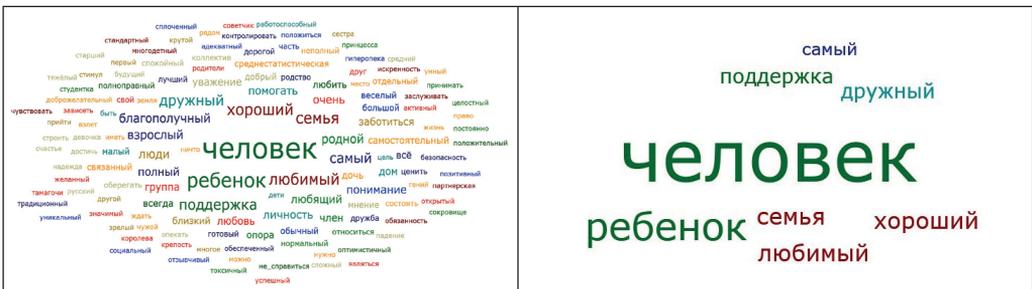

Рис. 3. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Семья» у русских: лексическая база — 375 слов

² Здесь и далее курсивом выделены без кавычек слова и высказывания из завершений респондентами незаконченных предложений.

³ Число упоминаний указанного слова (и процент от общего количества слов в лексической базе) [15].

⁴ Варианты этого и других приведенных слов не указываем.

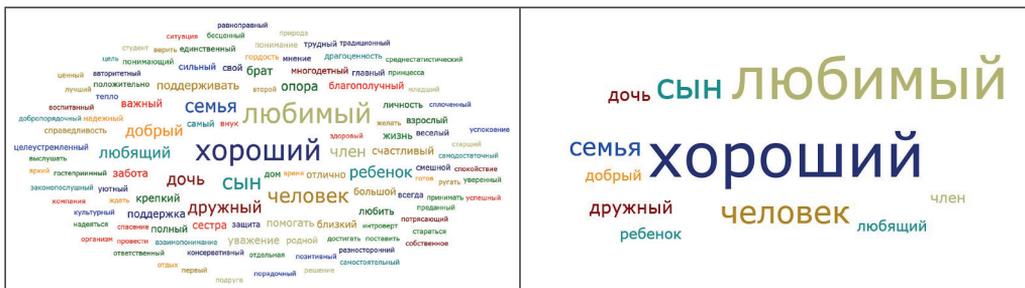

Рис. 4. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Семья» у бурят: лексическая база — 363 слова

В пороговых облаках общие слова: *человек* (820,54 *ирт*), *ребенок* (59,22), *хороший* (70,39), *семья* (48,51), *любимый* (17,01), *дружный* (2,39). Отличающиеся слова: *поддержка* (8,14) — у русских; *сын* (144,56), *дочь* (97,64) — у бурят. В составе облака из 2 ядерных слов семан-

тическое ядро этой категории образуют слова: *человек* — 27 (7,2%), *ребенок* — 16 (4,3%) — в русской выборке; *хороший* — 24 (6,6%), *любимый* — 23 (6,3%) — в бурятской.

Особое внимание уделим категории «Ценности» (рис. 5 и 6).

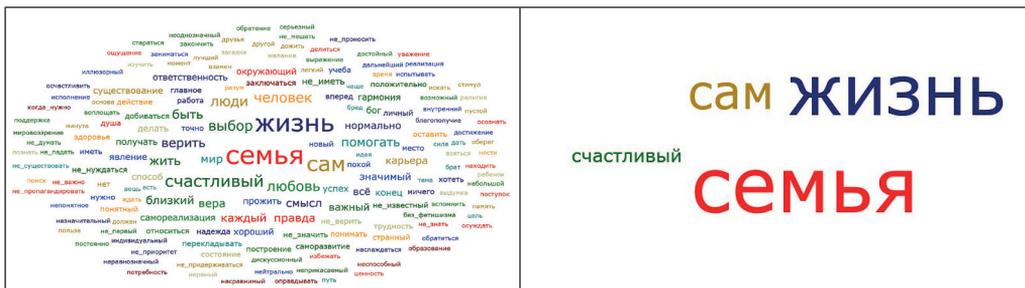

Рис. 5. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Ценности» у русских: лексическая база — 413 слов

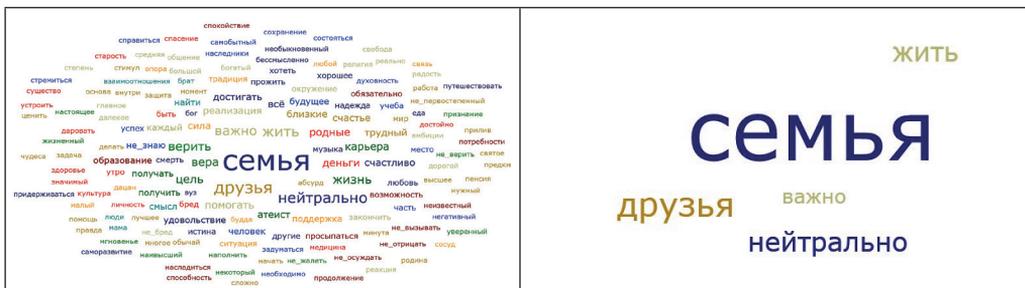

Рис. 6. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Ценности» у бурят: лексическая база — 332 слова

Обсуждение результатов

Лексикографический контент-анализ позволил выделить как универсальные, надкультурные, так и отличающиеся, культурно обусловленные представления респондентов о семье как ресурсе их жизнеспособности, увидеть оценку значимости семьи представителями русской и бурятской молодежи.

Так, по первой категории «Жизнеспособность» в обеих национальных группах обнаружены следующие особенности. Для русских это способность *восстанавливаться, выживать, приспосабливаться, преодолевать трудности* с акцентом на слове *сам* (*когда человек может жить один, сам себя обеспечивать и защищать*). В бурятской выборке слово *сам* не выделено. И если в русской выборке четко прослеживается опора на себя — *уметь, мочь*, то в бурятской нет конкретной соотнесенности (за счет чего, кого?). Родовая консолидация и глубинные родоплеменные связи составляют основу мировосприятия бурят. Даже при употреблении одинаковых слов русскими и бурятами содержание высказывания позволяет увидеть нюансы, отличающие трактовку значения этой категории. Респонденты, употребляя одни и те же слова, актуализируют неодинаковые, более предпочтительные для них, контекстные связи. С нашей точки зрения, эти особенности опосредованы принадлежностью респондентов к разным культурам — коллективистской (буряты) и более индивидуалистической (русские). «Р. Хоуз связывал индивидуализм с такими показателями, как расчет на себя, отдаленность от группы, предпочтение индивидуальных, а не коллективных действий» [3, с. 75]. В другом исследовании авторы отмечают, что «если мы считаем себя независимыми и самостоятельными, ценим личное признание и достижения, мы принадлежим

к индивидуалистической культуре. Если мы осознаем себя как часть большой группы, ценим близость и гармонию с другими людьми, то мы принадлежим к коллективной культуре» [2, с. 148].

По категории «Семья» респонденты обеих выборок говорят о ее высокой значимости для себя. Называют свои семьи *благополучными, дружными, хорошими, любящими, заботливыми*. Семья — *опора, поддержка, обеспечивает защиту, безопасность* (рус.: *без нее я бы не справилась*; бур.: *родители — моя опора; семья — крепость*). Она *советует, контролирует, оберегает*. Однако семантическое ядро, формирующее нарратив респондентов двух выборок, образуют разные слова: *человек, ребенок* — в русской выборке; *любимый, хороший* — в бурятской. Отметим, что у русских в первую очередь *человек* отражается как личность: *семья относится ко мне как к взрослому, с уважением; как к человеку со своими правами*. В представлении русских респондентов позиции членов семьи равноправны. Отношения с семьей, хотя о них говорят сдержанно, очень важны: это *безопасность, место любви*. Но говорится и о том, что семья *сложная, неполная*. Есть негативные характеристики семьи: *чужая, токсичная, тяжеляя*.

Количество высокочастотных позитивных слов о семье в данных бурятской выборки больше, чем в русской; негативных характеристик семьи в облаках бурят нет. Буряты более эмоционально говорят о семье: семья — это *самое ценное в моей жизни; бесценное; это спасение*. Бурятская семья *крепкая, сильная, связанная с природой*. Такие характеристики семьи, по нашему мнению, свидетельствует о глубинной ее значимости для бурят. Она *добропорядочная, консервативная, авторитетная*. Чаще, чем у русских, звучит, что семья бурят — *полная, большая*,

многодетная, многопоколенная. Респонденты неоднократно называют конкретные семейные роли: *сын, брат, сестра, внук.* Вышеперечисленные особенности также можно объяснить принадлежностью респондентов к разным культурам. В исследованиях показано, что «при ответе на вопросы теста Куна и Макпартленда “Кто Я?” представители коллективистских культур склонны отвечать в терминах социальной принадлежности “я — сын, я — студент”, а в индивидуалистических — в терминах личностных особенностей (“я — творческий человек”, “я — добрый”» [11, с. 31].

По результатам исследования можно заключить, что респонденты, независимо от их этнокультурной принадлежности, считают семью значимым ресурсом их жизнеспособности. Этнокультурные особенности бурятской семьи (родоплеменные и межпоколенные связи, иерархическая структура, прочные поддерживающие отношения, сложившийся уклад жизни, большее число членов) делают ее более устойчивой в кризисные периоды жизни, что вносит значительный вклад в обеспечение жизнеспособности молодежи.

Говоря о роли семьи как ресурсе жизнеспособности молодежи, необходимо подчеркнуть значение ценностного компонента в семейной жизни. В полных облаках обеих выборок по категории «Ценности» центральное место занимает слово *семья*, что свидетельствует о значимости семьи и для русских, и для бурят: важна любовь к семье и близким (у русских: *чтобы я и мои близкие ни в чем не нуждались и были счастливы; семья, карьера;* у бурят: *смысл — мои наследники; семья, друзья, родственники; мама, брат*). Но буряты говорят о важности семьи почти в два раза чаще, чем русские (38 упоминаний — у бурят, 18 — у русских). Буряты включают в ядро представлений семью и

друзей. У русских ядро вновь включает в себя *сам — собственные усилия жить достойно, оставить память, преодолеть себя.* Для русских смысл — это *правда, собственные усилия: просто жить, помогать другим.*

Таким образом, в категории «Ценности» вновь прослеживается оппозиция «я» у русских и «мы» у бурят.

Анализ категории «Культура» показал, что народные традиции важны большей части респондентов в обеих выборках. Традиции — это *память народа.* В них *отражена большая сила и великая история.* При этом главное отличие в пороговых облаках обеих выборок — это присутствие у русских слова *семья.* С нашей точки зрения, это свидетельствует о том, что у них, в отличие от бурят, традиции, в первую очередь, семейные (*были привиты моей семьей; семейные праздники*). Тогда как у бурят — скорее, традиции народа. Это хорошо прослеживается на примере праздников — Нового года у русских и Сагаалгана у бурят, которые упоминаются в облаках с 7-м пороговым значением в двух выборках. Праздник Сагаалган является одним из важных контекстов актуализации национальной идентичности бурят. У русских Новый год, являясь традиционным праздником, не ассоциируется с народными обычаями и скорее отражает семейные традиции его отмечающих.

Национальные традиции известны и нравятся большинству бурят. Бурятская семья культивирует их последовательнее, чем русская. У бурят *богатая история и сильная историческая память, много традиций, которые сплавляют народ.* В них *есть все для меня.* В культуре моего народа... *я чувствую себя в спокойствии, защищенности.* Принято *почитать своих родителей, уважать старших и уступать им во многом; беречь семью.*

Приверженность ценностям родной культуры, в которую «вписана» семья, принятие семьей народных традиций и обычаев свойственно молодежи обеих групп. И русские, и буряты положительно относятся к семейным традициям своей культуры. При этом буряты, по сравнению с русскими, знают больше национальных традиций и конкретных обрядов, чаще соблюдают их, участвуют в них. Им больше свойственно стремление сохранять этническую идентичность.

Русские, отмечая, что гордятся своей культурой, давая ей высокую оценку, имеют не столь выраженную внешне связь с народными традициями. Воспитание в русских семьях не центрировано на их соблюдении. Восприятие культуры русской молодежью менее эмоционально значимо, чем у бурятской молодежи. Вклад народной культуры в представления русской молодежи о семье как ресурсе жизнеспособности не так отчетлив, как у бурятской.

Заключение

Исследование показало, что представления молодежи о семье как ресурсе ее жизнеспособности имеют этнокультурные особенности, определяемые принадлежностью бурятской выборки к более коллективистской культуре, русской — к более индивидуалистической. Эти особенности, в первую очередь, проявляются в том, что у русских респондентов представление о семье как ресурсе жизнеспособности связано с укреплением у них возможности действовать и справляться с трудностями самостоятельно («я сам»), направлено на формирование «Я»-идентичности». Для бурятских респондентов семья воспринимается как ресурс жизнеспособности, направленный на укрепление у них по-

зиции «мы», способствующей развитию «Мы»-идентичности.

Можно предположить, что эти особенности связаны и с транслируемым бурятской семьей стремлением сохранять этническую идентичность молодых людей (как расширенное «Мы»), в то время как сохранение этнической идентичности как ресурса жизнеспособности не задействуется русскими в полной мере. Но этот факт предполагает наличие более сложных причинно-следственных связей, в которых свою роль играет в том числе и принадлежность русской молодежи к доминирующему этносу. Но так как объяснение этого феномена не входит в задачи нашего исследования, мы можем ограничиться предположениями.

Перспективой дальнейшей работы может стать изучение факторов, влияющих на социальные представления о ресурсах жизнеспособности, не только в выборках русской и бурятской молодежи, но и в других национальных когортах. Также значим вопрос воспроизводства выявленных тенденций при увеличении эмпирической выборки, дополнительного разделения ее не только по национальности, но и по месту проживания респондентов (в городе/селе), по гендерному признаку.

Проблема представлений о семье как ресурсе жизнеспособности молодежи имеет несомненное теоретическое и практическое значение. Изучение специфики разных этнокультур в поликультурном обществе помогает направлять усилия на развитие жизнеспособности социума в целом. В практике представления о ресурсах семьи позволяют точнее ориентироваться в поиске компенсации их возможной недостаточности, варьировать способы поддержки, защиты молодого поколения.

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 8–25. DOI:10.17759/sps.2022130302
2. Борисова С.А., Крашенинникова Е.И. Понятие «индивидуального» и «коллективного» в контексте межкультурной коммуникации // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 1-2. С. 144–151. DOI:10.12731/2077-1770-2021-13-1-2-144-151
3. Войтенко В.П., Соколов В.А., Лубский Р.А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3(90). С. 71–77.
4. Гусельцева М.С. Рождение субъективности из духа человекознания // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 3–15.
5. Денисова Г.С., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Конфликтогенные риски этнокультурных оснований идентичности студенческой молодежи: случай фронтального северокавказского региона // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 2. С. 198–216. DOI:10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216
6. Доржиева Д.А. Субэтнос в процессе этнической консолидации бурят: автореф. ... дисс. канд. историч. наук. Улан-Удэ, 2005. 21 с.
7. Духова Л.И. Факторы формирования представлений о семье будущих учителей // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4-1(24). С. 129–136.
8. Емельянова Т.П. Разработка понятия социального представления – новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 397–419.
9. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–4
10. Лебедева Н.В. Кросс-культурные особенности отношения российской молодежи к инновациям // Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование / Отв. ред.: М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М.: РУДН, 2008. С. 9–40.
11. Лопухова О.Г. Психология этнического самосознания и межкультурного общения. Казань: Бриг, 2015. 124 с.
12. Махнач А.В., Микляева А.В., Сараева Н.М., Горьковская И.А., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Суханов А.А. Жизнеспособность российской молодежи: социально-экологическая парадигма психологического исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. 286 с. DOI:10.38098/fund_24_0473
13. Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Суханов А.А. Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 2. С. 66–84. DOI:10.17759/sps.2023140205
14. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).
16. Нестерова А.А. Концептуализация жизнеспособности человека в современной психологии // Психология жизнеспособности личности: научные подходы, современная практика и перспективы исследований. Материалы методологического семинара / Отв. ред. Е.Ю. Бекасова. М.: Изд-во МГОУ, 2021. С. 54–61.
17. Постылякова Ю.В. Факторы жизнеспособности и факторы риска в образовательном пространстве вуза у студентов с разным уровнем индивидуальной жизнеспособности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9. № 1. С. 49–69. DOI:10.38098/ipran.opwr_2024_30_1_003

18. Ринчинова А.Ц. Особенности этнопедагогического воспитания детей в согласии с социальной средой у бурятского народа // Российская идентичность: Сборник материалов Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ (Москва, 25 сентября 2023 г.). М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023. С. 488–495.
19. Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А., Дашиева Н.Б., Короткова А.А. Культурные различия в мужском кооперативном поведении: кросс-популяционное экспериментальное исследование // История и современность 2023. № 4. С. 173–196. DOI:10.30884/iis/2023.04.07
20. Рылская Е.А. Тенденции развития представлений о жизнеспособности профессионала: транспективный анализ // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 1. С. 28–45.
21. Цоктоева Р.Ю. Структура бурятской патриархальной семьи и трансформация внутрисемейных связей в современной культуре бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6–1. С. 248–251.
22. Этнопсихокультура личности и традиции бурятского народа / Под ред. Р.Д. Санжаевой. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та им. Д. Банзарова, 2024. 186 с.
23. Bhandari S., Alonge O. Measuring the resilience of health systems in low- and middle-income countries: A focus on community resilience // Health Research Policy and Systems. 2020. Vol. 18(1). Art. 81. DOI:10.1186/S12961-020-00594-W
24. Blessin M., Lehmann S., Kunzler A.M., van Dick R., Lieb K. Resilience interventions conducted in Western and Eastern countries – a systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19(11). Art. 6913. DOI:10.3390/IJERPH19116913
25. Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. P. 68–76. DOI:10.2307/2088175
26. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people // Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. P. 27–44. DOI:10.4135/9781412976312
27. Panter Brick C. Energizing partnerships in research to policy projects // American Anthropologist. 2022. Vol. 124(4). P. 751–766. DOI:10.1111/AMAN.13776
28. Ungar M. A commentary on Ehrlich et al. (2023): a resilience paradox for child development // The Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. 2024. Vol. 65(3). P. 365–368. DOI:10.1111/jcpp.1392
29. Wilcox L., Larson K., Bartlett R. The role of resilience in ethnic minority adolescent navigation of ecological adversity // Journal of Child and Adolescent Trauma. 2021. Vol. 14(4). P. 507–515. DOI:10.1007/s40653-020-00337-7
30. Zaretsky L., Clark M. Me, Myself and Us? The relationship between ethnic identity and hope, resilience and family relationships among different ethnic groups // Journal of Education, Society and Behavioural Science. 2019. Vol. 32(2). P. 1–14. DOI:10.9734/jesbs/2019/v32i230167

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Mel'nikova D.V., Lavreshkin N.V. K voprosu ob issledovanii sotsial'nykh predstavleniy: vzglyad so storony [Studying Social Representations: an Outsider's Perspective]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 8–25. (In Russ.). DOI:10.17759/sps.2022130302
2. Borisova S.A., Krashenninnikova E.I. Ponyatie «individualnogo» i «kollektivnogo» v kontekste mezhkulturnoj kommunikacii [The concept of “individual” and “collective” in the context of intercultural communication]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern studies of social problems*, 2021. Vol. 13, no. 1-2, pp. 144–151. DOI:10.12731/2077-1770-2021-13-1-2-144-151 (In Russ.).

3. Voitenko V.P., Sokolov V.A., Lubsky R.A. Kollektivizm i individualizm v Rossii kak predmet teoreticheskoy refleksii [Collectivism and individualism in Russia as a subject of theoretical reflection]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019, no. 3(90), pp. 71–77. (In Russ.).
4. Gusel'tseva M.S. Rozhdeniye sub"yektivnosti iz dukha chelovekoznaniya [The birth of subjectivity from the spirit of anthropology]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 2018, no. 1, pp. 3–15. (In Russ.).
5. Denisova G.S., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Konfliktogennyye riski ehtnokulturnykh osnovaniy identichnosti studencheskoj molodezhi sluchaj frontirnogo severokavkazskogo regiona [Conflict-generating risks of the ethnocultural foundations of the student youth identity: the case of the frontier North Caucasus region]. *Regionologiya = Regionology*, 2024. Vol. 32, no. 2, pp. 198–216. DOI:10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216 (In Russ.).
6. Dorzhieva D.A. Subehtnosy v processe ehtnicheskoy konsolidatsii buryat: Avtoref. Dis. ... kand. istorich. nauk [Subethnic groups in the process of ethnic consolidation of the Buryats: author's abstract of thesis cand. sc. (History)]. Ulan-Ude, 2005. 21 p.
7. Dukhova L.I. Faktory formirovaniya predstavleniy o sem'ye budushchikh uchiteley [Factors in the formation of future teachers' representations of a family]. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University*, 2012, no. 4-1(24), pp. 129–136. (In Russ.).
8. Emel'yanova T.P. Razrabotka ponyatiya sotsial'nogo predstavleniya — novyy etap v razvitii kontseptual'nogo apparata sotsial'noy psikhologii [The development of the concept of social representation is a new stage in the development of the conceptual apparatus of social psychology]. In Sergiyenko E.A., Zhuravlev A.L. (Eds.). *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii [The development of concepts of modern psychology]*. Moscow: Institut Psikhologii RAN Publ., 2018, pp. 379–419. (In Russ.).
9. Emel'yanova T.P. Sotsial'noye predstavleniye — ponyatiye i kontseptsiya: itogi poslednego desyatiletiya [Social representation — notion and conception: last decade summary]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2001. Vol. 22, no. 6, pp. 39–47. (In Russ.).
10. Lebedeva N.V. Kross-kulturnyye osobennosti otnosheniya rossijskoj molodezhi k innovatsiyam [Cross-cultural features of the attitude of Russian youth to innovation]. In M.Yu. Martynova, N.M. Lebedeva (Eds.). *Molodye moskvichi. Kross kul'turnoe issledovanie [Young Muscovites. Cross-cultural research]*. Moscow: RUDN University, 2008, pp. 9–40. (In Russ.).
11. Lopuhova O.G. Psihologiya ehtnicheskogo samosoznaniya i mezhkulturnogo obshcheniya [Psychology of ethnic identity and intercultural communication]. Kazan': Brig, 2015. 124 p.
12. Makhnach A.V., Miklyaeva A.V., Saraeva N.M., Gor'kovaya I.A., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V., Sukhanov A.A. Zhiznesposobnost' rossiyskoj molodezhi: sotsial'no-ekologicheskaya paradigma psikhologicheskogo issledovaniya [Resilience in Russian youth: socio-ecological paradigm of psychological research]. In: A.V. Makhnach (Ed.). Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2024. 286 p. DOI:10.38098/fund_24_0473 (In Russ.).
13. Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbaeva S.B., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V., Sukhanov A.A. Sravnitel'nyy empiricheskyy analiz zhiznesposobnosti russkoy i buryatskoy molodezhi [Comparative empirical analysis of the Russian and Buryat youth resilience]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 66–84. DOI:10.17759/sps.2023140205 (In Russ.).
14. Moskovici S. Sotsial'noye predstavleniye: istoricheskyy vzglyad [Social representation: a historical perspective]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1995. Vol. 16, no. 1, pp. 3–18. (In Russ.).
15. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (ruscorpora.ru) [National Corpus of the Russian Language] [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed 10.09.2024). (In Russ.).
16. Nesterova A.A. Kontseptualizatsiya zhiznesposobnosti cheloveka v sovremennoy psikhologii [Conceptualization of human resilience in modern psychology]. In Ye.YU. Bekasova (Eds.). *Psikhologiya zhiznesposobnosti lichnosti: nauchnyye podkhody, sovremennaya praktika i perspektivy*

- issledovaniy. Materialy metodologicheskogo seminar [Psychology of personality resilience: scientific approaches, modern practice and research prospects. Materials of the methodological seminar]. Moscow: MGOU Publ., 2021, pp. 54–61. (In Russ.).
17. Postylyakova Yu.V. Faktory zhiznesposobnosti i faktory riska v obrazovatel'nom prostranstve vuza u studentov s raznym urovnem individual'noy zhiznesposobnosti [Resilience and risk factors in the educational space of a university among students with different levels of individual resilience]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 2024. Vol. 9, no. 1, pp. 49–69. DOI:10.38098/ipran.opwp_2024_30_1_003 (In Russ.).
18. Rinchinova A.Ts. Osobennosti etnopedagogicheskogo vospitaniya detey v soglasii s sotsial'noy sredoy u buryatskogo naroda [Peculiarities of ethnopedagogical education of children in accordance with the social environment among the Buryat people]. *Rossiyskaya identichnost': Sbornik materialov Vserossiyskogo konkursa nauchno-issledovatel'skikh rabot (Moskva, 25 sentyabrya 2023 goda) [Russian identity: Collection of materials from the All-Russian competition of scientific research works]*. Moscow: Moscow State University of A.N. Kosygin, 2023, pp. 488–495. (In Russ.).
19. Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L., Mezentseva A.A., Dashiyeva N.B., Korotkova A.A. 2023. Kulturnye razlichiya v muzhskom kooperativnom povedenii: kross-populyacionnoe ehksperimentalnoe issledovanie [Cultural differences in male cooperative behavior: a cross-population experimental study]. *Istoriya i sovremennost' = History and modernity*, no. 4, pp. 173–196. DOI:10.30884/iis/2023.04.07 (In Russ.).
20. Ryl'skaya E.A. Tendentsii razvitiya predstavleniy o zhiznesposobnosti professionala: transspektivnyy analiz [The trends of development of ideas about the resilience of a professional: transpective analysis]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 2019. Vol. 4(1), pp. 28–45. (In Russ.).
21. Tsoktoeva R.Yu. Struktura buryatskoj patriarhalnoj semi I transformatsiya vnutrisemejnnyh svyazey v sovremennoj kulture buryat [The structure of Buryat patriarchal family and transformation of intrafamily connections in modern Buryat culture]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University*, 2012, no. 6–1, pp. 248–251. (In Russ.).
22. Etnopsikhokul'tura lichnosti i traditsii buryatskogo naroda [Ethno-psychoculture of personality and traditions of the Buryat people]. In R.D. Sanzhaeva (Eds.). Ulan-Ude. Buryat State University of D. Banzarov, 2024. 186 p. (In Russ.).
23. Bhandari S., Alonge O. Measuring the resilience of health systems in low- and middle-income countries: A focus on community resilience. *Health Research Policy and Systems*, 2020. Vol. 18(1), Art. 81. DOI:10.1186/S12961-020-00594-W
24. Blessin M., Lehmann S., Kunzler A.M., van Dick R., Lieb K. Resilience interventions conducted in Western and Eastern countries – a systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19(11), Art. 6913. DOI:10.3390/IJERPH19116913
25. Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes. *American Sociological Review*, 1954. Vol. 19, pp. 68–76. DOI:10.2307/2088175
26. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people. In M. Ungar (Ed.). *Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005, pp. 27–44. DOI:10.4135/9781412976312
27. Panter Brick C. Energizing partnerships in research to policy projects. *American Anthropologist*, 2022. Vol. 124(4), pp. 751–766. DOI:10.1111/AMAN.13776
28. Ungar M. A commentary on Ehrlich et al. (2023): a resilience paradox for child development. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*, 2024. Vol. 65(3), pp. 365–368. DOI:10.1111/jcpp.1392

29. Wilcox L., Larson K., Bartlett R. The role of resilience in ethnic minority adolescent navigation of ecological adversity. *Journal of Child and Adolescent Trauma*, 2021. Vol. 14(4), pp. 507–515. DOI:10.1007/s40653-020-00337-7
30. Zaretsky L., Clark M. Me, Myself and Us? The relationship between ethnic identity and hope, resilience and family relationships among different ethnic groups. *Journal of Education, Society and Behavioural Science*, 2019. Vol. 32(2), pp. 1–14. DOI:10.9734/jesbs/2019/v32i230167

Информация об авторах

Махнач Александр Валентинович, доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Дазбаева Соелма Батомункуевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Лактионова Анна Игоревна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Суханов Алексей Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Makhnach, Doctor of Psychology, Deputy Director for Science, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Nadezhda M. Saraieva, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Soyelma B. Dagbayeva, Doctor of Psychology, Head of the Department of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Anna I. Laktionova, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Aleksey A. Sukhanov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Получена 17.07.2024

Принята в печать 26.09.2024

Received 17.07.2024

Accepted 26.09.2024

Роль семейных взаимосвязей в формировании жизнеспособной и благополучной личности студента с инвалидностью и/или ограниченными возможностями здоровья

Котовская С.В.

ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий» (ФГБОУ ИВО РГУ СоцТех), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7832-2702>, e-mail: s.marunyak74@mail.ru

Захарова Н.Л.

ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий» (ФГБОУ ИВО РГУ СоцТех), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5127-7795>, e-mail: nadlex@mail.ru

Беленкова Л.Ю.

ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий» (ФГБОУ ИВО РГУ СоцТех), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8172-2520>, e-mail: lara.belenkova@yandex.ru

Цель. Проанализировать роль семейных взаимосвязей в формировании благополучной и жизнеспособной личности студента с инвалидностью и/или ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Контекст и актуальность. Моральная ответственность, взаимная поддержка и забота, обучение устоям, нормам и ценностям остаются во все времена исторически значимыми функциями семьи. Появление в семье человека с инвалидностью и/или ОВЗ становится источником неопределенности, которая является, с одной стороны, угрозой, а с другой — вызовом. Создание условий для эффективного и гармоничного развития семьи позволит сформировать благополучного и жизнеспособного гражданина через поддержку не просто семьи, а института жизнеспособной семьи.

Дизайн исследования. В работе изучаются особенности формирования благополучной и жизнеспособной личности студентов с инвалидностью и/или ОВЗ в зависимости от степени поддержки семьи и наличия тесных семейных связей. Определена взаимосвязь семейных отношений с психологическим благополучием, жизнеспособностью, оценкой качества жизни студентов с инвалидностью и/или ОВЗ.

Участники. В исследовании приняли участие студенты с инвалидностью и/или ОВЗ ($n = 98$; 37,7% юношей, 62,3% девушек; средний возраст — $21,13 \pm 2,68$) разных факультетов ФГБОУ ИВО РГУ СоцТех и условно здоровые обучающиеся ($n = 116$; 51,7% выборки; 31,4% юношей, 68,6% девушек; средний возраст — $21,5 \pm 2,9$).

Методы (инструменты). В основу исследования легли следующие методики: опросник «Психологическое благополучие» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко; опросник SF — 36 «Оценка качества жизни»; тест «Жизнеспособность человека» А.В. Махнач; опросник «Жизнеспособность человека» Е.А. Рыльской; анкета, позволяющая установить социально-психологические особенности студентов (пол, возраст, факультет, наличие инвалидности и/или ОВЗ). Полученные результаты анализировались с помощью пакета IBM SPSS 23.0. Наличие значимых различий выявлялось с применением непараметрического

го *U*-критерия Манна-Уитни для двух независимых групп и анализа Краскела-Уоллиса для *k*-независимых групп. Наличие взаимосвязи семейных взаимоотношений с оценкой уровня жизни, параметрами психологического благополучия и жизнеспособности устанавливалось с использованием *p*-критерия Спирмена. Результаты признавались значимыми при $p \leq 0,05$.

Результаты. У студентов с инвалидностью и/или ОВЗ выявлена корреляционная взаимосвязь семейных отношений с показателями психологического благополучия и жизнеспособности. Уровень жизнеспособности студентов в семьях с высокой поддержкой соответствует высокому уровню, в группах со слабыми семейными связями — среднему. В семьях с высокой поддержкой семьи девушки и юноши статистически более способны к саморегуляции и саморазвитию. Состояние психологического благополучия статистически значимо выше у студентов с инвалидностью и/или ОВЗ в группе с тесными семейными взаимоотношениями. Анализ оценки качества жизни значимо различается по параметру «жизненная активность» у респондентов с инвалидностью и/или ОВЗ.

Основные выводы. Семья с тесными эмоциональными связями создает условия для эффективного использования имеющихся возможностей, саморегуляции и саморазвития. У студентов с инвалидностью и/или ОВЗ с высокой поддержкой семьи проявляются более высокие жизненная активность и адаптация в социуме. Результаты исследования служат основой для разработки адресной траектории психолого-педагогического сопровождения студентов с инвалидностью и/или ОВЗ по поддержанию психологического благополучия и жизнеспособности, повышению оценки качества жизни.

Ключевые слова: семья; жизнеспособность; психологическое благополучие; оценка качества жизни; студенты с инвалидностью и/или ограниченными возможностями здоровья.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания (шифр FSMN-2023-0007) на тему «Разработка механизмов здоровьесбережения и социального благополучия лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья как фактор стабильности в условиях новой реальности».

Для цитаты: Котовская С.В., Захарова Н.Л., Беленкова Л.Ю. Роль семейных взаимосвязей в формировании жизнеспособной и благополучной личности студента с инвалидностью и/или ограниченными возможностями здоровья // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 126–142. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150308>

The Role of Family Relations in the Formation of a Resilient and Prosperous Personality of a Student with Disabilities

Svetlana V. Kotovskaya

Russian University of Social Technologies, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7832-2702>, e-mail: s.marunyak74@mail.ru

Nadira L. Zakharova

Russian University of Social Technologies, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5127-7795>, e-mail: nadlex@mail.ru

Larisa Y. Belenkova

Russian University of Social Technologies, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8172-2520>, e-mail: lara.belenkova@yandex.ru

Objective. To analyze the role of family relationships in the formation of a prosperous and viable personality of a student with disabilities.

Background. *Moral responsibility, mutual support and care, teaching principles, norms and values remain at all times a historically significant function of the family. The appearance of a person with a disability in the family becomes a source of uncertainty, which is a threat on the one hand, and a challenge on the other. Creating conditions for the effective and harmonious development of the family will make it possible to raise a prosperous and resilient citizen, through the support of not just a family, but the institution of a family resilience.*

Study design. *The paper examines the features of the formation a well-being and resilient personality of students with disabilities, depending on the degree of family support and the presence of close family ties. The interrelation of family relations with psychological well-being, resilience, and assessment of the quality of life of students with disabilities is determined.*

Participants. *The study involved students with disabilities ($n = 98$; 37,7% of boys, 62,3% of girls; average age $21,13 \pm 2,68$) from different faculties of FSUE IVO RSU Sotstech and conditionally healthy students ($n = 116$; 51,7% of the sample; 31,4% of boys, 68,6% of girls; average age $21,5 \pm 2,9$).*

Measurements. *The research is based on the following methods: questionnaire “Psychological well-being” by C. Riff in adaptation by T.D. Shevelenkova, P.P. Fesenko; questionnaire SF – 36 “Assessment of quality of life”; test “Human resilience” by A.V. Makhnach; questionnaire “Human resilience” by E.A. Rylskaya; questionnaire allowing to establish the socio-psychological characteristics of students (gender, age, faculty, disability). The results were analyzed using the IBM SPSS 23.0 package. The presence of significant differences was revealed using the nonparametric Mann-Whitney U-test for two independent groups and the Kruskal-Wallis analysis for k-independent groups. The relationship of family relationships with the assessment of living standards, parameters of psychological well-being and resilience was established on the basis of Spearman’s p-criterion. The results were considered significant at $p < 0,05$.*

Results. *Students with disabilities have a correlation relationship between family relationships and indicators of psychological well-being and resilience. The level of resilience of students in families with high support corresponds to a high level, in groups with weak family ties – to an average level. In families with high family support, girls and boys are statistically more capable of self-regulation and self-development. The state of psychological well-being is statistically significantly higher among students with disabilities in the group with close family relationships. The analysis of the assessment of the quality of life significantly differs in the parameter of vital activity among respondents with disabilities.*

Conclusions. *As a result of the study, it was found that a family with close emotional ties creates conditions for the effective use of available opportunities, self-regulation and self-development. Students with disabilities with high family support show higher life activity and adaptation in society. The results of the study serve as the basis for the development of a targeted trajectory of psychological and pedagogical support for students with disabilities and/or disabilities to maintain psychological well-being and resilience, improve the assessment of quality of life.*

Keywords: *family; resilience; psychological well-being; quality of life assessment; students with disabilities.*

Funding. *The study was carried out within the framework of the state task (code FSMN-2023-0007) on the topic “Development of mechanisms for health savings and social well-being of persons with disabilities and disabilities as a factor of stability in the new reality”.*

For citation: Kotovskaya S.V., Zakharova N.L., Belenkova L.Yu. The Role of Family Relations in the Formation of a Resilient and Prosperous Personality of a Student with Disabilities. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 126–142. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150308> (In Russ.).

Введение

Институт семьи во времена нестабильности претерпевает изменения, отражающиеся на системе горизонтальных (между супругами) и вертикальных (дети-родители-бабушки и дедушки) взаимоотношений, трансформации ценностных установок [9], что создает предпосылки для усиления внимания к институту семьи и разработки специальных мер поддержки, интегрирующих общественные и личные интересы [11, с. 54]. Крепость института семьи влияет на прочность общества и государства, являясь фундаментальной основой общества, роль которой в формировании и развитии личности неопределима [12]. О.М. Горева, Л.Б. Осипова пишут: «чтобы понять общество, необходимо понять семью ... именно в семье закладываются все особенности общества, семена его устойчивости или нестабильности», а «постоянное сотрудничество поколений в семье — эффективное выполнение семей социальных функций» [5]. А.И. Лактионова подчеркивает: «Говоря о влиянии семьи на жизнеспособность ребенка, мы должны понимать, какие процессы происходят в обществе, в каком направлении изменяется сам институт семьи, как влияют на развитие семьи, ее ценностей экономика, культура и т.д.» [13, с. 21]. Моральная ответственность, взаимная поддержка и забота, обучение устоям, нормам и ценностям остаются во все времена исторически значимыми функциями семьи, являясь источником формирования жизнеспособной и благополучной личности [7].

К. Хорни, указывая на развитие базального доверия/недоверия ребенка, влияющего в дальнейшем на особенности построения его взаимоотношений с окружающим миром [29], отводит родителям главную роль, а ребенок является

зеркалом, отражающим все происходящее в семье [1]. Каждая семья уникальна, в ней существует множество различных методов и стилей воспитания, зависящих от целей, которые преследуют родители и которые отпечатываются на личности ребенка в виде самостоятельности, инициативности, послушности и др. [2]. Н.А. Борисова выделяет пять типов воспитания, оказывающих влияние на развитие личности ребенка: гармоничный тип (в семье ребенка любят, уважают и прислушиваются к его мнению); иерархичный тип (родители дистанцируются от ребенка, существует иерархия между взрослыми и детьми); материально-ориентированный тип (семья акцентирует внимание на материальном благополучии); дисгармоничный тип (семьи, где не учитывается мнение ребенка, отношения враждебные с физическими наказаниями) и антисоциальный тип [4].

Занимаясь «Я-концепцией», Р. Бернс определил, «что именно в семье ребенок берет образцы для подражания, и авторитет членов семьи оказывается решающим фактором, а зачастую непреодолимым» [2, с. 110]. И.М. Марковская в своих работах акцентирует внимание на ответственности родителей за развитие ребенка [15]. В формировании мотивов, потребностей, мотивационной сферы личности значимую роль играет семейное воспитание [4]. Семейные традиции, направленные на развитие нравственных ценностей, способствуют социализации детей, их психологическому благополучию и жизнеспособности.

Ключевым элементом развития тесных семейных связей, поддерживающих психологическое благополучие, по мнению Е.А. Слепцовой и В.А. Чистовой, являются стратегии, направленные на эмоциональную поддержку близкого окружения, профессиональную помощь специалистов

и умение принять изменения [24]. Психологическое благополучие включает эмоциональный, социальный и смысловой компоненты, имеющие особые проявления в поведении и деятельности. И.В. Дубровина отмечает, что «психическое здоровье, психологическая грамотность и психологическая культура личности в своем единстве и взаимопроникновении обеспечивают психологическое здоровье личности, показателем которого можно рассматривать нравственную направленность переживания человеком своего психологического благополучия» [6, с. 13]. В работах М.А. Одинцовой с соавторами по изучению уровня психологического благополучия лиц с инвалидностью и/или ОВЗ в условиях вузовского обучения установлено, что уровень психологического благополучия статистически не отличается в студенческой инклюзивной среде. Однако лица с инвалидностью и ОВЗ значимо менее ориентированы на принятие себя по сравнению с условно здоровыми студентами [21].

Обучение молодежи, особенно с инвалидностью и/или ОВЗ, является одним из важных направлений внутренней политики современного государства. Появление в семье человека с инвалидностью и/или ОВЗ становится источником неопределенности, которая является, с одной стороны, угрозой, а с другой — вызовом. Идентификация неопределенности как вызова или угрозы будет происходить в зависимости от ресурсов семьи, т.е. жизнеспособности [20]. Семья, принимающая в свое членство лицо с инвалидностью и/или ОВЗ, по разным причинам испытывает фрустрированность при появлении такого ее члена, а без оказания качественной помощи может искусственно создавать депривующие условия как для себя, так и для члена семьи. Многочисленные научные

работы показывают, что появление в семье ребенка с инвалидностью и/или ОВЗ является стрессовой и требующей формирования специальных стратегий совладания ситуацией, что соотносится с многочисленными научными выводами [1; 5; 9; 11-13; 18; 19].

Установление инвалидности и/или ОВЗ является событием, требующим перестройки всей системы семейного взаимодействия. Принятию ребенка с инвалидностью и/или ОВЗ необходимо обучаться. Создание системы обучения родителей, позволяющей трансформировать структуру семейного функционирования, должно ориентироваться на использование имеющихся ресурсов через поддержку не просто семьи, а института жизнеспособной семьи [17; 18].

В отечественной науке в настоящее время достаточно активно развивается феномен жизнеспособности, ориентированный на использование индивидуальных способностей для развития согласованных синергетических отношений с окружающим миром и собой [27]. Анализ психофизиологических, мотивационно-личностных и социальных особенностей жизнеспособности студентов проводится в работах С. Алибековой, К.О. Богомазовой, О.Е. Ельниковой, А.В. Добрина, О.А. Макуниной, Т.А. Михайловой, О.Б. Никольской, Е.А. Рыльской, Т.В. Слотиной, Д.Н. Церфус и др. [3; 8; 25]. В.А. Толочек, изучая феномен жизнеспособности, приходит к выводу, что для поддержания жизнеспособности необходимы разные типы адаптации [26]. В зарубежной психологической литературе жизнеспособность изучается с позиции ресурсов, дающих возможность обеспечивать психологическое благополучие, которое включает способность к адаптации, умение относиться с заботой к себе и собственному психологическому

состоянию [21]. А.А. Лебедева и Д.А. Лентьев, анализируя работы Р. Винховена по изучению социальных условий человеческого счастья, акцентируют внимание на значимости жизнеспособности как одного из внутренних компонентов удовлетворенности качеством жизни, включающих состояние здоровья и образования, а также на благополучии как характеристике длительного переживания удовлетворенности [14].

Интерес к феномену жизнеспособности семьи неуклонно растет. К.Б. Зуев пишет, что «жизнеспособность семьи обладает особым онтологическим статусом» [10, с. 91]. Изучение жизнеспособности семьи и организацию с ней практической работы в современной науке предлагается выстраивать на основе учета ее реальных и потенциальных возможностей, а не на нивелировании дисфункциональности и слабости [36; 37]. Непосредственную работу с семьей А.В. Махнач, А.И. Лактионова предлагают строить, основываясь на постулатах организационной теории А.А. Богданова. Теория позволяет «проводить анализ жизнеспособности семьи как ее системной характеристики с позиции взаимодействия разнонаправленных активностей, опосредованных различиями в понимании семейных ценностей, коммуникативных потребностей и организационных паттернов» [17, с. 51]. По мнению А.В. Махнача и А.И. Лактионовой, только включенность и интеграция ресурсов всех членов семьи могут привести к усилению жизнеспособности семьи [17].

В исследованиях М.А. Одинцовой с коллегами отмечается, что институт семьи в современных условиях претерпевает глубокую трансформацию, которая в большей степени отражается на семьях, находящихся в сложной жизненной ситуации, связанной с болезнью и инва-

лидностью члена семьи [19; 21]. Авторы указывают, что «именно семья для людей с ограниченными возможностями здоровья становится центром поддержки, а ее жизнеспособность определяет успешность функционирования таких людей в обществе» [18; 19]. Рождение ребенка с инвалидностью и/или ОВЗ является серьезным испытанием для каждой семьи: увеличивается родительский стресс [31], ухудшаются взаимоотношения между супругами [31; 38]; изменяются коммуникативные паттерны [34]; возрастают материальные, социальные, временные, физические и др. трудности, связанные с необходимостью ухода за заболевшим членом семьи [35]; появляется стигматизация в виде изоляции, дискриминации, навязывания ярлыков [30]. Тяжесть заболевания ребенка увеличивает психологический стресс членов семьи. Родители также нуждаются в постоянной поддержке и помощи. Им необходимо объяснять причины поведения заболевшего, его эмоционального состояния. Члены семьи могут испытывать стыд за недостойное поведение ребенка с инвалидностью и/или ОВЗ, стыд за наличие у их близкого человека инвалидности и/или ОВЗ, что отражается на качестве семейных взаимосвязей.

Анализ многочисленных зарубежных исследований указывает на необходимость оказания психологической поддержки семьям, имеющим ребенка с инвалидностью и/или ОВЗ, в направлении повышения психологического благополучия, принятия и осознания ситуации болезни, поиска альтернативных способов преодоления, укрепления брачных связей в парах. Семейные институты нуждаются в обучении, связанном с изменением системы семейных взаимоотношений, разделением обязанностей, совместным решением семейных проблем, совместным

времяпровождением и др. Зарубежный опыт внедрения программ помощи семье строится на пяти основных принципах: постановка и достижение семейных целей; формирование траектории развития семьи; разработка семейных нарративов; поддержка активной коммуникации с окружающим миром; развитие навыков жизнеспособности [19].

Предполагается, что показатели психологического благополучия, жизнеспособности и качества жизни более высокие у студентов с инвалидностью и/или ОВЗ в семьях с высокой поддержкой и тесными связями.

Роль семейных взаимосвязей в формировании жизнеспособной и благополучной личности студента с инвалидностью и/или ОВЗ при всей своей практической значимости оказывается сравнительно мало исследованной, чем и продиктована необходимость данной работы. Для восполнения указанного упущения проведено исследование, результаты которого позволят определить роль семейных взаимосвязей при формировании личности с инвалидностью и ОВЗ, а также наметить адресную траекторию сопровождения данной категории обучающихся. Кроме того, результаты работы могут стать основой для дальнейших исследований по формированию и поддержанию жизнеспособности и психологического благополучия в студенческой инклюзивной среде.

Цель работы — проанализировать роль семейных взаимосвязей в формировании благополучной и жизнеспособной личности студента с инвалидностью и/или ОВЗ.

Метод

Выборка. В исследовании приняли участие студенты ($n = 98$; 37,7% юношей, 62,3% девушек; средний возраст — $21,13 \pm 2,68$) разных факультетов

ФГБОУ ИВО РГУ СоцТех (психологического, экономического, цифровых технологий, иностранных языков).

Методики. Опросник «Психологическое благополучие» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко [28]; опросник SF — 36 «Оценка качества жизни» [33]; тест «Жизнеспособность человека» А.В. Махнача [16]; опросник «Жизнеспособность человека» Е.А. Рыльской [23]; анкета, позволяющая установить социально-психологические особенности студентов (пол, возраст, факультет, наличие инвалидности или ОВЗ).

На основании анализа шкалы «Семейные и социальные взаимосвязи», позволяющей оценить семейные взаимосвязи как источник поддержки, в том числе и эмоциональной, теста «Жизнеспособность человека» А.В. Махнача все респонденты 1-4 курсов из полных семей были разделены на группы сравнения:

1 группа — студенты с инвалидностью и/или ОВЗ с высокой поддержкой семьи и тесными семейными связями ($n = 58$; 59,2% выборки; 31% юношей, 69% девушек; средний возраст — $20,34 \pm 2,14$);

2 группа — студенты с инвалидностью и/или ОВЗ с низкой поддержкой семьи и слабыми семейными связями ($n = 40$; 40,8% выборки; 47,4% юношей, 52,6% девушек; средний возраст — $22,32 \pm 3,02$);

3 группа — студенты с высокой поддержкой семьи и тесными семейными связями ($n = 60$; 51,7% выборки; 20,0% юношей, 80,0% девушек; средний возраст — $22,31 \pm 3,02$);

4 группа — студенты с низкой поддержкой семьи и слабыми семейными связями ($n = 56$; 48,3% выборки; 42,9% юношей, 57,1% девушек; средний возраст — $20,7 \pm 2,9$).

Собранные первичные эмпирические данные подвергались статистической обработке с использованием программы

SPSS 23.0. Наличие значимых различий выявлялось с применением непараметрического U -критерия Манна-Уитни для двух независимых групп и анализа Краскела-Уоллиса для k -независимых групп. Наличие взаимосвязи семейных взаимоотношений с оценкой уровня жизни, параметрами психологического благополучия и жизнеспособности устанавливалось на основе χ^2 -критерия Спирмена. Результаты признавались значимыми при $p \leq 0,05$.

Результаты

38,0% выборки обучающихся с инвалидностью и/или ОВЗ различных нозологических групп с высокой поддержкой семьи и тесными семейными являются студентами факультета цифровых технологий и по 31,0% — представителями психологического и экономического факультетов. Респонденты подгруппы сравнения имеют следующее распределение по факультетам: по 40,0% — обучающиеся психологического и цифровых технологий, 20,0% — экономического.

40,0% выборки условно здоровых студентов с высокой поддержкой семьи и

тесными семейными связями являются представителями факультета иностранных языков, 20,0% — психологического факультета и по 13,0% — экономического факультета и факультета цифровых технологий. 43,0% респондентов подгруппы сравнения — студенты психологического факультета, 29,0% — цифровых технологий и по 14,0% — экономического факультета и факультета иностранных языков. Значимых различий по выбранному факультету обучения не установлено.

В группе студентов с инвалидностью и/или ОВЗ (1-2 группы) выявлена корреляционная взаимосвязь семейных отношений с показателями психологического благополучия и жизнеспособности. Усиление семейных связей способствует принятию себя, совладанию со сложными жизненными обстоятельствами и личностному росту. Сближение в семейных отношениях отражается на способности и готовности заботиться о себе и окружающих, проявлять эмпатию и сопереживание, выстраивать тесные и эффективные социальные связи, контролировать собственную деятельность (табл. 1).

Таблица 1
Взаимосвязь семейных отношений с показателями благополучия и жизнеспособности

№ п\п	Шкалы	Группы	
		Студенты с инвалидностью и/или ОВЗ (1–2 группы)	Условно здоровые студенты (3–4 группы)
1.	Жизнеспособность	0,566*	0,617**
2.	Положительные отношения с другими	0,288*	0,347
3.	Управление окружением	0,345*	0,457*
4.	Личностный рост	0,390*	0,359
5.	Самопринятие	0,348*	0,544*
6.	Психологическое благополучие	0,337*	0,403

Примечание: корреляция значима на уровне: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$ по ρ -критерию Спирмена.

Условно здоровые студенты (3–4 группы) показывают, что поддержка семьи не связана с личностным ростом и состоянием психологического благополучия, однако изучаемый показатель более значим для способности управлять собственными ресурсами (жизнеспособность) и способности принимать себя.

Анализ параметров жизнеспособности студентов с инвалидностью и/или ОВЗ, воспитывающихся в семьях с тесными связями, позволяет установить, что они значимо лучше адаптируются в окружающих ситуациях, способны управлять мыслями, чувствами, поведением для достижения намеченных целей, в большей степени ориентированы на саморазвитие, и их жизнь более осмысленна. Понимание себя и собственных возможностей способствует значимому осмыслению траекторий роста, развития и самоопределения. Их уровень жизнеспособности более высокий (табл. 2).

Выявлены различия показателей жизнеспособности студентов изучаемых групп (1–4 группы). Уровень жизнеспособности студентов в семьях с высокой поддержкой соответствует высокому уровню, в группах со слабыми семейными связями уровень жизнеспособности соответствует среднему. Показатели и компоненты жизнеспособности в группах с высокой поддержкой семьи (1 и 3 группы) и группах со слабыми семейными связями (2 и 4 группы) значимо не отличаются.

Условно здоровые респонденты с тесными семейными взаимоотношениями (3 группа) отличаются значимо более развитой способностью к саморегуляции, саморазвитию, а также жизнеспособностью. Девушки и юноши в семьях с высокой поддержкой семьи статистически более способны к саморегуляции и саморазвитию. Жизнь юношей, наряду с этим, более осмысленна, они более жизнеспособны.

Таблица 2

Сравнение показателей жизнеспособности студентов (с инвалидностью и/или ОВЗ и условно здоровых) с разной степенью семейной поддержки

№ п\п	Группы Шкалы	Студенты с инвалидностью и/или ОВЗ		Условно здоровые студенты	
		1 группа, высокая поддержка семьи	2 группа, низкая поддержка семьи	3 группа, высокая поддержка семьи	4 группа, низкая поддержка семьи
1.	Осмысленность жизни	107,0 ± 15,2*	91,8 ± 14,8	107,0 ± 11,2	100,0 ± 9,7
2.	Способности саморегуляции	31,7 ± 4,6*	25,1 ± 5,1	31,5 ± 3,3*	26,2 ± 4,2
3.	Способности саморазвития	74,5 ± 6,9*	67,1 ± 9,1	77,2 ± 7,8*	68,4 ± 4,5
4.	Способности адаптации	47,2 ± 8,8*	43,3 ± 5,8	49,2 ± 6,6	49,7 ± 9,7
5.	Жизнеспособность	260,5 ± 32,9*	223,5 ± 31,7	265,0 ± 24,1*	224,4 ± 17,2

Примечание: по *U*-критерию Манна-Уитни различия значимы на уровне * – $p \leq 0,05$ для 1 и 2 групп (даны в столбце «1 группа»), для 3 и 4 групп (даны в столбце «3 группа»); по критерию Краскела-Уоллиса для *k*-независимых групп различия значимы на уровне * – $p \leq 0,05$ для 1–4 групп.

Состояние психологического благополучия статистически значимо выше у студентов с инвалидностью и/или ОВЗ в группе с тесными семейными взаимоотношениями. Принятие семьи научает принимать себя, достигать запланированного и ценить достижения. Для них характерно проявлять активность и создавать более тесные социальные связи, использовать обстоятельства, позволяющие достичь поставленных целей (табл. 3).

Показатели и компоненты психологического благополучия в группах с высокой поддержкой семьи (1 и 3 группы) и группах со слабыми семейными связями (2 и 4 группы) значимо не различаются.

Статистические различия установлены по критерию «личностный рост» (1–4 группы), т.е. способность к саморе-

ализации, открытость новому опыту не зависят от состояния здоровья.

Показатели психологического благополучия у девушек и юношей (1–4 группы) не отличаются.

Анализ оценки качества жизни значимо различается по параметру «жизненная активность» у респондентов с инвалидностью и/или ОВЗ (1 и 2 группы). Обучающиеся с инвалидностью и/или ОВЗ, имея ограничения в физическом функционировании, отражающиеся на способности к выполнению повседневной деятельности, одинаково оценивая состояние собственного здоровья, имеют разную жизненную активность, которая зависит в том числе и от особенностей семейного взаимодействия.

На физический компонент здоровья наличие тесных семейных связей не ока-

Таблица 3

Сравнение показателей психологического благополучия студентов (с инвалидностью и/или ОВЗ и условно здоровых) с разной степенью семейной поддержки

№ п/п	Группы Шкалы	Студенты с инвалидностью и/или ОВЗ		Условно здоровые студенты	
		1 группа, высокая поддержка семьи	2 группа, низкая поддержка семьи	3 группа, высокая поддержка семьи	4 группа, низкая поддержка семьи
1.	Положительные отношения с другими	65,3 ± 9,7*	55,8 ± 1,8	62,1 ± 9,8	57,20 ± 10,7
2.	Автономия	56,6 ± 6,8	54,1 ± 3,5	58,0 ± 7,7	51,0 ± 14,2
3.	Управление окружением	61,7 ± 8,6*	56,1 ± 8,6	62,1 ± 6,6	53,2 ± 2,8
4.	Личностный рост	65,6 ± 8,5*	55,7 ± 9,9	63,3 ± 7,4*	56,6 ± 5,8
5.	Цели в жизни	62,6 ± 9,7*	55,9 ± 6,8	61,3 ± 8,9	56,0 ± 9,1
6.	Самопринятие	65,8 ± 9,7*	57,5 ± 2,9	65,8 ± 10,8	55,8 ± 8,5
7.	Психологическое благополучие	377,4 ± 11,5*	339,2 ± 6,5	372,6 ± 4,2	329,80 ± 40,7

Примечание: по U-критерию Манна-Уитни различия значимы на уровне * – $p \leq 0,05$ для 1 и 2 групп (даны в столбце «1 группа»), для 3 и 4 групп (даны в столбце «3 группа»); по критерию Краскела-Уоллиса для k-независимых групп различия значимы на уровне $\chi^2 - p \leq 0,05$ для 1–4 групп.

зывает значимого воздействия. Данный компонент зависит от степени физического ограничения, отражающегося на повседневной жизнедеятельности. Тесные семейные эмоциональные связи влияют на проявления жизненной активности как психологического компонента здоровья.

В группе условно здоровых респондентов статистических различий в оценке качества жизни не установлено. Показатели девушек и юношей также значимо не различаются по всем физиологическим компонентам здоровья. Значимые различия в эмпирических группах установлены по всем физиологическим компонентам здоровья, что объяснимо спецификой выборки.

Обсуждение результатов

В результате анализа полученных данных установлено, что 55,5% семей условно здоровых студентов и студентов с инвалидностью и/или ОВЗ относятся к семьям с высокой поддержкой и тесными связями.

Условно здоровые студенты и обучающиеся с инвалидностью и/или ОВЗ в семьях с высокой поддержкой и тесными связями имеют более высокие показатели психологического благополучия и высокий уровень жизнеспособности. Полученные результаты соотносятся с исследованиями М.А. Одинцовой с соавторами по изучению уровня психологического благополучия в студенческой инклюзивной среде.

Условно здоровые студены и студенты с инвалидностью и/или ОВЗ в семьях с высокой поддержкой более способны к саморегуляции и саморазвитию.

К основным условиям повышения жизнеспособности и благополучия студентов с инвалидностью и ОВЗ в семьях с высокой поддержкой и тесными связями следует отнести умение принять себя,

на которое влияет поддержка семьи. Самопринятие способствует расширению социальных границ и увеличению круга социального взаимодействия в студенческой среде, повышению жизненной активности. Положительные отношения с окружающими у обучающихся строятся на основе эмпатии и сопереживания. Умение достигать задуманного с учетом имеющихся потребностей и потенциалов, планирование индивидуальной траектории развития позволяют лично расти.

Семья с тесными связями и поддержкой способствует научению использовать имеющиеся условия и ресурсы для эффективного ролевого и физического функционирования студентов с инвалидностью и/или ОВЗ. Принятие себя, активная жизненная позиция, способность к саморегуляции, способности к адаптации способствуют саморазвитию студентов. Понимание окружающей действительности, происходящих событий, эмоциональное реагирование через призму саморегуляции и саморазвития позволяют более пластично переосмысливать происходящее в окружающей действительности.

Перспективой дальнейшего исследования является изучение особенностей обучающихся в зависимости от нозологической группы, степени нарушения и времени его появления. Значимыми являются ретроспективная оценка студентами детско-родительских отношений, вычленение роли матери и отца в формировании жизнеспособности и психологического благополучия. Кроме того, перспективным является подтверждение или отрицание гипотезы, предполагающей, что факт обучения студентов с инвалидностью и/или ОВЗ является доказательством их жизнеспособности, психологического благополучия и высокой оценки качества жизни.

Заключение

В результате исследования установлено, что семья с тесными эмоциональными связями способствует формированию самопринятия и высокого уровня жизнеспособности студентов, она создает условия для эффективного использования имеющихся возможностей, саморегуляции и саморазвития.

У студентов с инвалидностью и/или ОВЗ с высокой поддержкой семьи проявляется более высокая жизненная активность и адаптация в социуме. Такая семья способствует личностному росту, развитию способности выстраи-

вать доверительные связи с окружающими, использовать условия для реализации поставленных целей с учетом потребностей и возможностей обучающихся, способности сопереживать и заботиться об окружающих, сформировать убеждения и цели жизни, помогает ее осмыслению.

Результаты исследования служат основой для разработки адресной траектории психолого-педагогического сопровождения студентов с инвалидностью и/или ОВЗ по поддержанию психологического благополучия и жизнеспособности, повышению оценки качества жизни.

Литература

1. Баранов О.О., Галятина В.Н. Стратегии совладания в контексте самоэффективности российской молодежи в современной геополитической ситуации // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 92–111. DOI:10.17759/sps.2024150106
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 420 с.
3. Богомазова К.О., Макушина О.А., Михайлова Т.А., Никольская О.Б. Взаимосвязь мотивов учебной деятельности с жизнеспособностью у студентов — представителей различных профилей профессиональной подготовки // Психология. Психофизиология. 2023. Т. 16. № 3. С. 5–20. DOI:10.14529/jpps230301
4. Борисова Н.А. Специальная семейная педагогика: семейное воспитание детей с отклонениями в развитии. М: ВЛАДОС, 2009. 358 с.
5. Горева О.М., Осипова Л.Б. Семья как фактор влияния на становление личности [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. 1520 с. DOI:10.17513/spno.2015.1
6. Дубровина И.В. Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2020. Том 17. № 3. С. 9–21. DOI:10.17759/bpre.2020170301
7. Елфимова Н.Е. Диагностика и коррекция мотивации учения у дошкольников и младших школьников. М.: Просвещение, 2001. 108 с.
8. Ельникова О.Е., Добрин А.В. Жизнестойкость и жизнеспособность юношей и девушек с разным уровнем здоровья // Вестник психофизиологии. 2023. № 1. С. 86–92. DOI:10.34985/h9980-4459-5009-h
9. Замуленко А.Ю., Кисиленко А.В. Роль семьи в формировании жизненных стратегий и самоопределении молодежи [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 10. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72919> (дата обращения: 23.06.2024)
10. Зуев К.Б. Жизнеспособность семьи: современное состояние и перспективы исследований // Развитие личности. 2018. № 1. С. 71–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznesposobnost-semi-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-issledovaniy> (дата обращения: 23.06.2024).

11. Колесов В.И., Архиповская Е.П. Роль семьи в формировании личности в воспитательном процессе: обзор теоретических подходов // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 2. С. 58–63. DOI:10.5281/zenodo.10776966
12. Колесов В.И. Роль семьи и семейного воспитания в современном социуме // Инновационные научные исследования. 2022. № 3–1(17). С. 103–109. DOI:10.5281/zenodo.6613188
13. Лактионова А.И. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Институт психологии Российской академии наук, 2017. 235 с.
14. Лебедева А.А., Леонтьев Д.А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 142–162. DOI:10.17759/sps.2022130409
15. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб.: Речь, 2005. 150 с.
16. Махнач А.В. Теоретические основания методов оценки жизнеспособности профессионала // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 1. С. 23–53.
17. Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 41–55. DOI:10.17759/sps.2021120203
18. Махнач А.В., Толстых Н.Н. Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 127–149. DOI:10.17759/sps.2018090209
19. Одинова М.А., Гусарова Е.С., Айсмонтас Б.Б. Жизнеспособность семьи в стрессогенных ситуациях инвалидности в зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 29–38. DOI:10.17759/jmfr.2020090103
20. Одинова М.А., Лубовский Д.В., Кузьмина Е.И. Психологические ресурсы личности при переживании жизненных ситуаций разной степени неопределенности // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 156–177. DOI:10.17759/sps.2023140410
21. Одинова М.А., Куляцкая М.Г. Психологическое благополучие студентов с инвалидностью в инклюзивной среде смешанного обучения [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 2. С. 30–42. DOI:10.17759/psyedu.2019110204
22. Осинцева А.А., Капустина В.А. Профессиональная жизнеспособность специалистов помогающих профессий: обзор отечественных и зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 2. С. 22–29. DOI:10.17759/jmfr.2023120202
23. Рыльская Е.А. Методика исследования жизнеспособности человека // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С. 130–138.
24. Слепцова Е.А., Чистова В.А. Психологическое благополучие семьи в условиях быстроменяющегося мира: сборник трудов конференции // Психолого-педагогические исследования — Тульскому региону: материалы IV Региональной научно-практической конференции молодых ученых (Тула, 16 мая 2024 г.) / Редколлегия: С.В. Пазухина [и др.]. Чебоксары: «Среда», 2024. С. 187–188.
25. Слотина Т.В., Церфус Д.Н., Алибекова С. Социальные предикторы жизнеспособности студентов транспортного вуза и курсантов // Социальная педагогика. 2023. № 1. С. 28–34.
26. Толочек В.А. Феномен «жизнеспособность»: возможные перспективы исследования // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 2. С. 21–46. DOI:10.38098/iran.opwr_2021_19_2_002
27. Трушина О.В., Рыльская Е.А., Погорелов Д.Н. Жизнеспособность, экзистенциальная исполненность и ценностные ориентации личности // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 1(136). С. 109–120. DOI:10.20323/1813-145X_2024_1_136_109
28. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2015. № 3. С. 95–129.
29. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2022. 606 с.

30. Bishop M., Greeff A.P. Resilience in families in which a member has been diagnosed with schizophrenia // Journal of psychiatric and mental health nursing. 2015. Vol. 22. № 7. P. 463–471. DOI:10.1111/jpm.12230
31. Duca D.S. Family resilience and parental stress: the effects on marital relationship in the context of a child diagnosed with an autism spectrum disorder [Электронный ресурс] // Annals of AII Cuza University. Psychology Series. 2015. Vol. 24. № 1. P. 71–90. URL: <http://search.ebscohost.com/login.aspx?Direct=true&db=aph&AN=109330036&lang=ru&site=ehost-live> (дата обращения: 28.05.2024).
32. Fitriyasari R. Family members' perspective of family Resilience's risk factors in taking care of schizophrenia patients // International Journal of Nursing Sciences. 2018. Vol. 5. № 3. P. 255–261. DOI:10.1016/j.ijnss.2018.06.002
33. Jenkinson C., Coulter A., Wright L. Short form 36 (SF36) health survey questionnaire: normative data for adults of working age // Bmj 1993. № 306(6890). P. 1437–1440.
34. Kim I., Dababnah S., Lee J. The influence of race and ethnicity on the relationship between family resilience and parenting stress in caregivers of children with autism // Journal of autism and developmental disorders. 2019. Vol. 50. P. 1–9. DOI:10.1007/s10803-019-04269-6
35. Power J. Family resilience in families where a parent has a mental illness // Journal of Social Work. 2016. Vol. 16. № 1. P. 66–82. DOI:10.1177/1468017314568081
36. Walsh F. Family Resilience // Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change / M. Ungar (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 255–270. DOI:10.1093/oso/9780190095888.003.0015
37. Walsh F. Strengthening Family Resilience (3rd ed.). New York: Guilford, 2016. 400 p.
38. Windlea G., Markland D.A., Woods R.T. Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age // Aging & Mental Health. 2008. Vol. 12(3). P. 285–292. DOI:10.1080/13607860802120763

References

1. Baranov O.O., Galyapina V.N. Strategii sovladaniya v kontekste samoeffektivnosti rossiiskoi molodezhi v sovremennoi geopoliticheskoi situatsii [Coping strategies in the context of self-efficacy of Russian youth in the modern geopolitical situation]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2024. Vol. 15, no. 1, pp. 92–111. DOI:10.17759/sps.2024150106 (In Russ.).
2. Berns R. Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie [The development of Self-concept and education]. Moscow: Publ. Progress, 1986. 420 p. (In Russ.).
3. Bogomazova K.O., Makunina O.A., Mikhailova T.A., Nikol'skaya O.B. Vzaimosvyaz' motivov uchebnoi deyatel'nosti s zhiznesposobnost'yu u studentov — predstavitelei razlichnykh profilei professional'noi podgotovki [Interrelation of motives of educational activity with resiliency among students representing various profiles of professional training]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology*, 2023. Vol. 16, no. 3, pp. 5–20. DOI:10.14529/jpps230301 (In Russ.).
4. Borisova N.A. Spetsial'naya semeinaya pedagogika: semeinoe vospitanie detei s otkloneniyami v razviti [Special family pedagogy: family education of children with developmental disabilities]. Moscow: Publ. Vldos, 2009. 358 p. (In Russ.).
5. Goreva O.M., Osipova L.B. Sem'ya kak faktor vliyaniya na stanovlenie lichnosti [Family as a factor of influence on the formation of personality] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2015, no. 1 — 1. 1520 p. DOI:10.17513/spno.2015.1 (In Russ.).
6. Dubrovina I.V. Fenomen «psikhologicheskoe blagopoluchie» v kontekste sotsial'noi situatsii razvitiya [The phenomenon of “psychological well-being” in the context of the social situation of development]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of practical psychology of education*, 2020. Vol. 17, no. 3, pp. 9–21. DOI:10.17759/bppe.2020170301 (In Russ.).

7. Elfimova N.E. Diagnostika i korrektsiya motivatsii ucheniya u doshkol'nikov i mladshikh shkol'nikov [Diagnosis and correction of learning motivation in preschoolers and younger schoolchildren]. Moscow: Publ. Prosveshchenie, 2001. 108 p. (In Russ.).
8. El'nikova O.E., Dobrin A.V. Zhiznestoikost' i zhiznesposobnost' yunoshei i devushek s raznym urovnem zdorov'ya [Resilience and vitality of boys and girls with different levels of health]. *Vestnik psikhofiziologii = Bulletin of Psychophysiology*, 2023, no. 1, pp. 86–92. DOI:10.34985/h9980-4459-5009-h (In Russ.).
9. Zamulenko A.Yu., Kisilenko A.V. Rol' sem'i v formirovanii zhiznennykh strategii i samoopredelenii molodezhi [The role of the family in the formation of life strategies and self-determination of youth] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern scientific research and innovations*, 2016, no. 10. Available at: <https://web.snauka.Ru/issues/2016/10/72919> (Accessed 23.06.2024). (In Russ.).
10. Zuev K.B. Zhiznesposobnost' sem'i: sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniya [Family viability: the current state and prospects of research] [Elektronnyi resurs]. *Razvitiye lichnosti = Personality development*, 2018, no. 1, pp. 71–94. Available at: <https://cyberleninka.Ru/article/n/zhiznesposobnost-semi-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-issledovaniy> (Accessed 23.06.2024). (In Russ.).
11. Kolesov V.I., Arkhipovskaya E.P. Rol' sem'i v formirovanii lichnosti v vospitatel'nom protsesse: obzor teoreticheskikh podkhodov [The role of the family in the formation of personality in the educational process: a review of theoretical approaches]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*, 2024, no. 2, pp. 58–63. DOI:10.5281/zenodo.10776966 (In Russ.).
12. Kolesov V.I. Rol' sem'i i semeinogo vospitaniya v sovremennom sotsiume [The role of family and family education in modern society]. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya = Innovative scientific research*, 2022, no. 3-1(17), pp. 103–109. DOI:10.5281/zenodo.6613188 (In Russ.).
13. Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' i sotsial'naya adaptatsiya podrostkov [Resiliency and social adaptation of adolescents]. Moscow: Publ. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk, 2017. 235 p. (In Russ.).
14. Lebedeva A.A., Leont'ev D.A. Sovremennye podkhody k izucheniyu kachestva zhizni: ot ob'ektivnykh kontekstov k sub'ektivnym [Modern approaches to the study of the quality of life: from objective contexts to subjective]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 142–162. DOI:10.17759/sps.2022130409 (In Russ.).
15. Markovskaya I.M. Trening vzaimodeistviya roditeli s det'mi [Training of interaction between parents and children]. Saint Petersburg: Publ. Rech', 2005. 150 p. (In Russ.).
16. Makhnach A.V. Teoreticheskie osnovaniya metodov otsenki zhiznesposobnosti professional [Theoretical foundations of methods for assessing the resiliency of a professional]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, 2017. Vol. 2, no. 1, pp. 23–53. (In Russ.).
17. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' sem'i s pozitsii organizatsionnoi teorii A.A. Bogdanova [The resiliency of the family from the standpoint of the organizational theory of A.A. Bogdanov]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 41–55. DOI:10.17759/sps.2021120203 (In Russ.).
18. Makhnach A.V., Tolstykh N.N. Zhiznesposobnost' kak kharakteristika sotsial'noi gruppy kandidatov v zameshchayushchie roditeli [Resiliency as a characteristic of a social group of candidates for substitute parents]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 127–149. DOI:10.17759/sps.2018090209 (In Russ.).
19. Odintsova M.A., Gusarova E.S., Aismontas B.B. Zhiznesposobnost' sem'i v stressogennykh situatsiyakh invalidnosti v zarubezhnykh issledovaniyakh [Family viability in stressful situations of disability in foreign studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 29–38. DOI:10.17759/jmfp.2020090103 (In Russ.).

20. Odintsova M.A., Lubovskii D.V., Kuz'mina E.I. Psikhologicheskie resursy lichnosti pri perezhivanii zhiznennykh situatsii raznoi stepeni neopredelennosti [Psychological resources of personality in experiencing life situations of varying degrees of uncertainty]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 156–177. DOI:10.17759/sps.2023140410 (In Russ.).
21. Odintsova M.A., Kulyatskaya M.G. Psikhologicheskoe blagopoluchie studentov s invalidnost'yu v inklyuzivnoi srede smeshannogo obucheniya [Psychological well-being of students with disabilities in an inclusive environment of mixed learning]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological and pedagogical research*, 2019. Vol. 11, no. 2, pp. 30–42. DOI:10.17759/psyedu.2019110204 (In Russ.).
22. Osintseva A.A., Kapustina V.A. Professional'naya zhiznesposobnost' spetsialistov pomogayushchikh professii: obzor otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy [Professional resiliency of specialists in helping professions: a review of domestic and foreign research]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2023. Vol. 12, no. 2, pp. 22–29. DOI:10.17759/jmp.2023120202 (In Russ.).
23. Ryl'skaya E.A. Metodika issledovaniya zhiznesposobnosti cheloveka [The methodology resiliency of human]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Vestnik ChGPU) = Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University (Bulletin of the ChSPU)*, 2009, no. 1, pp. 130–138. (In Russ.).
24. Sleptsova E.A., Chistova V.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie sem'i v usloviyakh bystromenyayushchegosya mira: sbornik trudov konferentsii [Psychological well-being of the family in a rapidly changing world: proceedings of the conference]. In S.V. Pazukhina [et al.] (eds.). *Psixologo-pedagogicheskie issledovaniya – Tul'skomu regionu: materialy` IV Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii molody`x ucheny`x (Tula, 16 maya 2024 g.)*. [Psychological and pedagogical research – Tula region: materials of the IV Regional scientific and practical conference of young scientists]. Cheboksary: Publ. Sreda, 2024, pp. 187–188. (In Russ.).
25. Slotina T.V., Tserfus D.N., Alikbekova S. Sotsial'nye prediktory zhiznesposobnosti studentov transportnogo vuza i kursantov [Social predictors of resiliency of students of a transports university and cadets]. *Sotsial'naya pedagogika = Social pedagogy*, 2023, no. 1, pp. 28–34. (In Russ.).
26. Tolochek V.A. Fenomen «zhiznesposobnost'»: vozmozhnye perspektivy issledovaniya [The phenomenon of “resiliency”: possible research prospects]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, 2021. Vol. 6, no. 2, pp. 21–46. DOI:10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_002 (In Russ.).
27. Trushina O.V., Ryl'skaya E.A., Pogorelov D.N. Zhiznesposobnost', ekzistentsial'naya ispolnennost' i tsennostnye orientatsii lichnosti [Resiliency, existential fulfillment and value orientations of personality]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2024, no. 1(136), pp. 109–120. DOI:10.20323/1813-145X_2024_1_136_109 (In Russ.).
28. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor kontseptsii i metodika issledovaniya) [Psychological well-being of a person (review of concepts and research methodology)]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*, 2015, no. 3, pp. 95–129. (In Russ.).
29. Kh'ell L., Zigler D. Teorii lichnosti [Theories of personality]. Saint Petersburg: Publ. Piter, 2022. 606 p. (In Russ.).
30. Bishop M., Greeff A.P. Resilience in families in which a member has been diagnosed with schizophrenia. *Journal of psychiatric and mental health nursing*, 2015. Vol. 22, no. 7, pp. 463–471. DOI:10.1111/jpm.12230
31. Duca D.S. Family resilience and parental stress: the effects on marital relationship in the context of a child diagnosed with an autism spectrum disorder [Elektronnyi resurs]. *Annals of AII Cuza University. Psychology Series*, 2015. Vol. 24, no. 1, pp. 71–90. Available at: <http://search.ebscohost>.

Com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=109330036&lang=ru&site=ehost-live (Accessed 28.05.2024).

32. Fitryasari R. Family members' perspective of family Resilience's risk factors in taking care of schizophrenia patients. *International Journal of Nursing Sciences*, 2018. Vol. 5, no. 3, pp. 255–261. DOI:10.1016/j.ijnss.2018.06.002

33. Jenkinson C., Coulter A., Wright L. Short form 36 (SF36) health survey questionnaire: normative data for adults of working age. *Bmj*, 1993, no. 306(6890), pp. 1437–1440.

34. Kim I., Dababnah S., Lee J. The influence of race and ethnicity on the relationship between family resilience and parenting stress in caregivers of children with autism. *Journal of autism and developmental disorders*. 2019. Vol. 50, pp. 1–9. DOI:10.1007/s10803-019-04269-6

35. Power J. Family resilience in families where a parent has a mental illness. *Journal of Social Work*, 2016. Vol. 16, no. 1, pp. 66–82. DOI:10.1177/1468017314568081

36. Walsh F. Family Resilience. Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change. M. Ungar (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 255–270. DOI:10.1093/oso/9780190095888.003.0015

37. Walsh F. Strengthening Family Resilience (3rd ed.). New York: Guilford, 2016. 400 p.

38. Windlea G., Markland D.A., Woods R.T. Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age. *Aging & Mental Health*, 2008. Vol. 12(3), pp. 285–292. DOI:10.1080/13607860802120763

Информация об авторах

Котовская Светлана Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий» (ФГБОУ ИВО РГУ СоцТех), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7832-2702>, e-mail: s.marunyak74@mail.ru

Захарова Надира Летфулловна, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий» (ФГБОУ ИВО РГУ СоцТех), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5127-7795>, e-mail: nadlex@mail.ru

Беленкова Лариса Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий» (ФГБОУ ИВО РГУ СоцТех), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8172-2520>, e-mail: lara.belenckova@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana V. Kotovskaya, Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Russian University of Social Technologies, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7832-2702>, e-mail: s.marunyak74@mail.ru

Nadira L. Zakharova, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Russian University of Social Technologies, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5127-7795>, e-mail: nadlex@mail.ru

Larisa Y. Belenckova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Russian University of Social Technologies, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8172-2520>, e-mail: lara.belenckova@yandex.ru

Получена 26.06.2024

Received 26.06.2024

Принята в печать 26.09.2024

Accepted 26.09.2024

Индивидуальные факторы атрибуции вины сторонними наблюдателями в ситуации насилия в отношении женщин

Винникова А.Ю.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1425-2547>, e-mail: st069750@student.spbu.ru**

Обидин И.Ю.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-4413>, e-mail: ioan.obidin@gmail.com**

Цель. Изучение связи между индивидуальными психологическими и социально-демографическими особенностями сторонних наблюдателей ситуации насилия и тенденцией к обвинению жертвы.

Контекст и актуальность. Несмотря на то, что ответственность за насилие всегда лежит на агрессоре, обвинение жертвы до сих пор является распространенным явлением, в частности в контексте домашнего насилия, что в свою очередь непосредственно сказывается на поведении жертвы. В настоящее время факторы виктимблейминга широко исследуются за рубежом, однако в полученных данных имеются противоречия. В России подобных исследований недостаточно, а существующие в основном касаются глобальных факторов.

Дизайн исследования. Изучались индивидуально-психологические особенности и социально-демографические характеристики сторонних наблюдателей, которые выбирают различные стратегии обвинения одной из сторон в ситуации насилия. На основании атрибуции вины в исследуемых ситуациях выборка была разделена на три группы: обвиняющие агрессора, обвиняющие жертву и непоследовательные в обвинениях. Группы сравнивались по социально-демографическим характеристикам, информированности о различных аспектах проблемы насилия, самоотношению, эмпатии, базисным убеждениям.

Участники. Российская выборка, 91 человек (38,5% мужчин, 61,5% женщин) от 19 до 68 лет.

Методы (инструменты). Метод вишенок; авторская анкета, содержащая вопросы о социально-демографических характеристиках, об информированности о насилии и личном опыте, связанном с ним; многомерный опросник исследования самоотношения С.Р. Пантилеева; «Диагностика уровня эмпатии» В.В. Бойко; шкала базисных убеждений в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой.

Результаты. По результатам исследования самоотношения выявлены достоверные различия в уровне саморукводства и самопривязанности между группой, обвиняющей агрессора, и другими группами. Выявлены значимые различия в уровне веры в справедливый мир между группой, обвиняющей агрессора, и другими группами. Значимых различий в характеристиках, связанных с эмпатией, не обнаружено. Рассмотренные группы сторонних наблюдателей достоверно различаются по оценке значимости проблемы насилия, информированности о явлении виктимблейминга, наличию учебного, профессионального или волонтерского опыта взаимодействия с пострадавшими, а также по возрасту и месту жительства.

Основные выводы. Были выявлены индивидуальные факторы виктимблейминга: большая вероятность обвинения жертвы связана с большей верой в справедливость мира, большей уве-

ренностью стороннего наблюдателя в том, что основным источником развития собственной личности, регулятором достижений и успехов является он сам (уровень саморегуляции), а также высокой ригидностью Я-концепции, стремлением сохранить восприятие и оценку себя (уровень самопривязанности). В случаях, когда сторонний наблюдатель оценивает проблему насилия как очень значимую, информирован о существовании такого явления, как виктимблейминг, имеет профессиональный, волонтерский или учебный опыт взаимодействия с жертвой насилия, уровень виктимблейминга снижается, вина приписывается агрессору. Молодые люди и люди, проживающие в мегаполисах, менее склонны к возложению вины на жертву. Полученные результаты необходимо использовать при планировании и разработке программ профилактики виктимблейминга, формировании групп и мишеней воздействия.

Ключевые слова: виктимблейминг; сторонний наблюдатель; атрибуция вины; насилие в отношении женщин; факторы виктимблейминга.

Для цитаты: Винникова А.Ю., Обидин И.Ю. Индивидуальные факторы атрибуции вины сторонними наблюдателями в ситуации насилия в отношении женщин // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150309>

Individual Factor of Blame Attribution in Situations of Violence Against Women

Anastasia Yu. Vinnikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1425-2547>, e-mail: st069750@student.spbu.ru

Ivan Yu. Obidin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-4413>, e-mail: ivan.obidin@gmail.com

Objective. Analysis of the relationship between the individual psychological and sociodemographic characteristics of bystanders and their tendency to blame the victim.

Background. Despite the fact that the responsibility for violence always on the aggressor, blaming the victim is still a common phenomenon. Currently, the factors of victim blaming are widely studied abroad, but there are contradictions in the obtained data. There is an insufficient amount of research in Russia, and existing research mainly concerns global factors, such as the role of the media.

Study design. The study examined individual psychological and social-demographic characteristics of the groups of bystanders who choose different strategies of blame attribution in a situation of violence. According to the results of the author's questionnaire, respondents were divided into three groups: blaming the aggressor, blaming the victim and inconsistent in blaming. The groups were compared by self-attitude, empathy, basic beliefs, sociodemographic characteristics and awareness of various aspects of the problem of violence. The differences between the groups were verified through the comparative analysis.

Participants. Russian sample, 91 people (38,5% of men, 61,5% of women) from 19 to 68 years old ($M = 32,3$; $SD = 13,6$).

Measurements. Vignettes containing descriptions of violent situations and options for attributing blame to participants in the situations. Author's questionnaire for sociodemographic data and data about awareness of violence, personal experience related to this topic. Multidimensional questionnaire of self-attitude research by S.R. Panteleev, "Diagnostics of empathy level" by V.V. Boyko, Russian version of World assumptions scale by M.A. Padun, A.V. Kotelnikova.

Results. We found significant differences between the groups according to the characteristics of self-attitude: the level of self-attachment in the group blaming the aggressor is significantly different from the level of self-attachment in other groups, the level of self-control in the group blaming the aggressor is significantly different from the level of self-control in the group blaming the victim. Significant differences in the level of believes in a just world between the group blaming the aggressor and other groups have been revealed. There were no significant differences in the characteristics of empathy. The groups considered differ significantly in assessing the significance of the problem of violence, awareness of the phenomenon of victim-blaming, the presence of the professional, volunteer or studying experience of interacting with a victim of violence, age and place of residence.

Conclusions. Identify the Individual factors of victim blaming in the Russian sample. The more the respondent believes in the just world, the higher the level of self-attachment and self-control, the more likely he is to blame the victim. The following individual factors are associated with a lower probability of victim-blaming: assessment of the problem of violence as more significant, awareness of the existence of such a phenomenon as “victim-blaming”, the professional, volunteer or studying experience of interacting with a victim of violence, young age and living in a megalopolis.

Keywords: victim-blaming; violence against women; blame attribution; individual factors; bystander.

For citation: Vinnikova A.Y., Obidin I.Y. Individual Factor of Blame Attribution in Situations of Violence Against Women. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150309> (In Russ.).

Введение

Под виктимблеймингом понимается возложение на жертву частичной или полной ответственности или вины за совершенное насилие. В ситуации насилия, кроме жертвы и агрессора, выделяют третью сторону — стороннего наблюдателя (bystander) или свидетеля (witness) — человека, который подозревает о возможном насилии или был осведомлен о нем; в данную группу не попадают профессионалы, работающие с жертвой или агрессором [32]. В ситуациях домашнего насилия жертва также сталкивается с обвинениями (высказывания близких людей, мнения в интернете). Реакция стороннего наблюдателя или ее отсутствие способны повлиять на ситуацию насилия. Так, вмешательство может приводить к снижению уровня виктимизации [11; 21], а социальное осуждение агрессора способствует снижению уровня насилия [6], причем эффект вмешательства стороннего наблюдателя проявляется как при личном

участии, так и виртуальном [15]. С другой стороны, обвинение жертвы и снятие вины с агрессора снижают готовность помогать пострадавшей [35].

При анализе виктимблейминга необходимо учитывать факторы разных уровней: глобальные, ситуационные, индивидуальные

Глобальные факторы виктимблейминга

К глобальным факторам относятся традиционные представления о гендерных ролях (особенно в ситуациях изнасилования [14]), нормализация самого феномена насилия в отношении женщин [7; 17; 18]. К ним же относятся двойные стандарты в отношении оценки поведения, связанного с сексом, у мужчин и женщин [14; 18]. Предубеждения по отношению к жертве оказывают влияние на проявления виктимблейминга [13], отсюда же проистекает большая подверженность обвинению жертв из дискриминируемых групп [24].

Другой группой глобальных факторов является влияние СМИ и медиа. Само по себе освещение ситуаций насилия может содержать прямое или косвенное обвинение жертвы и распространять мифы о насилиии [3; 9; 18; 34].

Значимым фактором виктимблейминга становятся некоторые явления в социальных сетях. Так, мемы способствуют быстрому формированию общественного взгляда на события. Нередко мемы укрепляют позицию виктимблейминга и делают ее удобной для переноса на подобные по содержанию ситуации [2]. Неоднозначную роль играет распространение информации в постах в социальных сетях [10; 25].

Индивидуальные факторы виктимблейминга

К индивидуальным факторам относят социально-демографические характеристики и индивидуально-психологические особенности свидетеля насилия.

Гипотеза веры в справедливость мира (Belief in a Just World) и связанные с ней теории являются одними из основных теоретических объяснений влияния индивидуальных и ситуационных факторов на обвинение жертвы. Согласно М. Лернеру [27], обвинение жертвы происходит из желания воспринимать мир как справедливое место, в котором люди вознаграждаются и наказываются пропорционально их поступкам. Когда человек становится свидетелем насилия, справедливость мира ставится под сомнение. Для поддержания справедливости в этой ситуации возможны два исхода: компенсация страданий жертвы или ее обвинение. Обвинение жертвы помогает удержать сохранным образ справедливого мира и снизить тревогу [19; 27].

Гипотеза веры в справедливость мира согласуется с теорией защитной атри-

буции. Когда человек отмечает сходство между собой и пострадавшим по каким-либо признакам, считается, что возникающее обвинение уменьшает воспринимаемое сходство с жертвой и уязвимость перед виктимизацией. Так, в исследованиях, проведенных на женских выборах, защитное приписывание вины эффективно снижало воспринимаемую уязвимость к сексуальной виктимизации [30].

Сами по себе высокие показатели веры в справедливость мира связаны с обвинением жертв [20; 37]. Однако еще один подход с опорой на эту теорию предполагает, что ведущим фактором для наблюдателя является возможность избавиться от негативных эмоций, вызванных несправедливостью: наблюдатель, имеющий возможность выразить негативные эмоции, связанные с ситуацией насилия, впоследствии меньше обвиняет жертву [22].

Некоторые данные опровергают гипотезы, основанные на теории защитной атрибуции. Женщины по сравнению с мужчинами реже обвиняют пострадавших от сексуализированного насилия в партнерских отношениях [18]. Установлено, что те, кто испытывают эмпатию по отношению к жертве и гнев по отношению к агрессору, в меньшей степени обвиняют пострадавшую [13], когда женщины-наблюдатели переживают объективизацию, это ведет к возрастанию эмпатии по отношению к пострадавшей [12].

Другими факторами, способствующими виктимблеймингу, являются вера в свободу воли [16], ощущение того, что наблюдатель обладает властью (в противоположность переживанию бессилия) [18], переживание угрозы собственной гендерной идентичности [29], ориентация на социальное доминирование и сексизм [36].

Исследования роли социально-демографических характеристик — уровня

образования, социального статуса и возраста — носят противоречивый характер [8; 17; 25; 36].

Наконец, наличие у свидетеля знаний по современной виктимологии влияет на снижение обвинений жертв [17], а сама попытка осмыслить ситуацию или привычка «к поиску смыслов» также ведут к снижению виктимблейминга [28].

Несмотря на то, что факторы виктимблейминга широко исследуются за рубежом, в России до сих пор имеется недостаточное количество исследований, а полученные данные касаются глобальных факторов. Данные зарубежных исследований носят противоречивый характер при оценке роли как глобальных факторов [25; 31; 38], так и индивидуальных и не укладываются в распространенные теоретические концепции, объясняющие виктимблейминг [13; 18; 21]. В связи с этим изучение на отечественной выборке индивидуально-психологических характеристик сторонних наблюдателей как факторов виктимблейминга является актуальной темой для исследования.

Метод

Выборку исследования составили 91 человек (56 женщин и 35 мужчин) в возрасте от 19 до 68 лет, средний возраст — 32,3 года ($SD = 13,6$). Проживают в мегаполисах 47,3% респондентов; в областных, краевых, районных центрах или в средних городах России — 52,7%. Критерием включения являлось достижение 18-летнего возраста.

Методики исследования. Самоотношение измерялось многомерным опросником исследования самоотношения, разработанным С.Р. Пантлеевым [5], эмпатия — с помощью методики В.В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии» [1], базисные убеждения — с помощью шкалы базисных убеждений, разработанной

Р. Янов-Бульманом, адаптированной и стандартизированной М.А. Падун и А.В. Котельниковой [4]. Метод виньеток представлял собой стимульный материал, содержащий описание ситуаций насилия и ответы с различными вариантами атрибуции вины в ситуациях насилия в отношении женщин. Также использовалась авторская анкета, содержащая вопросы о социально-демографических характеристиках, определяющая информированность о насилии и наличие личного опыта, связанного с ним.

Математико-статистическая обработка данных включала: описательные статистики, сравнительный анализ с критерием χ^2 -Пирсона, сравнительный анализ с критерием Н-Краскела-Уоллиса, однофакторный многомерный дисперсионный анализ с критерием F-Фишера и критерием Шеффе для апостериорных сравнений.

В исследовании проверялась гипотеза о том, что сторонние наблюдатели насилия, характеризующиеся различными тенденциями приписывания вины, различаются по индивидуально-психологическим и социально-демографическим характеристикам.

Процедура проведения исследования. Все респонденты заполняли анкету, содержащую вопросы о социально-демографических характеристиках, об информированности о насилии и личном опыте, связанном с ним; заполняли методики для измерения самоотношения, уровня эмпатии и выраженности базисных убеждений.

В связи с задачами исследования был разработан стимульный материал для выявления стратегий атрибуции вины в ситуациях насилия в отношении женщин. Материал представлял собой 4 виньетки, содержащие описание ситуаций насилия: физическое/сексуализирован-

ное насилие со стороны интимного партнера, физическое/сексуализированное насилие со стороны незнакомца. К каждой ситуации предлагалось 8 вариантов ответа по 2 каждого типа: 1) приписывание вины жертве, 2) приписывание вины агрессору, 3) распределение вины между жертвой и агрессором, 4) отсутствие обвинения в адрес жертвы или агрессора. Ответы представлялись в рандомизированном порядке. Так как при исследовании виктимблейминга обвинение может быть более жесткой оценкой, чем ответственность [18], ответы, содержащие обвинение (1-3 тип), были представлены в двух формулировках: первая формулировка звучала как приписывание вины, вторая — как приписывание ответственности.

Пример описания ситуации в одной из виньеток и вариантов атрибуции вины:

«Женщина вечером пришла после работы домой и ждала мужа. Она хотела оформить развод, ей необходимо было, чтобы муж подписал документы. Супруги уже обсуждали вопрос развода, но муж не соглашался — просил дать их отношениям еще один шанс. Когда муж пришел, женщина передала ему бумаги с просьбой подписать. Он начал уговаривать ее подумать еще раз, говорил, что готов измениться. Женщина ответила, что все это они уже обсуждали. Он начал переходить на крик, обвинял ее в том, что она не хочет попытаться все исправить. В ответ женщина тоже перешла на крик, повторяя, что они уже пытались много раз, но ничего не изменилось. Тогда мужчина разорвал бумаги, бросил их в жену, начал толкать ее и повторять, что она сразу же сдастся, принимает импульсивные решения. Муж так разозлился, что ударил жену в плечо. Когда женщина сказала, что ей больно, он ответил, что ее слова о

разводе тоже причиняют ему боль, однако остановился, перестал толкать жену и ушел в другую комнату со словами, что он так просто не откажется от брака».

Инструкция испытуемому: «С каким или какими из приведенных утверждений, описывающих взгляд на ситуацию, Вы в большей степени согласны? Выберите 1–2 утверждения.

1. Жена сама виновата, что муж ее ударил, так как он пытался решить проблему, а она не шла ему навстречу.

2. Муж виноват в том, что ударил свою жену, даже если он не хочет разводиться, он не может пытаться решать эту проблему силой.

3. Муж и жена оба виноваты: она своим нежеланием попробовать решать проблемы без развода, а он тем, что сорвался и ударил вместо того, чтобы пытаться решить проблему словами.

4. Это обычная семейная ссора, так бывает, поэтому нет смысла искать виноватых.

5. Жене следовало заранее понять, что просьба развода разозлит ее мужа, она не должна была передавать документы лично, тогда она бы не попала под горячую руку.

6. Муж несет ответственность за то, что решил ударить свою жену, независимо от того, как он относится к разводу.

7. Они оба не умеют решать конфликты спокойно, поэтому ответственность за то, что в ссоре муж в итоге применил силу, несут оба.

8. Это просто конфликт, бывает, что людям сложно договориться».

На основании ответов респонденты были разделены на три группы (табл. 1).

Результаты

Полученные данные были обработаны с помощью программы «IBM SPSS Statistic 23».

Таблица 1

Распределение типов атрибутирования вины в исследованной выборке

	Название группы		
	Обвинение агрессора	Непоследовательность в обвинении	Обвинение жертвы
Количество	27	49	15
Всего	91		

В табл. 2 представлены результаты исследования показателей самоотношения.

В результате сравнения трех групп респондентов были обнаружены значимые различия по индивидуально-психологическим и социально-демографическим характеристикам между ними.

По результатам исследования самоотношения выявлены достоверные различия в уровне саморуководства ($p = 0,001$) и самопривязанности ($p = 0,007$). Тест Шеффе показал, что первая группа, ответы респондентов которой не содержат обвинения жертвы, отличается значимо

по уровню саморуководства от двух других групп, где отмечается склонность к виктимблеймингу: первая группа значимо отличается от третьей ($p = 0,002$), первая группа значимо отличается от второй ($p = 0,009$). Тест Шеффе показал, что среднее значение по шкале самопривязанности в первой группе — обвиняющих агрессора, а не жертву — значимо отличается от среднего значения в третьей группе — обвинявших хотя бы частично жертву ($p = 0,023$). Таким образом, более склонны к виктимблеймингу люди, которые считают, что обладают большим уровнем саморуководства, то есть более

Таблица 2

Средние значения показателей самоотношения в группах с разной атрибуцией вины

Группа	Обвинение агрессора ($N = 27$)		Непоследовательность в обвинении ($N = 49$)		Обвинение жертвы ($N = 15$)	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Открытость	5,59	1,93	6,37	1,81	6,33	2,29
Самоуверенность	9,41	2,66	10,2	2,57	10,87	2,03
Саморуководство	6,15***	2,23	7,67***	1,88	8,53***	2,13
Отраженное самоотношение	6,74	2,49	7,63	2,09	8,33	2,19
Самоценность	9,81	3,08	9,88	2,79	11,0	2,45
Самопринятие	8,33	2,06	8,9	1,81	8,73	1,67
Самопривязанность	4,93**	2,32	5,98	2,61	7,27**	2,96
Внутренняя конфликтность	6,07	3,8	5,16	4,62	4,27	4,54
Самообвинение	4,44	2,82	3,86	2,96	3,73	2,69

Примечания: ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$.

выраженным внутренним локусом контроля, и характеризуются более высокой самопривязанностью, которая выражается более ригидным образом Я, нежеланием менять представления о себе, собственные убеждения.

При исследовании эмпатии достоверные различия между тремя группами обнаружены не были. Группы не различаются ни по доминированию какого-либо канала эмпатии (эмоционального, рационального, интуитивного), ни по выраженности качеств, способствующих эмпатии.

В табл. 3 представлены результаты исследования базисных убеждений.

Из рассмотренных базисных убеждений группы достоверно различаются только по показателю веры в справедливость мира согласно результатам однофакторного дисперсионного анализа ($p = 0,005$). Результаты апостериорных множественных сравнений показали, что среднее значение веры в справедливый мир значимо различается между теми, кто не обвиняет жертву, и теми, кто всегда хотя бы частично обвиняет ее ($p = 0,017$). Различия также выявлены между первой группой, которая обвиня-

ет агрессора, и второй группой, которая непоследовательна в своих суждениях ($p = 0,021$). Таким образом, из всех базисных убеждений с виктимблеймингом связана только вера в справедливость: чем больше вера в то, что события неслучайны и подчиняются законам справедливости, тем больше склонность обвинять жертву.

Далее представлены различия групп по социально-демографическим характеристикам и по характеристикам, связанным с опытом столкновения с насилием, информированностью об этом феномене. Табл. 4 содержит распределение характеристик респондентов по группам.

Анализ социально-демографических данных, связанных с опытом столкновения с насилием или информированностью о проблеме, выявил следующие различия. В разных возрастных группах выявлено различие в приписывании вины ($p = 0,009$). Группа, не склонная к виктимблеймингу, отличается от группы, всегда приписывающей вину жертве ($p = 0,002$). Так, молодые люди менее склонны к виктимблеймингу и чаще приписывают

Таблица 3

Средние значения показателей базисных убеждений в группах с разной атрибуцией вины

Группа	Обвинение агрессора (N = 27)		Непоследовательность в обвинении (N = 49)		Обвинение жертвы (N = 15)	
	M	SD	M	SD	M	SD
Шкалы						
Образ «Я»	30,96	5,99	32,1	6,68	33,27	4,51
Доброжелательность окружающего мира	35,41	8,18	35,73	7,5	36,4	7,62
Справедливость	17,81**	3,35	20,59**	4,48	21,67**	3,94
Удача	32,85	6,56	34,29	7,18	35,8	4,72
Убеждения о контроле	27,22	3,78	28,51	4,77	28,07	3,75

Примечание: ** – $p \leq 0,01$.

Таблица 4

Распределение демографических характеристик и наличия опыта, связанного с разными аспектами проблемы насилия, по группам с разной атрибуцией вины

Рассматриваемый признак		Обвинение агрессора (N = 27)	Непоследовательность в обвинении (N = 49)	Обвинение жертвы (N = 15)
Пол	Жен.	20	28	8
	Муж.	7	21	7
Возраст	18–35 лет	23	31	5
	36–55(60) лет	4	13	7
	65+ лет	0	5	3
Образование	Неполное среднее	0	1	0
	Среднее общее	3	3	1
	Среднее специальное	1	3	0
	Неоконченное высшее	14	12	3
	Высшее	9	30	11
Место жительства	Мегалополис	21	19	3
	Средние и мелкие города, села	5	28	12
Личный опыт, оцениваемый как физическое или сексуализированное насилие	Есть	13	23	9
	Нет	14	26	6
Опыт знакомых женщин, пострадавших от физического или сексуализированного насилия	Есть	20	29	6
	Нет	7	20	9
Наличие опыта профессиональной или иной деятельности с пострадавшими от насилия	Есть	15	11	5
	Нет	12	38	10
Оценка значимости проблемы насилия	Очень значимая	19	23	4
	Значимая	8	18	8
	Незначимая	0	8	3
Знание понятия «виктимблейминг»	Да	22	25	3
	Нет	5	24	12

вину за насилие агрессору, в то время как в группе пожилых людей наблюдается обратная картина: они склон-

ны последовательно в каждой ситуации приписывать вину пострадавшей (рис. 1). Выявляются статистически

достоверные различия в группах, различающихся по способу атрибуции вины, по критерию места жительства ($p < 0,001$). Так, респонденты, живущие вне мегаполисов, чаще склонны к виктимблеймингу, а жители мегаполисов чаще последовательно приписывают вину агрессору (рис. 2). В рассмотренных группах достоверно различается оценка уровня значимости проблемы ($p = 0,009$). Группа, не склонная к виктимблеймингу, отличается от группы, всегда приписывающей вину жертве ($p = 0,013$). Группа, не склонная обвинять жертву, оценивает проблему насилия как более значимую по сравнению с другими группами (рис. 3). В зависимости от знания понятия «виктимблейминг» различаются стратегии атрибуции вины ($p < 0,001$). Те, кому известно данное понятие, чаще приписывают вину агрессору, а те, кто не знаком с

данным понятием, наоборот, чаще приписывают вину жертве (рис. 4). Также с различиями в группах связан опыт профессиональной, волонтерской или учебной деятельности с пострадавшими ($p = 0,014$). Те, у кого нет опыта деятельности с пострадавшими, чаще последовательны в своих суждениях и в одних ситуациях обвиняют жертву, а в других — агрессора. Те, у кого данный опыт есть, демонстрируют большую последовательность и склонны чаще приписывать вину агрессору (рис. 5).

Значимых различий между группами, различающимися по способу атрибуции вины, при сравнении по полу ($p = 0,27$) и уровню образования ($p = 0,206$) не обнаружено. Также не обнаружено различий, связанных с личным опытом, оцениваемым респондентами как опыт перенесенного сексуализированного или физического насилия ($p = 0,667$).

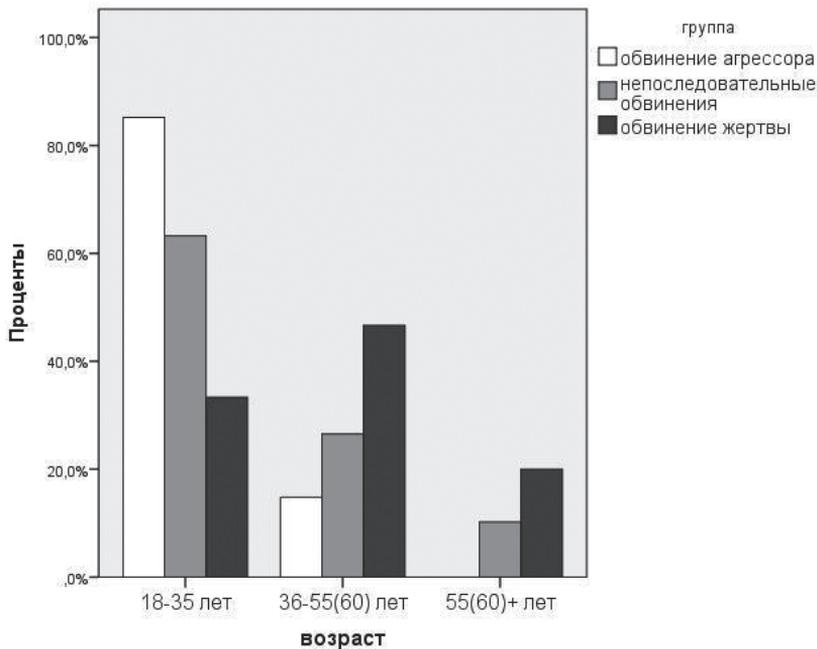

Рис. 1. Распределение групп с разной атрибуцией вины по возрасту

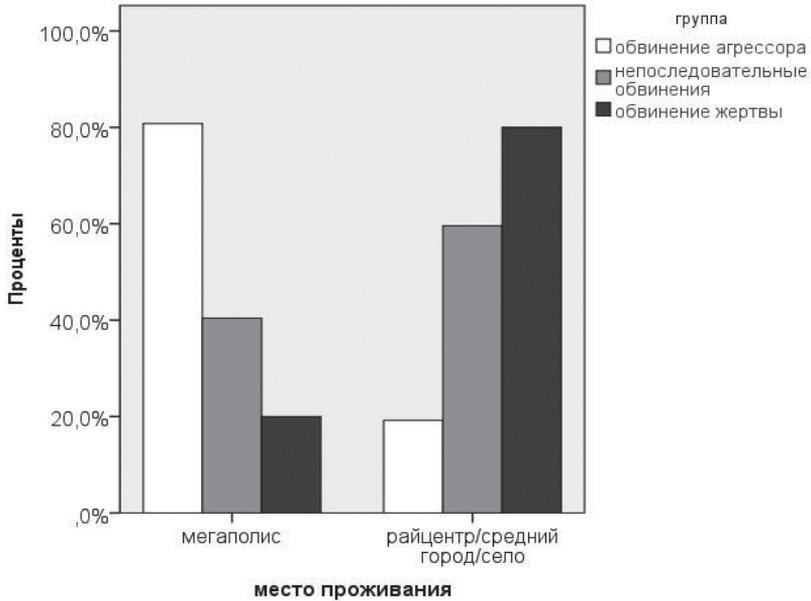

Рис. 2. Распределение групп с разной атрибуцией вины по месту проживания

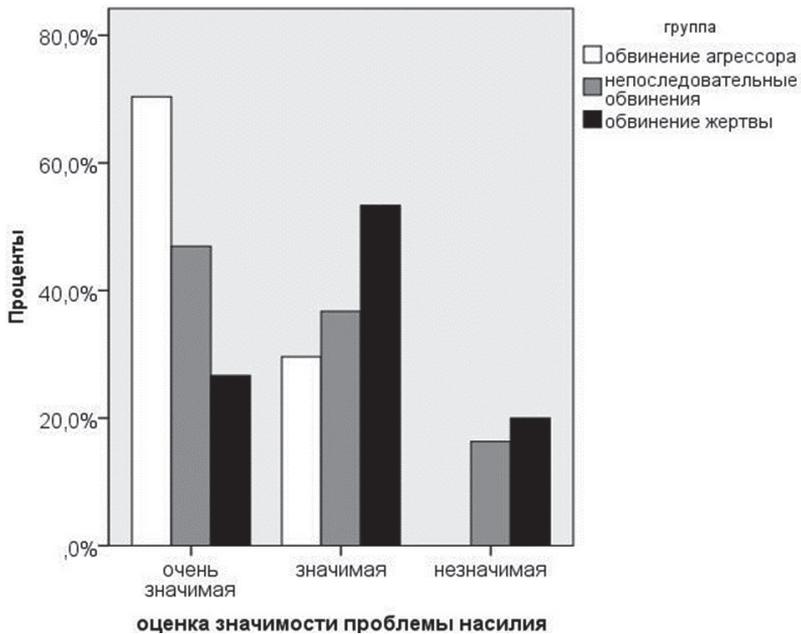

Рис. 3. Распределение групп с разной атрибуцией вины по оценке значимости проблемы насилия

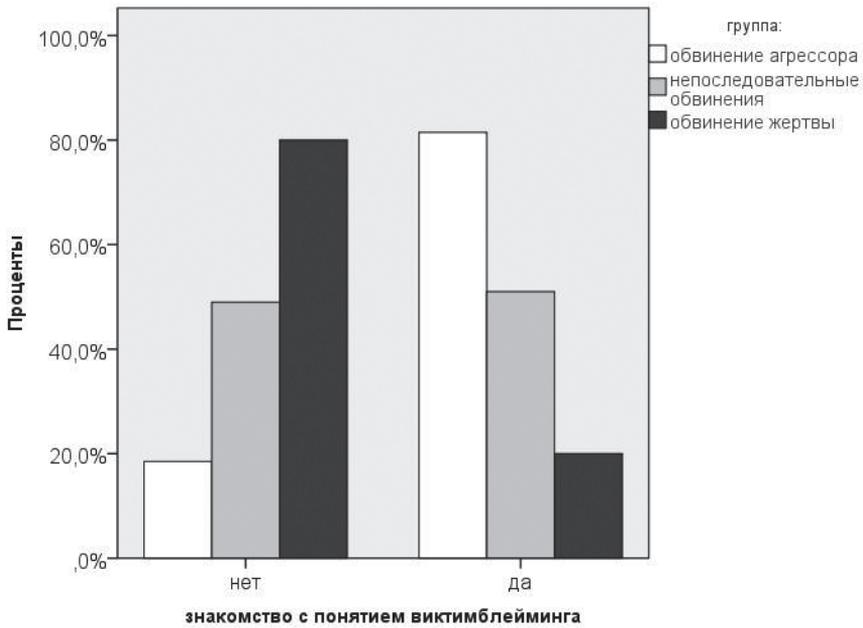

Рис. 4. Распределение групп с разной атрибуцией вины по знанию понятия «виктимблейминг»

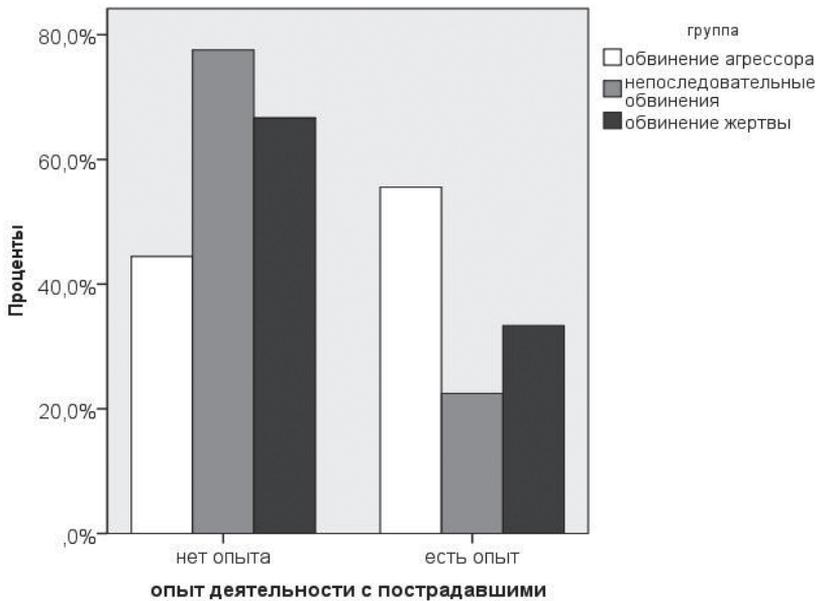

Рис. 5. Распределение групп с разной атрибуцией вины по наличию опыта деятельности с пострадавшими от насилия

Обсуждение результатов

Анализ результатов проведенного исследования позволяет выделить индивидуальные факторы виктимблейминга, связанные с психологическими и социально-демографическими характеристиками наблюдателей.

Результаты исследования самоотношения указывают на наличие различий между группами, различающимися по способу атрибуции вины, по двум факторам. Во-первых, обвинение жертвы в ситуации насилия связано с уровнем саморуководства. Респонденты, которые считают, что обладают большим внутренним контролем над своей деятельностью и активностью, склонны в большей степени обвинять жертв. Можно предполагать, что данное представление распространяется как на оценку собственных действий, так и влияет на оценку действий окружающих. Саморуководство, представления о внутреннем контроле, наряду с некоторыми другими индивидуальными факторами виктимблейминга, могут рассматриваться с точки зрения особенностей когнитивных механизмов, конкретно — эгоцентрического мышления, в рамках которого наблюдатели в своих рассуждениях опираются на аналогии, проецируя собственную веру в способность самостоятельно контролировать происходящее с ними в жизни на других людей. Полученные результаты согласуются с подходами к проблеме виктимблейминга, которые опираются на представления о контроле и связанных с ним феноменах. Существующие теоретические концепции, с одной стороны, связывают представления о контроле с самообвинениями: приписывание себе контроля за произошедшее и возложение на себя ответственности за причинно-следственные связи [33]. С другой стороны, модель приписывания ответственности М. Алик

объясняет связь между представлениями наблюдателей о контроле и возложением вины на жертву [9]. Можно предполагать, что наблюдателям с представлениями о высоком внутреннем контроле над своей деятельностью (с высоким уровнем саморуководства) легче выделить аспекты ситуации, на которые могла бы повлиять жертва, и, следовательно, приписать ей вину за случившееся. Еще один близкий конструкт — вера в свободу воли — также связан с тенденцией возлагать вину на жертву [16].

Вторым фактором, относящимся к самоотношению, является самопривязанность, которая связана с ригидностью-гибкостью Я-концепции [5]. Респонденты с более ригидным образом Я склонны в большей степени обвинять жертву. Можно предположить, что данный фактор опосредует фактор более высокого уровня — распространенные стереотипы о ролевом поведении мужчин и женщин, сложившиеся в обществе, представления о том, какой должна быть «правильная жертва». Поскольку виктимблейминг связан с принятыми в обществе установками, можно предполагать, что самопривязанность является личностным фактором, который опосредует, насколько человек готов к восприятию новой информации, противоречащей его представлениям. Дальнейшая проверка данного предположения, возможно, позволит объяснить противоречивые результаты, касающиеся связи виктимблейминга и уровня гендерного равенства в обществе [23].

Обсуждая показатели, связанные с эмпатией, следует отметить, что значимых различий между группами, отличающимися по стратегии атрибуции вины, по всем изученным показателям не выявлено. Данный результат может служить подтверждением того, что не сама по себе

эмпатия связана с тенденцией обвинять жертву, а скорее значение имеют отдельные явления, связанные с ней. Так, одно из исследований демонстрирует, что участвовавшие в эксперименте женщины, подвергшиеся сексуальной объективации, испытывали больше эмпатии по отношению к жертве, что приводило к снижению уровня обвинения жертвы [12]. Результаты другого исследования демонстрируют, что меньше обвиняют жертв те наблюдатели, которые в большей степени им сопереживают и испытывают гнев по отношению к агрессору [13].

Наконец, результаты изучения базисных убеждений ожидаемо демонстрируют связь между верой в справедливость мира, то есть убеждением, что события происходят не случайно, а подчиняются законам справедливости, и виктимблеймингом: чем больше человек верит в справедливость мироустройства, тем больше он склонен обвинять жертву. Полученные данные согласуются с теорией справедливого мира. Вера в справедливость мира является одним из когнитивных искажений, которые помогают человеку восстановить представление о том, что каждый получает по заслугам, а наказывается только плохое поведение. Полученные результаты согласуются с данными других исследований, где проверялась данная теория [18; 26].

Как и в некоторых других исследованиях, не выявлено различий между мужчинами и женщинами [17; 23], также в рассматриваемых группах не наблюдалось значимых различий по уровню образования. В то же время такие характеристики, как место жительства и возраст, оказались связаны с тенденцией обвинять жертв. Так, жители мегаполисов чаще приписывают вину агрессору, а не жертве, в то время как жители средних и небольших городов чаще обвиняют по-

страдавшую. Более молодые респонденты менее склонны к виктимблеймингу в отличие от более старших возрастных групп. Полученные данные согласуются с данными исследований, проводившихся в европейских странах [8; 17; 36]. Можно предположить, что наблюдаемые различия связаны с психологическими особенностями, свойственными разным возрастным и социальным группам: жизнь в мегаполисе требует большей гибкости, способности менять свои представления при столкновении с новой информацией; в мегаполисах сосредоточено большинство организаций и проектов, направленных на профилактику домашнего насилия. Вероятно, взаимодействие этих факторов способствует снижению виктимблейминга у наблюдателей, проживающих в мегаполисах, однако данное предположение требует дальнейшей проверки. Различие между возрастными группами также может быть связано с тем, что гендерные стереотипы и представления о «правильном» поведении пострадавшей в большей степени распространены в старших возрастных группы и медленнее изменяются под воздействием новой информации.

В целом информированность и опыт, связанный с насилием, связаны с проявлением виктимблейминга. Однако, как установлено и в других исследованиях [18; 36], собственный опыт виктимизации не связан с большим или меньшим обвинением жертвы. Но информированность о данном явлении ведет к снижению виктимблейминга, как и опыт взаимодействия с пострадавшими от насилия, будь то профессиональная, учебная или волонтерская сфера. Это согласуется с данными, полученными в зарубежных исследованиях, согласно которым знания о современных положениях виктимологии ведут к снижению обви-

нений в адрес жертвы [17; 28]. Наконец, респонденты, которые считают проблему насилия более значимой, склонны не обвинять жертву, а приписывать ответственность агрессору. С одной стороны, это может быть связано с большей информированностью о проблеме, с другой — может указывать на то, что респондент больше задумывается о данной проблеме в целом, а сама попытка осмысления ведет к снижению виктимблейминга [28].

Стоит отметить, что различия в индивидуальных факторах чаще наблюдаются у крайних групп — группы с постоянным обвинением жертвы и группы с постоянным обвинением агрессора. Это позволяет выдвинуть предположение о большей роли ситуационных переменных для группы с непоследовательной атрибуцией вины, данное предположение требует дальнейшего изучения.

Отдельно следует обратить внимание на обнаруженный феномен, когда наблюдатели не распознают ситуацию как насилие. Чаще данное явление наблюдается в случае партнерского сексуализированного насилия, данный фактор является ситуационным, поэтому не рассматривался в рамках проведенного исследования. В настоящем исследовании удалось обнаружить, что респонденты, которые опираются, в первую очередь, на применение физической силы при оценке ситуации как насилия, чаще воспринимали сексуализированное насилие без прямой физической агрессии как конфликт или недопонимание. Такой подход позволяет наблюдателю оценивать агрессора и жертву как равных участников ситуации, которые несут ответственность за ее течение и исход, что ведет к возложению как минимум части вины на жертву.

Полученные данные могут быть использованы при разработке программ профилактики виктимблейминга, в частности

в рамках борьбы с домашним насилием. Результаты исследования позволяют как выделить группы для профилактики (старшие возрастные группы, жители некрупных городов), так и учитывать психологические особенности, которые являются факторами виктимблейминга.

Заключение

Данные, полученные при исследовании атрибуции вины сторонними наблюдателями в ситуации насилия в отношении женщин, позволяют выделить три группы наблюдателей: наблюдатели, последовательные в приписывании вины жертве; наблюдатели, последовательные в приписывании вины агрессору; наблюдатели, непоследовательные в своих суждениях. Значимые различия в индивидуальных факторах чаще отмечаются между крайними группами — группой с последовательным обвинением жертвы и группой с последовательным обвинением агрессора.

Выделенные группы различаются по параметрам самооотношения. Наблюдатели, не склонные приписывать вину жертве, характеризуются более низкой ригидностью Я-концепции, меньшим стремлением сохранять восприятие и оценку себя (более низкая самопривязанность), а также меньшей уверенностью в том, что основным источником развития собственной личности, регулятором достижений и успехов являются они сами (более низкое самоуправление). Наблюдатели с большей склонностью приписывать вину жертве характеризуются более высоким уровнем веры в справедливость мира.

В результате исследования выявлены связи социально-демографических характеристик и информированности наблюдателей со склонностью обвинять жертву или агрессора. Было установлено, что возраст и место проживания

являются факторами виктимблейминга: менее склонны к обвинению жертвы более молодые наблюдатели (группа 18-35 лет) и наблюдатели, проживающие в мегаполисах. Другими факторами, влияющими на виктимблейминг, оказались информированность наблюдателей и наличие у них опыта взаимодействия с пострадавшими от насилия: менее склонны к виктимблеймингу наблюдатели,

информированные о данном явлении, считающие насилие очень значимой проблемой и имеющие опыт волонтерской, учебной или профессиональной деятельности с пострадавшими.

Полученные результаты необходимо использовать при планировании и разработке программ профилактики виктимблейминга, формировании групп и мишеней воздействия.

Литература

1. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М: Информ.-изд.: Дом «Филинь», 1996. 470 с.
2. *Кузнецов И.* Медиаемы как инструменты виктимблейминга [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. Минск: Изд. Центр БГУ, 2017. С. 105–108. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/183835> (дата обращения: 01.10.2023).
3. *Курачинская В.П., Куликова О.А.* Виктимблейминг среди студенческой молодежи // Вестник университета. 2021. № 10. С. 178–186. DOI:10.26425/1816-4277-2021-10-178-186
4. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Методика исследования базисных убеждений личности. М.: Лаборатория психологии и психотерапии посттравматического стресса ИПРАН, 2007. 95 с.
5. *Пантилеев С.Р., Столин В.В.* Методика исследования самооотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
6. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт / Ростовская Т.К. [и др.] // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 78–88. DOI:10.21064/WinRS.2018.1.7
7. *Abi Rached M., Hankir A., Zaman R.* Emotional abuse in women and girls mediated by patriarchal upbringing and its impact on sexism and mental health: a narrative review // *Psychiatria Danubina*. 2021. Vol. 33 (suppl 11). P. 137–144.
8. *Adams-Price C.E., Dalton W.T., Sumrall R.* Victim blaming in young, middle-aged, and older adults: Variations on the severity effect // *Journal of Adult Development*. 2004. Vol. 11. P. 289–295. DOI:10.1023/B:JADE.0000044532.83720.74
9. *Alicke M.D.* Culpable control and the psychology of blame // *Psychological bulletin*. 2000. Vol. 126(4). P. 556–574. DOI:10.1037/0033-2909.126.4.556
10. *Carlyle K.E. et al.* Intimate partner violence on Instagram: Visualizing a public health approach to prevention // *Health Education & Behavior*. 2019. Vol. 46 (2_suppl). P. 90–96. DOI:10.1177/1090198119873917
11. *Coker A.L. et al.* Multi-college bystander intervention evaluation for violence prevention // *American journal of preventive medicine*. 2016. Vol. 50(3). P. 295–302. DOI:10.1016/j.amepre.2015.08.034
12. *Dvir M., Nagar M.* Would victims blame victims? Effects of ostracism, sexual objectification, and empathy on victim blaming // *Frontiers in psychology*. 2022. Vol. 13. DOI:0.3389/fpsyg.2022.912698
13. *Felson R.B., Palmore C.* Biases in blaming victims of rape and other crime // *Psychology of Violence*. 2018. Vol. 8(3). P. 390–399. DOI:10.1037/vio0000168
14. *Felson R.B., Palmore C.C.* Traditionalism and victim blaming // *The Journal of Social Psychology*. 2021. Vol. 161(4). P. 492–507. DOI:10.1080/00224545.2021.1896466

15. *Fischer P. et al.* The bystander-effect: a meta-analytic review on bystander intervention in dangerous and non-dangerous emergencies // *Psychological bulletin*. 2011. Vol. 137(4). P. 517–537. DOI:10.1037/a0023304
16. *Genschow O., Vehlow B.* Free to blame? Belief in free will is related to victim blaming // *Consciousness and cognition*. 2021. Vol. 88. P. 103074. DOI:10.1016/j.concog.2020.103074
17. *Gracia E., Tomás J.M.* Correlates of victim-blaming attitudes regarding partner violence against women among the Spanish general population // *Violence against women*. 2014. Vol. 20(1). P. 26–41. DOI:10.1177/1077801213520577
18. *Gravelin C.R., Biernat M., Bucher C.E.* Blaming the victim of acquaintance rape: Individual, situational, and sociocultural factors // *Frontiers in psychology*. 2019. Vol. 9. P. 2422. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02422
19. *Gross J.J.* Emotion regulation: Affective, cognitive, and social consequences // *Psychophysiology*. 2002. Vol. 39. P. 281–291. DOI:10.1017/S0048577201393198
20. *Hafer C.L., Sutton R.* Belief in a just world // *Handbook of social justice theory and research*. 2016. P. 145–160. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0_8
21. *Hamby S. et al.* What difference do bystanders make? The association of bystander involvement with victim outcomes in a community sample // *Psychology of violence*. 2016. Vol. 6(1). P. 91–102. DOI:10.1037/a0039073
22. *Harber K.D., Podolski P., Williams C.H.* Emotional disclosure and victim blaming // *Emotion*. 2015. Vol. 15(5). P. 603–614. DOI:10.1037/emo0000056
23. *Ivert A.K., Merlo J., Gracia E.* Country of residence, gender equality and victim blaming attitudes about partner violence: A multilevel analysis in EU // *The European Journal of Public Health*. 2018. Vol. 28(3). P. 559–564. DOI:10.1093/eurpub/ckx138
24. *Johnson V.E. et al.* “It’s not in your head”: Gaslighting, ‘Splaining, victim blaming, and other harmful reactions to microaggressions // *Perspectives on psychological science*. 2021. Vol. 16(5). P. 1024–1036. DOI:10.1177/174569162111011963
25. *Karlsson M. et al.* Intimate partner violence against women in the EU: a multilevel analysis of the contextual and individual impact on public perceptions // *Women & Criminal Justice*. 2022. Vol. 32(5). P. 417–430. DOI:10.1080/08974454.2020.1835792
26. *Kay A.C. et al.* Panglossian ideology in the service of system justification: How complementary stereotypes help us to rationalize inequality // *Advances in experimental social psychology*. 2007. Vol. 39. P. 305–358. DOI:10.1016/S0065-2601(06)39006-5
27. *Lerner M.J.* The belief in a just world. Springer US, 1980. P. 9–30. DOI:10.1007/978-1-4899-0448-5_2
28. *Martens J.P. et al.* Meaning and blame: Meaning threats increase victim blaming, but profession and art can diminish it // *International journal of psychology*. 2023. Vol. 58(5). DOI:10.1002/ijop.12916
29. *Munsch C.L., Willer R.* The role of gender identity threat in perceptions of date rape and sexual coercion // *Violence against women*. 2012. Vol. 18(10). P. 1125–1146. DOI:10.1177/1077801212465151
30. *Pinciotti C.M., Orcutt H.K.* It won’t happen to me: An examination of the effectiveness of defensive attribution in rape victim blaming // *Violence against women*. 2020. Vol. 26(10). P. 1059–1079. DOI:10.1177/1077801219853367
31. *Pratt-Eriksson D., Bergbom I., Lyckhage E.D.* Don’t ask don’t tell: Battered Women living in Sweden encounter with healthcare personnel and their experience of the care given // *International journal of qualitative studies on health and well-being*. 2014. Vol. 9(1). P. 23166. DOI:10.3402/qhw.v9.23166
32. *Sánchez-Prada A. et al.* Bystanders of intimate partner violence against women and their willingness to intervene: An analysis of secondary data in Spain // *PLoS one*. 2022. Vol. 17(9). P. e0274822. DOI:10.1371/journal.pone.0274822

33. Shaver K.G., Drown D. On causality, responsibility, and self-blame: a theoretical note // Journal of personality and social psychology. 1986. Vol. 50(4). P. 697–702. DOI:10.1037/0022-3514.50.4.697
34. Slakoff D.C. “She did see warning signs but chose to ignore them”: perpetrator justification and victim-blaming narratives in true crime podcasts about intimate partner violence // Feminist media studies. 2023. P. 1–17. DOI:10.1080/14680777.2023.2171086
35. Spaccatini F. et al. Victim blaming 2.0: blaming sexualized victims of online harassment lowers bystanders’ helping intentions // Current Psychology. 2022. P. 1–11. DOI:10.1007/s12144-022-02884-8
36. Strickler S. et al. Variations in Women’s Attribution of Blame for Sexual Assault // Journal of interpersonal violence. 2023. Vol. 38(19-20). P. 10947–10971. DOI:10.1177/08862605231178359
37. Strömwall L.A., Alfredsson H., Landström S. Blame attributions and rape: Effects of belief in a just world and relationship level // Legal and Criminological Psychology. 2013. Vol. 18(2). P. 254–261. DOI:10.1111/j.2044-8333.2012.02044.x
38. Wemrell M. et al. Towards understanding the Nordic paradox: A review of qualitative interview studies on intimate partner violence against women (IPVAW) in Sweden // Sociology Compass. 2019. Vol. 13(6). P. e12699. DOI:10.1111/soc4.12699

References

1. Boiko V.V. Energiya emotsii v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh [The energy of emotions in communication: a look at yourself and others]. Moscow: Publ. Dom “Filin”, 1996. 470 p. (In Russ.).
2. Kuznetsov I. Mediamemy kak instrumenty viktimleiminga [Elektronnyi resurs] [Mediamems as victimblaming tools]. Elektronnaya biblioteka BGU [Digital Library MGPPU]. Minsk: Publ. Tsentr BGU, 2017, pp. 105–108. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/183835> (Accessed 01.10.2023). (In Russ.).
3. Kurachinskaya V.P., Kulikova O.A. Viktimleiming sredi studencheskoi molodezhi [Victimblaming among students]. Vestnik universiteta = Bulletin of the University, 2021, no. 10, pp. 178–186. DOI:10.26425/1816-4277-2021-10-178-186 (In Russ.).
4. Padun M.A., Kotel’nikova A.V. Metodika issledovaniya bazisnykh ubezhdenii lichnosti [The methodology of the study of the basic beliefs of the individual]. Moscow: Laboratoriya psikhologii i psikhoterapii posttravmaticheskogo stressa IPRAN, 2007. (In Russ.). 95 p.
5. Pantileev S.R., Stolin V.V. Metodika issledovaniya samootnosheniya [The method of personal self-attitude research]. Moscow: Smysl, 1993. 32 p. (In Russ.).
6. Rostovskaya T.K. et al. Profilaktika nasiliya kak faktor bezopasnosti sem’i: rossiiskii i kazakhstanskii opyt [Violence prevention as a factor of family security: Russian and Kazakh experience]. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society, 2018, no. 1(86), pp. 78–88. DOI:10.21064/WinRS.2018.1.7 (In Russ.).
7. Abi Rached M., Hankir A., Zaman R. Emotional abuse in women and girls mediated by patriarchal upbringing and its impact on sexism and mental health: a narrative review. *Psychiatry Danubina*, 2021. Vol. 33 (suppl 11), pp. 137–144.
8. Adams-Price C.E., Dalton W.T., Sumrall R. Victim blaming in young, middle-aged, and older adults: Variations on the severity effect. *Journal of Adult Development*, 2004. Vol. 11, pp. 289–295. DOI:10.1023/B:JADE.0000044532.83720.74
9. Alicke M.D. Culpable control and the psychology of blame. *Psychological bulletin*, 2000. Vol. 126(4), pp. 556–574. DOI:10.1037/0033-2909.126.4.556
10. Carlyle K.E. et al. Intimate partner violence on Instagram: Visualizing a public health approach to prevention. *Health Education & Behavior*, 2019. Vol. 46 (2_suppl), pp. 90–96. DOI:10.1177/1090198119873917

11. Coker A.L. et al. Multi-college bystander intervention evaluation for violence prevention. *American journal of preventive medicine*, 2016. Vol. 50(3), pp. 295–302. DOI:10.1016/j.amepre.2015.08.034
12. Dvir M., Nagar M. Would victims blame victims? Effects of ostracism, sexual objectification, and empathy on victim blaming. *Frontiers in psychology*, 2022. Vol. 13. DOI:0.3389/fpsyg.2022.912698
13. Felson R.B., Palmore C. Biases in blaming victims of rape and other crime. *Psychology of Violence*, 2018. Vol. 8(3), pp. 390–399. DOI:10.1037/vio0000168
14. Felson R.B., Palmore C.C. Traditionalism and victim blaming. *The Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 161(4), pp. 492–507. DOI:10.1080/00224545.2021.1896466
15. Fischer P. et al. The bystander-effect: a meta-analytic review on bystander intervention in dangerous and non-dangerous emergencies. *Psychological bulletin*, 2011. Vol. 137(4), pp. 517–537. DOI:10.1037/a0023304
16. Genschow O., Vehlow B. Free to blame? Belief in free will is related to victim blaming. *Consciousness and cognition*, 2021. Vol. 88, pp. 103074. DOI:10.1016/j.concog.2020.103074
17. Gracia E., Tomás J.M. Correlates of victim-blaming attitudes regarding partner violence against women among the Spanish general population. *Violence against women*, 2014. Vol. 20(1), pp. 26–41. DOI:10.1177/1077801213520577
18. Gravelin C.R., Biernat M., Bucher C.E. Blaming the victim of acquaintance rape: Individual, situational, and sociocultural factors. *Frontiers in psychology*, 2019. Vol. 9, pp. 2422. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02422
19. Gross J.J. Emotion regulation: Affective, cognitive, and social consequences. *Psychophysiology*, 2002. Vol. 39, pp. 281–291. DOI:10.1017/S0048577201393198
20. Hafer C.L., Sutton R. Belief in a just world. *Handbook of social justice theory and research*, 2016, pp. 145–160. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0_8
21. Hamby S. et al. What difference do bystanders make? The association of bystander involvement with victim outcomes in a community sample. *Psychology of violence*, 2016. Vol. 6(1), pp. 91–102. DOI:10.1037/a0039073
22. Harber K.D., Podolski P., Williams C.H. Emotional disclosure and victim blaming. *Emotion*, 2015. Vol. 15(5), pp. 603–614. DOI:10.1037/emo0000056
23. Ivert A.K., Merlo J., Gracia E. Country of residence, gender equality and victim blaming attitudes about partner violence: A multilevel analysis in EU. *The European Journal of Public Health*, 2018. Vol. 28(3), pp. 559–564. DOI:10.1093/eurpub/ckx138
24. Johnson V.E. et al. “It’s not in your head”: Gaslighting, ‘Splaining, victim blaming, and other harmful reactions to microaggressions. *Perspectives on psychological science*, 2021. Vol. 16(5), pp. 1024–1036. DOI:10.1177/17456916211011963
25. Karlsson M. et al. Intimate partner violence against women in the EU: a multilevel analysis of the contextual and individual impact on public perceptions. *Women & Criminal Justice*, 2022. Vol. 32(5), pp. 417–430. DOI:10.1080/08974454.2020.1835792
26. Kay A.C. et al. Panglossian ideology in the service of system justification: How complementary stereotypes help us to rationalize inequality. *Advances in experimental social psychology*, 2007. Vol. 39, pp. 305–358. DOI:10.1016/S0065-2601(06)39006-5
27. Lerner M.J. The belief in a just world. *Springer US*, 1980, pp. 9–30. DOI:10.1007/978-1-4899-0448-5_2
28. Martens J.P. et al. Meaning and blame: Meaning threats increase victim blaming, but profession and art can diminish it. *International journal of psychology*, 2023. Vol. 58(5). DOI:10.1002/ijop.12916
29. Munsch C.L., Willer R. The role of gender identity threat in perceptions of date rape and sexual coercion. *Violence against women*, 2012. Vol. 18(10), pp. 1125–1146. DOI:10.1177/1077801212465151
30. Pinciotti C.M., Orcutt H.K. It won’t happen to me: An examination of the effectiveness of defensive attribution in rape victim blaming. *Violence against women*, 2020. Vol. 26(10), pp. 1059–1079. DOI:10.1177/1077801219853367

31. Pratt-Eriksson D., Bergbom I., Lyckhage E.D. Don't ask don't tell: Battered Women living in Sweden encounter with healthcare personnel and their experience of the care given. *International journal of qualitative studies on health and well-being*, 2014. Vol. 9(1), pp. 23166. DOI:10.3402/ghw.v9.23166
32. Sánchez-Prada A. et al. Bystanders of intimate partner violence against women and their willingness to intervene: An analysis of secondary data in Spain. *PLoS one*, 2022. Vol. 17(9), pp. e0274822. DOI:10.1371/journal.pone.0274822
33. Shaver K.G., Drown D. On causality, responsibility, and self-blame: a theoretical note. *Journal of personality and social psychology*, 1986. Vol. 50(4), pp. 697–702. DOI:10.1037/0022-3514.50.4.697
34. Slakoff D.C. “She did see warning signs but chose to ignore them”: perpetrator justification and victim-blaming narratives in true crime podcasts about intimate partner violence. *Feminist media studies*, 2023, pp. 1–17. DOI:10.1080/14680777.2023.2171086
35. Spaccatini F. et al. Victim blaming 2.0: blaming sexualized victims of online harassment lowers bystanders' helping intentions. *Current Psychology*, 2022, pp. 1–11. DOI:10.1007/s12144-022-02884-8
36. Strickler S. et al. Variations in Women's Attribution of Blame for Sexual Assault. *Journal of interpersonal violence*, 2023. Vol. 38(19-20), pp. 10947–10971. DOI:10.1177/08862605231178359
37. Strömwall L.A., Alfredsson H., Landström S. Blame attributions and rape: Effects of belief in a just world and relationship level. *Legal and Criminological Psychology*, 2013. Vol. 18(2), pp. 254–261. DOI:10.1111/j.2044-8333.2012.02044.x
38. Wemrell M. et al. Towards understanding the Nordic paradox: A review of qualitative interview studies on intimate partner violence against women (IPVAW) in Sweden. *Sociology Compass*, 2019. Vol. 13(6), pp. e12699. DOI:10.1111/soc4.12699

Информация об авторах

Винникова Анастасия Юрьевна, студент, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1425-2547>, e-mail: st069750@student.spbu.ru

Обидин Иван Юрьевич, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры кризисных и экстремальных ситуаций, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-4413>, e-mail: ivan.obidin@gmail.com

Information about the authors

Anastasia Yu. Vinnikova, Student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1425-2547>, e-mail: st069750@student.spbu.ru

Ivan Yu. Obidin, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-4413>, e-mail: ivan.obidin@gmail.com

Получена 26.11.2023

Received 26.11.2023

Принята в печать 27.09.2024

Accepted 27.09.2024

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Применение медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов

Бриль М.С.

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4428-7432>, e-mail: miklbril@gmail.com*

Бекренёва Ю.С.

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4271-4863>, e-mail: Ulcha.93@mail.ru*

Осипенко И.С.

*Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение
«Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений
среди молодежи «КОНТАКТ» (СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4690-4178>, e-mail: osipenkois@mail.ru*

Цель. Обоснование медиации как востребованной и эффективной технологии для разрешения межличностных и внутрисемейных споров. Демонстрация результатов деятельности службы медиации, функционирующей в сфере молодежной политики Санкт-Петербурга.

Контекст и актуальность. Медиация как один из способов урегулирования конфликтов в современном контексте сформировалась сравнительно недавно, в середине прошлого века. При этом с 2019 года в Российской Федерации процедура медиации становится самостоятельной социально ориентированной технологией работы с населением. В настоящее время отечественный опыт применения данной технологии в бюджетной сфере требует самостоятельного анализа, первый шаг которого — анализ деятельности первой бюджетной службы медиации в России.

Используемая методология. Системный и субъектный подходы, метод качественного анализа.

Основные выводы. Для повышения эффективности применения медиации следует стремиться к увеличению среднего количества встреч по каждому случаю, заботиться о профилактике профессионального выгорания медиаторов и расширять информирование населения о специфике данной технологии, чтобы снизить количество нецелевых обращений.

Ключевые слова: медиация; медиативный подход; конфликт; урегулирование конфликта; межличностные и внутрисемейные споры; профессиональное выгорание.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных коллектив Службы медиации городского центра социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ».

Для цитаты: Бриль М.С., Бекренёва Ю.С., Осипенко И.С. Применение медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 163–180. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150310>

The Use of Mediation in Resolving Interpersonal and Intra-family Conflicts

Mikhail S. Bril

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4428-7432>, e-mail: miklbril@gmail.com

Yulia S. Bekreneva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4271-4863>, e-mail: Ulcha.93@mail.ru

Ilya S. Osipenko

Saint Petersburg State Budgetary Institution “City Center for Social Programs and Prevention of antisocial Phenomena among young people “CONTACT”, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4690-4178>, e-mail: osipenkois@mail.ru

Objective. *Substantiation of mediation as a popular and effective technology for resolving interpersonal and intra-family disputes. Demonstration of the results of the mediation service functioning in the field of youth policy in Saint Petersburg.*

Background. *Mediation as one of the ways to resolve conflicts in the modern context was formed relatively recently, in the middle of the last century. At the same time, since 2019 in the Russian Federation the mediation procedure becomes an independent socially oriented technology of working with the population. Currently, the domestic experience of using this technology in the public sector requires an independent analysis, the first step of which is an analysis of the activities of the first budget mediation service in Russia.*

Methodology. *Systemic and subjective approaches, a method of qualitative analysis.*

Conclusions. *To increase the effectiveness of mediation, we should strive to increase the average number of meetings for each case, take care of the prevention of professional burnout of mediators and expand public awareness of the specifics of this technology in order to reduce the number of inappropriate appeals.*

Keywords: *mediation; meditative approach; conflict; conflict resolution; interpersonal and intra-family disputes; professional burnout.*

Acknowledgements. The authors thank the staff of the Mediation Service, the city center “Contact” for their help in collecting data.

For citation: Bril M.S., Bekreneva Yu.S., Osipenko I.S. The Use of Mediation in Resolving Interpersonal and Intra-family Conflicts. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 163–180. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150310> (In Russ.).

Введение

Медиация — одна из технологий альтернативного урегулирования споров с участием третьей, нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном

конflikте стороны — медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию

спора и условиям его разрешения [10]. Традиционно в нашей стране процесс медиации воспринимался не только в качестве процедуры досудебного урегулирования конфликтов, но также как социально ориентированная технология, призванная улучшить качество жизни людей, способствуя разрешению значимых для них противоречий. Именно в этом ключе медиация упоминается в концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 года № 1430-р. В данном документе обосновывается необходимость создания подразделений в структуре существующих государственных бюджетных учреждений, в чей функционал будет входить организация медиаций по конфликтам, связанным с интересами детей. Таким образом, наличие судебного спора по рассматриваемому на медиации конфликту не является обязательным его условием. Процедура медиации становится самостоятельной социально ориентированной технологией работы с населением. Дополнительной особенностью является тот факт, что расходы на проведение процедуры медиации принимает на себя государство. Это противоречит 10 статье Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [21], в которой четко определен порядок процедуры оплаты услуг медиатора, не предполагающий участие в ней бюджетных средств.

Приведенный выше пример призван проиллюстрировать, насколько применение процедуры медиации в качестве

социальной услуги не урегулировано даже на правовом уровне. Это позволяет сделать вывод, что эффекты применения подобной процедуры, в том числе психологические, тем более не проанализированы, а взаимосвязь деятельности медиатора и психолога зависит от конкретных учреждений с их особенностями функционирования [7]. Психологическое консультирование семей, как правило, является интервенцией, призванной изменить систему отношений между членами семейного сообщества. Эти изменения направлены на снижение количества и интенсивности внутрисемейных конфликтов путем переосмысления происходящего и включения в обиход конструктивных моделей взаимодействия. Различные подходы к семейному психологическому консультированию видят своей целью разные аспекты отношений между членами. Объединяет их стремление изменить происходящее таким образом, чтобы снизить вероятность повторного возникновения противоречий и накопленного напряжения. Медиация же сфокусирована на разрешении конкретного конфликта, возникшего между его участниками. Безусловно, в ходе проведения медиации стороны нередко делают для себя выводы и формируют договоренности, которые способны коренным образом изменить характер взаимоотношений в семье, но целью медиации является именно разрешение конфликта. В заключении статьи мы коснемся вопроса, в чем, с нашей точки зрения, состоят различия между работой семейного психолога и медиатора, а также как эти две технологии могут дополнять друг друга.

В настоящей статье мы приведем и обсудим результаты деятельности службы медиации, функционирующей в сфере молодежной политики Санкт-Петербурга. Основной задачей ее сотруд-

ников является организация процедуры медиации в конфликтах, затрагивающих интересы лиц в возрасте до 35 лет [20]. В некоторых странах, например, Италии, медиация также применяется не только в судебных спорах, но и в качестве социальной технологии. Мы, однако, считаем, что отечественный опыт применения данной технологии в бюджетной сфере требует самостоятельного анализа, первый шаг которого — анализ деятельности первой бюджетной службы медиации в России.

Используя статистические данные и конкретные кейсы, мы постараемся подтвердить предположение о том, что медиация в разрешении межличностных и внутрисемейных споров востребована и достаточно эффективна. Значительный объем случаев позволяет нам не останавливаться на качественном описании взаимодействия медиатора с конкретными клиентами, а лишь иллюстрировать отмечаемые тенденции эпизодами из работы. Также в работе мы коснемся общих черт и различий медиатора и психолога. Данная тема лучше освещена в исследовательской работе У.А. Удавихиной [18]. По этой причине мы не стали делать этот аспект основным, хотя трудность в разделении различных видов помощи остается насущным вопросом, который чаще всего задают на просветительских мероприятиях и обсуждают на круглых столах.

Деятельность службы медиации городского центра «Контакт»

В представленной работе мы приводим статистический анализ деятельности службы медиации Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ» за 2018–2022 годы. Всего в работе за этот период находилось 2572 случая. В каж-

дом рассматриваемом конфликте были затронуты интересы лиц до 35 лет, поскольку финансирование деятельности проводилось из средств бюджета молодежной политики Санкт-Петербурга. В работе специалисты службы используют подход, предполагающий предварительные встречи с каждой из сторон до организации очных переговоров. В ряде кейсов для эффективного продолжения переговоров или планирования действий в случае их неуспеха стороны просят медиатора о консультации с юрисконсультom или психологом. В такой ситуации в работу включаются соответствующие профильные специалисты службы. Соответственно, в рамках работы с каждым случаем могут быть проведены конфликтологические, юридические и психологические консультации, медиативные встречи, а также методические консультации, когда медиатору необходимо получить дополнительную информацию от специалистов, также вовлеченных в процесс урегулирования конфликта.

Предметом анализа работы в том числе служат источники поступивших обращений. Далеко не всегда стороны самостоятельно принимают решение обратиться к медиации для урегулирования конфликта — такой вариант действий им могут порекомендовать другие специалисты, например, судьи или судебные приставы. Для личных обращений — случаев, когда заявление на организацию медиации написала одна из сторон — важным показателем является информационный источник, из которого обратившийся узнал о такой возможности. Наконец, повторные обращения сторон учитываются отдельно. К ним относятся ситуации, когда стороне не хватило отведенного времени работы для разрешения противоречий, возникла необходимость приостановить про-

цесс ведения переговоров или, разрешив часть спорных моментов, стороны решили продолжить переговоры по другим вопросам. Информация, представленная в исследовании, собиралась и аккумулировалась в базе данных подразделения. Подтверждающие работу по каждому случаю документы специалисты представляли документообороту службы для проверки и внесения в базу, составляя архивную историю всех обращений. Таким образом, каждая единица в статистике подкрепляется набором документов, в который входят: заявка на организацию процедуры медиации, согласие сторон на обработку персональных данных, листы учета проведенных встреч, информационная карта, включающая информацию обо всей проведенной работе, описание конфликтной ситуации, соглашение о проведении медиации и медиативное соглашение. Последние два документа заключаются сторонами только в тех случаях, где процесс работы достиг определенных этапов — проведение очных переговоров для соглашения о проведении и примирение — для медиативного. Благодаря наличию этих документов мы можем как провести количественный

анализ обращений, так и качественно проработать те или иные категории конфликтов.

В нашей работе мы хотели бы обратить внимание на источники обращений к процедуре медиации, предметы конфликтов, по которым поступали обращения, а также результаты деятельности медиаторов. При отборе данных учитывалась специфика деятельности службы — работа на основании государственного задания Комитета по молодежной политике Санкт-Петербурга — в анализ не были включены обращения, по которым стороны не оставили письменных заявлений, а также формальные обращения. Это хоть и не позволяет говорить о полной достоверности данных, но допускает возможность рассчитывать на то, что их количество сделает проявление артефактов незначительным настолько, что ими можно будет пренебречь.

Обратимся к показателю поступивших в службу обращений за период с 2017 года, когда был открыт прием заявок на проведение медиации от жителей Санкт-Петербурга (см. рис. 1).

За шесть лет деятельности службы общее количество обращений возросло

Рис. 1. Количество обращений, поступивших в службу медиации

на 19%, но наблюдаемый рост был неравномерным. Привлекает внимание спад, пришедшийся на 2019 год. Против ожиданий в год введения ограничений в связи с наступлением пандемии COVID-19 количество заявок, наоборот, выросло на 31%. Изменение качества обращений мы сможем увидеть при анализе предметов конфликта, а также результатов деятельности медиаторов по случаям. Для качественной оценки востребованности медиации в сфере разрешения межличностных и внутрисемейных конфликтов также целесообразно рассмотреть динамику количества переговоров со сторонами конфликта (см. рис. 2). Обращает на себя внимание соответствие изменений кривой количества обращений кривой количества переговорных сессий — рост в 2018, 2020 и 2021 гг., спад в 2019 и 2022 гг. Однако, несмотря на рост количества обращений за шесть лет работы службы, количество встреч со сторонами за тот же период не только не выросло, но и незначительно сократилось. Саму по себе разницу между количеством встреч в 2017 и 2022 гг. можно считать незначительной — чуть более 1%. Если учесть, что разница между самым высоким по-

казателем (1206 встреч в 2021 году) и самым низким (1100 встреч в 2019 году) составляет менее 10%, то весь график можно характеризовать как плато с незначительными колебаниями. Таким образом, наряду с поступательным ростом количества обращений мы наблюдаем стабильное количество встреч со сторонами в год. Для лучшего понимания взаимосвязи этих параметров добавим еще один — среднее количество встреч со сторонами на одно обращение (см. рис. 3).

На графике, отображающем кривую среднего количества встреч со сторонами, мы видим поступательное снижение показателя, общая динамика которого за 6 лет составила падение на 17%. Приведенные данные характеризуют объем работы, выполняемой специалистами службы медиации за шесть лет. Можно предположить, что мало изменяющееся количество встреч со сторонами при устойчивом росте количества обращений объясняется максимальной нагрузкой, с которой способны справиться медиаторы в конкретных условиях работы за год. Подобная гипотеза объясняет, почему при увеличении количества обращений снижается среднее количество

Рис. 2. Динамика переговоров со сторонами конфликта

встреч на одно обращение, а общее количество консультаций и переговоров остается неизменным.

Количество обращений и встреч говорит нам об объеме работы медиаторов, но не о качестве применения процедуры

медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов. Обратимся к результатам работы по обращениям — основному параметру, позволяющему судить о специфике применения данной технологии (см. рис. 4).

Рис. 3. Среднее количество встреч на одно обращение

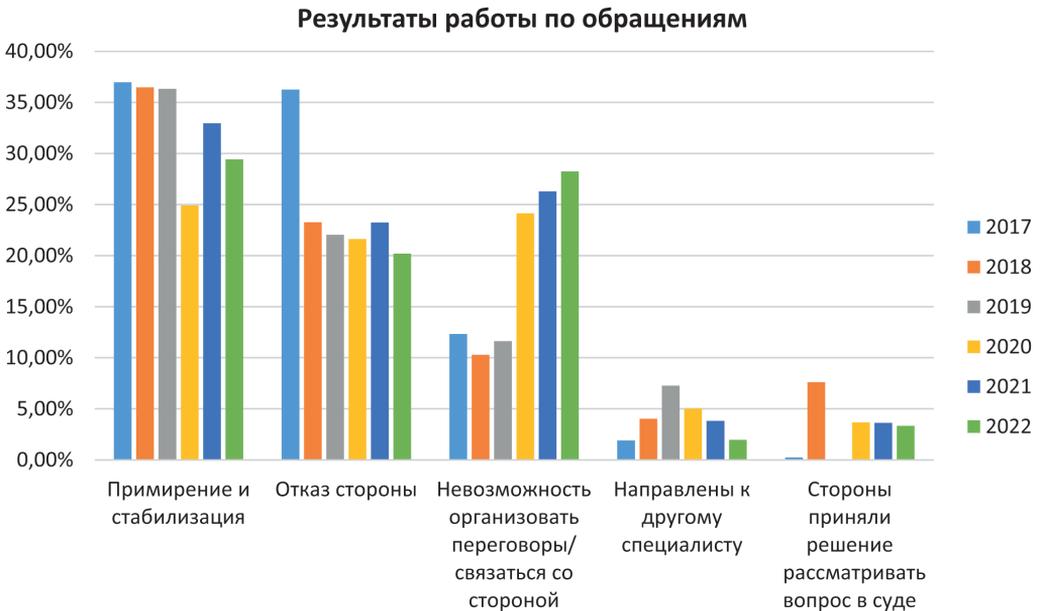

Рис. 4. Результаты работы по обращениям

Для лучшего понимания приведенных данных стоит остановиться на категориях, выделенных в качестве причины завершения работы по обращению. Под **примирением и стабилизацией** принято понимать ситуацию, в которой стороны сообщили медиатору, что их конфликт разрешился, и они более не нуждаются в переговорах и консультациях. Изначально в статистике под примирением учитывались только те случаи, в которых стороны подписали медиативное соглашение, однако в семейных конфликтах часто встречалась ситуация, когда стороны, договорившись о пробном варианте решения, далее не приходили на встречу со специалистом. Они сообщали по телефону, что обстановка нормализовалась, и спорные моменты разрешены. В каждом подобном случае медиатор в обязательном порядке связывается с обеими сторонами, чтобы уточнить удовлетворенность всех участников достигнутой ситуацией. Нередки случаи, когда стороны после одной сессии переговоров продолжают разговор дома самостоятельно и добиваются позитивных результатов. В такой ситуации они не ощущают потребности вновь приходить на переговоры с участием нейтрального посредника. Бывают, конечно, ситуации, когда самостоятельная попытка продолжить переговоры оборачивается ухудшением ситуации. По этой причине медиатор рекомендует сторонам быть осторожными в обсуждении трудных вопросов без участия третьей, нейтральной стороны.

Отказ стороны оформляется в ситуации, когда хотя бы один из участников конфликта заявляет о своем нежелании вести переговоры. Это может произойти как на предварительной стадии, так и в процессе медиации. В случае, если между сторонами уже было заключено

соглашение о проведении процедуры медиации, специалист просит сторону оформить письменный отказ от продолжения процедуры и уведомляет об этом вторую сторону, но в реальном опыте такие случаи происходят крайне редко. Значительно чаще в службу медиации обращается одна сторона с просьбой организовать переговоры, а на контакт с другими участниками конфликта медиатор выходит самостоятельно. По этой причине медиации в Санкт-Петербурге проходят с предварительными консультациями, в ходе которых медиатор может в комфортной обстановке обсудить перспективы и ожидания от переговоров, проработать риски и возражения, помочь сформулировать решение относительно ведения переговоров и стартовые позиции в случае согласия на медиацию. Отказаться сторона может как на этапе знакомства по телефону, так и в ходе индивидуальной консультации. Заявители, конечно, отказываются реже, но бывает, что их первоначальные ожидания от процесса не совпадают с тем, что описывает медиатор на встрече. Так случается, что родитель, обратившийся за организацией медиации между ним и ребенком, не готов обсуждать сложную ситуацию в формате равенства. Его первоначальные ожидания могли быть связаны с тем, что посредник встанет на его сторону и сможет объяснить «нерадивому» ребенку правильность позиции родителя. В такой ситуации, конечно, начинать проведение переговоров без изменения позиции стороны нецелесообразно.

Работа по обращению заканчивается в связи с **невозможностью организовать переговоры**, когда одна из сторон или просто не выходит на связь, или длительное время отсутствует в городе, загружена по работе/учебе — словом, не может найти время для встречи с меди-

атором или участия в медиативной сессии. С психологической точки зрения справедливо будет назвать такое поведение сопротивлением процессу и косвенным выражением нежелания вести переговоры. Нередко отказаться от процесса медиации стороне бывает невыгодно, поскольку это может дать другим участникам конфликта лишний аргумент в судебном споре («я старался договориться, а он отказался от попытки»). По этой причине процесс переговоров может бесконечно затягиваться, встречи не назначаться, а в оговоренное время участники могут не приходиться.

Направление к другому специалисту является важной частью работы службы медиации. Многим людям бывает проще признать наличие конфликта между ними и кем-то из близких, нежели согласиться, что им требуется помощь психолога, врача или иного специалиста. Работа по некоторому количеству обращений заканчивается с этой формулировкой, в других случаях участники конфликта могут успешно завершить переговоры или прервать их по другой причине, но в общении с медиатором сообщить, что планируют продолжить работу с проблемой. Таким образом, медиация вносит вклад в комплекс помогающих услуг, помогая клиентам сделать первый шаг навстречу нужному специалисту.

Вариант **принятия сторонами решения рассматривать спор в суде** как причина завершения работы по обращению родился из практического опыта специалистов. В определенном количестве случаев один или оба участника конфликта в ходе переговоров приходили к выводу, что вероятное судебное решение будет для них более предпочтительным, нежели предложенное партнером. Это может говорить о недостаточно качественном анализе проблемы — многим

людям кажется, что в их споре суд уж точно встанет на их сторону. В ходе работы с медиатором или еще до обращения многие приходят к выводу, что подобные ожидания обманчивы. Практически в каждом семейном споре судья сообщает сторонам процесса, что примирение будет для них более благоприятным исходом. Как видно из представленных данных, около 5% людей, дошедших до медиатора, сохраняют свои убеждения в лояльности судебной системы.

На диаграмме представлены не все возможные причины завершения работы по случаю. Мы ограничились теми, что превышают барьер в 5% хотя бы за один год в рассматриваемом периоде. Стоит обратить внимание на снижение доли примирений с 36,97% в 2017 году до 29,41% в 2022. Вместе с тем доля отказов сторон от переговоров также снижается с высоких 36,26% в 2017 году до 20,20% в 2022. Этот позитивный рисунок корректирует статистика переговоров, которые было невозможно организовать или продолжить: в 2017 году этот показатель составлял 12,32%, а в 2022 — уже 28,24%. Если сложить проценты случаев, закончившихся отказом или невозможностью организовать переговоры, то мы увидим, что этот показатель падал ниже 35% только в 2018 и 2019 годах — 33,56% и 33,66% соответственно. Пик его пришелся на 2021 год — 49,52% — одновременно с максимальным количеством обращений за год — 525 случаев. В целом представленная статистика совпадает с общемировой, согласно которой медиация заканчивается примирением в 30–40% случаев. Прежде чем обсуждать возможные причины наблюдаемой динамики, обратимся к статистике источников обращений, а также предметов конфликтов, с которыми в службу обращались клиенты.

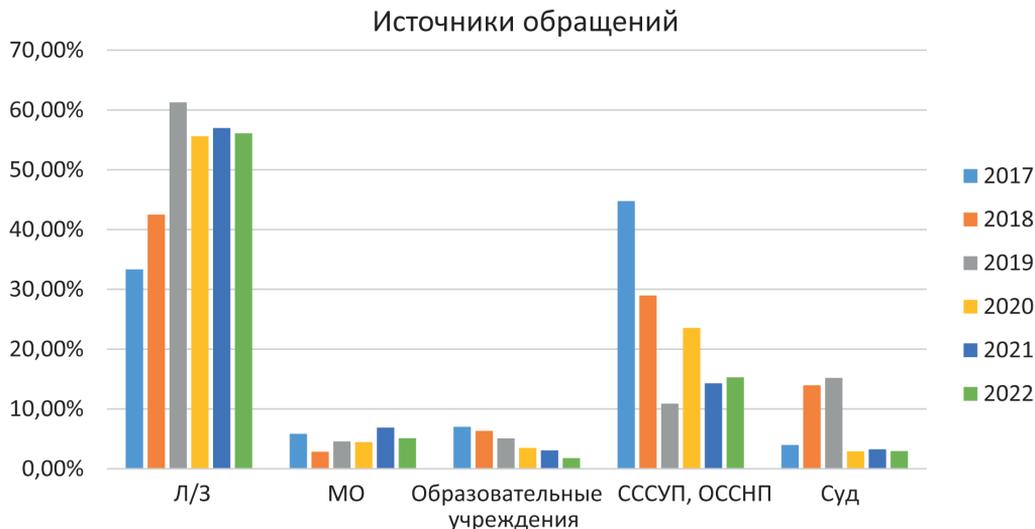

Рис. 5. Источники обращений за организацией процедуры медиации: Л/З — личные заявления; МО — направления из муниципальных образований; СССУП, ОССНП — заявки из отделов сопровождения несовершеннолетних, склонных к совершению уголовных или административных правонарушений

В рассматриваемую статистику по источникам обращений (см. рис. 5) попали наиболее популярные: личные заявления — обращение заполнил кто-то из сторон конфликта; направления из муниципальных образований, чаще всего органов опеки и попечительства; направления из образовательных учреждений; заявки из отделов сопровождения несовершеннолетних, склонных к совершению уголовных (СССУП) или административных (ОССНП) правонарушений — внутренние подразделения центра «КОНТАКТ»; направления на медиацию из суда. При получении личных обращений также собиралась информация, откуда стороны узнали о возможности обратиться. Не приводя общие данные, отметим, что чаще всего обратиться на протяжении всех шести лет рекомендовали специалисты муниципальных образований, сотрудники центра «КОНТАКТ», судьи и знакомые. Некоторое количество людей

узнавало о возможности получения такой услуги через интернет. Кратко рассматривая источники обращений, можно отметить рост количества обращений по личному заявлению — расширение этого источника заявок являлось стратегической целью службы на протяжении всех шести лет, поскольку была выявлена следующая закономерность: случаи, в которых в службу обратилась одна из сторон, значительно чаще доходили до стадии проведения очных переговоров. Напротив, обращения, пришедшие из внутренних подразделений центра «КОНТАКТ», чаще заканчивались отказами или невозможностью организовать переговоры. В связи с этим были проведены информационные и образовательные мероприятия с целью сократить количество заявок, успешная работа по которым маловероятна. Как можно заметить, пик личных обращений пришелся на 2019 год (61,27%), накануне пандемии. Еще од-

ним желаемым источником обращений для медиатора является суд, поскольку стороны, пришедшие по рекомендации судьи, с меньшей вероятностью будут надеяться разрешить конфликт успешно для себя с помощью судебной системы. Переломным моментом в этой категории источников также явился год пандемии, когда процент обращений упал с 15,19% в 2019 году до 2,90% в 2020 году и так и не смог восстановиться. Количество личных обращений, пришедших по рекомендации судьи, также упало в 2020 году и оставалось на неизменно низком уровне в 2021 и 2022 гг.

Среди предметов конфликтов, разрешением которых занимались медиаторы, неизменно были распространены три категории: детско-родительские, семейные конфликты, конфликты в образовательных учреждениях. Первая из приведенных сфер была выделена отдельно, поскольку первоначальной задачей службы медиации в системе молодежной политики было разрешение именно этих споров. Однако через несколько месяцев работы стало очевидно, что детско-родительские

конфликты значительно чаще возникают в семьях, где не был или до сих пор не урегулирован конфликт между родителями. На основе этих наблюдений сфера деятельности службы была расширена. В настоящее время к категории семейных конфликтов относятся: споры по поводу развода, определение места жительства и порядка общения с ребенком, вопрос алиментных выплат, отношения между супругами/родителями, раздел имущества, общение с другими родственниками и другие вопросы.

Представив основные статистические данные о работе службы медиации с 2017 по 2022 годы, можно уделить отдельное внимание их обсуждению. Ключевой проблемой, отражаемой статистикой, нам видится снижение успешных завершений работы по случаям — с 36,97% в 2017 году до 29,41% в 2022. При этом напомним, что доля отказов от переговоров и невозможности их организовать опускалась ниже 35% только в 2018 и 2019 годах. Данная тенденция совпадает с динамикой среднего количества встреч на случай: рост в 2019 году и спад в последующие годы.

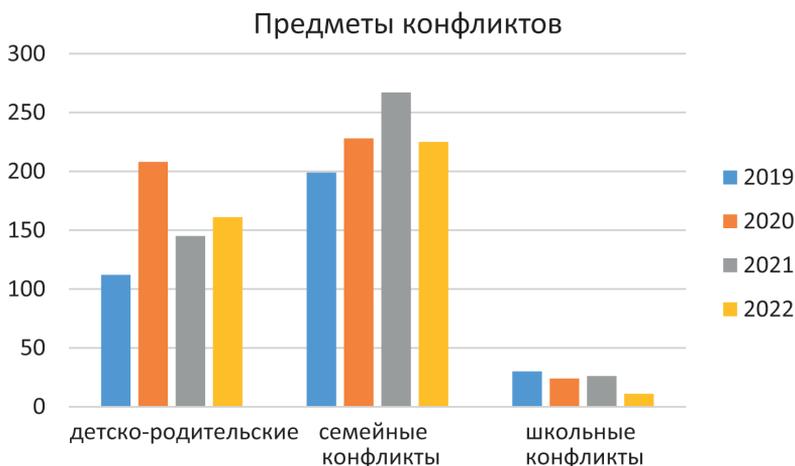

Рис. 6. Предметы конфликтов, с которыми обращались в службу медиации

Объяснить это мы предлагаем тезисом о предельной нагрузке медиатора. Дело в том, что, несмотря на увеличение количества обращений, общее количество проведенных встреч оставалось практически неизменным на протяжении всех шести лет. В такой ситуации мы можем предположить или падение включенности медиаторов в работу — специалисты прикладывают меньше усилий для успешного разрешения случая; или ограничение по общему количеству встреч, которые медиатор способен организовать и провести. К обсуждению первого возможного варианта мы вернемся чуть позже, а сейчас обратимся к пределу возможностей. На протяжении шести лет количественный состав службы оставался практически неизменным, хотя медиаторы и менялись. Фактические условия труда также были достаточно стабильными — специалисты проводили встречи в офисах, расположенных во всех восемнадцати районах Санкт-Петербурга, рабочее время официально было ограничено 40-часовой рабочей неделей, но каждый медиатор имел возможность назначать встречи в вечернее время или в выходные, поскольку эти дни более удобны для обращающихся клиентов. Безусловно, каждый специалист использовал свое личное время для работы на свое усмотрение. Таким образом, возможности медиатора в организации встреч ограничены доступностью помещений, физической необходимостью перемещаться между районами города и нежеланием большинства клиентов встречаться в рабочее время. В этой ситуации увеличение количества обращений может привести к повышению качества работы, только если медиатор будет волен выбирать себе случаи для работы. Однако функционирование бюджетного учреждения не позволяет отказывать клиентам в обращениях, как минимум по причине не-

обходимости выполнять возложенное на службу государственное задание.

Вторая возможность, которую мы предлагаем обсудить, это профессиональное выгорание медиатора. Эта проблема поднималась в других публикациях по теме [9], здесь мы можем предположить ее влияние на опыт применения медиации в Санкт-Петербурге. В 2017 году в первой в Российской Федерации бюджетной службе медиации была собрана команда молодых, инициативных специалистов под руководством нескольких опытных практиков. В течение первого года работы медиация была малоизвестной социальной технологией, и в службу поступали обращения, часто не подходящие под специфику данного вида деятельности. Молодые специалисты учились, набирались опыта и адаптировались, подыскивая наиболее предпочтительные для каждого специфики случаев и стили работы. Это можно было бы заметить в статистике индивидуальных результатов каждого специалиста, однако публикация их была бы неэтичной по отношению к сотрудникам. Совокупность этих факторов может объяснить высокое количество отказов от процедуры медиации в 2017 году. В 2018 и 2019 годах специалисты повышают собственную эффективность, обращения становятся более адресными — повышается результативность работы (36,47% и 36,32% соответственно). Падает количество отказов от работы, а невозможность организовать переговоры еще остается на низком уровне. На этот же период приходится относительно большое количество обращений, пришедших или напрямую из судов, или по рекомендации судей. Согласно внутренней статистике работа по таким обращениям достоверно эффективнее, нежели даже по личным обращениям граждан. Наимень-

шего результата медиаторам удавалось добиться при обращении из внутренних подразделений центра «КОНТАКТ» и других субъектов профилактики Санкт-Петербурга. Успешность работы службы медиации падает в 2020 году. Падение эффективности можно объяснить двумя причинами: во-первых, наша страна сталкивается с пандемией COVID-19 — из-за самоизоляции консультации и медиации приходится проводить дистанционно, а подобный формат подходит не для всех клиентов и случаев. Так, невозможно рассчитывать на доверительное общение с женщиной, обратившейся в связи с вопросом о потенциальном разводе, если в момент консультации ее супруг находится в соседней комнате. Аналогичные проблемы постигли детско-родительские конфликты. Практически прекратились обращения и рекомендации из судов. Во-вторых, значительная часть специалистов службы медиации уже отработала три года — за периодами адаптации и вовлеченности наступил период привыкания и порой сопротивления, характеризующийся более низкой эффективностью. Феномен профессионального выгорания наиболее распространен среди сотрудников моложе 35 лет [11] — возрастной период, к которому относились все медиаторы в молодежной политике Санкт-Петербурга. Не имея возможности роста в профессии или внутри организации, сотрудники были вынуждены оставаться на своих местах, в отсутствие ощутимого роста материального вознаграждения и статуса вовлеченность в рабочий процесс снижалась, что наблюдалось в ходе ежегодных стратегических сессий подразделения.

Наряду с отмеченной неблагоприятной динамикой важно отметить общую востребованность медиации в сфере разрешения межличностных и внутрисемейных кон-

фликтов. Количество обращений за шесть лет возросло на 19%, чему во многом способствовали информационно-просветительские и образовательные мероприятия, проводимые медиаторами. Начиная с 2018 года по просьбам различных учреждений их проводилось не менее 60-70 в год, включая пилотные проекты с медицинскими учреждениями, спортивными школами, подростково-молодежными клубами и учебными заведениями. В период с 2017 по 2022 годы сотрудниками службы медиации были обучены и сертифицированы более тридцати новых медиаторов. До пандемии стабильно росло количество обращений и рекомендаций из мировых и районных судов Санкт-Петербурга. Тенденция на увеличение личных обращений по рекомендациям знакомых продолжалась вплоть до 2021 года и лишь немного снизилась в прошедшем году. За описанный период медиация стала применяться в учреждениях социальной защиты Санкт-Петербурга, расширилось ее применение в образовательных учреждениях и некоммерческом секторе. Обученные в службе специалисты заняли должности переговорщиков в аппарате уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге. Бюджетные службы медиации вне образовательной системы появились в Москве и Казани, были проведены обучение и сертификация сотрудников высшего учебного заведения Белгорода.

Заключение

В XX веке Серж Московичи рассматривал развитие социальных представлений общества на примере изменения отношения к новому феномену — психоанализу. С тех пор психотерапия в целом и психоанализ в частности стали важной частью жизни общества, способствующей разрешению индивидуальных и социальных проблем [22]. В России

знакомство с технологией медиации произошло в 1995 году, когда первая группа отечественных специалистов прошла обучение классической медиации у зарубежных учителей. С тех пор был создан ряд нормативных актов федерального и регионального уровней, призванный способствовать развитию и продвижению данной технологии, однако до сих пор уровень знакомства населения с этой деятельностью остается низким. Как мы видим из представленных данных, применение медиации в сфере семейных и межличностных конфликтов имеет высокий потенциал с точки зрения ее востребованности и эффективности: достижение примирений в трети случаев и частичного улучшения в других — достойный результат. Отдельный вопрос, заслуживающий внимания, — это взаимодействие в работе медиатора и психолога. По мнению авторов, психолог в системе медиации решает две важнейшие задачи: проводит психологическое консультирование участников конфликта, нацеленное на их подготовку к процессу медиации; организует и проводит супервизию и балинтовские группы для медиаторов, в ходе которых поддерживает их ментальное благополучие и консультирует на предмет целесообразности

рекомендовать конкретным клиентам обратиться за психологическим консультированием или психотерапией. Медиация является дополнительной социально ориентированной технологией, которая в настоящий момент привлекает к себе широкое внимание. Это накладывает на медиаторов ответственность: клиентов, чей запрос не соответствует подходу, направить к психологу, психотерапевту или иному специалисту.

Безусловно, применение медиации, как и возможности медиаторов, имеет видимые ограничения. Из представленной статистики следует, что для повышения эффективности применения медиации следует стремиться к увеличению среднего количества встреч по каждому случаю, заботиться о профилактике профессионального выгорания медиаторов (как и всех представителей помогающих профессий) и расширять информирование населения о специфике данной технологии, чтобы снизить количество нецелевых обращений. Мы надеемся, что данная статья послужит подспорьем для будущих исследований применения медиации в сфере межличностных и семейных отношений и организации новых центров и служб, объединяющих в ряду своих специалистов в том числе и медиаторов.

Литература

1. Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. Вып. 2. Ч. 1. 2007. С. 151–159.
2. Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2-2. С. 73–77.
3. Аксентьев А.А. Медиация конфликтов с клиентами посредством CRM-систем // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития» (г. Курск, 30 апреля 2019 г.). Курск: Юго-Запад, гос. ун-т, 2019. С. 13–15.
4. Базаров Т.Ю., Чиннова А.С. Социально-психологические детерминанты эффективности медиации // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 23. С. 11–21. DOI:10.54359/ps.v5i23.769

5. *Басова Д.И.* Роль медиации в семейно-брачных отношениях // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Развитие института медиации как инструмента повышения правовой культуры граждан» (г. Саратов, 30 октября 2020 г.). Саратов: Издательский центр «Наука», 2020. С. 18–20.
6. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Речь, 2003. 87 с.
7. *Бриль М.С., Пегашова С.О., Камакина О.Л., Кузьмин Г.С., Быкова Л.В., Орлова М.В., Береснева М.В., Кославская О.В., Пикус О.С., Скворцова М.О., Сиволобова А.Б., Сизова Н.С., Удавихина У.А., Зинкевич А.К.* Основы использования медиации в Санкт-Петербурге: методическое пособие / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». СПб.: СПб ГБУ ГЦСП «КОНТАКТ», 2018. 156 с.
8. *Бриль М.С., Пегашова С.О., Этлис К.М., Сизова Н.С., Бекренева Ю.С., Бацова Н.В., Буланкина А.В.* Кричать нельзя договариваться. Где твоя запятая? // СПб ГБУ «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Нижний Новгород: Союзполиграф, 2020. 194 с.
9. *Бриль М.С., Пегашова С.О.* Профессиональное выгорание и его профилактика у практикующих медиаторов // Материалы Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Медиация: современность, инновационность, технологичность» (г. Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2020. С. 52–57.
10. *Буш Р., Фолджер Дж.* Что может медиация. Трансформативный подход к конфликту. Киев: Издатель Захаренко В.А., 2007. 264 с.
11. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
12. *Гафнер К.Е.* Медиация как социо-коммуникативная технология конфликто разрешения: дисс. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2019. 286 с.
13. *Гордийчук Н.В.* Особенности семейной медиации при разводах // Психология и психотерапия семьи. 2017. № 2. С. 12–21. DOI:10.17513/pss.2017.2.2
14. *Гордийчук Н.В.* Трансформативная медиация: основные понятия и установки // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 4148.
15. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 3-е издание. СПб.: Питер, 2018. 576 с.
16. *Корнеева Я.А., Рудакова Ю.Н.* Особенности личности медиаторов при различной успешности проведения примирительной процедуры // Психология и Психотехника. 2019. № 3. С. 68–80. DOI:10.7256/2454-0722.2019.3.30555
17. *Орел В.Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 42–112.
18. *Удавихина У.А.* Социально-психологические особенности профессиональной деятельности медиатора: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2021. 347 с.
19. *Удавихина У.А.* Социально-психологический аспект медиации // Человеческий Капитал. 2020. № 9(141). С. 104–114. DOI:10.25629/НС.2020.09.08
20. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 12.04.2023).
21. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 12.04.2023).
22. *Moscovici S.* Psychoanalysis: Its image and its public. Polity. 2008. 416 p.

References

1. Allahverdova O.V. Mediatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Mediation as a socio-psychological phenomenon]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg State University*, series 6, issue 2, part 1, 2007, pp. 151–159.
2. Allahverdova O.V., Ivanova E.H. Istoriya razvitiya mediatsii [The history of mediation development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg University*, series 6. Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International relations, 2007, no. 2-2, pp. 73–77.
3. Aksentiev A.A. Mediatsiya konfliktov s klientami posredstvom CRM-sistem [Mediation of conflicts with clients through CRM systems]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mediatsiya v sovremennom mire: problemy i perspektivy razvitiya» (g. Kursk, 30 aprelya 2019 g.) [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Mediation in the modern world: problems and prospects of development”]*. Kursk: Yugo-Zapad, gos. un-t, 2019, pp. 13–15.
4. Bazarov T.Yu., Chinnova A.C. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty effektivnosti mediatsii [Socio-psychological determinants of mediation effectiveness]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2012. Vol. 5, no. 23, pp. 11–21. DOI:10.54359/ps.v5i23.769
5. Basova D.I. Rol' mediatsii v semeino-brachnykh otnosheniyakh [The role of mediation in family and marriage relations]. *Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Razvitie instituta mediatsii kak instrumenta povysheniya pravovoi kul'tury grazhdan» (g. Saratov, 30 oktyabrya 2020 g.) [Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference “Development of the institute of mediation as a tool for improving the legal culture of citizens”]*. Saratov: Publishing Center “Science”, 2020, pp. 18–20.
6. Boiko V.V. Sindrom «emotsional'nogo vygoraniya» v professional'nom obshchenii [The syndrome of “emotional burnout” in professional communication]. Saint Petersburg: Rech', 2003. 87 p.
7. Bril M.S., Pegashova S.O., Kamakina O.L., Kuzmin G.S., Bykova L.V., Orlova M.V., Beresneva M.V., Koslavskaya O.V., Pikus O.S., Skvortsova M.O., Sivolobova A.B., Sizova N.S., Udavikhina U.A., Zinkevich A.K. Osnovy ispol'zovaniya mediatsii v Sankt-Peterburge: metodicheskoe posobie [Fundamentals of the use of mediation in St. Petersburg: a methodological guide]. Sankt-Peterburgskoe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie «Gorodskoi tsentr sotsial'nykh programm i profilaktiki asotsial'nykh yavlenii sredi molodezhi «KONTAKT» [St. Petersburg State Budgetary Institution “City Center for Social Programs and prevention of antisocial phenomena among young people “CONTACT”]. Saint Petersburg: SPb GBU GTSP “CONTACT”, 2018. 156 p.
8. Bril M.S., Pegashova S.O., Etlis K.M., Sizova N.S., Bekreneva Y.S., Batsova N.V., Bulankina A.B. Krichat' nel'zya dogovarivat'sya. Gde tvoya zapyataya? [Shouting is impossible to negotiate. Where's your comma?]. SPb GBU «Gorodskoi tsentr sotsial'nykh programm i profilaktiki asotsial'nykh yavlenii sredi molodezhi «KONTAKT» [St. Petersburg State Budgetary Institution “City Center for Social Programs and prevention of antisocial phenomena among youth “CONTACT”]. N. Novgorod: Soyuzpoligraf, 2020. 194 p.
9. Bril M.S., Pegashova S.O. Professional'noe vygoranie i ego profilaktika u praktikuyushchikh mediatorov [Professional burnout and its prevention in practicing mediators]. *Materialy Mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mediatsiya: sovremennost', innovatsionnost', tekhnologichnost'» (g. Sankt-Peterburg, 16 aprelya 2019 g.) [Proceedings of the International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference “Mediation: modernity, innovation, technology”]*, 2020, pp. 52–57.
10. Bush R., Folger J. Chto mozhet mediatsiya. Transformativnyi podkhod k konfliktu [What mediation can do. Transformative approach to conflict]. Kiev: Publisher Zakharenko V.A., 2007. 264 p.

11. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. Saint Petersburg, 2005. 336 p.
12. Gafner K.E. Mediatsiya kak sotsio-kommunikativnaya tekhnologiya konfliktorazresheniya: dis. ... kand. sots. nauk [Mediation as a socio-communicative technology of conflict resolution. Ph. D. (Sociology) Thesis]. FGAOU VO «Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo» [National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky]. Nizhny Novgorod, 2019. 286 p.
13. Gordiichuk N.V. Osobennosti semeinoi mediatsii pri razvodakh [Features of family mediation in divorces]. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i = Psychology and psychotherapy of the family*, 2017, no. 2, pp. 12–21. DOI:10.17513/pp.2017.2.2
14. Gordiichuk N.V. Transformativnaya mediatsiya: osnovnye ponyatiya i ustanovki [Transformative mediation: basic concepts and attitudes]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2014, no. 2, p. 4148.
15. Grishina N.V. Psikhologiya konflikta. 3-e izdanie [Psychology of conflict. 3rd edition]. Saint Petersburg: Piter, 2018. 576 p.
16. Korneeva Ya.A., Rudakova Yu.N. Osobennosti lichnosti mediatorov pri razlichnoi uspehnosti provedeniya primiritel'noi protsedury [Personality features of mediators with different success of the conciliation procedure]. *Psikhologiya i Psikhotehnika = Psychology and Psychotechnics*, 2019, no. 3, pp. 68–80. DOI:10.7256/2454-0722.2019.3.30555
17. Orel V.E. Fenomen «vygoraniya» v zarubezhnoi psikhologii: empiricheskie issledovaniya i perspektivy [The phenomenon of “burnout” in foreign psychology: empirical research and prospects]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2001. Vol. 22, no. 1, pp. 42–112.
18. Udavikhina U.A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti professional'noi deyatel'nosti mediatora: diss. ... kand. psikhol. nauk [Socio-psychological features of the mediator's professional activity. Ph. D. (Psychology) diss.]. Saint Petersburg, 2021. 347 p.
19. Udavikhina U.A. Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt mediatsii [Socio-psychological aspect of mediation]. *Chelovecheskii Kapital = Human Capital*, 2020, no. 9(141), pp. 104–114. DOI:10.25629/HC.2020.09.08
20. Federal'nyi zakon “O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii” ot 30.12.2020 N 489-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Elektronnyi resurs] [Federal Law “On Youth Policy in the Russian Federation” dated 30.12.2020 N 489-FZ (latest edition)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038 (Accessed 12.04.2023).
21. Federal'nyi zakon «Ob al'ternativnoi protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» ot 27.07.2010 N 193-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Elektronnyi resurs] [Federal Law “On Alternative Dispute Settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)” dated 27.07.2010 N 193-FZ (latest edition)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038 (Accessed 12.04.2023).
22. Moscovici S. Psychoanalysis: Its image and its public. Polity, 2008. 416 p.

Информация об авторах

Бриль Михаил Сергеевич, кандидат психологических наук, и.о. заведующего кафедрой психологии кризисных и экстремальных ситуаций, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4428-7432>, e-mail: miklbril@gmail.com

Бекренёва Юлия Сергеевна, магистр психологических наук, старший преподаватель кафедры кризисных и экстремальных ситуаций, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4271-4863>, e-mail: Ulcha.93@mail.ru

Оsipenko Илья Сергеевич, магистр социологии, специалист по социальной работе с молодежью, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ» (СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4690-4178>, e-mail: osipenkois@mail.ru

Information about the authors

Mikhail S. Bril, PhD in Psychology, Acting Head of the Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4428-7432>, e-mail: miklbril@gmail.com

Yulia S. Bekreneva, Master of Psychological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Crisis and Extreme, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4271-4863>, e-mail: Ulcha.93@mail.ru

Ilya S. Osipenko, Master of Sociology, Specialist in Social Work with Youth, Saint Petersburg State Budgetary Institution “City Center for Social Programs and Prevention of antisocial Phenomena among young people “CONTACT”, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4690-4178>, e-mail: osipenkois@mail.ru

Получена 15.04.2023

Received 15.04.2023

Принята в печать 27.09.2024

Accepted 27.09.2024

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Краткая версия Шкалы аутентичности в отношениях: психометрическая проверка в российской культуре

Борисова А.Ю.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-3670>, e-mail: edamova@yandex.ru

Нартова-Бочавер С.К.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Цель. Психометрическая проверка русскоязычной краткой версии Шкалы аутентичности в отношениях (ШАО), позволяющей оценить степень аутентичности в различных контекстах: с партнерами, родителями, друзьями и коллегами.

Контекст и актуальность. Основой близких отношений как абсолютной ценности для разных культур является честное самопредъявление, которое способствует психологическому благополучию человека и повышает удовлетворенность общением. Аутентичные отношения включают неприемлемость лжи и обмана, а также принятие рисков интимности. Так, в аутентичных отношениях не должно быть стремления продуцировать и поддерживать несоответствующие реальности представления о себе и о своем партнере. Они также предполагают желание более открытого, близкого общения, то есть раскрытия своего настоящего Я другому человеку. Для измерения этого качества в США и Великобритании разработана краткая версия Шкалы аутентичности в отношениях, которая до сих пор не была подвергнута систематической психометрической проверке, хотя аналогов этому инструменту в России не существует, что и обусловило актуальность данного исследования.

Дизайн исследования. Проводилась стандартная психометрическая проверка методики для каждого из четырех контекстов. Анализ надежности проводился на полной выборке респондентов, половина ответов респондентов была выбрана для эксплораторного факторного анализа, другая половина — для конфирматорного.

Участники. В исследовании приняли участие 449 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет (10% мужского пола, 90% женского пола; средний возраст — 27 лет ($min = 17$, $max = 60$)). Участники исследования — русскоязычные граждане Российской Федерации, представители разных профессий.

Методы (инструменты). Основным методом была краткая версия Шкалы аутентичности в отношениях, включающая 10 утверждений для каждого из контекстов. Данные собирались онлайн при помощи сервиса 1ka.si. Программа Jatorvi (v. 2.3.21.0) применялась для обработки данных.

Результаты. Шкала оказалась применима только к контексту романтических отношений. Для других контекстов исходная модель не подтвердилась.

Основные выводы. Методика может быть использована в научных исследованиях и в психологическом консультировании для измерения аутентичности романтических отношений. Возможность использования шкалы применительно к другим социальным контекстам требует дополнительной проверки.

Ключевые слова: аутентичные отношения; аутентичность личности; романтические отношения; близкие отношения; ШАО; валидность; молодость.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00262, <https://rscf.ru/project/23-18-45003/>.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в анализе данных кандидата психологических наук С.И. Резниченко.

Для цитаты: Борисова А.Ю., Нартова-Бочавер С.К. Краткая версия Шкалы аутентичности в отношениях: психометрическая проверка в российской культуре // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 181–201. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150311>

A Short Version of the Authenticity in Relationships Scale: Psychometric Verification in Russian Culture

Anna Y. Borisova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-3670>, e-mail: edamovaa@yandex.ru

Sofya K. Nartova-Bochaver

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Objective. Psychometric validation of the Russian-language short version of the Authenticity in Relationships Scale (AIRS), which allows you to assess the degree of authenticity in various contexts: partners, parents, friends and colleagues.

Background. The basis of close relationships as an absolute value for different cultures is honest self-presentation, which contributes to a person's psychological well-being and increases satisfaction with communication. Authentic relationships include unacceptability of deception and intimate risk taking. In authentic relationships, there should be no desire to produce and maintain ideas about oneself and one's partner that do not correspond to reality. They also imply a desire for more open, close communication, i.e., revealing one's real self to another person. To measure this quality, the Authenticity in Relationships Scale was developed in the USA and GB, which has not yet been subjected to systematic psychometric testing, although there are no analogues to this instrument in Russia, which determined the relevance of this study.

Study design. Standard psychometric validation of the methodology was carried out for each of the four contexts: partners, parents, friends, colleagues. The Cronbach coefficient alpha was analyzed on the full sample of respondents; half of the respondents' answers were selected for exploratory factor analysis, the other half for confirmatory factor analysis.

Participants. The study involved 449 respondents aged 18 to 60 years (10% male, 90% female; average age – 27 years (min = 17, max = 60)). The study participants are Russian-speaking citizens of the Russian Federation, representatives of different professions.

Measurements. The main method was a short version of the Authenticity in Relationships Scale, which included 10 statements for each context. Data were collected online using the 1ka.si service. Jamovi (v. 2.3.21.0) was used for data processing.

Results. *The scale is applicable only to the context of a romantic relationship. For other contexts, the original model has not been confirmed.*

Conclusions. *The methodology can be applied in research and in psychological counseling to study the authenticity level of romantic relationships. The scale's applicability to other social contexts requires further testing.*

Keywords: *authentic relationships; dispositional authenticity; romantic relationships; close relationships; AIRS; validity; youth.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project № 20-18-00262, <https://rscf.ru/project/23-18-45003/>.

Acknowledgements. The authors are grateful for the help in analyzing the data of S.I. Reznichenko.

For citation: Borisova A.Y., Nartova-Bochaver S.K. A Short Version of the Authenticity in Relationships Scale: Psychometric Verification in Russian Culture. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 181–201. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150311> (In Russ.).

Введение

Аутентичность личности как характеристика, отражающая верность индивида своему истинному Я, устойчиво привлекает внимание исследователей и приобретает новые концептуальные оттенки. Понимание аутентичности оформилось с утверждением философии экзистенциализма, что позже и стало основой психологических исследований и концепций. Аутентичность как способность быть самим собой или следовать своему истинному Я определяется в некоторых исследованиях как согласованность жизненного опыта человека, его личности (темперамента, ценностей и убеждений) и обстоятельств его жизни [3].

Согласно М. Кернису и Б. Голдману, аутентичность личности представляет четырехкомпонентный феномен, включая *Осознанность, Непредвзятость, аутентичное Поведение и Отношения* [23]. Существует адаптированная в России краткая версия опросника аутентичности Керниса-Голдмана [4], измеряющая эти компоненты. Однако методика измеряет аутентичность как черту личности, лишь частично затрагивая межличностный аспект (шкала *Отношения*).

В течение последних лет исследователи стали обращать внимание не только на диспозициональное (trait) или ситуативное (state) проявление этого феномена, но также на его интериндивидуальные эффекты. «Серая» литература изобилует рекомендациями по достижению аутентичных отношений, рассматривая их как безусловную ценность, однако концептуализация феномена в настоящий момент недостаточна, а доказательность исследований тормозится отсутствием надежного валидного метода [18; 21].

Первоначально аутентичность отношений была «встроена» в понимание диспозициональной аутентичности как одна из ее составляющих [16; 23]. Позже, однако, стали говорить о подлинных, искренних отношениях как самостоятельном феномене. Аутентичность отношений реализуется в различных контекстах близкого взаимодействия: рабочих, дружеских, романтических, детско-родительских [25; 26; 27]. Во всех типах отношений важно подчеркнуть существующую потребность личности включаться в социальное взаимодействие, продиктованную будто бы ее внутренней сущностью. Человеку важно иметь близкие отношения, получая от

других поддержку, обратную связь, подкрепляя или корректируя самооценку. Такой способ рассмотрения взаимодействия личности открывает новые возможности анализа аутентичных отношений.

Тема аутентичности в отношениях, хотя и без использования этого термина, существует давно. Подробно эти идеи развивались в рамках психотерапевтических подходов, часто включающих анализ раннего детского опыта. Д. Винникотт [1] в русле психоаналитической концепции выделяет «истинное Я» и «ложное Я». Формирование Я связывается с реакцией матери на физиологические и психологические нужды ребенка («спонтанные движения» по Винникотту). «Достаточно хорошая мать» (которая способствует формированию «истинного Я») поддерживает всемогущество ребенка, давая ему возможность испытывать свои телесные, физиологические ощущения. Она встречает и замечает их, разделяет, дает прожить. Взрослый человек с преобладанием «ложного Я», по Винникотту, обладает безусловно меньшим психологическим благополучием, что влечет за собой нарушения контакта с реальностью, раздражительность, покорность и пр.

К. Роджерс [6] описывал идеи важности открытого общения в диаде «клиент-терапевт», которое подразумевает выражение истинных чувств и намерений собеседнику. Еще одно важное замечание касается умения прислушиваться к себе: «Когда вы становитесь собой, взаимоотношения становятся подлинными» [6, с. 59]. В подлинных отношениях нет места попыткам изменить другого и привести его поведение, чувства, мысли и т.д. в соответствие со своими предпочтениями. Позволяя себе быть самим собой и позволяя другому человеку быть тем, кем он является в действительности, мы можем строить подлинные отношения.

Ценными представляются работы отечественных авторов — А.В. Петровского и В.А. Петровского, которые разрабатывали идеи продолженности и идеальной представленности одного человека в другом («отраженная субъектность»). У человека существует потребность быть представленным в сознании «значимого другого» (важно акцентировать — взаимно значимого), продолжить трансцендентное бытие эмоционально, ценностно и деятельностно [5].

Итак, источником понятия «аутентичные отношения» стали исследования аутентичности как диспозиции и психотерапевтические направления, описывающие роль безусловного принятия и открытого самовыражения. Эти работы расширили понимание ценности аутентичных отношений, выведя их за рамки психотерапевтического пространства в исследования повседневной жизни.

Потребность в близких, интимных, поддерживающих и обогащающих отношениях является одной из самых сильных у взрослых людей. Также исследования [26] показали, что среди разных типов близких отношений романтические отношения обладают наибольшей степенью аутентичности (они опередили аутентичность с родителями, друзьями и коллегами).

Аутентичность в романтических отношениях предполагает честность: близкие люди открывают себя друг другу такими, какими они являются на самом деле. Аутентичные отношения включают процессы осознанного самораскрытия, развития взаимной близости и доверия, осознание важности честного самопредъявления [22]. Ф. Лопес и К. Райс [25] определяют аутентичность отношений как модель взаимодействия, основанную на понимании пользы честного обмена информацией вопреки потенциальным

рискам (угроза разрыва, дискомфорт, недоброжелательность и пр.).

К настоящему моменту уже получены некоторые эмпирические данные о роли аутентичных отношений в межличностном пространстве. Аутентичность положительно связана с эмоциональным интеллектом и отрицательно — с чертами «Темной триады» (в частности, с нарциссизмом). Аутентичные люди стремятся быть самими собой и при первом знакомстве, и в серьезных отношениях, не пытаясь произвести ложное впечатление и не скрывая своих недостатков [20]. Отсутствие страха показать свою уязвимость позволяет освободиться от стыда и низкой самооценки, отражает высокое доверие к партнеру, который не воспринимается как потенциально угрожающий или фрустрирующий [13], что, в свою очередь, помогает конструктивно общаться, не избегая сложных тем и не опасаясь осуждения. В аутентичных отношениях особо важным явлением выступает уязвимость — партнер показывает другому человеку себя настоящего и сознательно предпочитает не сдерживать истинные эмоции и чувства [12].

В популярной личностно-ориентированной модели диспозициональной аутентичности постулируется, что это качество несовместимо с восприятием внешнего социального влияния. Однако другие исследователи [24] утверждают, что истинная аутентичность вовсе не предполагает обязательного «бунтарства» или противодействия окружающим. Напротив, принятие внешнего влияния может повысить переживание аутентичности личности.

Аутентичность в отношениях может нарушаться по разным причинам. Люди, нечувствительные к искренности в отношениях, склонны показывать свое ложное «Я»: лгать, вести себя непоследовательно

и, вероятно, поддерживать такое же поведение партнера. Поведение в паре может стать неаутентичным из-за страха отвержения или ожидания конфликтов [12]. Исследовалась роль раннего детского опыта и детского восприятия родительских конфликтов в построении взрослых романтических отношений в более позднем возрасте [28]: дети с ненадежной привязанностью, сензитивные к родительским конфликтам, могут подвергаться высокому риску проблем в романтических отношениях. Возможные трудности могут быть связаны с нераскрытием своей уязвимости из-за страха показаться слабым или некомпетентным, неумением реалистично оценить и удовлетворить потребности партнера и свои собственные. Подверженность влиянию родительских конфликтов предсказывает избегающий и тревожный стили привязанности, что, в свою очередь, определяет завышенное или заниженное чувство принадлежности к отношениям и патологическое беспокойство, а также отрицательно влияет на искренность отношений [28].

В современной российской психологии также исследуют близкие феномены. Е.Б. Станковская и А.В. Хохлачева используют описание интересубъективной природы близости в романтических отношениях, которая по содержанию очень близка к описанию аутентичности. Близость в понимании авторов — акт добровольной общности двух людей. Она раскрывается через два уровня взаимности: «через обоюдность переживания (это то, что принципиально происходит между Я и Другим и что каждый желает, чтобы происходило) и через обоюдность осведомленности (“мы оба знаем об этом”» [8, с. 146]. Сохраняемое чувство общности помогает паре выражать аутентичные «негативные» эмоции с сохраненным контактом. Партнеры в близких отношениях не только проявляют от-

крыто свои эмоции, но и взаимно их принимают, понимают и дают им возможность на себя воздействовать.

Накопленные теоретические знания по проблеме аутентичных отношений привели к необходимости создать инструмент для их диагностики. Ф. Лопес и К. Райс [25] разработали *Authenticity in Relationships Scale (AIRS)* для измерения аутентичности романтических отношений. Ими было выделено два фактора: *Неприемлемость обмана* и *Принятие рисков интимности*. Окончательная версия шкалы состояла из 24 вопросов, которые должны были оцениваться при помощи 9-балльной шкалы Ликерта. Выборка исследования была представлена двумя независимыми выборками студентов старших курсов (487 человек), которые на момент опроса находились в романтических отношениях (средняя продолжительность отношений — 31 месяц).

AIRS была адаптирована в различных культурах и показала довольно высокую стабильность. В португальской версии, несмотря на то, что некоторые пункты опросника плохо грузились в факторы, оригинальную двухфакторную структуру все же удалось сохранить [15]. Была осуществлена валидизация опросника в Сербии [16]. Турецкая версия также показала сохранность факторной структуры и ее инвариантность в группах различного пола [11]. Однако адаптация методики в Китае привела к совершенно другим результатам: итогом психометрической проверки стал сильно сокращенный опросник с трехфакторной структурой: *Эгоцентрическая аутентичность (Ego-centric authenticity subscale)*, *Искажение других (Other-distorted authenticity subscale)* и *Сбалансированная аутентичность (Balanced authenticity subscale)* [29]. Таким образом, инструмент сохраняет свою структуру не во всех культурах.

На основе оригинальной методики *AIRS* [25] О. Робинсон, Ф. Лопес и др. [26] создали собственную модификацию, выбрав из 24 утверждений первоначального пула десять наиболее сильных утверждений и применив их к четырем контекстам: романтический партнер, родители, друзья, коллеги. Из десяти утверждений четыре относятся к фактору *Неприемлемость лжи и обмана*, а шесть — к фактору *Принятие рисков интимности*. Респонденты должны оценивать каждый пункт при помощи 9-балльной шкалы Ликерта. Этот сокращенный набор утверждений был выбран исследователями с учетом межконтекстной валидности и совокупных знаний теории аутентичности. Все четыре подшкалы демонстрировали α Кронбаха от 0,62 до 0,79 на российской выборке. Этот вывод лег в основу аргументации правомерности использования сокращенной версии в исследовании авторов [26]. Несмотря на привлекательность этой модификации, насколько нам известно, она не была ранее адаптирована к другим культурам. Также систематическая и полная психометрическая проверка инструмента до сих пор не проводилась. В связи с этим встает вопрос об оценке факторной структуры сокращенного набора утверждений О. Робинсона, Ф. Лопес и др. не только для оценки меры аутентичности романтических отношений (как было заявлено в оригинальной версии *AIRS*), но и для других контекстов в российской культуре.

Существует высокий исследовательский и практический интерес к проблеме аутентичности отношений. Представлены попытки систематизировать различные подходы к изучению аутентичности личности и аутентичных отношений [2]. Отмечаем, что большинство стандартизированных методов изучения межличностных отношений фиксируют негативные характери-

стики романтических отношений — тревожность, избегание [7; 10] и т.п., в то время как инструментов измерения их позитивного качества практически не существует. В связи с этим потребность исследователей в методиках для измерения аутентичных отношений исключительно велика.

Программа исследования

Выборка. Исследование проведено на выборке, состоявшей из 449 человек (10% ($n = 47$) мужского пола, 90% ($n = 402$) женского, средний возраст респондентов — 27 лет ($\min = 17$, $\max = 60$)). Данные были собраны в 2022–2023 гг. посредством сервиса 1ka.si. Участники исследования — русскоязычные граждане Российской Федерации, представители разных профессий.

Анализ надежности проводился на полной выборке респондентов, а для факторного анализа выборка была разделена на две части случайным образом: половина ответов респондентов были выбраны для эксплораторного факторного анализа, другая половина — для конфирматорного.

Процедура. Наша работа посвящена психометрической проверке русскоязычной краткой версии *Шкалы аутентичности в отношениях (ШАО)*. Инструмент представляет собой модификацию методики Ф. Лопес и К. Райс [25], выполненную О. Робинсоном, Ф. Лопес и др. [26]. Методика содержит прямые и обратные вопросы.

Поскольку сокращенная версия методики включает четыре контекста (партнеры, родители, друзья и коллеги), а оригинальная версия была основана только на данных оценок романтических отношений, обработка данных (анализ надежности, эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, коэффициент корреляции Пирсона) проводилась для каждого из контекстов отдельно. Психометри-

ческая процедура сохранялась, так же как и применяемые статистические критерии.

Инструментарий. В нашем исследовании мы использовали перевод утверждений, сделанный по правилам ISPOR [9] при первом использовании краткой версии *Шкалы аутентичности в отношениях* в России [26]. Целью работы являлась психометрическая проверка ШАО на русскоязычной выборке. Мы предположили, что структура методики будет повторять оригинальную версию для всех четырех контекстов.

Обработка данных. Для обработки и анализа данных были использованы эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, коэффициент альфа Кронбаха, коэффициент корреляции Пирсона, Т-критерий Стьюдента.

Результаты

Психометрическая проверка ШАО для контекста «партнеры»

В целях подтверждения факторной структуры краткой версии *Шкалы аутентичности в отношениях* [26] был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) при помощи метода максимального правдоподобия (вращение осей Varimax) для каждого из четырех контекстов. Представим результаты анализа для контекста «романтические партнеры».

Для оценки приемлемости факторного анализа к эмпирическим данным использовались критерий КМО (Кайзера—Мейера—Олкина) и критерий сферичности Бартлетта, которые показали приемлемую адекватность выборки для факторного анализа ($\text{КМО} = 0,864$, $\chi^2 = 796$, $df = 45$, $p \leq 0,001$). Вывод показал соответствие количества факторов, выделенных изначально в оригинальной методике. Несмотря на наличие дополнительных факторных нагрузок, теоретически ожидаемые оказались наиболее высокими, что свиде-

тельствует в пользу первоначальной авторской модели (табл. 1). Названия факторов также были сохранены.

Показатели α Кронбаха в краткой версии ШАО для контекста «партнеры» принимают значения 0,917 и 0,701 (шкалы *Принятие рисков интимности* и *Неприемлемость лжи и обмана* соответственно). Значение α Кронбаха для первого фактора является очень высоким, для второго фактора — достаточным. При исключении утверждений почти во всех случаях в обеих шкалах значение α Кронбаха ожидаемо уменьшается, с лишь одним исключением: при удалении

вопроса 4 («Нет таких тем, которые были бы для меня запрещенными в общении с партнером») значение α увеличилось бы до 0,920, но этот прирост оценивается как несущественный. В связи с этим было принято решение оставить все утверждения опросника без изменения.

Первый фактор объясняет 40,5% общей дисперсии (сумма квадратичных нагрузок — 4,04), второй — 16,3% (сумма квадратичных нагрузок — 1,63). Таким образом, оба фактора объясняют около 56,9% общей дисперсии. Накопленный процент объясняемой дисперсии является невысоким, однако, принимая во

Таблица 1

Факторные нагрузки в краткой версии ШАО для контекста «романтические партнеры»

Номер пункта шкалы	Утверждение	Фактор 1 (ПРИ*)	Фактор 2 (НЛО**)
1	Я чувствую себя полностью самим(ой) собой, когда я нахожусь со своим(ей) партнером(шей)	0,77	0,13
2	Я делюсь своими самыми тайными мыслями с моим(ей) партнером(шей)	0,88	0,16
3	Я открываю самые сокровенные чувства своему(ей) партнеру(ше)	0,92	0,13
4	Я открыто делюсь своими мыслями и чувствами о других людях со своим(ей) партнером(шей)	0,77	0,31
5R	Я избегаю обсуждать некоторые темы со своим(ей) партнером(шей)	0,21	0,71
6R	Я сознательно скрываю свое истинное мнение о некоторых вещах, чтобы не расстраивать своего(ю) партнера(шу)	0,11	0,68
7R	Когда время от времени я сообщаю недостоверную информацию о себе, я пытаюсь произвести впечатление на своего(ю) партнера(шу)	0,04	0,50
8	Нет таких тем, которые были бы для меня запрещенными в общении с моим(ей) партнером(шей)	0,73	0,10
9	Я не боюсь открывать самые глубокие части своей личности, общаясь с моим(ей) партнером(шей)	0,80	0,17
10R	Я знаю недостаточно о некоторых вещах в жизни моего(й) партнера(ши)	0,11	0,48

Примечание: R — реверсивное утверждение; * — Принятие рисков интимности; ** — Неприемлемость лжи и обмана.

внимание тот факт, что вышеописанные характеристики отличаются высокой приемлемостью, это не послужило поводом для изменения числа факторов.

График каменной осицы свидетельствует о том, что предпочтительно двухфакторное решение. Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) показал, что шкалы *Неприемлемость лжи и обмана* и *Принятие рисков интимности* связаны друг с другом на достоверном уровне значимости ($p < 0,001$, $r = 0,652$). Несмотря на достаточно сильную корреляцию, было принято решение оставить два фактора, так как сила связи ниже 0,8.

Для анализа структуры ШАО был использован конфирматорный факторный анализ (КФА). Для оценки качества модели использовались следующие показатели: критерий адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина, отношение хи-квадрата к числу степеней свободы (χ^2/df), среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA), сравнительный индекс соответствия (CFI), индекс Такеральюиса (TLI), стандартизованный корень среднеквадратического остатка (SRMR). Значение CFI, равное 0,95 или выше этого значения, в настоящее время считается показателем хорошего соответствия. Значение SRMR, равное 0,06 или имеющее меньшее значение, указывает на приемлемость модели. Значение RMSEA, равное 0,08 и меньше, указывает на приемлемую подгонку модели. Значение TLI, равное 0,95 или больше, указывает на приемлемость модели [14; 19]. Конфирматорный факторный анализ показал приемлемое со-

ответствие данным по всем индексам для контекста «партнеры»: $\chi^2 = 56$ ($p < 0,01$), CFI = 0,979, RMSEA = 0,052, TLI = 0,973, SRMR = 0,037. Таким образом, *Шкала аутентичности в отношениях* может применяться для диагностики меры аутентичности отношений в контексте «партнеры».

Для дальнейшего содержательного анализа было произведено сравнение мужских и женских оценок (использовался Т-критерий Стьюдента для независимых выборок), касающихся аутентичности отношений. Однако степень выраженности всех аспектов аутентичности отношений у мужчин и женщин не различается. Анализ возрастных тенденций (корреляционный анализ Пирсона) показал нетривиальные и несколько неожиданные для нас результаты (табл. 2).

Итак, существует обратная связь показателей пунктов ШАО (кроме 1, 4 и 7 утверждения) с возрастом, но коэффициент всех значимых корреляций показывает слабую связь.

Отрицательная связь позволяет заявить о том, что с возрастом некоторые аспекты аутентичности в романтических отношениях могут уменьшаться. Партнеры в некоторых случаях выбирают стратегию «замалчивания», сокрытия чувств, меньшей заинтересованности жизнью партнера либо для сглаживания конфликтов, либо из-за накопления противоречий (такое накапливание, в свою очередь, является барьером на пути к открытому, непредвзятому восприятию партнера). Возможным альтернативным объяснением может служить тот факт, что респонденты,

Таблица 2
Связь пунктов ШАО и возраста (корреляционный анализ Пирсона)

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
r	-0,09	-0,17***	-0,19***	-0,08	-0,20***	-0,10*	-0,05	-0,11*	-0,11*	-0,14**

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

которые откликнулись на призыв пройти наше исследование, изначально обладали более низким уровнем удовлетворенности отношениями, и такая тенденция объясняется не самим возрастом участников исследования, а «проблемностью» отношений, в которых они находятся.

Психометрическая проверка ШАО для контекста «друзья»

Критерий КМО (Кайзера—Мейера—Олкина) и критерий сферичности Бартлетта показали адекватность размера выборки для факторного анализа (КМО = 0,827, $\chi^2 = 721$, $df = 45$, $p \leq 0,001$). Анализ показал, что существуют два фактора, которые совпадают с ожидае-

мыми (табл. 3). Однако нагрузка десятого утверждения («Я знаю недостаточно о некоторых вещах в жизни друга») не достигла рекомендуемого значения.

Показатели α Кронбаха в ШАО для контекста «друзья» составили 0,876 (шкала *Принятие рисков интимности*) и 0,516 (шкала *Неприемлемость лжи и обмана*). Вторая шкала оказалась недостаточно согласованной, причем при исключении вопроса «Я знаю недостаточно о некоторых вещах в жизни друга» значение α увеличилось бы незначительно (до 0,553). Исключение остальных пунктов для обеих шкал, к сожалению, не смогло бы изменить результаты в сторону большей согласованности.

Таблица 3

Факторные нагрузки в краткой версии ШАО для контекста «друзья»

Номер пункта шкалы	Утверждение	Фактор 1 (ПРИ*)	Фактор 2 (НЛО**)
1	Я чувствую себя полностью самим(ой) собой, когда я нахожусь со своими друзьями	0,68	0,13
2	Я делюсь своими самыми тайными мыслями с моими друзьями	0,79	0,04
3	Я открываю самые сокровенные чувства своим друзьям	0,84	-0,16
4	Я открыто делюсь своими мыслями и чувствами о других людях со своими друзьями	0,75	0,02
5R	Я избегаю обсуждать некоторые темы со своими друзьями	0,04	0,40
6R	Я сознательно скрываю свое истинное мнение о некоторых вещах, чтобы не расстраивать своих друзей	0,02	0,81
7R	Когда время от времени я сообщаю недостоверную информацию о себе, я пытаюсь произвести впечатление на своих друзей	0,19	0,38
8	Нет таких тем, которые были бы для меня запрещенными в общении с моими друзьями	0,61	0,07
9	Я не боюсь открывать самые глубокие части своей личности, общаясь с моими друзьями	0,76	0,02
10R	Я знаю недостаточно о некоторых вещах в жизни моих друзей	-0,10	0,22

Примечание: R — реверсивное утверждение; * — Принятие рисков интимности; ** — Неприемлемость лжи и обмана.

Первый фактор объясняет 33,7% общей дисперсии (сумма квадратичных нагрузок – 3,26), второй – 11,1% (сумма квадратичных нагрузок – 1,25). Таким образом, оба фактора объясняют около 44,8% общей дисперсии, что является небольшим показателем. График каменной осыпи свидетельствует о том, что предпочтительно двухфакторное решение. В связи с полученными результатами возникает вывод, что методика не способна адекватно измерить уровень выраженности этого феномена в контексте дружеских отношений.

Конфирматорный факторный анализ не показал приемлемого соответствия данным по некоторым индексам (CFI, TLI) для контекста «друзья»: $\chi^2 = 83$

($p < 0,001$), CFI = 0,938, RMSEA = 0,079, TLI = 0,918, SRMR = 0,058. Таким образом, методика не может применяться для диагностики аутентичности дружеских отношений.

Психометрическая проверка ШАО для контекста «коллеги»

Критерий КМО (Кайзера–Мейера–Олкина) и критерий сферичности Бартлетта показали приемлемую адекватность выборки для факторного анализа (КМО = 0,746, $\chi^2 = 403$, $df = 45$, $p \leq 0,001$). Анализ показал, что существуют два фактора, которые не совпадают с ожидаемыми. Некоторые утверждения методики не достигают рекомендуемого значения (табл. 4).

Таблица 4

Факторные нагрузки в краткой версии ШАО для контекста «коллеги»

Номер пункта шкалы	Утверждение	Фактор 1	Фактор 2
1	Я чувствую себя полностью самим(ой) собой, когда я нахожусь со своими коллегами	0,48	0,10
2	Я делюсь своими самыми тайными мыслями с моими коллегами	0,80	0,16
3	Я открываю самые сокровенные чувства своим коллегам	0,90	–0,02
4	Я открыто делюсь своими мыслями и чувствами о других людях со своими коллегами	0,68	0,10
5R	Я избегаю обсуждать некоторые темы со своими коллегами	0,07	0,79
6R	Я сознательно скрываю свое истинное мнение о некоторых вещах, чтобы не расстраивать своих коллег	0,01	0,30
7R	Когда время от времени я сообщаю недостоверную информацию о себе, я пытаюсь произвести впечатление на своих коллег	0,26	–0,09
8	Нет таких тем, которые были бы для меня запрещенными в общении с моими коллегами	0,48	–0,02
9	Я не боюсь открывать самые глубокие части своей личности, общаясь с моими коллегами	0,55	0,15
10R	Я знаю недостаточно о некоторых вещах в жизни моих коллег	0,05	0,64

Примечание: R – реверсивное утверждение.

Показатели α Кронбаха для краткой версии ШАО для контекста «коллеги» составили 0,751 и 0,549 (фактор 1 и фактор 2 соответственно); таким образом, вторая подшкала не обладает необходимой надежностью.

Первый фактор объясняет 27,4% общей дисперсии (сумма квадратичных нагрузок – 2,74), второй фактор – 11,9% (сумма квадратичных нагрузок – 1,19), накопленный процент общей дисперсии низок – составляет 39,3%. График каменистой осыпи свидетельствует о том, что предпочтительно двухфакторное решение. Такая модель не является допустимой, и потому факторам не было дано названия. Был сделан вывод, что методика не способна адекватно измерить уровень выраженности этого феномена в контексте отношений между коллегами.

Конфирматорный факторный анализ также не показал приемлемого соответствия данным по некоторым индексам (CFI, TLI) для контекста «коллеги»: $\chi^2 = 68,8$ ($p < 0,01$), CFI = 0,946, RMSEA = 0,067, TLI = 0,929, SRMR = 0,047, и потому, к сожалению,

методика также не может применяться для диагностики меры аутентичности в этом контексте.

Психометрическая проверка ШАО для контекста «родители»

Наконец, мы осуществили проверку методики применительно к контексту «родители». Критерий КМО (Кайзера–Мейера–Олкина) и критерий сферичности Бартлетта показали приемлемую адекватность выборки для факторного анализа (КМО = 0,825, $\chi^2 = 542$, $df = 45$, $p \leq 0,001$). Анализ показал, что существуют два фактора, которые, как и в случае контекста рабочих отношений, не совпадают с ожидаемыми. Некоторые вопросы методики не достигают рекомендуемого значения, а также существуют уникальные утверждения методики, которые анализ не смог отнести к уже существующим факторам (табл. 5).

Показатели α Кронбаха для контекста «родители» составили 0,893 (фактор 1) и 0,539 (фактор 2). Исключение вопросов методики не вносит существенного вклада в увеличение этого показателя.

Таблица 5

Факторные нагрузки в краткой версии ШАО для контекста «родители»

Номер пункта шкалы	Утверждение	Фактор 1	Фактор 2
1	Я чувствую себя полностью самим(ой) собой, когда я нахожусь со своими родителями	0,65	0,11
2	Я делюсь своими самыми тайными мыслями с моими родителями	0,81	0,20
3	Я открываю самые сокровенные чувства своим родителям	0,92	0,17
4	Я открыто делюсь своими мыслями и чувствами о других людях со своими родителями	0,78	0,01
5R	Я избегаю обсуждать некоторые темы со своими родителями	0,00	0,48
6R	Я сознательно скрываю свое истинное мнение о некоторых вещах, чтобы не расстраивать своих родителей	–0,00	1,00

Номер пункта шкалы	Утверждение	Фактор 1	Фактор 2
7R	Когда время от времени я сообщаю недостоверную информацию о себе, я пытаюсь произвести впечатление на своих родителей	-0,01	-0,01
8	Нет таких тем, которые были бы для меня запрещенными в общении с моими родителями	0,57	-0,12
9	Я не боюсь открывать самые глубокие части своей личности, общаясь с моими родителями	0,73	0,12
10R	Я знаю недостаточно о некоторых вещах в жизни моих родителей	0,06	0,09

Примечание: R – реверсивное утверждение.

Первый фактор объясняет 34% общей дисперсии (сумма квадратичных нагрузок – 3,40), второй – 13,4% (сумма квадратичных нагрузок – 1,34). Накопленный % общей дисперсии – 47,4%. График каменистой осыпи свидетельствует о том, что предпочтительно двухфакторное решение.

Конфирматорный факторный анализ для контекста «родители» не был произведен, так как для второго фактора недопустимо оставлять два вопроса, тогда как число вопросов для измерения первого фактора – 6 (они также не соответствуют теоретически ожидаемым и изначально выявленным в оригинальном исследовании). Такая модель не является допустимой, в связи с чем был сделан вывод, что методика не способна адекватно замерить уровень выраженности этого феномена в контексте отношений с родителями.

Обсуждение результатов

В случае успешного решения задачи адаптации краткой версии *Шкалы аутентичности в отношениях* к русскоязычной культуре исследователи получили бы надежный инструмент, позволяющий оценить роль и вклад близких отношений с разными людьми. К сожалению, мы не можем констатировать, что наши усилия увенчались успехом.

Из четырех субшкал на российской выборке работающей оказалась только субшкала *ШАО*, измеряющая аутентичность в отношениях с романтическим партнером (финальная версия методики, обработка результатов представлены в Приложении 1). Хотя этот результат разочаровывает, он мог быть ожидаемым, поскольку первоначально опросник был разработан именно для этого контекста.

Можно утверждать, что романтические отношения по своему качеству существенно отличаются от остальных, затронутых нашим исследованием. Так, отношения с родителями являются изначально заданными и могут не требовать особой психологической работы по их поддержанию. Взрослые дети могут скрывать информацию от родителей, чтобы сохранить их спокойствие или из-за опасности «внедрения» с их стороны.

Отношения с друзьями лишены той значимости, которая присуща романтическим связям, и потому рисков неискренности в них меньше. Кроме того, у человека может быть неограниченное количество приятелей, тогда как романтические отношения представляют собой диаду. Отношения с коллегами изначально не претендуют на особую близость, легко поддаются дестабилизации и не обладают ни той ценностью, ни

потенциальной травматичностью, которую имеют романтические связи.

Возможна также интерпретация полученных данных с точки зрения возрастных особенностей большинства наших респондентов — а именно, отнесенности к периоду ранней взрослости. В соответствии с задачами развития [17] в этот период происходит сепарация от родителей. Респонденты могут отдавать первенство романтическим партнерам или друзьям.

Таким образом, хотя мы надеялись получить несколько иной результат, те данные, к которым мы пришли, интерпретируются с учетом содержания конструкта аутентичных отношений, истории создания оригинальной версии опросника, а также специфичности четырех типов отношений, изучаемых в нашем исследовании.

Заключение

Вопреки ожиданиям, краткая версия *Шкалы аутентичности в отношениях* имеет высокую структурную валидность и надежность только для контекста

«партнеры». Факторный анализ подтвердил оригинальную двухфакторную структуру опросника для изучения аутентичности романтических отношений: *Принятие рисков интимности* и *Непримлемость лжи и обмана*.

Наше исследование не свободно от некоторых ограничений. Так, большинство наших респондентов — представители ранней взрослости, в то время как при изменении возрастных рамок результат мог быть другим. Кроме того, была проверена только структурная валидность опросника, без учета других видов валидности, включая конвергентную. Эти ограничения планируется преодолеть в последующих исследованиях.

Наш основной результат заключается в том, что *Шкала аутентичности в отношениях* обладает хорошими психометрическими характеристиками для изучения романтических отношений и может быть использована как в сочетании с другими методиками, так и самостоятельно в практической деятельности и научных исследованиях.

Приложение 1

Шкала аутентичности в отношениях (ШАО)

Инструкция: ниже представлены утверждения, описывающие, как люди переживают отношения со своим романтическим партнером. Используя шкалу справа сразу же за каждым пунктом, ОБВЕДИТЕ номер, который наилучшим образом отражает ваши отношения.

Бланк ответов

№	Утверждение	Не подходит совсем			Подходит в некоторой мере			Очень подходит		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Я чувствую себя полностью самим(ой) собой, когда я нахожусь со своим(ей) партнером(шей)									

№	Утверждение	Не подходит совсем			Подходит в некоторой мере			Очень подходит		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
2	Я делюсь своими самыми тайными мыслями с моим(ей) партнером(шей)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	Я открываю самые сокровенные чувства своему(ей) партнеру(ше)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
4	Я открыто делюсь своими мыслями и чувствами о других людях со своим(ей) партнером(шей)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
5	Я избегаю обсуждать некоторые темы со своим(ей) партнером(шей)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
6	Я сознательно скрываю свое истинное мнение о некоторых вещах, чтобы не расстраивать своего(ю) партнера(шу)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
7	Когда время от времени я сообщаю недостоверную информацию о себе, я пытаюсь произвести впечатление на своего(ю) партнера(шу)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
8	Нет таких тем, которые были бы для меня запрещенными в общении с моим(ей) партнером(шей)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
9	Я не боюсь открывать самые глубокие части своей личности, общаясь с моим(ей) партнером(шей)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	Я знаю недостаточно о некоторых вещах в жизни моего(й) партнера(ши)	1	2	3	4	5	6	7	8	9

Обработка результатов:

Шкала «Принятие рисков интимности»: 1, 2, 3, 4, 8, 9 вопросы.

Шкала «Неприемлемость лжи и обмана»: 5, 6, 7, 10 вопросы.

Обратный балл (10-N) для пунктов 5, 6, 7, 10.

Приложение 2

Описательная статистика пунктов Шкалы аутентичности в отношениях

№	Утверждение	Контекст	M	SD	95% CI	Me	As	Ex
1	Я чувствую себя полностью самим(ой) собой, когда я нахожусь со...	своим(ей) партнером(шей)	6,65	2,33	6,43 – 6,87	7,0	-0,89	-0,05
		своими друзьями	7,13	1,78	6,97 – 7,30	8,0	-1,04	0,88
		своими коллегами	5,09	2,07	4,90 – 5,28	5,0	-0,05	-0,54
		своими родителями	6,07	2,32	5,86 – 6,29	6,0	-0,49	-0,67
2	Я делюсь своими самыми тайными мыслями с...	моим(ей) партнером(шей)	6,30	2,48	6,07 – 6,53	7,0	-0,70	-0,57

№	Утверждение	Контекст	M	SD	95% CI	Me	As	Ex
		моими друзьями	6,13	2,22	5,93 – 6,34	7,0	-0,65	-0,31
		моими коллегами	2,91	1,87	2,74 – 3,09	3,0	0,83	0,10
		моими родителями	4,30	2,48	4,07 – 4,53	4,0	0,23	-1,04
3	Я открываю самые сокровенные чувства...	своему(ей) партнеру(ше)	6,62	2,49	6,39 – 6,85	7,0	-0,91	-0,30
		своим друзьям	5,96	2,36	5,74 – 6,17	6,0	-0,57	-0,58
		своим коллегам	2,63	1,76	2,46 – 2,79	2,0	1,06	0,61
		своим родителям	4,49	2,58	4,25 – 4,73	4,0	0,12	-1,20
4	Я открыто делюсь своими мыслями и чувствами о других людях со...	своим(ей) партнером(шей)	7,34	2,08	7,15 – 7,54	8,00	-1,35	1,18
		своими друзьями	7,00	1,95	6,82 – 7,18	7,00	-1,03	0,55
		своими коллегами	3,94	2,27	3,73 – 4,16	4,00	0,44	-0,64
		своими родителями	5,74	2,57	5,50 – 5,98	6,00	-0,39	-1,02
5	Я избегаю обсуждать некоторые темы со...	своим(ей) партнером(шей)	4,51	2,67	4,26 – 4,76	4,00	0,24	-1,18
		своими друзьями	4,75	2,44	4,52 – 4,97	5,00	0,09	-0,96
		своими коллегами	6,27	2,72	6,01 – 6,52	7,00	-0,72	-0,77
		своими родителями	5,75	2,55	5,52 – 5,99	6,00	-0,36	-0,94
6	Я сознательно скрываю свое истинное мнение о некоторых вещах, чтобы не расстраивать...	своего(ю) партнера(шу)	4,81	2,69	4,56 – 5,06	5,00	0,04	-1,25
		своих друзей	4,78	2,48	4,55 – 5,01	5,00	0,08	-1,03
		своих коллег	4,92	2,72	4,67 – 5,17	5,00	0,02	-1,20
		своих родителей	5,87	2,60	5,62 – 6,11	6,00	-0,43	-0,97
7	Когда время от времени я сообщаю недостоверную информацию о себе, я пытаюсь произвести впечатление на...	своего(ю) партнера(шу)	3,30	2,49	3,07 – 3,54	3,00	0,88	-0,33
		своих друзей	3,40	2,32	3,18 – 3,61	3,00	-0,74	-0,38
		своих коллег	3,83	2,53	3,60 – 4,07	4,00	0,44	-0,89
		своих родителей	3,22	2,31	3,00 – 3,43	3,00	0,75	-0,48
8	Нет таких тем, которые были бы для меня запрещенными в общении с...	моим(ей) партнером(шей)	6,25	2,76	6,00 – 6,51	7,00	-0,67	-0,86
		моими друзьями	6,11	2,56	5,88 – 6,35	7,00	-0,62	-0,68
		моими коллегами	3,39	2,38	3,17 – 3,61	3,00	0,83	-0,22
		моими родителями	4,27	2,49	4,04 – 4,50	4,00	0,24	-0,97
9	Я не боюсь открывать самые глубокие части своей личности, общаясь с...	моим(ей) партнером(шей)	6,52	2,60	6,28 – 6,77	7,00	-0,84	-0,47
		моими друзьями	6,16	2,43	5,93 – 6,39	7,00	-0,59	-0,62
		моими коллегами	3,24	2,11	3,04 – 3,43	3,00	0,82	0,09
		моими родителями	4,88	2,63	4,64 – 5,13	5,00	-0,03	-1,23
10	Я знаю недостаточно о некоторых вещах в жизни...	моего(й) партнера(ши)	5,42	2,53	5,18 – 5,65	6,00	-0,24	-1,06

№	Утверждение	Контекст	<i>M</i>	<i>SD</i>	95% <i>CI</i>	<i>Me</i>	<i>As</i>	<i>Ex</i>
		моих друзей	5,30	2,31	5,08 – 5,51	5,00	-0,11	-0,08
		моих коллег	6,29	2,61	6,05 – 6,53	7,00	-0,63	-0,79
		моих родителей	5,07	2,45	4,84 – 5,29	5,00	-0,01	-0,98

Примечание: *M* – среднее; *SD* – стандартное отклонение; *Me* – медиана; 95% *CI* – 95% доверительный интервал; *As* – асимметрия; *Ex* – эксцесс.

Приложение 3

Описательная статистика для двух факторов Шкалы аутентичности в отношениях для контекста «партнеры»

Фактор	<i>M</i>	<i>SD</i>	95% <i>CI</i>	<i>Me</i>	<i>As</i>	<i>Ex</i>
Принятие рисков интимности	39,2	0,62	38,0 – 40,4	43,0	-0,96	0,22
Неприемлемость лжи и обмана	19,2	0,36	18,5 – 19,9	19,0	-0,00	-0,40

Примечание: *M* – среднее; *SD* – стандартное отклонение; *Me* – медиана; 95% *CI* – 95% доверительный интервал; *As* – асимметрия; *Ex* – эксцесс.

Литература

1. Винникотт Д.В. Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2006. Том 14. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2006_n1/1721 (дата обращения: 20.09.2023).
2. Едамова А.Ю. Аутентичные отношения: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 1. С. 109–118. DOI:10.17759/jmfr.2023120112
3. Нартова-Бочавер С.К., Байрамян Р.М., Чулюкин К.С., Ерофеева В.Г. Что значит быть самим собой: повседневные представления об аутентичности среди детей младшего школьного возраста и подростков в России [Электронный ресурс] // Психология в России. 2021. № 3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49441816> (дата обращения: 21.09.2023).
4. Нартова-Бочавер С.К., Корнеев А.А., Резниченко С.И. Краткая версия опросника аутентичности Керниса-Голдмана: адаптация в России [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 3. С. 150–171. DOI:10.17759/cpp.2022300309
5. Петровский В.А. Артур Владимирович Петровский: ипостаси авторства [Электронный ресурс] // Развитие личности. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/artur-vladimirovich-petrovskiy-ipostasi-avtorstva> (дата обращения: 28.09.2023).
6. Роджерс К. Несколько важных открытий / Пер. с англ.: Гаврилова Т.П. // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1990. № 2. С. 58–65.
7. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24001562> (дата обращения: 05.09.2023).
8. Станковская Е.Б., Хохлачева А.В. Эмоциональная близость: феноменологический отклик интересубъективности [Электронный ресурс] // Мир психологии. 2019. № 1. С. 142–152. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38469498> (дата обращения: 02.09.2023).
9. Уайлд Д., Еременко С., Меар И. и др. Многонациональные исследования – рекомендации по требуемым переводам, подходам к использованию одного языка в разных странах и

- подходам к поддержке Объединение данных: Отчет Целевой группы ISPOR по переводу результатов, о которых сообщили пациенты, и лингвистической валидации передовой исследовательской практики [Электронный ресурс] // Качественная клиническая практика. 2015. № 2. С. 29–43. URL: https://www.clininvest.ru/jour/article/view/15?locale=en_US (дата обращения: 25.09.2023).
10. *Чистопольская К.А., Мутина О.В., Ениколопов С.Н. и др.* Адаптация краткой версии «Переработанного опросника — Опыт близких отношений» (ECR-R) на русскоязычной выборке [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 87–98. DOI:10.31857/S020595920000838-7
 11. *Babal R.A., Çekici F., Sünbül Z.A., Malkoç A., Gördesli M.A.* Authenticity In Relationships Scale (AIRS) // Turkish Adaptation And Validation Study. *Trakya E itim Dergisi*. 2021. Vol. 11. № 1. P. 439–449. DOI:10.24315/tred.770310
 12. *Bakshi A., Ansari S.A.* The Key Role of Vulnerability in Developing Authentic Connections in Romantic Relationships // *Cyprus Turkish Journal of Psychiatry & Psychology*. 2022. Vol. 4. № 1. P. 103–109. DOI:10.35365/ctjpp.22.1.11
 13. *Brown B.* Daring greatly: How the courage to be vulnerable transforms the way we live, love, parent, and lead // Penguin Publishing Group. 2013. P. 304.
 14. *Byrne B.* Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming // *Psicothema*. 2011. P. 432. DOI:10.4324/9780203807644
 15. *Gouveia T., Schulz M.S., Costa M.E.* Authenticity in relationships: Predicting caregiving and attachment in adult romantic relationships // *Journal of Counseling Psychology*. 2016. Vol. 63. № 6. P. 736–744. DOI:10.1037/cou0000128
 16. *Grijak Đ.* Validacija srpske adaptacije skale autentičnosti u partnerskim odnosima (AIRS) // *Primenjena psihologija*. 2018. Vol. 11. № 1. P. 89–104. DOI:10.19090/pp.2018.1.89–104
 17. *Havighurst R.J.* (Ed.). *Society and Education: A Book of Readings*. New York: Allyn & Bacon, 1967.
 18. *Housel K.* Relationship Authenticity: How to Be Your True and Authentic Self in Your Relationship // *Purpose Fairy*. URL: <https://www.purposefairy.com/98132/an-authentic-relationship/>
 19. *Hu L., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. Vol. 6. № 1. P. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
 20. *Josephs L., Warach B., Goldin K.L., Jonason P.K., Gorman B.S., Masroor S., Lebron N.* Be yourself: Authenticity as a long-term mating strategy // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 143. P. 118–127. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.020
 21. *Kehoe J.* Authentic Relationships: 5 Ways to Reveal Your True Self // *John Kehoe Mind Power Inc*. URL: <https://www.learnmindpower.com/authentic-relationships/>
 22. *Kernis M.H.* Toward a conceptualization of optimal self-esteem // *Psychological Inquiry*. 2003. Vol. 14. № 1. P. 1–26. DOI:10.1207/S15327965PLI1401_01
 23. *Kernis M.H., Goldman B.M.* A Multicomponent Conceptualization of Authenticity: Theory and Research // *Advances in experimental social psychology*. 2006. Vol. 38. P. 283–357. DOI:10.1016/S0065-2601(06)38006-9
 24. *Lenton A., Slabu L., Sedikides C.* State Authenticity in Everyday Life // *European Journal of Personality*. 2015. Vol. 30. № 1. P. 64–82. DOI:10.1002/per.2033
 25. *Lopez F.G., Rice K.G.* Preliminary development and validation of a measure of relationship authenticity // *Journal of Counseling Psychology*. 2006. Vol. 53. № 3. P. 362–371. DOI:10.1037/0022-0167.53.3.362
 26. *Robinson O.C., Lopez F.G., Ramos K., Nartova-Bochaver S.* Authenticity, Social Context, and Well-Being in the United States, England, and Russia: A Three Country Comparative Analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. № 5. P. 719–737. DOI:10.1177/0022022112465672

27. *Theran S.A., Dour H.* Superhero ideal, authenticity in relationships, and depressive symptoms: A multiple mediation analysis // *Acta Psychologica*. 2022. Vol. 226. DOI:10.1016/j.actpsy.2022.103559
28. *Tolmacz R., Bachner-Melman R., Lev-Ari L., Almagor K.* Interparental conflict and relational attitudes within romantic relationships: The mediating role of attachment orientations // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2022. Vol. 39. № 6. P. 1–21. DOI:10.1177/02654075211061617
29. *Wang Y.N.* Balanced authenticity predicts optimal well-being: Theoretical conceptualization and empirical development of the authenticity in relationships scale // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 94. P. 316–323. DOI:10.1016/j.paid.2016.02.001

References

- Vinnikott D.V. Iskazhenie Ego v terminakh istinnogo i lozhnogo Ya [Elektronnyi resurs] [Distortion of the Ego in terms of the true and false Self]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2006. Vol. 14, no. 1. Available at: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2006_n1/1721 (Accessed 20.09.2023). (In Russ.).
- Edamova A.Yu. Autentichnye otnosheniya: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Elektronnyi resurs] [Authentic relationships: a review of foreign studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 1, pp. 109–118. DOI:10.17759/jmfp.2023120112 (In Russ.).
- Nartova-Bochaver S.K., Bairamyan R.M., Chulyukin K.S., Erofeeva V.G. Chto znachit byt' samim soboi: povsednevnye predstavleniya ob autentichnosti sredi detei mladshego shkol'nogo vozrasta i podrostkov v Rossii [Elektronnyi resurs] [What it means to be yourself: everyday ideas about authenticity among younger schoolchildren and teenagers in Russia]. *Psikhologiya v Rossii = Psychology in Russia*, 2021, no. 3. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49441816> (Accessed 21.09.2023). (In Russ.).
- Nartova-Bochaver S.K., Korneev A.A., Reznichenko S.I. Kratkaya versiya oprosnika autentichnosti Kernisa-Goldmana: adaptatsiya v Rossii [Elektronnyi resurs] [A short version of the Kernis-Goldman authenticity inventory: adaptation in Russia]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 3, pp. 150–171. DOI:10.17759/cpp.2022300309 (In Russ.).
- Petrovskii V.A. Artur Vladimirovich Petrovskii: ipostasi avtorstva [Elektronnyi resurs] [Artur Vladimirovich Petrovsky: hypostases of authorship]. *Razvitie lichnosti = Development of personality*, 2014, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/artur-vladimirovich-petrovskiy-ipostasi-avtorstva> (Accessed 28.09.2023). (In Russ.).
- Rodzher K. Neskol'ko vazhnykh otkrytii [Several important discoveries]. Per. s angl.: Gavrilova T.P. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University*. Seriya 14: Psikhologiya, 1990, no. 2, pp. 58–65.
- Sabel'nikova N.V., Kashirskii D.V. Oprosnik privyazannosti k blizkim lyudyam [Elektronnyi resurs] [Attachment to close people questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2015. Vol. 36, no. 4, pp. 84–97. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24001562> (Accessed 05.09.2023). (In Russ.).
- Stankovskaya E.B., Khokhlacheva A.V. Emotsional'naya blizost': fenomenologicheskii otklik intersub'ektivnosti [Elektronnyi resurs] [Emotional intimacy: the phenomenological response of intersubjectivity]. *Mir psikhologii = World of psychology*, 2019, no. 1, pp. 142–152. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38469498> (Accessed 02.09.2023). (In Russ.).
- Uaild D., Eremenko S., Mear I. i dr. Mnogonatsional'nye issledovaniya — rekomendatsii po trebuemym perevodam, podkhodom k ispol'zovaniyu odnogo yazyka v raznykh stranakh i podkhodom k podderzhke Ob"edinenie dannykh: Otchet Tselevoi grupy ISPOR po perevodu rezul'tatov, o kotorykh soobshchili patsienty, i lingvisticheskoi validatsii peredovoi issledovatel'skoi praktiki [Elektronnyi resurs] [Multinational Studies — Recommendations on

- required translations, approaches to using the same language in different countries, and approaches to supporting Data Pooling: ISPOR Task Force Report on Translating Patient-reported Results and Linguistic Validation of Best Research Practices]. *Kachestvennaya klinicheskaya praktika = Good Clinical Practice*, 2015, no. 2, pp. 29–43. Available at: https://www.clinvest.ru/jour/article/view/15?locale=en_US (Accessed 25.09.2023). (In Russ.).
10. Chistopol'skaya K.A., Mitina O.V., Enikolopov S.N. i dr. Adaptatsiya kratkoi versii "Pererabotannogo oprosnika – Opyt blizkikh otnoshenii" (ECR-R) na russkoyazychnoi vyborke [Elektronnyi resurs] [Adaptation on a Russian sample of the short version of Experience in close relationships-revised questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2018. Vol. 39, no. 5, pp. 87–98. DOI:10.31857/S020595920000838-7 (In Russ.).
11. Babal R.A., Çekici F., Sünbül Z.A., Malkoç A., Gördesli M.A. Authenticity In Relationships Scale (AIRS). *Turkish Adaptation And Validation Study. Trakya Eğitim Dergisi*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 439–449. DOI:10.24315/tred.770310
12. Bakshi A., Ansari S.A. The Key Role of Vulnerability in Developing Authentic Connections in Romantic Relationships. *Cyprus Turkish Journal of Psychiatry & Psychology*, 2022. Vol. 4, no. 1, pp. 103–109. DOI:10.35365/ctjpp.22.1.11
13. Brown B. Daring greatly: How the courage to be vulnerable transforms the way we live, love, parent, and lead. *Penguin Publishing Group*, 2013. 304 p.
14. Byrne B. Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming. *Psicothema*, 2011. 432 p. DOI:10.4324/9780203807644
15. Gouveia T., Schulz M.S., Costa M.E. Authenticity in relationships: Predicting caregiving and attachment in adult romantic relationships. *Journal of Counseling Psychology*, 2016. Vol. 63, no. 6, pp. 736–744. DOI:10.1037/cou0000128
16. Grijak Đ. Validacija srpske adaptacije skale autentičnosti u partnerskim odnosima – (AIRS). *Primenjena psihologija*, 2018. Vol. 11, no. 1, pp. 89–104. DOI:10.19090/pp.2018.1.89–104
17. Havighurst R.J. (Ed.). *Society and Education: A Book of Readings*. New York: Allyn & Bacon, 1967.
18. Housel K. Relationship Authenticity: How to Be Your True and Authentic Self in Your Relationship. Purpose Fairy. Available at: <https://www.purposefairy.com/98132/an-authentic-relationship/>
19. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
20. Josephs L., Warach B., Goldin K.L., Jonason P.K., Gorman B.S., Masroor S., Lebron N. Be yourself: Authenticity as a long-term mating strategy. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 143, pp. 118–127. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.020
21. Kehoe J. Authentic Relationships: 5 Ways to Reveal Your True Self. John Kehoe Mind Power Inc. Available at: <https://www.learnmindpower.com/authentic-relationships/>
22. Kernis M.H. Toward a conceptualization of optimal self-esteem. *Psychological Inquiry*, 2003. Vol. 14, no. 1, pp. 1–26. DOI:10.1207/S15327965PLI1401_01
23. Kernis M.H., Goldman B.M. A Multicomponent Conceptualization of Authenticity: Theory and Research. *Advances in experimental social psychology*, 2006. Vol. 38, pp. 283–357. DOI:10.1016/S0065-2601(06)38006-9
24. Lenton A., Slabu L., Sedikides C. State Authenticity in Everyday Life. *European Journal of Personality*, 2015. Vol. 30, no. 1, pp. 64–82. DOI:10.1002/per.2033
25. Lopez F.G., Rice K.G. Preliminary development and validation of a measure of relationship authenticity. *Journal of Counseling Psychology*, 2006. Vol. 53, no. 3, pp. 362–371. DOI:10.1037/0022-0167.53.3.362
26. Robinson O.C., Lopez F.G., Ramos K., Nartova-Bochaver S. Authenticity, Social Context, and Well-Being in the United States, England, and Russia: A Three Country

Comparative Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44, no. 5, pp. 719–737. DOI:10.1177/0022022112465672

27. Theran S.A., Dour H. Superhero ideal, authenticity in relationships, and depressive symptoms: A multiple mediation analysis. *Acta Psychologica*, 2022. Vol. 226. DOI:10.1016/j.actpsy.2022.103559

28. Tolmacz R., Bachner-Melman R., Lev-Ari L., Almagor K. Interparental conflict and relational attitudes within romantic relationships: The mediating role of attachment orientations. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2022. Vol. 39, no. 6, pp. 1–21. DOI:10.1177/02654075211061617

29. Wang Y.N. Balanced authenticity predicts optimal well-being: Theoretical conceptualization and empirical development of the authenticity in relationships scale. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 94, pp. 316–323. DOI:10.1016/j.paid.2016.02.001

Информация об авторах

Борисова Анна Юрьевна, стажер-исследователь, аспирант факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-3670>, e-mail: edamovaa@yandex.ru

Нартова-Бочавер Софья Кимовна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Information about the authors

Anna Y. Borisova, Research Assistant, Postgraduate Student, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-3670>, e-mail: edamovaa@yandex.ru

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Получена 08.12.2023

Принята в печать 27.09.2024

Received 08.12.2023

Accepted 27.09.2024

Шкала родительского стресса: адаптация на русскоязычной выборке матерей школьников

Бочавер А.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Ахмеджанова Д.Р.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9643-5660>, e-mail: dakhmedjanova@hse.ru

Байрамян Р.М.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0412-4495>, e-mail: roksana.bayramyan@mail.ru

Поливанова К.Н.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-1232>, e-mail: kpolivanova@mail.ru

Цель. Адаптация методики Шкала родительского стресса (Parental Stress Scale) Дж. Берри и У. Джонса на выборке матерей российских школьников — учащихся первых и четвертых классов общеобразовательных школ Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Контекст и актуальность. Современные исследования родительства подчеркивают комплексный характер переживаний родителей в ходе воспитания детей, разнообразие родительских практик, изменения, сопряженные с взрослением ребенка и динамикой семейной системы, и сочетание как позитивных, так и негативных эмоций в опыте родительства. Однако на текущий момент в русскоязычной литературе ощущается заметный дефицит инструментов, позволяющих измерять как степень удовлетворенности собой как родителем, так и уровень родительского стресса.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью онлайн-опроса в рамках лонгитюдного исследования факторов школьной неуспешности, реализуемого в Нижнем Новгороде и Нижегородской области.

Участники. Исследование включало 900 матерей учащихся четвертых классов, а также 1120 матерей первоклассников.

Методы (инструменты). Для психометрического анализа данных были использованы эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, коэффициент омега Макдональда. Для оценки конвергентных и дискриминантных связей использовался опросник благополучия «PERMA Profiler» и корреляционный анализ. Данные обрабатывались в программах Jator и R.

Результаты. Факторный анализ структуры опросника показывает два фактора, к каждому из которых относятся 8 пунктов. Субшкалы «Родительский стресс» и «Родительская удовлетворенность» демонстрируют хороший уровень внутренней согласованности. Оценка

валидности на основе конвергентных и дискриминантных связей подтверждает надежность и валидность инструмента.

Основные выводы. Шкала демонстрирует хорошие психометрические показатели и может использоваться для исследований родительства, а также в прикладных проектах по повышению родительской компетентности и эмоциональной поддержке родителей.

Ключевые слова: родительский стресс; родительская удовлетворенность; исследования родительства; шкала родительского стресса; семья; начальная школа.

Финансирование. Исследование подготовлено в рамках проекта «Лонгитюдное исследование факторов школьной успеваемости» Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: Бочавер А.А., Ахмеджанова Д.Р., Байрамян Р.М., Поливанова К.Н. Шкала родительского стресса: адаптация на русскоязычной выборке // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 202–221. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312>

Parental Stress Scale: Adaptation on the Russian-Speaking Sample of Schoolchildren’s Mothers

Alexandra A. Bochaver

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Diana R. Akhmedjanova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9643-5660>, e-mail: dakhmedjanova@hse.ru

Roksana M. Bayramyan

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0412-4495>, e-mail: roksana.bayramyan@mail.ru

Katerina N. Polivanova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-1232>, e-mail: kpolivanova@mail.ru

Objective. *Adaptation of the Parental Stress Scale by J. Berry and V. Jones on a sample of mothers of Russian schoolchildren – first and fourth grade students of elementary schools in Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region.*

Background. *Modern parenting research highlights the complex nature of parenting experiences, the diversity of parental practices, the changes associated with the child’s upbringing and the dynamics of the family system, and the combination of both positive and negative emotions in parenting. However, there is a noticeable shortage of tools in the Russian-language literature to measure both parental satisfaction and parental stress.*

Study design. *The study was conducted using an online survey within the “Longitudinal study of factors of school failure”, implemented in Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region.*

Participants. *The study included a sample of 900 mothers of fourth grade and 1120 mothers of the first grade school students.*

Measurements. *Exploratory and confirmatory factor analysis and McDonald’s Omega coefficients were used for psychometric data analysis. The PERMA Profiler questionnaire and correlation analysis were used to assess validity based on convergent and discriminant evidence. The data was analyzed in the Jamovi 2022 and R programs.*

Results. *Factor analyses of the internal structure suggest two factors, including 8 items each. The subscales “Parental stress” and “Parental satisfaction” demonstrate a high level of internal consistency. The assessment of validity based on the convergent and discriminant evidence confirms the reliability and validity of the instrument.*

Conclusions. *The scale demonstrates good psychometric properties and can be used for parenting research, as well as in applied projects to improve parental competence and emotional support for parents.*

Keywords: *parental stress; parental satisfaction; parenting studies; parental stress scale; family; elementary school.*

Funding. The study was prepared within the framework of the project “Longitudinal Study of School Failure Factors” of the HSE Basic Research Program.

For citation: Bochaver A.A., Akhmedjanova D.R., Bayramyan R.M., Polivanova K.N. Parental Stress Scale: Adaptation on the Russian-Speaking Sample of Schoolchildren’s Mothers. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 202–221. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312> (In Russ.).

Введение

Родительский стресс представляет собой негативную реакцию у того, кто выполняет родительские функции (мать, отец, опекун), на себя или на ребенка, которая может выражаться в подавленном настроении, проблемах со сном, плохом самочувствии, раздражительности, вспыльчивости, недовольстве и беспокойстве. Такая реакция запускается при возникновении чувства перегруженности родительство: становится трудно адаптироваться к задачам по воспитанию и заботе о ребенке, не хватает навыков и ресурсов поддержки [10; 52]. Основная цель данной статьи — описать процесс адаптации Шкалы родительского стресса [17] на русскоязычной выборке, поскольку на данный момент в открытом доступе отсутствуют надежные инструменты для оценки родительского стресса на русском языке.

Понятие родительского стресса стало обсуждаться в 1980-х годах на волне обширных исследований стресса Г. Селле и Р. Лазаруса [36; 55]. Стресс понимается как цепочка физиологических реакций от тревоги (мобилизации) к

адаптации и далее — к истощению. Высокий уровень стресса, выражающийся в истощении, имеет негативные последствия, и интервенции, как правило, направлены на повышение контроля над физиологическими реакциями и обучение управлению неизбежным стрессом (стресс-менеджмент). В некоторых работах понятие «родительский стресс» отождествляется с высоким уровнем стресса, фазой истощения и приближается по значению к «родительскому выгоранию», и в этом случае целью интервенций становится снижение родительского стресса. Первоначально изучение родительского стресса развивалось во многом вокруг медицинских учреждений, исследовались связи между родительским стрессом и обращениями за медицинской помощью детям [11; 12]. Например, в исследовании Р. Абидина изучалась связь частоты обращения за медицинской помощью детям в возрасте до 4 лет с уровнем родительского стресса у их матерей, и была обнаружена U-образная кривая связи: чаще всего за помощью при детских травмах (ожогах, рваных ранах, падениях, отравлениях) обращались

матери либо с высоким, либо с низким уровнем стресса. Р. Абидин интерпретировал такой результат, опираясь на теорию привязанности: матери с высоким уровнем тревожности и неустойчивости могут показывать высокий уровень родительского стресса, а отстраненные и пренебрегающие детскими потребностями матери демонстрируют низкий уровень стресса [12].

В 1990-х годах родительский стресс стал изучаться в более обширном и повседневном контексте [22], исходя из представления, что все матери и отцы время от времени сталкиваются с раздражением, фрустрацией, огорчением в своей повседневной жизни с детьми — это своего рода психологическая цена за то, чтобы быть родителем [21]. Каждый отдельный эпизод — например, ссора между братьями и сестрами, конфликт из-за уборки — незначителен, но накопительный эффект от подобных ситуаций на протяжении долгого времени может приводить к серьезному истощению у родителей [19].

Интенсивный родительский стресс может приводить к депрессии, невротизации, к появлению или обострению хронических заболеваний у родителей [2; 9], опосредовать связь между депрессией и дисфункциональным родительством матери [56]. Он связан с негативным, суровым или пренебрежительным воспитанием, гипер- или, напротив, гипововлеченностью, может приводить к жестокому обращению с детьми [7; 33; 37], в том числе к физическому насилию и словесной агрессии [28]. Родительский стресс может служить предпосылкой безнадзорности [46; 53] и социальной дезадаптации детей [21].

Сейчас все чаще как результат невозможности конструктивно справиться с родительским стрессом обсуждается ро-

дительское выгорание [3; 8], включающее эмоциональное истощение от собственной родительской роли и чувство пресыщенности своим родительством, переживание собственной неэффективности, контраста между собой как родителем раньше и теперь и эмоциональное отчуждение от своих детей [14]. Родительскому выгоранию могут способствовать индивидуально-личностные черты родителя (например, нейротизм), особенности родительства (например, тревожный тип привязанности к ребенку), а также функционирование семьи (конфликты, низкая согласованность между родителями, низкая удовлетворенность супружеством и др.) [42]. Родительское выгорание опасно с точки зрения последствий, которые включают в себя фантазирование об уходе от родительства через побег или совершение суицида, пренебрежение заботой о ребенке и насилие по отношению к собственным детям [43]. Такие данные обосновывают необходимость разработки интервенций для управления родительским стрессом и профилактики родительского выгорания.

Источники родительского стресса преимущественно локализируются на двух полюсах: родительском и детском. Связанные с детьми стрессоры, во-первых, включают ежедневную рутину, связанную с заботой о ребенке («родительский повседневный стресс») [2]. Во-вторых, могут иметь место хронические стрессоры, обусловленные индивидуальными особенностями детей, нарушениями развития и ограниченными возможностями здоровья [39]. Уровень родительского стресса связан со степенью тяжести симптоматики у детей [1; 5; 16; 35; 40; 58; 59; 60; 62]. Наиболее уязвимы к родительскому стрессу родители детей с РАС [26; 31]. Серьезные заболевания у ребенка экстремально повышают родительскую

тревогу, требуют больших усилий и делают семью в целом более уязвимой к разного рода стрессорам, что, в свою очередь, негативно влияет на устойчивость родителей и их способность заботиться и воспитывать [39]. В-третьих, острые стрессоры, такие как травма у ребенка или его побег из дома, также могут приводить к истощению и утрате удовлетворенности собой как родителем [8].

Стрессоры, связанные с родителями, обусловлены объективными (например, недостаток сна) и субъективными (например, переживание собственной неэффективности) сторонами жизни [19]. Более высокий уровень родительского стресса характерен для тех, кто воспринимает своего ребенка как «трудного», одновременно предъявляя высокие требования к себе и низко оценивая свою эффективность. Родительский стресс отличается от других видов стресса, но может быть тесно связан с ними и усиливаться негативными жизненными ситуациями, финансовыми проблемами, повседневным стрессом [2; 52]. Структура и динамика семьи также могут способствовать родительскому стрессу — например, одиночное родительство [39], интенсивное родительство [7], частые переезды и разлуки, профессиональные перегрузки или, наоборот, отсутствие занятости, страх смерти члена семьи и ее последствий [9; 15; 29; 41; 57; 63], что показывают исследования семей военнослужащих и заключенных. Появление смешанной семьи, объединение двух семей в одно домохозяйство, появление мачехи или отчима, сводных братьев и сестер влияют на переживания и поведение детей школьного возраста и старше, в свою очередь усиливая родительский стресс [39]. Пандемия COVID-19 резко повысила уровень родительского стресса в семьях и связанные с ним нарушения

психического здоровья родителей, применение физического насилия по отношению к детям [1; 28]. Если семья находится под надзором социальных служб, давление такого надзора также может усиливать родительский стресс [47].

Имеет место *циклическая динамика*: с одной стороны, характеристики детей и родителей (личностные черты, состояние здоровья и др.) могут вносить вклад в родительский стресс, усиливая или ослабляя его; с другой — они сами подвержены влиянию родительского стресса (что может проявляться, например, в повышении агрессивности, тревожности, психосоматических нарушениях), и эти взаимосвязи образуют реципрокный процесс, влияющий на благополучие обеих сторон [20; 52]. Например, дети со сниженным чувством безопасности могут демонстрировать тревожное поведение, которое повышает родительский стресс; он способствует хаотичности и непоследовательности в семейной среде; хаотичность в семье приводит к переживанию беспомощности и поведенческим проблемам у детей, за чем следуют снижение самооценки и повышение тревожности родителей, цикл повторяется, а эмоциональные и поведенческие проявления могут усиливаться [39; 62].

Факторы, защищающие от родительского стресса и выгорания, в первую очередь включают семейные ценности и поддержку со стороны семьи [38; 44], а также родительский альянс [23].

В результате анализа инструментов для оценки родительского стресса [32; 48] для адаптации был выбран один из наиболее известных и компактных опросников — Шкала родительского стресса [17], в основе которой лежат транзакционная модель родительского стресса (в противовес идее однонаправленного влияния родителей на

детей) и тезис о сложности родительского опыта, в котором переплетены вызовы и вознаграждения [39]. Шкала была разработана на выборке родителей детей с разным состоянием здоровья и исходно включает 18 пунктов и 4 субшкалы («Родительские вознаграждения», «Родительские стрессоры», «Отсутствие контроля» и «Родительская удовлетворенность»), а также общую интегративную шкалу родительского стресса [17]. Анализируя итоги двадцати лет исследований родительского стресса с помощью этой шкалы в разных странах [39], авторы рекомендуют изменить формулировку одного пункта и подсчитывать только общий уровень родительского стресса, однако при адаптации шкалы в разных культурах для того, чтобы получить удовлетворительные психометрические характеристики, исследователи меняют формулировки, число субшкал, число вопросов, ответную шкалу, их исследования существенно различаются по выборке — возрасту и состоянию здоровья детей, чьи родители участвуют в исследовании, состоянию здоровья самих родителей и другим характеристикам. Чаще всего шкала показывает двухфакторную структуру — например, в Дании [50], Норвегии [45], Индонезии [34], Корее [49], однако в Иране в шкалу вошли три фактора [30], а в Португалии подтвердилась исходная четырехфакторная структура опросника [13]. Таким образом, хотя сам конструкт родительского стресса имеет многочисленные подтверждения своего существования [30], в отношении Шкалы родительского стресса отсутствует согласованное мнение о ее факторной структуре и необходимом количестве пунктов.

Целью данного исследования было изучение валидности и надежности Шкалы родительского стресса на выборке российских матерей. Было выдвинуто три гипотезы:

1) Шкала родительского стресса включает все четыре фактора из исходной шкалы;

2) Шкала родительского стресса взаимосвязана с показателями родительского благополучия, измеряемыми опросником «PERMA Profiler»;

3) Шкала родительского стресса показывает приемлемый индекс надежности для обеспечения точного измерения родительского стресса.

Программа исследования

Выборка исследования включала 900 матерей четвероклассников в возрасте от 24 до 56 лет ($M = 38,08$, $SD = 5,46$). Двухфакторная модель КФА проверялась на выборке 1120 матерей первоклассников в возрасте от 24 до 60 лет ($M = 36,17$, $SD = 5,44$). 73% матерей имели уровень образования бакалавры или выше.

Процедура. Опрос проводился в рамках лонгитюдного исследования факторов школьной неуспешности [6], данные были собраны осенью 2022 года в школах Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Инструментарий включал следующие опросники:

1) Шкала родительского стресса [39] содержит 4 субшкалы и 18 пунктов, но пункты 2 и 4 не относятся ни к одной из них [17]. Ответная шкала включает ответы от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен», 3 — «затрудняюсь ответить». Шкала была переведена специалистом в сфере психологии, затем два других эксперта независимо оценили перевод; расхождения были сняты в процессе дискуссии, после этого был сделан обратный перевод на английский язык, также проверенный экспертом. Из ответной шкалы был удален промежуточный вариант и оставлены 4 варианта ответа: от 1 — «полностью не согласен» до 4 — «пол-

ностью согласен». В адаптации опросника использовались все 18 пунктов.

2) Опросник благополучия «PERMA-Profiler» [4] был выбран для проверки валидности на основе конвергентных и дискриминантных связей со Шкалой родительского стресса в силу его высоких показателей валидности и надежности в измерении благополучия [18]. Опросник содержит 15 пунктов по пяти шкалам («Позитивные эмоции», «Вовлеченность», «Взаимоотношения», «Смысл», «Достижения»), а также 8 дополнительных пунктов. Ответная шкала включает пункты от 0 — «никогда» до 10 — «всегда». Для решения наших задач были отобраны только пять основных шкал с исключением дополнительных в силу их слабых факторных нагрузок, а также модифицирована ответная шкала до более краткой версии от 1 — «никогда» до 5 — «почти всегда». Оценка индекса надежности опросника на нашей выборке ($n = 900$) показала высокие результаты ($\omega_h = 0,76$, $\omega_t = 0,95$).

Обработка данных проводилась в программах Jamovi 2022 и R. Эксплораторный факторный анализ (ЭФА) проводился в пакете *psychometric* [27], а подтверждающий факторный анализ (КФА) — в пакете *lavaan* [54]. Анализ корреляций Пирсона и индексы надежности проводились в пакете *psych* [51]. Проверка неполных данных проводилась в пакетах *miss* [61].

Результаты

Первоначальный набор данных включал 1071 ответ родителей учащихся четвертых классов. После удаления ответов с пропущенными значениями и 68 отцов в финальную выборку вошли полные ответы, предоставленные матерями ($n = 900$).

Основываясь на результатах исследований по валидации Шкалы родительского стресса в разных странах и отсут-

ствии надежной факторной структуры, мы проверили внутреннюю структуру на данных российских матерей по подобию исследования А. Нэрдэ (Nærde) и С. Зоммер Хюккельберг (Sommer Hukkelberg) [45], случайным образом разделив данные на две части и проведя ЭФА ($n = 450$), а затем КФА ($n = 450$). ЭФА проводился по 18 пунктам, как в оригинале, а КФА позволил проверить структуру Шкалы родительского стресса, полученную в ЭФА.

Перед проведением ЭФА были проверены корреляции данных и исходные допущения ЭФА о факторизуемости и сферичности данных. Анализ корреляций указал на небольшие и средние положительные и отрицательные корреляции между утверждениями Шкалы родительского стресса (от $-0,06$ до $0,74$). Общая оценка адекватности коэффициента Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) составила $0,91$, а оценки по каждому пункту варьировались от $0,86$ до $0,93$, что допускает проведение факторного анализа [25]. Критерий сферичности Бартлетта подтвердил целесообразность проведения факторного анализа, $\chi^2(153) = 4858,93$, $p < 0,001$.

Факторная структура, основанная на Eigen величинах и графиках каменной оси, выявила трехфакторную модель. Параллельный анализ определил два фактора, которые были проанализированы с использованием наклонного вращения. Двухфакторная модель показала приемлемые значения соответствия модели. Факторные нагрузки концептуально предполагали две субшкалы родительского стресса (53% дисперсии) и родительской удовлетворенности (47% дисперсии), по восемь пунктов в каждой, с корреляцией $-0,26$. Поскольку утверждения 3 и 4 имели наименьшую факторную нагрузку, мы исключили их из окончательной версии шкалы.

Для оценки параметров модели КФА ($n = 450$) использовался взвешенный по диагонали метод наименьших квадратов (DWLS). КФА показал хорошие значения соответствия модели, $\chi^2(103) = 236,04$, $p < 0,000$, $CFI = 0,99$, $TLI = 0,99$, $RMSEA = 0,05$, $SRMR = 0,06$, коэффициент $\chi^2/df = 2,29$. Показатели факторных нагрузок и статистика по каждому из утверждений представлены в табл. 1. КФА на матерях первоклассников ($n = 1120$) также показал отличные значения, $\chi^2(103) = 338,39$, $p < 0,000$, $CFI = 0,99$, $TLI = 0,99$, $RMSEA = 0,05$, $SRMR = 0,06$, коэффициент $\chi^2/df = 3,28$. Таким образом, двухфакторная модель подтвердилась на выборке матерей первоклассников и состоит из двух субшкал — «Родительского стресса» и «Родительской удовлетворенности».

Установление валидности шкалы проводилось с использованием опросника «PERMA-Profilер». Все пять субшкал опросника «PERMA-Profilер» показали статистически значимые положительные корреляции с субшкалой «Родительской удовлетворенности» (от 0,09 до 0,24, табл. 2). Субшкалы «Положительные эмоции», «Взаимоотношения», «Смысл»

и «Достижения» имели статистически значимые отрицательные корреляции с субшкалой «Родительского стресса» (от $-0,16$ до $-0,22$). Эти результаты дают первичные свидетельства валидности на основе конвергентных связей между родительской удовлетворенностью и показателями благополучия. В то же время были выявлены и дискриминантные связи (слабые и отрицательные корреляции) между родительским стрессом и показателями благополучия. Тем не менее их следует интерпретировать с осторожностью, поскольку «PERMA-Profilер» не измеряет родительский стресс или удовлетворенность родителей.

Анализ надежности проводился путем оценки омеги МакДональда [24]. Получены высокие показатели надежности по обеим шкалам на выборках матерей четвероклассников ($n = 900$) и первоклассников ($n = 1165$): соответственно, «Родительский стресс» ($\omega_h = 0,83$, $\omega_t = 0,93$; $\omega_h = 0,78$, $\omega_t = 0,92$) и «Родительская удовлетворенность» ($\omega_h = 0,75$, $\omega_t = 0,9$; $\omega_h = 0,76$, $\omega_t = 0,88$). Индекс надежности для обеих шкал в однофакторной модели показывает низкое значение ($\omega_h = 0,49$).

Таблица 1

Индексы надежности и статистические показатели для утверждений адаптированной Шкалы родительского стресса ($n = 450$)

№ п/п	Шкалы	Факторные нагрузки	Иерархическая омега	Общая омега	Mean (SD)	ГТС	ГТС, если убрать утв.
	Шкала родительского стресса		0,49	0,89			
	Родительский стресс		0,83	0,93			
1.	Я чувствую напряжение и подавленность из-за ответственности быть родителем	0,93			1,4 (0,81)	0,83	0,78
2.	Рождение детей привело к ограничению выбора и контроля над моей жизнью	0,89			1,6 (0,91)	0,83	0,78

№ п/п	Шкалы	Факторные нагрузки	Иерархическая омега	Общая омега	Mean (SD)	ГТС	ГТС, если убрать утв.
3.	Мне сложно совмещать разные обязанности из-за ребенка (детей)	0,81			1,8 (0,86)	0,79	0,72
4.	Рождение ребенка (детей) отрицательно сказалось на моем финансовом благосостоянии	0,86			1,6 (0,83)	0,81	0,75
5.	Если бы мне пришлось пройти через это снова, возможно, я бы решил(-а) не заводить детей	0,85			1,3 (0,78)	0,76	0,69
6.	Я часто смущаюсь или нервничаю из-за поведения моего ребенка (моих детей)	0,78			1,8 (0,87)	0,77	0,69
7.	Наличие ребенка (детей) ограничило личное время и свободу в моей жизни	0,78			1,9 (0,96)	0,76	0,67
8.	Мой ребенок (мои дети) являются основным источником стресса в моей жизни	0,75			1,7 (0,92)	0,75	0,66
	Родительская удовлетворенность		0,75	0,9			
9.	Мне нравится проводить время со своим ребенком (своими детьми)	0,91			3,7 (0,46)	0,77	0,69
10.	Мне нравится быть родителем	0,94			3,8 (0,42)	0,76	0,68
11.	Я чувствую сильную привязанность к своему ребенку (детям)	0,81			3,7 (0,52)	0,73	0,63
12.	Я считаю своего ребенка (своих детей) замечательным(-и)	0,78			3,8 (0,47)	0,64	0,53
13.	Я сделаю все ради своего ребенка (своих детей), если это необходимо	0,77			3,8 (0,46)	0,65	0,54
14.	Я чувствую, что у нас близкие, доверительные отношения с моим ребенком (моими детьми)	0,79			3,5 (0,55)	0,72	0,60
15.	Я более уверенно и оптимистично смотрю в будущее, потому что у меня есть ребенок (дети)	0,71			3,6 (0,61)	0,70	0,57
16.	Я доволен(-льна) собой в качестве родителя	0,67			3,4 (0,64)	0,66	0,50

Примечание: ГТС – полная корреляция с утверждениями.

Таблица 2

**Корреляции между субшкалами «PERMA-Profiler»
и Шкалами родительского стресса (n = 900)**

Субшкалы	1	2	3	4	5	6	7
Позитивные эмоции	1						
Вовлеченность	0,59***	1					

Субшкалы	1	2	3	4	5	6	7
Взаимоотношения	0,62***	0,50***	1				
Смысл	0,63***	0,52***	0,69***	1			
Достижения	0,61***	0,56***	0,60***	0,77***	1		
Стресс	0,16***	-0,05	-0,18***	-0,22***	-0,16***	1	
Удовлетворенность	0,15***	0,09**	0,19***	0,24***	0,18***	-0,09**	1
Mean (SD)	4,3 (0,52)	4,0 (0,6)	4,28 (0,64)	4,4 (0,60)	4,28 (0,56)	1,61(0,67)	3,67(0,42)

Примечание: *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволил проверить три гипотезы и получить следующие результаты. Гипотеза 1 не подтвердилась: ЭФА и КФА показали не четырехфакторную, а двухфакторную структуру (субшкалы «Родительского стресса» и «Родительской удовлетворенности»), по 8 утверждений в каждой. Гипотеза 2 подтвердилась: субшкала родительской удовлетворенности положительно связана со всеми субшкалами благополучия, а субшкала родительского стресса отрицательно связана с субшкалами благополучия. Гипотеза 3 подтвердилась частично: «Шкала родительского стресса» в адаптации на российских матерях включает два фактора — родительский стресс и родительскую удовлетворенность, которые показывают высокую согласованность; однако при расчете индекса надежности для обеих субшкал в однофакторной модели индекс надежности показывает низкое значение, поэтому рекомендовано рассматривать два фактора независимо друг от друга. Такие результаты в целом соответствует результатам адаптации шкалы в Дании, Норвегии, Индонезии, Корее [34; 45; 49; 50]. Итоговая версия опросника Шкала родительского стресса, адаптированного на русскоязычной выборке матерей школьников, представлена в Приложении.

Ограничения исследования обусловлены однородностью выборки из-за сходного возраста детей и участия только матерей, ограниченным набором инструментов, сбором данных только в одном регионе России. В перспективе необходимо использование большего количества инструментов, расширение выборки и включение в исследование отцов, а также расширение территории, на которой происходит сбор данных. Кроме того, учитывая нестабильную факторную структуру Шкалы родительского стресса в ходе ее валидизации в разных странах, в будущих исследованиях следует изучить особенности реагирования родителей на шкалу, уделяя особое внимание интерпретации вопросов, условиям и времени психологического обследования, культурным, семейным, личностным особенностям и другим внешним переменным, влияющим на результаты тестирования родителей с помощью Шкалы родительского стресса.

Заключение

Адаптация методики Шкала родительского стресса на российской выборке матерей школьников представляет собой надежный, удобный и компактный инструмент. Шкала может использоваться для исследований в области психологии семьи, психологии развития и образо-

вания с целью изучения родительского стресса в разных социальных контекстах, регионах и для межкультурных сравнений. Кроме того, шкалу можно интегрировать

в программы, адресованные родителям, направленные на обучение управлению стрессом и повышение их благополучия и родительской компетентности.

Приложение

Шкала родительского стресса (адаптация методики Parental Stress Scale (1995) Дж. Берри и У. Джонса на русскоязычной выборке матерей)

Инструкция

Следующие утверждения описывают чувства и представления о родительском опыте. Прочтите их, пожалуйста, внимательно и подумайте над каждым из пунктов с точки зрения того, как обычно складываются отношения с Вашим ребенком. Отметьте, в какой степени Вы согласны или не согласны со следующими пунктами, поставив соответствующую цифру в отведенном для этого месте:

- 1 – категорически не согласен
- 2 – скорее не согласен
- 3 – скорее согласен
- 4 – полностью согласен

Родительский стресс		Один вариант ответа из предложенных
1.	Я чувствую напряжение и подавленность из-за ответственности быть родителем	
2.	Рождение детей привело к ограничению выбора и контроля над моей жизнью	
3.	Мне сложно совмещать разные обязанности из-за ребенка (детей)	
4.	Рождение ребенка (детей) отрицательно сказалось на моем финансовом благосостоянии	
5.	Если бы мне пришлось пройти через это снова, возможно, я бы решил(-а) не заводить детей	
6.	Я часто смущаюсь или нервничаю из-за поведения моего ребенка (моих детей)	
7.	Наличие ребенка (детей) ограничило личное время и свободу в моей жизни	
8.	Мой ребенок (мои дети) являются основным источником стресса в моей жизни	
Родительская удовлетворенность		Один вариант ответа из предложенных
9.	Мне нравится проводить время со своим ребенком (своими детьми)	
10.	Мне нравится быть родителем	

11.	Я чувствую сильную привязанность к своему ребенку (детям)	
12.	Я считаю своего ребенка (своих детей) замечательным(-и)	
13.	Я сделаю все ради своего ребенка (своих детей), если это необходимо	
14.	Я чувствую, что у нас близкие, доверительные отношения с моим ребенком (моими детьми)	
15.	Я более уверенно и оптимистично смотрю в будущее, потому что у меня есть ребенок (дети)	
16.	Я доволен(-льна) собой в качестве родителя	

Литература

1. Бухаленкова Д.А., Нечаева Д.М. Психическое развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста во время пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 2. С. 81–92. DOI:10.17759/jmfr.2022110207
2. Василенко В.Е., Савеньшиева С.С., Заплетина О.О. Родительский и повседневный стресс у матерей детей раннего и дошкольного возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 27–48. DOI:10.17759/cpp.2021290403
3. Ефимова И.Н. Личностные характеристики и особенности эмоциональных и поведенческих проявлений родителей в связи со степенью их эмоционального выгорания // Российский научный журнал. 2013. Том 4. № 35. С. 206–215.
4. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 116–133. DOI:10.17759/sps.2022130308
5. Ким К.А., Кадыров Р.В. Родительский стресс и воспитание ребенка с детским церебральным параличом: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2022. Том 11. № 4. С. 1–29. DOI:10.17759/cspse.2022110401
6. Лонгитюдное исследование факторов, влияющих на школьную неуспешность [Электронный ресурс]. URL: <https://ioe.hse.ru/failure-factors/> (дата обращения: 14.03.2024).
7. Мисюк Ю.В., Хазова С.А. Исследование выраженности установок на интенсивное родительство у российских женщин // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Том 27. № 3. С. 91–98. DOI:10.34216/2073-1426-2021-27-3-91-98
8. Старченкова Е.С. Социально-психологические факторы родительского выгорания // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Международной научной конференции: в 2-х томах. Том 2 / Ответственные редакторы М.В. Сапоровская, Т.Л. Крюкова, С.А. Хазова. Кострома: Костромской государственный университет, 2019. С. 109–113.
9. Тихонова И.В. Родительские состояния, связанные со стрессом: понятийный дискурс и дифференциация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Том 28. № 2. С. 84–92. DOI:10.34216/2073-1426-2022-28-2-84-92
10. Abidin R.R., Smith L.T., Kim H. Parenting stress // WikiJournal of Medicine. 2022. Vol. 9. № 1. P. 3. DOI:10.15347/WJM/2022.003
11. Abidin R.R., Wilfong E. Parenting Stress and Its Relationship to Child Health Care // Children's Health Care. 1989. Vol. 18. № 2. P. 114–116. DOI:10.1207/s15326888chc1802_9
12. Abidin R.R. Parenting Stress and the Utilization of Pediatric Services // Children's Health Care. 1982. Vol. 11. № 2. P. 70–73. DOI:10.1207/s15326888chc1102_5

13. *Algarvio S., Leal I., Maroco J.* Parental Stress Scale: Validation study with a Portuguese population of parents of children from 3 to 10 years old // *Journal of Child Health Care*. 2018. Vol. 22. № 4. P. 563–576. DOI:10.1177/1367493518764337
14. *Aunola K., Sorkkila M., Tolvanen A.* Validity of the Finnish version of the Parental Burnout Assessment (PBA) // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2020. Vol. 61. № 5. P. 714–722. DOI:10.1111/sjop.12654
15. *Barbot B., Crossman E., Hunter S.R., Grigorenko E.L., Luthar S.S.* Reciprocal influences between maternal parenting and child adjustment in a high-risk population: A 5-year cross-lagged analysis of bidirectional effects // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2014. Vol. 84. № 5. P. 567–580. DOI:10.1037/ort0000012
16. *Barroso N.E., Mendez L., Graziano P.A., Bagner D.M.* Parenting Stress through the Lens of Different Clinical Groups: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2018. Vol. 46. № 3. P. 449–461. DOI:10.1007/s10802-017-0313-6
17. *Berry J.O., Jones W.H.* The Parental Stress Scale: Initial Psychometric Evidence // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1995. Vol. 12. № 3. P. 463–472. DOI:10.1177/0265407595123009
18. *Butler J., Kern M.L.* The PERMA-Profil: A brief multidimensional measure of flourishing // *International Journal of Wellbeing*. 2016. Vol. 6. № 3. Art. 3. DOI:10.5502/ijw.v6i3.526
19. *Crnic K., Greenberg M.T.* Minor parenting stresses with young children // *Child Development*. 1990. Vol. 61. P. 1628–1637. DOI:10.2307/1130770
20. *Crnic K., Ross E.* Parenting stress and parental efficacy // *Parental Stress and Early Child Development*. Springer International Publishing, 2017. P. 263–284. DOI:10.1007/978-3-319-55376-4_11
21. *Deater-Deckard K.* Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 1998. Vol. 5. № 3. P. 314–332. DOI:10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x
22. *Deater-Deckard K., Scarr S.* Parenting stress among dual-earner mothers and fathers: Are there gender differences? // *Journal of Family Psychology*. 1996. Vol. 10. № 1. P. 45–59. DOI:10.1037/0893-3200.10.1.45
23. *Delvecchio E., Sciandra A., Finos L., Mazzeschi C., Riso D.D.* The role of co-parenting alliance as a mediator between trait anxiety, family system maladjustment, and parenting stress in a sample of non-clinical Italian parents // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. DOI:10.3389/fpsyg.2015.01177
24. *Deng L., Chan W.* Testing the Difference Between Reliability Coefficients Alpha and Omega // *Educational and Psychological Measurement*. 2017. Vol. 77. № 2. P. 185–203. DOI:10.1177/0013164416658325
25. *Dziuban C.D., Shirkey E.C.* When is a correlation matrix appropriate for factor analysis? Some decision rules // *Psychological Bulletin*. 1974. Vol. 81. № 6. P. 358–361. DOI:10.1037/h0036316
26. *Fallahchai R., Fallahi M.* Parental stress and dyadic adjustment among parents of children with ASD: Moderating effects of dyadic coping and perceived social support // *Research in Developmental Disabilities*. 2022. Vol. 123. Art. 104192. DOI:10.1016/j.ridd.2022.104192
27. *Fletcher T.* Package “psychometric” [R package]. 2022. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/psychometric/psychometric.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
28. *Geprägs A., Bürgin D., Fegert J.M., Brähler E., Clemens V.* Parental stress and physical violence against children during the second year of the COVID-19 pandemic: results of a population-based survey in Germany // *Child Adolescent Psychiatry Mental Health*. 2023. Vol. 17. Art. 25. DOI:10.1186/s13034-023-00571-5
29. *Gil-Rivas V., Kilmer R.P., Larson J.C., Armstrong L.M.* Facilitating successful reintegration: Attending to the needs of military families // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2017. Vol. 87. № 2. P. 176–184. DOI:10.1037/ort0000201
30. *Habibpour S., Afrooz G.A., ShokohiYekta M., Farzad V.A., Besharat M., Nakshab M.* Validation of Parenting Stress Scale for Mothers of Premature Infants in Iran // *Journal of Mazandaran*

- University Medical Sciences. 2018. Vol. 28. № 162. P. 115–127. URL: <http://jmums.mazums.ac.ir/article-1-10834-en.html> (дата обращения: 02.03.2023).
31. *Hayes S.A., Watson S.L.* The Impact of Parenting Stress: A Meta-analysis of Studies Comparing the Experience of Parenting Stress in Parents of Children with and without Autism Spectrum Disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2013. Vol. 43. № 3. P. 629–642. DOI:10.1007/s10803-012-1604-y
32. *Holly L.E., Fenley A.R., Kritikos T.K., Merson R.A., Abidin R.R., Langer D.A.* Evidence-Base Update for Parenting Stress Measures in Clinical Samples // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 2019. Vol. 48. № 5. P. 685–705. DOI:10.1080/15374416.2019.1639515
33. *Jackson A.P., Choi J.K., Preston K.S.* Harsh parenting and Black boys' behavior problems: single mothers' parenting stress and nonresident fathers' involvement // *Family Relations*. 2019. Vol. 68. № 4. P. 436–449. DOI:10.1111/fare.12373
34. *Kumalasari D., Gani I.A.A., Fourianalistyawati E.* Adaptation and psychometric properties of the Indonesian version of Parental Stress Scale // *Indonesian Journal of Indigenous Psychology*. 2022. Vol. 9. № 2. P. 332–353. DOI:10.24854/jpu527
35. *Lam W., Li S.-F., Yi Y.-Z., Ho K.Y., Lam K.K.W., Leung D.Y.P., Chan K.Y.Y., Ho J.M.C., Chan S.C.W., Wang H.-X., Zhou L., Yin Y., Wong F.K.Y.* Symptom Burden of Children with Cancer and Parental Quality of Life: The Mediating Role of Parental Stress // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. № 16. Art. 9840. DOI:10.3390/ijerph19169840
36. *Lazarus R.S.* Stress and emotion: A new synthesis. Springer, 2006. 360 p.
37. *Lee M.Y., Wang X., Liu C., Raheim S., Tebb S.* Outcome literature review of integrative body–mind–spirit practices for mental health conditions // *Social Work Research*. 2018. Vol. 42. № 3. P. 251–266. DOI:10.1093/swr/svy018
38. *Lo C.K.M., Chen M., Chen Q., Chan K.L., Ip P.* Social, Community, and Cultural Factors Associated with Parental Stress in Fathers and Mothers // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20. № 2. Art. 1128. DOI:10.3390/ijerph20021128
39. *Louie A.D., Cromer L.D., Berry J.O.* Assessing Parenting Stress: Review of the Use and Interpretation of the Parental Stress Scale // *The Family Journal*. 2017. Vol. 25. № 4. P. 359–367. DOI:10.1177/1066480717731347
40. *Mackler J.S., Kelleher R.T., Shanahan L., Calkins S.D., Keane S.P., O'Brien M.* Parenting Stress, Parental Reactions, and Externalizing Behavior from Ages 4 to 10 // *Journal of Marriage and Family*. 2015. Vol. 77. № 2. P. 388–406. DOI:10.1111/jomf.12163
41. *Maguire K.* The SAGE Handbook of Family Communication. SAGE Publications, Inc., 2015. P. 154–168. DOI:10.4135/9781483375366
42. *Mikolajczak M., Gross J.J., Roskam I.* Parental Burnout: What Is It, and Why Does It Matter? // *Clinical Psychological Science*. 2019. Vol. 7. № 6. P. 1319–1329. DOI:10.1177/2167702619858430
43. *Mikolajczak M., Raes M.-E., Roskam I.* Exhausted parents: Sociodemographic, child- related, parent-related, parenting and family-functioning correlates of parental burnout // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. Vol. 27. № 3. P. 602–614. DOI:10.1007/s10826-017-0892-4
44. *Miranda A., Mira A., Berenguer C., Rosello B., Baixauli I.* Parenting Stress in Mothers of Children with Autism Without Intellectual Disability. Mediation of Behavioral Problems and Coping Strategies // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00464
45. *Nærde A., Sommer Hukkelberg S.* An examination of validity and reliability of the Parental Stress Scale in a population based sample of Norwegian parents // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15. № 12. Art. e0242735. DOI:10.1371/journal.pone.0242735
46. *Nair P., Schuler M.E., Black M.M., Kettinger L., Harrington D.* Cumulative environmental risk in substance abusing women: Early intervention, parenting stress, child abuse potential and child development // *Child Abuse & Neglect*. 2003. Vol. 27. № 9. P. 997–1017. DOI:10.1016/s0145-2134(03)00161-3

47. Nowakowski-Sims E. Integrative Body, Mind, and Spirit Interventions used with Parents in the Child Welfare System // Journal of Child Adolescent Trauma. 2021. Vol. 15. № 1. P. 121–129. DOI:10.1007/s40653-021-00388-4
48. Oygarden A.-M.U., Berg R.C., Abudayya A., Glavin K., Strm B.S. Measurement instruments for parental stress in the postpartum period: A scoping review // PLoS ONE. 2022. Vol. 17. № 3. Art. e0265616. DOI:10.1371/journal.pone.0265616
49. Park S.Y., Kim J.H., Jeong M.Y., Lee Y.S., Shin J.E., Lee Y.J. Reliability and Validity of the Korean Version of the Parental Stress Scale for Children with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder // Psychiatry Investigation. 2021. Vol. 18. № 12. P. 1188–1197.
50. Pontoppidan M., Nielsen T., Kristensen I.H. Psychometric properties of the Danish Parental Stress Scale: Rasch analysis in a sample of mothers with infants // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. № 11. Art. e0205662. DOI:10.1371/journal.pone.0205662
51. Revelle W. et al. Package “psych” [R package]. 2022. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/psych/psych.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
52. Rivas G.R., Aruabarrena I., Pal J.de. Parenting Stress Index-Short Form: Psychometric properties of the Spanish version in mothers of children aged 0 to 8 years // Psychosocial Intervention. 2021. Vol. 30. № 1. P. 27–34. DOI:10.5093/pi2020a14
53. Rodriguez C.M. Personal contextual characteristics and cognitions: Predicting child abuse potential and disciplinary style // Journal of Interpersonal Violence. 2010. Vol. 25. № 2. P. 315–335. DOI:10.1177/0886260509334391
54. Rosseel Y. et al. Package “lavaan” [R package]. 2023. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/lavaan/lavaan.pdf> (дата обращения: 11.03.2023).
55. Selye H. The stress of life (Rev. ed). McGraw-Hill, 1978.
56. Senn M., Stadelmann C., Forster F., Nussbeck F.W., Bodenmann G. Parental stress mediates the effects of parental risk factors on dysfunctional parenting in first-time parents: A dyadic longitudinal study // Journal of Social and Personal Relationships. 2023. Vol. 40. № 12. P. 4335–4358. DOI:10.1177/02654075231165340
57. Steele H., Bate J., Steel M., Dube S.R., Danskin K., Knafo H., Nikitiades A., Bonuck K., Meissner P., Murphy A. Adverse childhood experiences, poverty, and parenting stress. Canadian Journal of Behavioural Science // Revue canadienne des sciences du comportement. 2016. Vol. 48. № 1. P. 32–38. DOI:10.1037/cbs0000034
58. Stone L.L., Mares S.H.W., Otten R., Engels R.C.M.E., Janssens J.M.A.M. The Co-Development of Parenting Stress and Childhood Internalizing and Externalizing Problems // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2016. Vol. 38. № 1. P. 76–86. DOI:10.1007/s10862-015-9500-3
59. Theule J., Wiener J., Tannock R., Jenkins J.M. Parenting Stress in Families of Children With ADHD: A Meta-Analysis // Journal of Emotional and Behavioral Disorders. 2013. Vol. 21. № 1. P. 3–17. DOI:10.1177/1063426610387433
60. Thomason E., Volling B.L., Flynn H.A., McDonough S.C., Marcus S.M., Lopez J.F., Vazquez D.M. Parenting stress and depressive symptoms in postpartum mothers: Bidirectional or unidirectional effects? // Infant Behavior and Development. 2014. Vol. 37. № 3. P. 406–415. DOI:10.1016/j.infbeh.2014.05.009
61. van Buuren S. et al. Package “mice” [R package]. 2023. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/mice/mice.pdf> (дата обращения: 11.03.2023).
62. van Steijn D.J., Oerlemans A.M., van Aken M.A.G., Buitelaar J.K., Rommelse N.N.J. The Reciprocal Relationship of ASD, ADHD, Depressive Symptoms and Stress in Parents of Children with ASD and/or ADHD // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2014. Vol. 44. № 5. P. 1064–1076. DOI:10.1007/s10803-013-1958-9
63. Webster-Stratton C. Stress: A potential disruptor of parent perceptions and family interactions // Journal of Clinical Child Psychology. 1990. Vol. 19. № 4. P. 302–312. DOI:10.1207/s15374424jccp1904_2

References

1. Bukhalenkova D.A., Nechaeva D.M. Psikhicheskoe razvitiye detei doshkol'nogo i mladshogo shkol'nogo vozrasta vo vremya pandemii COVID-19 [Mental development of preschool and primary school children during the COVID-19 pandemic] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022, Vol. 11, no. 2, pp. 81–92. DOI:10.17759/jmfp.2022110207 (In Russ.).
2. Vasilenko V.E., Savenysheva S.S., Zapletina O.O. Roditel'skii i povsednevnyi stress u materei detei rannego i doshkol'nogo vozrasta [Parenting Stress and Daily Hassles in Mothers of Young and Preschool Children]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 27–48. DOI:10.17759/cpp.2021290403 (In Russ.).
3. Efimova I.N. Lichnostnye kharakteristiki i osobennosti emotsional'nykh i povedencheskikh proyavlenii roditel'ei v svyazi so stepen'yu ikh emotsional'nogo vygoraniya [Personal Characteristics and Features of Emotional and Behavioral Manifestations of Parents in Relation to their Degree of Burnout]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal = Russian Scientific Journal*, 2013, Vol. 4, no. 35, pp. 206–215. (In Russ.).
4. Isaeva O.M., Akimova A.Yu., Volkova E.N. Oprosnik blagopoluchiya PERMA-Profil'er: aprobatsiya russkoyazychnoi versii [PERMA-Profil'er: the Approbation of the Russian Version]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 116–133. DOI:10.17759/sps.2022130308 (In Russ.).
5. Kim K.A., Kadyrov R.V. Roditel'skii stress i vospitanie rebenka s detskim tserebral'ny'm paralichom: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Elektronnyi resurs] [Parental Stress and Bringing up a Child with Cerebral Palsy: A Foreign Studies Review]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2022. Vol. 11, no. 4, pp. 1–29. DOI:10.17759/cpse.2022110401 (In Russ.).
6. Longityudnoe issledovanie faktorov, vliyayushchikh na shkol'nuyu neuspeshnost' [Longitudinal Study of School Failure Factors] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ioe.hse.ru/failure-factors/> (Accessed 14.03.2024). (In Russ.).
7. Misiyuk Yu.V., Khazova S.A. Issledovanie vyrazhennosti ustanovok na intensivnoe roditel'stvo u rossiiskikh zhenshchin [Study of the expression of attitudes on intensive parenting in Russian women]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2021. Vol. 27, no. 3, pp. 91–98. DOI:10.34216/2073-1426-2021-27-3-91-98 (In Russ.).
8. Starchenkova E.S. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory roditel'skogo vygoraniya [Social-Psychological Factors of Parental Burnout]. In M.V. Saporovskaya, T.L. Kryukova, S.A. Khazova (Eds.). *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: vyzovy, resursy, blagopoluchie: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2 t. T. 2. [Psychology of Stress and Coping Behaviour: Challenges, Resources, Well-being: Proceedings of the V International Scientific Conference: in 2 vol. Vol. 2]*. Kostroma: Kostroma State University, 2019, pp. 109–113. (In Russ.).
9. Tikhonova I.V. Roditel'skie sostoyaniya, svyazannye so stressom: ponyatiinyi diskurs i differentsiatsiya [Parental States Associated with Stress: Conceptual Discourse and Differentiation]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2022. Vol. 28, no. 2, pp. 84–92. DOI:10.34216/2073-1426-2022-28-2-84-92 (In Russ.).
10. Abidin R.R., Smith L.T., Kim H. Parenting stress. *WikiJournal of Medicine*, 2022. Vol. 9, no. 1, p. 3. DOI:10.15347/WJM/2022.003
11. Abidin R.R., Wilfong E. Parenting Stress and Its Relationship to Child Health Care. *Children's Health Care*, 1989. Vol. 18, no. 2, pp. 114–116. DOI:10.1207/s15326888chc1802_9
12. Abidin R.R. Parenting Stress and the Utilization of Pediatric Services. *Children's Health Care*, 1982. Vol. 11, no. 2, pp. 70–73. DOI:10.1207/s15326888chc1102_5

13. Algarvio S., Leal I., Maroco J. Parental Stress Scale: Validation study with a Portuguese population of parents of children from 3 to 10 years old. *Journal of Child Health Care*, 2018. Vol. 22, no. 4, pp. 563–576. DOI:10.1177/1367493518764337
14. Aunola K., Sorkkila M., Tolvanen A. Validity of the Finnish version of the Parental Burnout Assessment (PBA). *Scandinavian Journal of Psychology*, 2020. Vol. 61, no. 5, pp. 714–722. DOI:10.1111/sjop.12654
15. Barbot B., Crossman E., Hunter S.R., Grigorenko E.L., Luthar S.S. Reciprocal influences between maternal parenting and child adjustment in a high-risk population: A 5-year cross-lagged analysis of bidirectional effects. *American Journal of Orthopsychiatry*, 2014. Vol. 84, no. 5, pp. 567–580. DOI:10.1037/ort0000012
16. Barroso N.E., Mendez L., Graziano P.A., Bagner D.M. Parenting Stress through the Lens of Different Clinical Groups: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2018. Vol. 46, no. 3, pp. 449–461. DOI:10.1007/s10802-017-0313-6
17. Berry J.O., Jones W.H. The Parental Stress Scale: Initial Psychometric Evidence. *Journal of Social and Personal Relationships*, 1995. Vol. 12, no. 3, pp. 463–472.
18. Butler J., Kern M.L. The PERMA-Profil: A brief multidimensional measure of flourishing. *International Journal of Wellbeing*, 2016. Vol. 6, no. 3, Art. 3. DOI:10.5502/ijw.v6i3.526
19. Crnic K., Greenberg M.T. Minor parenting stresses with young children. *Child Development*, 1990. Vol. 61, pp. 1628–1637. DOI:10.2307/1130770
20. Crnic K., Ross E. Parenting stress and parental efficacy. *Parental Stress and Early Child Development*. Springer International Publishing, 2017, pp. 263–284. DOI:10.1007/978-3-319-55376-4_11
21. Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 1998. Vol. 5, no. 3, pp. 314–332. DOI:10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x
22. Deater-Deckard K., Scarr S. Parenting stress among dual-earner mothers and fathers: Are there gender differences? *Journal of Family Psychology*, 1996. Vol. 10, no. 1, pp. 45–59. DOI:10.1037/0893-3200.10.1.45
23. Delvecchio E., Sciandra A., Finos L., Mazzeschi C., Riso D.D. The role of co-parenting alliance as a mediator between trait anxiety, family system maladjustment, and parenting stress in a sample of non-clinical Italian parents. *Frontiers in Psychology*, 2015. Vol. 6. DOI:10.3389/fpsyg.2015.01177
24. Deng L., Chan W. Testing the Difference Between Reliability Coefficients Alpha and Omega. *Educational and Psychological Measurement*, 2017. Vol. 77, no. 2, pp. 185–203. DOI:10.1177/0013164416658325
25. Dziuban C.D., Shirkey E.C. When is a correlation matrix appropriate for factor analysis? Some decision rules. *Psychological Bulletin*, 1974. Vol. 81, no. 6, pp. 358–361. DOI:10.1037/h0036316
26. Fallahchai R., Fallahi M. Parental stress and dyadic adjustment among parents of children with ASD: Moderating effects of dyadic coping and perceived social support. *Research in Developmental Disabilities*, 2022. Vol. 123, Art. 104192. DOI:10.1016/j.ridd.2022.104192
27. Fletcher T. Package “psychometric” [R package]. 2022. Available at: <https://cran.r-project.org/web/packages/psychometric/psychometric.pdf> (Accessed 10.03.2023).
28. Geprägs A., Bürgin D., Fegert J.M., Brähler E., Clemens V. Parental stress and physical violence against children during the second year of the COVID-19 pandemic: results of a population-based survey in Germany. *Child Adolescent Psychiatry Mental Health*, 2023. Vol. 17, Art. 25. DOI:10.1186/s13034-023-00571-5
29. Gil-Rivas V., Kilmer R.P., Larson J.C., Armstrong L.M. Facilitating successful reintegration: Attending to the needs of military families. *American Journal of Orthopsychiatry*, 2017. Vol. 87, no. 2, pp. 176–184. DOI:10.1037/ort0000201
30. Habibpour S., Afrooz G.A., Shokohi Yekta M., Farzad V.A., Besharat M., Nakhshab M. Validation of Parenting Stress Scale for Mothers of Premature Infants in Iran. *Journal of Mazandaran University*

- Medical Sciences*, 2018. Vol. 28, no. 162, pp. 115–127. Available at: <http://jmums.mazums.ac.ir/article-1-10834-en.html> (Accessed 2.03.2023).
31. Hayes S.A., Watson S.L. The Impact of Parenting Stress: A Meta-analysis of Studies Comparing the Experience of Parenting Stress in Parents of Children with and without Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Development Disorders*, 2013. Vol. 43, no. 3, pp. 629–642. DOI:10.1007/s10803-012-1604-y
 32. Holly L.E., Fenley A.R., Kritikos T.K., Merson R.A., Abidin R.R., Langer D.A. Evidence-Base Update for Parenting Stress Measures in Clinical Samples. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 2019. Vol. 48, no. 5, pp. 685–705. DOI:10.1080/15374416.2019.1639515
 33. Jackson A.P., Choi J.K., Preston K.S. Harsh parenting and Black boys' behavior problems: single mothers' parenting stress and nonresident fathers' involvement. *Family Relations*, 2019. Vol. 68, no. 4, pp. 436–449. DOI:10.1111/fare.12373
 34. Kumalasari D., Gani I.A.A., Fourianalistyawati E. Adaptation and psychometric properties of the Indonesian version of Parental Stress Scale. *Indonesian Journal of Indigenous Psychology*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 332–353. DOI:10.24854/jpu527
 35. Lam W., Li S.-F., Yi Y.-Z., Ho K.Y., Lam K.K.W., Leung D.Y.P., Chan K.Y.Y., Ho J.M.C., Chan S.C.W., Wang H.-X., Zhou L., Yin Y., Wong F.K.Y. Symptom Burden of Children with Cancer and Parental Quality of Life: The Mediating Role of Parental Stress. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 16, Art. 9840. DOI:10.3390/ijerph19169840
 36. Lazarus R.S. *Stress and emotion: A new synthesis*. Springer, 2006. 360 p.
 37. Lee M.Y., Wang X., Liu C., Raheim S., Tebb S. Outcome literature review of integrative body–mind–spirit practices for mental health conditions. *Social Work Research*, 2018. Vol. 42, no. 3, pp. 251–266. DOI:10.1093/swr/svy018
 38. Lo C.K.M., Chen M., Chen Q., Chan K.L., Ip P. Social, Community, and Cultural Factors Associated with Parental Stress in Fathers and Mothers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023. Vol. 20, no. 2, Art. 1128. DOI:10.3390/ijerph20021128
 39. Louie A.D., Cromer L.D., Berry J.O. Assessing Parenting Stress: Review of the Use and Interpretation of the Parental Stress Scale. *The Family Journal*, 2017. Vol. 25, no. 4, pp. 359–367. DOI:10.1177/1066480717731347
 40. Mackler J.S., Kelleher R.T., Shanahan L., Calkins S.D., Keane S.P., O'Brien M. Parenting Stress, Parental Reactions, and Externalizing Behavior from Ages 4 to 10. *Journal of Marriage and Family*, 2015. Vol. 77, no. 2, pp. 388–406. DOI:10.1111/jomf.12163
 41. Maguire K. The SAGE Handbook of Family Communication. *The SAGE Handbook of Family Communication*. SAGE Publications, Inc., 2015, pp. 154–168. DOI:10.4135/9781483375366
 42. Mikolajczak M., Gross J.J., Roskam I. Parental Burnout: What Is It, and Why Does It Matter? *Clinical Psychological Science*, 2019. Vol. 7, no. 6, pp. 1319–1329. DOI:10.1177/2167702619858430
 43. Mikolajczak M., Raes M.-E., Roskam I. Exhausted parents: Sociodemographic, child- related, parent-related, parenting and family-functioning correlates of parental burnout. *Journal of Child and Family Studies*, 2018. Vol. 27, no. 3, pp. 602–614. DOI:10.1007/s10826-017-0892-4
 44. Miranda A., Mira A., Berenguer C., Rosello B., Baixauli I. Parenting Stress in Mothers of Children with Autism Without Intellectual Disability. Mediation of Behavioral Problems and Coping Strategies. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00464
 45. Nærde A., Sommer Hukkelberg S. An examination of validity and reliability of the Parental Stress Scale in a population based sample of Norwegian parents. *PLoS ONE*, 2020. Vol. 15, no. 12, Art. e0242735. DOI:10.1371/journal.pone.0242735
 46. Nair P., Schuler M.E., Black M.M., Kettinger L., Harrington D. Cumulative environmental risk in substance abusing women: Early intervention, parenting stress, child abuse potential and child development. *Child Abuse & Neglect*, 2003. Vol. 27, no. 9, pp. 997–1017. DOI:10.1016/s0145-2134(03)00161-3

47. Nowakowski-Sims E. Integrative Body, Mind, and Spirit Interventions used with Parents in the Child Welfare System. *Journal of Child Adolescent Trauma*, 2021. Vol. 15, no. 1, pp. 121–129. DOI:10.1007/s40653-021-00388-4
48. Øygarden A.-M.U., Berg R.C., Abudayya A., Glavin K., Str m B.S. Measurement instruments for parental stress in the postpartum period: A scoping review. *PLoS ONE*, 2022. Vol. 17, no. 3, Art. e0265616. DOI:10.1371/journal.pone.0265616
49. Park S.Y., Kim J.H., Jeong M.Y., Lee Y.S., Shin J.E., Lee Y.J. Reliability and Validity of the Korean Version of the Parental Stress Scale for Children with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder. *Psychiatry Investigation*, 2021. Vol. 18, no. 12, pp. 1188–1197.
50. Pontoppidan M., Nielsen T., Kristensen I.H. Psychometric properties of the Danish Parental Stress Scale: Rasch analysis in a sample of mothers with infants. *PLoS ONE*, 2018. Vol. 13, no. 11, Art. e0205662. DOI:10.1371/journal.pone.0205662
51. Revelle W. *et al.* Package “psych” [R package], 2022. Available at: <https://cran.r-project.org/web/packages/psych/psych.pdf> (Accessed 10.03.2023).
52. Rivas G.R., Arruabarrena I., Pal J.de. Parenting Stress Index-Short Form: Psychometric properties of the Spanish version in mothers of children aged 0 to 8 years. *Psychosocial Intervention*, 2021. Vol. 30, no. 1, pp. 27–34. DOI:10.5093/pi2020a14
53. Rodriguez C.M. Personal contextual characteristics and cognitions: Predicting child abuse potential and disciplinary style. *Journal of Interpersonal Violence*, 2010. Vol. 25, no. 2, pp. 315–335. DOI:10.1177/0886260509334391
54. Rosseel Y. *et al.* Package “lavaan” [R package], 2023. Available at: <https://cran.r-project.org/web/packages/lavaan/lavaan.pdf> (Accessed 11.03.2023).
55. Selye H. *The stress of life* (Rev. ed). McGraw-Hill, 1978.
56. Senn M., Stadelmann C., Forster F., Nussbeck F.W., Bodenmann G. Parental stress mediates the effects of parental risk factors on dysfunctional parenting in first-time parents: A dyadic longitudinal study. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2023. Vol. 40, no. 12, pp. 4335–4358. DOI:10.1177/02654075231165340
57. Steele H., Bate J., Steel M., Dube S.R., Danskin K., Knafo H., Nikitiades A., Bonuck K., Meissner P., Murphy A. Adverse childhood experiences, poverty, and parenting stress. *Canadian Journal of Behavioural Science. Revue canadienne des sciences du comportement*, 2016. Vol. 48, no. 1, pp. 32–38. DOI:10.1037/cbs0000034
58. Stone L.L., Mares S.H.W., Otten R., Engels R.C.M.E., Janssens J.M.A.M. The Co-Development of Parenting Stress and Childhood Internalizing and Externalizing Problems. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2016. Vol. 38, no. 1, pp. 76–86. DOI:10.1007/s10862-015-9500-3
59. Theule J., Wiener J., Tannock R., Jenkins J.M. Parenting Stress in Families of Children With ADHD: A Meta-Analysis. *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*, 2013. Vol. 21, no. 1, pp. 3–17. DOI:10.1177/1063426610387433
60. Thomason E., Volling B.L., Flynn H.A., McDonough S.C., Marcus S.M., Lopez J.F., Vazquez D.M. Parenting stress and depressive symptoms in postpartum mothers: Bidirectional or unidirectional effects? *Infant Behavior and Development*, 2014. Vol. 37, no. 3, pp. 406–415. DOI:10.1016/j.infbeh.2014.05.009
61. van Buuren S. *et al.* Package “mice” [R package], 2023. Available at: <https://cran.r-project.org/web/packages/mice/mice.pdf> (Accessed 11.03.2023).
62. van Steijn D.J., Oerlemans A.M., van Aken M.A.G., Buitelaar J.K., Rommelse N.N.J. The Reciprocal Relationship of ASD, ADHD, Depressive Symptoms and Stress in Parents of Children with ASD and/or ADHD. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2014. Vol. 44, no. 5, pp. 1064–1076. DOI:10.1007/s10803-013-1958-9
63. Webster-Stratton C. Stress: A potential disruptor of parent perceptions and family interactions. *Journal of Clinical Child Psychology*, 1990. Vol. 19, no. 4, pp. 302–312. DOI:10.1207/s15374424jccp1904_2

Информация об авторах

Бочавер Александра Алексеевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, директор Центра исследований современного детства; доцент Департамента образовательных программ, Институт образования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Ахмеджанова Диана Рафаильевна, PhD, доцент Департамента образовательных программ, Институт образования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9643-5660>, e-mail: dakhmedjanova@hse.ru

Байрамян Роксана Мамиконовна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства, Институт образования; научный сотрудник Научно-учебной лаборатории психологии салютогенной среды, Департамент психологии, Факультет социальных наук; заместитель главного редактора Редакции журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики», ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0412-4495>, e-mail: roksana.bayramyan@mail.ru

Поливанова Катерина Николаевна, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Центра исследований современного детства; профессор Департамента образовательных программ, Институт образования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-1232>, e-mail: kpolygonova@mail.ru

Information about the authors

Alexandra A. Bochaver, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Head of the Centre of Modern Childhood Research; Associate Professor of the Department of Educational Programmes, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Diana R. Akhmedjanova, PhD, Assistant Professor of the Department of Educational Programmes, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9643-5660>, e-mail: dakhmedjanova@hse.ru

Roksana M. Bayramyan, PhD in Psychology, Research Fellow of the Centre of Modern Childhood Research, Institute of Education; Research Fellow of the Laboratory for the Psychology of Salutogenic Environment, School of Psychology, Faculty of Social Sciences; Deputy editor-in-chief of the Editorial Board of the Journal “Psychology. Journal of the Higher School of Economics”, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0412-4495>, e-mail: roksana.bayramyan@mail.ru

Katerina N. Polivanova, Doctor of Psychology, Professor, Academic Supervisor of the Centre of Modern Childhood Research; Professor of the Department of Educational Programmes, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-1232>, e-mail: kpolygonova@mail.ru

Получена 10.04.2024

Принята в печать 30.09.2024

Received 10.04.2024

Accepted 30.09.2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Векторы социальной психологии: опережая время (к 100-летию со дня рождения Галины Михайловны Андреевой)

Базаров Т.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Тихомандрицкая О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9072-1826>, e-mail: otihomandr@mail.ru

Дубовская Е.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>, e-mail: dubovskaya13@gmail.com

Цель. Анализ основных методологических и теоретических направлений в социальной психологии, разработанных профессором Галиной Михайловной Андреевой — одним из основателей отечественной социальной психологии; рассмотрение ключевых проблем современной социальной психологии.

CC BY-NC

Контекст и актуальность. *Обозначенные Г.М. Андреевой векторы научного знания, разработанные ею проблемы в области социальной психологии стали общеметодологическими принципами в самых разных областях психологической науки. Среди них можно назвать проблемы совместной деятельности и общения, ставшие основой изучения социальных групп и личности. В качестве фундаментального принципа новой парадигмы социальной психологии Г.М. Андреевой выделяются вопросы влияния социального контекста и влияния социальных изменений на формирование (конструирование) образа мира человеком и на его социальное поведение. Выделены значимые моменты в области социального познания, созданной Г.М. Андреевой. Показывается потенциал ее основных идей в современной психологии. Приводятся основные вехи биографии Галины Михайловны, показывающие ее жизненный путь и значимые для создания школы социальной психологии Г.М. Андреевой в Московском университете.*

Используемая методология. *Методы дедуктивного анализа; методы исторической и психологической герменевтики.*

Основные выводы. *Основные научные идеи Г.М. Андреевой не только стали теоретико-методологическим основанием для понимания и объяснения фундаментальных проблем социально-психологического знания, но и внесли огромный вклад в понимание происходящих социальных изменений.*

Ключевые слова: *научная школа Г.М. Андреевой; социальная психология; совместная деятельность; общение; социальные группы; психология социального познания; социальные изменения; социальный контекст; социальные ценности; социальный консенсус; ролевой репертуар руководителя.*

Для цитаты: *Базаров Т.Ю., Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М. Векторы социальной психологии: опережая время (к 100-летию со дня рождения Галины Михайловны Андреевой) // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 222–236. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150313>*

Vectors of Social Psychology: Ahead of Time (to 100th anniversary of Galina Mikhailovna Andreyeva)

Tahir Y. Bazarov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, **e-mail:** tbazarov@mail.ru

Olga A. Tikhomandritskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9072-1826>, **e-mail:** otihomandr@mail.ru

Ekaterina M. Dubovskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>, **e-mail:** dubovskaya13@gmail.com

Objective. *Analysis of the main methodological and theoretical directions in social psychology developed by Professor Galina Mikhailovna Andreyeva, one of the founders of Russian social psychology; consideration of the key problems of modern social psychology.*

Background. *The vectors of scientific knowledge identified by G.M. Andreyeva and the problems she developed in the field of social psychology have become general methodological principles in various fields of psychological science. Among them there are the problems of joint activity and communication, which have become the basis for the study of social groups and personality. A fundamental principle of the new paradigm of social psychology offered by G.M. Andreyeva, – the issues of the influence of the*

social context and the influence of social changes on the formation (construction) of a person's world image and his social behavior. Significant moments in the field of social cognition created by G.M. Andreyeva are highlighted. The potential of her main ideas in modern psychology is shown. The main biographical data of Galina Andreyeva are presented, showing her life path and significant for the creation of the G.M. Andreyeva School of Social Psychology at Moscow University.

Methodology. *The article uses methods of deductive analysis; methods of historical and psychological hermeneutics.*

Conclusions. *The main scientific ideas of G.M. Andreeva not only became the theoretical and methodological basis for understanding and explaining the fundamental problems of socio-psychological knowledge, but also made a huge contribution to understanding the ongoing social changes.*

Keywords: *scientific school of G.M. Andreyeva; social psychology; joint activity; communication; social groups; psychology of social cognition; social changes; social context; social values; social consensus; role repertoire of the leader.*

For citation: Bazarov T.Y., Tikhomandritskaya O.A., Dubovskaya E.M. Vectors of Social Psychology: Ahead of Time (to 100th anniversary of Galina Mikhailovna Andreyeva). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 222–236. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150313> (In Russ.).

13 июня 2024 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого, одного из основателей отечественной социальной психологии, действительного члена Российской академии образования, заслуженного деятеля науки Галины Михайловны Андреевой.

Вспоминая Галину Михайловну, мы прежде всего говорим о ней как о ЛИЧНОСТИ, оставившей яркий след в жизни многих людей, своих коллег, учеников и, конечно, в созданной ею отечественной школе социальной психологии. Ее личность воплощалась в самых разных социальных ролях, блестяще исполненных ею, выступающих как образец постоянного творчества и развития, движения вперед, будь то роль Ученого, Преподавателя, Наставника, Учителя, Общественного деятеля, Гражданина. Но если попытаться охарактеризовать Галину Михайловну одним словом, то, наверное, этим словом будет Лидер — и в значении быть первой, и в значении вести за собой. Сейчас трудно сказать точно, кто в большей степени оказал влияние на становление ее личности, ее умение быть

лидером, но наверняка — это были ее родители, ее семья.

Галина Михайловна родилась в Казани в семье врачей, ее отец был профессором и заведующим кафедрой психиатрии Казанского медицинского института, а мать — врачом-невропатологом городской больницы. Интеллигентность родителей, интеллектуальная атмосфера, которая царил в семье, качества, которыми обладали ее родители — преданность своему делу, ответственность, чувство долга и одновременно необыкновенная внутренняя свобода, чувство собственного достоинства и уважение к другим — все это в полной мере передавалось Галине Михайловне.

Огромное влияние на формирование личности Галины Михайловны оказали война и фронт, фронтовая жизнь, в которой смешались и ее сила характера, и храбрость, и бесстрашие, и опасности, ее чувство долга и братство по оружию. Окончив с отличием школу в июне 1941 года, 17-летняя Г.М. Андреева добровольцем ушла на фронт, где сразу была направлена на курсы радистов. До

июня 1945 года она находилась в действующей армии в составе Брянского, II Прибалтийского и Ленинградского фронтов, пройдя путь от радиста до начальника радиостанции и дежурной фронтового узла связи. За высокие заслуги в Великой Отечественной войне Галина Михайловна была награждена боевыми наградами — орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

После окончания войны в 1945 году Галина Михайловна поступила на философский факультет Московского государственного университета, прошла там же обучение в аспирантуре и, защитив кандидатскую диссертацию в 1953 г., осталась там преподавать. В 1965 г. Г.М. Андреева защищает докторскую диссертацию. Ее научные интересы были связаны с изучением социологии и изложены в ее первой книге «Современная буржуазная эмпирическая социология» (1965). В 1969 г. она организует на философском факультете кафедру методики конкретных социальных исследований — первую университетскую кафедру социологии в стране. В этот период складывается особый взгляд Г.М. Андреевой на методологию изучения общества, который впоследствии проявится уже в ее социально-психологических трудах. Одной из основных идей являлось то, что происходящие реальные события в обществе, социальные изменения не только необходимо изучать как таковые, но изучать их отражение в восприятии и поведении людей как на уровне социальных групп, так и на уровне личности. Позднее этот подход будет использован Галиной Михайловной как одно из методологических оснований изучения социального познания, как инструмент ана-

лиза общества и характеризующих его социальных изменений. Впоследствии она как бы «закольцовывает» эту проблему — влияние общества на группы и личность и одновременно влияние групп и личности посредством сконструированного ими образа мира (групповых и индивидуальных образов) на особенности существования и развития самого общества. Г.М. Андреева доказывает взаимосвязь микропроцессов индивидуального конструирования знания и социальных макропроцессов. Интерпретация социального познания как процесса конструирования образа мира разрешает эпистемологические проблемы соотношения личности и общества, индивидуального и коллективного субъекта, а также микро- и макроуровней взаимодействия и коммуникации [21; 22].

Продолжая говорить о биографии Галины Михайловны Андреевой, надо выделить 1972 год, который стал не только поворотным моментом в ее собственной жизни, но и особой вехой в развитии отечественной социальной психологии. В 1972 году при поддержке основателя и первого декана факультета психологии МГУ А.Н. Леонтьева Галина Михайловна создает на факультете психологии кафедру социальной психологии. Одновременно она разрабатывает методологию нового социально-психологического знания, основываясь на культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и теории деятельности А.Н. Леонтьева, определяет структуру и содержание социальной психологии как отрасли психологической науки и закладывает основы оригинальной социально-психологической школы.

Основные идеи социально-психологического знания были воплощены Галиной Михайловной в первом отечественном университетском учеб-

нике по социальной психологии, который впоследствии был награжден Ломоносовской премией, выдержал шесть изданий в нашей стране (1980, 1988, 1994, 1998, 2002, 2014, 2024), выпущен в форме аудиоучебника, а также переведен на многие языки мира (английский, арабский, болгарский, венгерский, испанский, киргизский, китайский, литовский, французский и чешский), является базовым учебником по социальной психологии и на сегодняшний день. В учебнике «Социальная психология» Г.М. Андреевой удалось представить выстроенный ею логичный и фундаментальный «каркас» научной дисциплины, который включал три основные предметные области социальной психологии:

1. Закономерности общения и взаимодействия (раскрытие связи между межличностными и общественными отношениями).

2. Социальная психология групп (групповая динамика и межгрупповые отношения).

3. Социальная психология личности (влияние внешней среды на личность и личности на среду) [3].

Все эти три раздела учебника, представляющие собой предметное поле социальной психологии, органично связаны между собой через категории «деятельность» и «социальное влияние». Категория «деятельность» рассматривается Г.М. Андреевой в контексте социально-психологического знания как «совместная деятельность», которая особым образом проявляется в каждом из выделенных ею проблемных, предметных областей социальной психологии: в проблеме взаимосвязи общения и деятельности, в понимании группы как субъекта совместной деятельности и анализе личности через процесс соци-

лизации, одним из главных механизмов которой является деятельность. Именно через расширение репертуара освоенных видов деятельности в различных группах и различных контекстах происходит социализация человека, а значит — становление и развитие его личности.

Одной из основных в исследованиях, проводимых на кафедре социальной психологии фактически сразу после ее создания Г.М. Андреевой, становится проблема взаимосвязи общения и деятельности. Вначале деятельность рассматривалась как детерминанта общения. Позже начинается переход к изучению проблемы влияния общения на совместную деятельность. В этом случае общение выступает как фактор оптимизации совместной деятельности через влияние на межличностные отношения в группе, на уровень развития совместной деятельности в группе, на развитие личности как субъекта совместной деятельности. В практическом плане такая постановка вопроса означала, что оптимизация совместной деятельности в группе становится возможной через воздействие на процессы общения [19].

Еще одним важным моментом для дальнейшей разработки социально-психологической проблематики стало определение Г.М. Андреевой структуры общения, выделившей в ней коммуникативную, интерактивную и перцептивную составляющие. Выделение этих компонентов, помимо возможности всестороннего и более глубокого изучения процесса общения, является еще и некоторым связующим звеном между отечественной и зарубежной традициями в изучении общения. Кроме того, идея о трех сторонах общения органично связала деятельность (совместную деятельность) и социальный контекст коммуникации. Впоследствии именно восприятие, взаи-

модействие и обмен информацией в процессе коммуникации станут отправными точками для определения нового направления, разрабатываемого Г.М. Андреевой в социальной психологии — психологии социального познания.

В первое десятилетие существования кафедры социальной психологии одним из основных ракурсов рассмотрения Г.М. Андреевой проблематики предметного поля социальной психологии выступила перцептивная сторона общения, тем самым задав ориентиры в научной работе кафедры. В основе лежала теоретическая схема исследования социальной перцепции, предложенная Г.М. Андреевой, в которой рассматривались варианты включения разных субъектов (группы и личности) в процесс социального восприятия. При этом подчеркнем, что в отличие от англоязычной традиции «Social cognition» Г.М. Андреева уже тогда считала необходимым изучение не только проблематики межличностного общения, но также и анализ содержания общественного, массового сознания, характеризующих социальные институты и большие группы [21].

Однако в исследованиях, проводимых в то время на кафедре социальной психологии, приоритет все же отдавался межличностному восприятию, а одним из его базовых механизмов был механизм каузальной атрибуции [1]. При этом значимым моментом в изучении процесса межличностного восприятия являлась ориентация на результаты, выявляемые в ситуации реального общения, а не в лабораторных экспериментах.

Продолжая линию взаимосвязи общения и деятельности, Галиной Михайловной были заданы принципы изучения межличностного восприятия в условиях совместной групповой деятельности (изучение процессов межличностного вос-

приятия в реальных группах, объединенных совместной деятельностью; анализ межличностного восприятия как опосредованного содержанием совместной деятельности и уровнем развития группы).

И здесь специального внимания требует рассмотрение категории «совместная деятельность», через которую принцип деятельности ассимилируется в социальной психологии. Совместность предполагает не только ценностное единство, процессуальное объединение и наличие общего результата.

В рамках этой проблематики, изначально заданной Галиной Михайловной как особое направление исследований в социальной психологии, были сформулированы следующие характеристики совместной деятельности:

1) разделение понятий «групповая» и «совместная» деятельность как на теоретическом, так и на операциональном уровнях;

2) нетождественность внешних (социально или экспериментально заданных) целей деятельности в группе и внутренних целей, то есть вырабатываемых субъектом совместной деятельности;

3) представление о том, что субъект совместной деятельности не может быть задан до ее начала, а формируется (или не формируется) по мере становления совместной деятельности;

4) разделение категорий взаимодействия внутри социальных систем (как следствия общественного разделения труда) и взаимодействия как психологического процесса; постановка вопроса о способе распределения индивидуальных усилий как определяющей разные групповые формы деятельности;

5) вычленение трех возможных эффектов (результатов) совместной деятельности — предметного, личностного и социально-психологического — и необ-

ходимость соотнесения этих результатов с внутренними и внешними целями [14].

Каждый из этих тезисов получил свое развитие в разнообразных исследованиях психологии малой группы. Однако важно отметить смыслообразующую функцию этой категории для понимания социально-психологического содержания групповой (коллективной) деятельности.

Г.М. Андреева, большое внимание уделяя вопросу реализации принципа деятельности в психологии малой группы, обозначила, в частности, возможность изучения совместной деятельности как *совместно-творческой*.

Это направление исследований, развивающее основные взгляды Г.М. Андреевой на интеграцию в групповом контексте коллективного и индивидуального, стало весьма популярным в последние годы [12]. Изначально такого рода коллективная деятельность практиковалась в науке и искусстве, поскольку в данных сферах процесс решения задач является творческим, спонтанным, поиск решения не может быть задан уже существующими правилами, шаблонными схемами, а требует прогрессивного нестандартного видения, постольку и результатом всегда является нечто совершенно новое и уникальное. В таком групповом взаимодействии возникает особый вид межличностных отношений — со-творчество. Совместное творчество предполагает активность каждого участника, проявляющуюся не только как заинтересованность в работе, но и в особой ориентации по повышению собственной профессиональной компетентности за счет участия в коллективной деятельности.

Это взаимодействие предполагает, что каждый участник является равноправным создателем нового продукта, и особенностью совместно-творческой

деятельности выступает невозможность вычленить отдельные, индивидуальные вклады участников, поскольку идея, возникшая у одного участника, подхватывается и развивается другими, проходя ряд трансформаций, наталкивает другого (других) на качественно иное инновационное решение, которое было бы невозможно без предшествующего процесса. В творческом процессе любые, даже самые невероятные идеи учитываются и рассматриваются, поскольку именно они помогают снять критичность, выйти за привычные рамки, что в свою очередь может привести к открытиям [11].

Среди принципов совместно-творческой деятельности отмечают:

- «принцип индивидуального творчества — постоянное развитие способностей каждого индивидуума (через обучение действием и включенность в системы непрерывного образования и самообразования);
- принцип социального творчества — разработка и институционализация необходимых для решения стоящих задач социальных структур;
- принцип культурного творчества — ориентация в совместной деятельности на высшие культурные достижения, на инновационные процессы и изобретательство;
- принцип морального творчества — готовность человека служить моральным образцом другим и самому себе» [20].

Итак, в работах Г.М. Андреевой область психологии группы всегда выделялась как традиционная и популярная проблематика. Начиная с учебника «Социальная психология», в котором психология группы выступает одной из основных, и на протяжении всех лет так или иначе она касалась вопросов коллективной психологии.

Надо сказать, что созвучная социальной психологии деятельностная концепция давала возможность связать в рамках социального контекста не только категории «деятельность» и «группа», но и «общение», и «личность», что позднее актуализировалось в исследованиях, проводимых в школе Г.М. Андреевой и посвященных социальной психологии личности [15].

Содержательно проблематика социальной психологии личности рассматривалась в рамках процесса социализации, регуляции социального поведения и идентичности личности. В работах Г.М. Андреевой было показано, что формирование идентичности человека происходит именно в общении — как межличностном, так и межгрупповом, определяется типом общества и культуры, в которых он осуществляет свою практическую деятельность [4; 8; 16], а значит, человек социализируется в активном взаимодействии с окружающим его миром, создавая (конструируя) образ этого мира.

Идея о том, что именно во взаимодействиях человека с окружающим миром он проявляется наиболее целостно во всех своих качествах, отличает современный подход к пониманию психологии личности от традиционных представлений об определении активности личности присущими человеку устойчивыми характеристиками, способ взаимодействия человека с миром становится основой формирования личности и ее развития [13]. Таким образом, можно говорить о том, что направление современных теоретических подходов в психологии личности было уже обозначено и раскрыто в работах Г.М. Андреевой, посвященных, в частности, проблеме социального познания.

Продолжая говорить о вкладе Галины Михайловны в развитие социаль-

ной психологии, необходимо отметить, что вектор ее научных разработок в 90-е годы повернулся от изучения социально-перцептивных процессов в реальных группах к изучению социально-психологических закономерностей процесса социального познания. В это время в работах Г.М. Андреевой четко обозначилось это новое направление социально-психологического знания, связанное с вопросами конструирования человеком образа социального мира. При разработке этого направления в отечественной социальной психологии Г.М. Андреевой удалось гармонично объединить идеи феноменологии жизненного мира Э. Гуссерля и А. Шюца, социального конструкционизма К. Гургена и деятельностного подхода А.Н. Леонтьева [16], но одновременно с этим и внести новые идеи, которые расширили понимание и возможности социально-психологического анализа социального познания.

В подходе Г.М. Андреевой к проблематике социального познания можно отметить те основополагающие принципы, которые были заложены ею еще на этапе изучения социологических проблем общества. При этом Г.М. Андреева расширяет определение социального познания, разрабатывая особую методологию, направленную на исследование современного общества, посредством объяснения социальных проблем самим человеком через познание им мира, в котором он живет [10]. Сама Г.М. Андреева отмечала, что до этого в философской и социологической традициях научного мышления «социальное познание не рассматривает в качестве своего субъекта конкретного единичного человека» [2, с. 26].

В подходе, разрабатываемом Г.М. Андреевой, основное внимание уделяется также и *когнитивным механизмам* конструирования социального мира, подчер-

живается активный (деятельностный) характер социального познания. «Активность субъекта проявляет себя в процессе категоризации социальных объектов, т.е. в отборе тех категорий, в которых эти объекты описываются» [5, с. 25].

Еще одним важным моментом являлось то, что при рассмотрении активного процесса конструирования образа мира человеком предполагалось не только выделение самого факта социальной детерминированности познания, но и влияние процесса познания на социальное поведение человека и шире — на социальную деятельность больших групп, социальных институтов и в целом на социальную деятельность общества. Одновременно с этим именно через принадлежность к социальным общностям задается категориальная сетка образа мира личности [9].

Главный сюжет в работах Галины Михайловны — социальное познание и социальный контекст — тесно были связаны с психологией больших групп. Развитие содержания понятий «социальный контекст», «процессы социального познания», «ценности» и «социальные представления» является раскрытием содержания психологии больших социальных групп. В своих работах Галина Михайловна редко использовала собственно термин «большая группа», но внесла неоценимый вклад в развитие представлений о социально-психологических характеристиках больших социальных общностей.

Анализ социальных проблем общества, транслируемых через социальные группы, всегда рассматривался Галиной Михайловной как главное основание изучения любых социально-психологических проблем. Учет *социального контекста*, являющийся отличительным признаком европейской социально-психологической традиции, был существенным моментом

и во всех проводимых исследованиях на кафедре социальной психологии. Необходимо подчеркнуть, что именно «ориентация на изучение контекста, в свое время обозначенная Г.М. Андреевой в качестве фундаментального принципа новой парадигмы социальной психологии, в настоящее время является методологическим принципом всей психологической науки...» [13, с. 11].

Реальность повседневной жизни повсеместно иллюстрирует влияние внешнего окружения на поведение людей и групп. В значительной степени люди попадают в зависимость от внешней детерминации. Более того, нередко людям все труднее правильно понимать значения социальных объектов и явлений, приходится поддаваться мнению большинства или по-своему реконструировать «картину внешнего мира». Фрагментарность объяснения сути и направленности влияния социального контекста на жизнь людей и групп Г.М. Андреева объясняет недостаточностью концептуальных и методических средств, которыми обладает современная социальная психология. Однако исследовательский взгляд Г.М. Андреевой, который мы склонны считать стратегическим или заглядывающим в будущее, обозначает фокус социально-психологического внимания на двух факторах, имеющих принципиальное значение: социальный консенсус и проблема ценностей.

Позволим себе привести определение социального консенсуса, данное Г.М. Андреевой: «Социальный консенсус в широком смысле означает, что большая или меньшая “выпуклость” элементов внешнего социального окружения зависит не только от индивидуального опыта, способностей, психологического склада личности, когнитивного стиля воспринимающего, но и от принятых образцов

толкования явлений в той или иной культуре, в том или ином типе общества, какой-либо его части» [2, с. 163]. Можно ли при этом сказать, что в этом случае индивидуальное нивелируется, а субъект выступает лишь в качестве ретранслятора и/или «реплики» на те образцы восприятия и поведения, которые задает социум? Предполагает ли феномен «конвенциональности» полноценное (или какое-либо) участие личности в построении и интерпретации значений социальных объектов и явлений? Именно в этом месте мы и сталкиваемся с необходимостью развести понятия «субъективная реальность» и «подлинная действительность». И здесь Г.М. Андреева предлагает иную проекцию рассмотрения темы общения и деятельности и отмечает, что «иное видение мира находит свое отражение в системе употребляемого языка» [2, с. 165]. Отталкиваясь от идей Сепира-Уорфа о «лингвистической относительности» картины мира, Г.И. Андреева выделяет два существенных принципа. Первый принцип: группы людей, говорящих на разных языках, по-разному воспринимают и постигают мир. Второй принцип: причиной познавательных различий служит язык. И если первый принцип, по сути, фиксирует гипотезу о лингвистической относительности, то второй выступает как доктрина лингвистического детерминизма. Тем самым Г.М. Андреева фиксирует огромную роль языка в возникновении, существовании и сломе социального консенсуса. Вывод, который делает Г.М. Андреева, бесспорен и направлен на перспективу социально-психологических исследований в этой области. Она пишет: «Социальный консенсус, таким образом, вырабатывается в ходе дискурса, и идея обязательного включения коммуникации в процессе социального познания получает еще

одно свое подтверждение. Если учесть, что язык есть всегда элемент культуры, то становится ясным факт социальной детерминации всех этапов работы с информацией» [2, с. 172].

Однако идея социального контекста значительно шире, чем представление о социальном консенсусе. Г.М. Андреева отмечает еще один компонент социального контекста — социальные ценности. И здесь мы опять слышим диалог Г.М. Андреевой как социолога с Г.М. Андреевой как социальным психологом. Отдавая должное социологическому взгляду на проблему ценностей, известную как «общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться» [18, с. 50], Г.М. Андреева предлагает социально-психологический взгляд на ценности. Она отмечает, что «в психологической традиции при анализе ценностей высвечивается их значение для личности, прежде всего в качестве регулятора поведения и деятельности, основы для мотивации» [2, с. 173].

Регуляторно-мотивационная роль ценностей прослеживается при рассмотрении различных феноменов групповой динамики (от феноменов нормативного и информационного влияния до принятия групповых решений). Это позволяет Г.М. Андреевой заключить, что «система социальных категорий, ассоциированных с ценностями, — важный и устойчивый фактор социального познания; эта система сохраняется путем отражения от таких категорий, которые не соответствуют оценкам, представленным в ценностно-нагруженных категориях» [2, с. 177].

Таким образом, согласно Г.М. Андреевой, идея социального контекста для социальной психологии существенно важна, поскольку человек не просто познает окружающий его социальный мир, но делает это деятельностно (действуя в

нем), делает это не в одиночку, а во взаимодействии с другими людьми и группами, «вся система его связей и отношений с социальным миром так или иначе вторгается в процесс его познания» [2, с. 179].

В то же время «с началом глобальных социальных изменений в нашей стране анализ социального контекста в исследованиях обрел динамическое измерение и превратился в анализ социальных изменений, социальных трансформаций» [19, с. 7].

Для Г.М. Андреевой принципиальным моментом стало изучение новой ситуации развития общества, новых реалий, которые были связаны именно с такой социальной категорией, как *социальные изменения* [5]. При этом она указывала, что в социальной психологии «ни понятийный аппарат науки, ни ее методологическое обеспечение не приспособлены для исследования социально-психологических феноменов в контексте социальных изменений» [5, с. 39]. Выходом из этой ситуации, по соображениям европейских социальных психологов (С. Московичи, А. Тэшфела), в частности, было изучение взаимодействия социальных изменений и выбора человеком определенного поведения, другими словами — изучение социальных изменений через восприятие человеком необходимости определенных действий в этой ситуации. Именно эти идеи были воплощены Галиной Михайловной в разработку социально-психологического подхода к анализу социальных изменений в рамках социального познания — изучение «проблемы восприятия социальных изменений рядовым человеком, представленность их в массовом сознании, конструирование образа социального мира» [4, с. 41]. Таким образом, социальные изменения можно было изучать как отражение этих процессов в сознании индивидов, проявляющееся в соответствующем изменении их поведения. Сам процесс кон-

струирования образа социального мира — это, по сути, создание знакового средства, которое позволяет людям ориентироваться в ситуации неопределенности, помогая им найти собственное место в изменяющемся мире [17].

Предложенный подход позволил Галине Михайловне внести особый вклад в казалось бы традиционную тематическую область, какой является психология руководства и лидерства. В своей статье «Ролевой репертуар руководителя в условиях социальных трансформаций» ей удалось вскрыть причины, по которым данная проблематика требует нового прочтения и понимания [7]. Разговор о новом репертуаре ролей руководителя в условиях глубоких социальных трансформаций Галина Михайловна переводит в плоскость изменения требований к руководителю и к его личности. Турбулентность внешней среды, становление рыночных отношений, возникновение новых и разнообразных форм собственности создают принципиально уникальную ситуацию для ролевого самоопределения руководителей. «По вертикали» это касается поиска путей поддержки «своей» группы, а «по горизонтали» — выстраивания кооперативных и конкурентных отношений с партнерами и иными «заинтересованными лицами». Актуальность применения новой парадигмы социально-психологического исследования проблем руководства Галина Михайловна формулирует так: «требование, высказанное по поводу необходимости включения всей проблематики социальной психологии в социальный контекст ... при этом нарушается: феномен руководства “закрывается” лишь на ближайшую среду его действия» [7, с. 6]. Что же может предложить новая парадигма социальной психологии применительно к проблематике руководства и лидерства? Ответ Галины Михайловны предельно ясен:

«Очевидно, что позиция современного руководителя не может остаться в стороне от задачи “повышения социальной восприимчивости и чувствительности»» [6, с. 8]. Что же касается новых требований к личности руководителя, то Галина Михайловна формулирует целый ряд критериев, не только не потерявших свою актуальность и обозначающих вектор, ориентированный в будущее. Во-первых, это касается изменения «личного капитала» (термин Г.М. Андреевой) руководителя. В данном случае речь идет о мобилизации способностей и талантов, переориентации на успех с умением переживать неудачи, а также с умением действовать в ситуации неопределенности. Во-вторых, это связано с переосмыслением ориентации на власть. Существенным, с точки зрения Галины Михайловны, становится личная ответственность за принятие или непринятие решения руководителем, исключение безоговорочного подчинения и проявление осмотрительности при выполнении распоряжений вышестоящего руководства. В-третьих, понимание принципа «мыслим глобально — действуем локально», который в значительной степени связан с тем, что знаний о предмете и объекте управления у руководителя должно быть значительно больше, чем требуется для принятия верного решения. В-четвертых, осмысление своего места в изменившейся социальной структуре, предполагающее преодоление и уход от позиции «винтика» к позиции подлинного субъекта [6, с. 10].

Заканчивая краткий обзор тех научных направлений, своеобразных векторов развития нового подхода в социальной психологии, которые были определены и разработаны выдающимся социальным психологом Галиной Михайловной Андреевой, можно с уверенностью сказать, что они стали теоретико-методологическим основанием для понимания и объяснения не только фундаментальных проблем социально-психологического знания, выступили основными принципами междисциплинарных исследований, но и внесли огромный вклад в понимание происходящих социальных изменений.

Работы Г.М. Андреевой стали фундаментом для изучения не абстрактной картинки отдельных социально-психологических феноменов, а сложной целостной системы современной социальной жизни и основных векторов ее трансформации.

В одной из своих последних статей Галина Михайловна Андреева писала: «Практически для каждой из социальных проблем сегодня не только уместен и необходим, но и возможен системный социально-психологический анализ, результатом которого будет не просто упоминание значимости или распространенности того или иного явления в социальной реальности, но и рассмотрение его в более широком социальном контексте, выявление проблемы, в которую исследуемое явление включено» [9, с. 42].

Литература

1. Андреева Г.М. Процессы каузальной атрибуции в межличностном восприятии // Вопросы психологии. 1979. № 6, с. 26–38.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2002. 364 с.
4. Андреева Г.М. Социальная психология: векторы новой парадигмы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009а. Т. 2. № 3. С. 26–38. DOI:10.54359/ps.v2i3.1000

5. Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009б. 160 с.
6. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011а. Т. 4. № 20. DOI:10.54359/ps.v4i20.804
7. Андреева Г.М. Ролевой репертуар руководителя в условиях социальных трансформаций // Социальная психология и общество. 2011б. № 4. С. 5–14.
8. Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012. Т. 5. № 26. DOI:10.54359/ps.v5i26.731
9. Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
10. Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. 2013в. № 1(9). С. 39–49. DOI:2079-6617/2013.0106
11. Базаров Т.Ю. Влияние индивидуально-психологических характеристик членов группы на успешность совместно-творческой деятельности // Бизнес-психология в международной перспективе: коллективная монография. М.: Университетская книга, 2016. С. 233–246.
12. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 386 с.
13. Гришина Н.В. Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром // Национальный психологический журнал. 2024. № 3. С. 11–19.
14. Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 69–78.
15. Марцинковская Т.Д. Галина Михайловна Андреева – Константа в транзитивном мире // Константа в изменяющемся мире. К 100-летию Галины Михайловны Андреевой / Под ред. Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковской, О.А. Тихомандрицкой. М.: МИП, 2024. С. 9–28.
16. Марцинковская Т.Д., Хорошилов Д.А. Научная школа социальной психологии Г.М. Андреевой: традиции и современность // Вестник Московского ун-та. Серия 14 «Психология». 2022. № 3. С. 8–21. DOI:10.11621/vsp.2022.03.02
17. Марцинковская Т.Д., Хорошилов Д.А. Психология социального познания: перспективы развития в изменяющемся обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Том 13. № 1. С. 12–23.
18. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 687 с.
19. Соловьева О.В., Стефаненко Т.Г. К 40-летию кафедры социальной психологии // Вестник Московского ун-та. Серия 14 «Психология». 2012. № 1. С. 4–8.
20. Управление персоналом: учебник / под ред. Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 560 с.
21. Хорошилов Д.А. От социального познания – к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой) // Национальный психологический журнал. 2016. № 3(23). С. 76–85. DOI:10.11621/nprj2016.0311
22. Хорошилов Д.А. Распалась ли связь времен в социальной психологии? К 95-летию юбилею Г.М. Андреевой // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 3. С. 196–201.

References

1. Andreeva G.M. Protsessy kausal'noi atributsii v mezhlichnostnom vospriyatii [Processes of causal attribution in interpersonal perception]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 1979, no. 6, pp. 26–38. (In Russ.).
2. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2000. 288 p. (In Russ.).
3. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 364 p. (In Russ.).

4. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya: vektory novoi paradigmy [Elektronnyi resurs] [Social Psychology: Vectors of a New Paradigm]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies* PSYEDU.ru, 2009a, no. 2(3), pp. 26–38. DOI:10.54359/ps.v2i3.1000 (In Russ.).
5. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya segodnya: poiski i razmyshleniya [Social psychology now: search and reflections]. Moscow: NOU VPO MPSI, 2009b. 160 p. (In Russ.).
6. Andreeva G.M. K voprosu o krizise identichnosti v usloviyakh sotsial'nykh Transformatsii [Towards the problem of identity crisis amid the social transformations]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2011a, no. 4(20). PSYEDU.ru. DOI:10.54359/ps.v4i20.804 (In Russ.).
7. Andreeva G.M. Rolevoi repertuar rukovoditelya v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii [Role repertoire of a leader in the context of social transformations]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2011b, no. 4, pp. 5–14. (In Russ.).
8. Andreeva G.M. Prezentatsii identichnosti v kontekste vzaimodeistviya [Identity presentation in interaction context]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2012, no. 5(26), PSYEDU.ru. DOI:10.54359/ps.v5i26.731 (In Russ.).
9. Andreeva G.M. Obraz mira i/ili real'nyi mir? [Image of the world and/or real word?]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 2013, no. 3, pp. 33–43. (In Russ.).
10. Andreeva G.M. Sotsial'noe poznanie i sotsial'nye problem [Social cognition and social problems]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2013v., no. 1(9), pp. 39–49. DOI:2079-6617/2013.0106 (In Russ.).
11. Bazarov T.Yu. Vliyaniye individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik chlenov gruppy na uspeshnost' sovmestno-tvorcheskoi deyatel'nosti [The influence of individual psychological characteristics of group members on the success of joint creative activity]. *Biznes-psikhologiya v mezhdunarodnoi perspektive: kollektivnaya monografiya [Business Psychology in International Perspective: collective monograph]*. Moscow: Universitetskaya kniga, 2016, pp. 233–246. (In Russ.).
12. Bazarov T.Yu. Psikhologiya upravleniya personalom: uchebnik dlya vuzov [Psychology of personnel management: textbook for universities]. Moscow: Publ. Yurait, 2023. 386 p. (In Russ.).
13. Grishina N.V. Tselevye determinanty kak faktor integratsii cheloveka s okruzhayushchim mirom [Target determinants as a factor in human integration with the surrounding world]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2024, no. 3, pp. 11–19. (In Russ.).
14. Dontsov A.I., Dubovskaya E.M., Ulanovskaya I.M. Razrabotka kriteriev analiza sovmestnoi deyatel'nosti [Development of criteria for the analysis of joint activities]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 1998, no. 2, pp. 69–78. (In Russ.).
15. Martsinkovskaya T.D. Galina Mikhailovna Andreeva — Konstanta v tranzitivnom mire [Galina Mikhailovna Andreeva — Constant in a transitive world]. In Zinchenko Yu.P., Martsinkovskaya T.D., Tikhomandritskaya O.A. (eds.). *Konstanta v izmenyayushchemsya mire. K 100-letiyu Galiny Mikhailovny Andreevoi [Constant in a changing world. On the 100th anniversary of Galina Mikhailovna Andreeva]*. Moscow: MIP, 2024, pp. 9–28. (In Russ.).
16. Martsinkovskaya T.D., Khoroshilov D.A. Nauchnaya shkola sotsial'noi psikhologii G.M. Andreevoi: traditsii i sovremennost' [Scientific school of social psychology of G.M. Andreeva: traditions and modernity]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 14 «Psikhologiya» = Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 2022, no. 3, pp. 8–21. DOI:10.11621/vsp.2022.03.02 (In Russ.).
17. Martsinkovskaya T.D., Khoroshilov D.A. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya: perspektivy razvitiya v izmenyayushchemsya obshchestve [Psychology of social cognition: development prospects in a changing society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 12–23. (In Russ.).
18. Smelzer N. Sotsiologiya [Sociology]. Moscow: Feniks, 1994. 687 p.
19. Solov'eva O.V., Stefanenko T.G. K 40-letiyu kafedry sotsial'noi psikhologii [On the 40th anniversary of the Department of Social Psychology]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 14*

«Psikhologiya» = *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 2012, no. 1, pp. 4–8. (In Russ.).

20. Upravlenie personalom: uchebnik [Personnel management: textbook]. In Bazarov T.Yu., Eremin B.L. (eds.). Moscow: YuNITI-DANA, 2008. 560 p. (In Russ.).

21. Khoroshilov D.A. Ot sotsial'nogo poznaniya — k epistemologii obshchestva (pamyati G.M. Andreevoi) [From social cognition to social epistemology]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2016, no. 3(23), pp. 76–85. DOI:10.11621/npj2016.0311 (In Russ.).

22. Khoroshilov D.A. Raspalas' li svyaz' vremen v sotsial'noi psikhologii? K 95-letnemu yubileyu G.M. Andreevoi [The continuity of the knowledge in Social Psychology, could it be possible? Commemoration to the 95th anniversary of G.M. Andreeva]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 196–201. (In Russ.).

Информация об авторах

Тахир Юсупович Базаров, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Ольга Алексеевна Тихомандрицкая, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9072-1826>, e-mail: otihomandr@mail.ru

Екатерина Михайловна Дубовская, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>, e-mail: dubovskaya13@gmail.com

Information about the authors

Tahir Yu. Bazarov, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-3932>, e-mail: tbazarov@mail.ru

Olga A. Tikhomandritskaya, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9072-1826>, e-mail: otihomandr@mail.ru

Ekaterina M. Dubovskaya, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>, e-mail: dubovskaya13@gmail.com

Получена 26.09.2024

Received 26.09.2024

Принята в печать 30.09.2024

Accepted 30.09.2024

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
Факс +7 (495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс – 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.pressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Корректор *А.А. Буторина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
fax: +7(495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index – 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.pressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Technical editor *А.А. Буторина*
Maker-up *М.А. Баскакова*